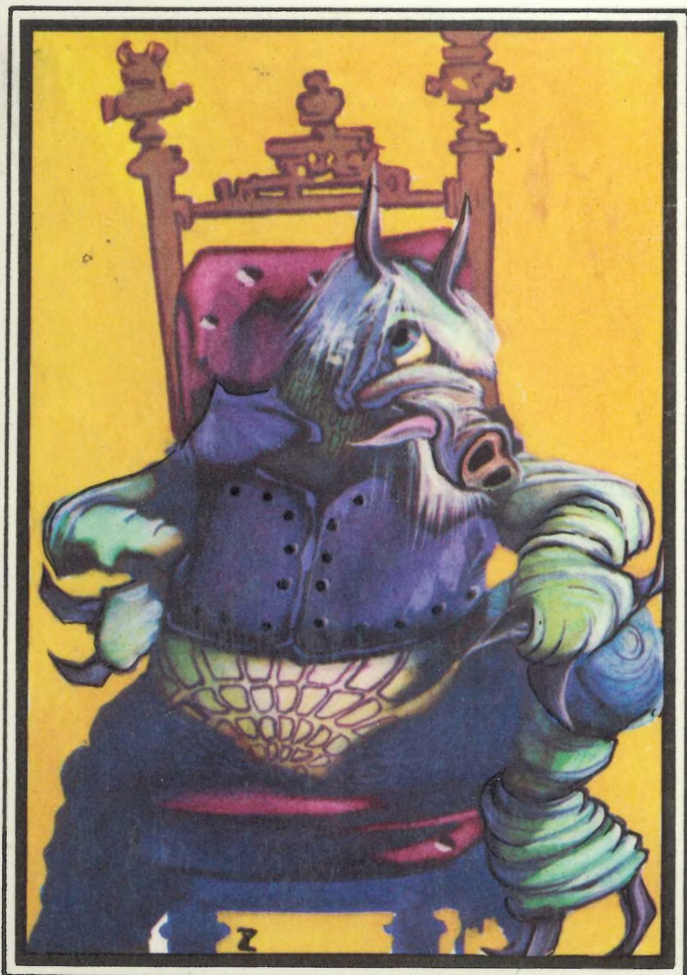

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

4

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume four

**THE STAINLESS
STEEL RAT
WANTS YOU!**

**THE STAINLESS
STEEL RAT
FOR PRESIDENT**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга четвертая

**ТЫ НУЖЕН
СТАЛЬНОЙ КРЫСЕ
СТАЛЬНУЮ КРЫСУ-
В ПРЕЗИДЕНТЫ !**

Издательская фирма «Полярис»

1993

The Stainless Steel Rat Wants You!
Copyright © 1978 by Harry Harrison

The Stainless Steel Rat for President
Copyright © 1982 by Harry Harrison

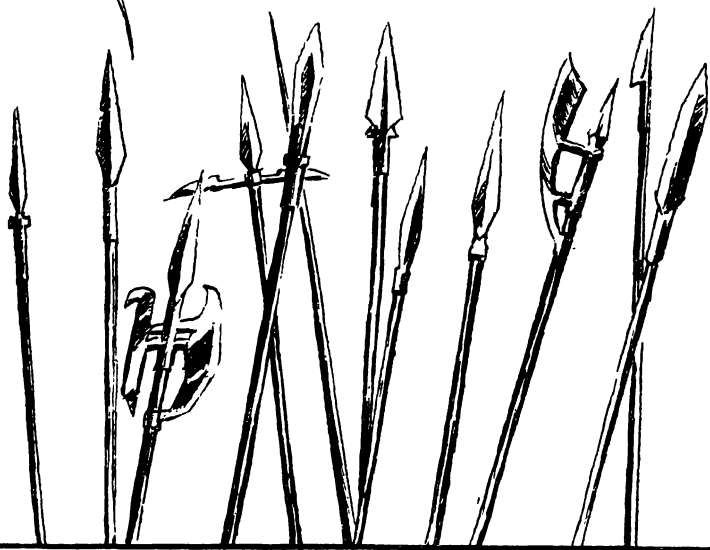
© 1992 Издательская фирма «Полярис», *перевод на русский язык, оформление, составление, название серии.*

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента.**

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-88132-021-2

ТЫ НУЖЕН СТАЛЬНОЙ КРЫСЕ

Глава 1

Блодгетт — мирная планета. Светит оранжевое солнце, легкий бриз несет прохладу, а тишину лишь изредка нарушает приглушенный шум ракет в космопорту. Спокойная обстановка. Слишком спокойная для такого человека, как я. Человека, которому постоянно надо быть начеку, готовому к разным неожиданностям. Признаюсь, что я совсем забыл об этом, когда раздалась трель дверного звонка. Стоя под горячими струями душа, я расслабился, как дремлющий кот.

«Я открою!» — услышал я голос Анжелины, старавшейся перекричать шум воды. Я хмыкнул, с сожалением закрытил кран и вышел из душа.

Автомат обдал меня потоком теплого воздуха, а распыленный лосьон слегка пощипывал нос. От неземного наслаждения я, голый, как в день своего появления на свет, не считая, понятное дело, некоторых приспособлений, которые всегда при мне, мурлыкал какой-то мотивчик. В жизни случаются счастливые моменты, и, глядя в зеркало на свое крепкое тело, обветренное лицо и седоватые виски, я ни о чем не волновался.

Внезапно у меня в голове появились тревожные мысли. Предчувствие? Нет, стремительный бег секунд. Слишком долго не возвращалась Анжелина. Что-то случилось.

Я выскочил в коридор и преодолел его одним прыжком. Дом был пуст. Распахнув дверь, я, как цапля, запрыгал на одной ноге, пытаюсь вытащить пистолет из кобуры на лодыжке. У меня глаза на лоб вылезли, когда я увидел, что два широкоплечих типа заталкивают мою Анжелину в черный автомобиль. Когда он рванул с места, я послал ему вдогонку пару пуль, стараясь продырявить шины. Но похитители быстро затерялись в потоке других машин, и от стрельбы пришлось отказаться.

Анжелина! От злости я заскрежетал зубами и пальнул пару раз в воздух, чтобы отпугнуть зевак, любовавшихся моим видом. Сосредоточившись, я запомнил номер черного автомобиля.

Вернувшись в дом, я сначала, как и всякий порядочный гражданин, решил позвонить в полицию, но так как я всегда был плохим гражданином, то сразу же отбросил эту мысль. Скользкий Джим диГриз ужасен в гневе! Я сам отомщу похитителям. Включив компьютер, я прижал большой палец к идентификатору, набрал личный код, а затем — номер черного автомобиля. Не слишком сложная задача для планетарного компьютера. Данные появились на экране, как только я ткнул в кнопку «Ответ».

Взглянув на экран, я без сил плюхнулся в кресло. Они похитили ее...

Это было гораздо хуже, чем я предполагал. Только не надо думать, что я трус. Совсем наоборот. Перед вами человек, прошедший через все передраги преступной жизни. Человек, который, вдобавок ко всему, немало испытал, борясь с другими преступниками в качестве агента Специального Корпуса, межпланетной организации, использовавшей одних мошенников для поимки других. То, что за эти годы я не свихнулся и не потерял сноровку, говорит о моих обостренных рефлексах и незаурядном уме. Теперь придется использовать накопленный опыт, чтобы вытащить мою любимую жену из лап этих негодяев. Прежде чем приступить к действиям, надо было как следует пораскинуть мозгами. Хотя день только начался, я вытащил бутылку виски и налил себе полный стакан, чтобы подстегнуть ход мыслей.

После первого же глотка я понял, что к этому делу придется подключить и ребят. Мы с Анжелиной, как любящие родители, всегда пытались оградить их от жестокой реальности жизни, но теперь это время кончилось. До выпуска в школе оставалось еще несколько дней, но я был уверен, что дело можно ускорить, оказав соответствующее влияние на нужных людей. Надо же — ребятам уже по восемнадцать лет. Как летит время. А их мать — Анжелина, мое похищенное сокровище! — все так же прекрасна, как и раньше. А я с годами так и не стал умнее. Седина на висках не притупила жажды к обогащению.

Предаваясь воспоминаниям, я, тем не менее, времени не терял. Одевшись и обувшись, я рассовал по карманам несколько смертоносных принадлежностей. Застегнув последнюю молнию, я побежал в гараж. Как только ворота открылись, мой ярко-красный «Файрбом 8000» с ревом вылетел на улицу, распутивая унылых граждан мирной планеты Блодгетт.

Единственная причина, по которой мы остановились на этой идиллической планете, заключалась в том, что мы хотели быть рядом с детьми, пока они не окончат школу. Я бы покинул эту планету без всяких сожалений. На меня угнетающе действовали не только ее сельскохозяйственные уголья, но и разросшийся до невероятных размеров бюрократический аппарат. Из-за удобного расположения вблизи нескольких звездных систем и благоприятного климата ее облюбовали себе бюрократы и администраторы Лиги, понастроившие здесь целую сеть государственных учреждений. Лично я предпочитаю иметь дело с фермерами.

Я, как стрела, несся по дороге. Закончились фермы, исчезли деревья, и теперь по обе стороны тянулись каменистые гряды. Холодный воздух как нельзя лучше подходил к этим сумрачным скалам. Я поежился от утреннего тумана, взглянув на возвышавшиеся впереди стены из грубо отесанного камня.

Пока решетка крепостных ворот со скрежетом поднималась вверх, я еще раз посмотрел на стальные буквы на табличке: **ВОЕННАЯ ШКОЛА ТЮРЕМНОГО ТИПА ДОРСКИ.**

Именно здесь были заточены мои сыновья. Как отец я не одобрял подобных методов, но как гражданин — голосовал за них обеими руками. Это должно укрепить дух ребят, на которых все смотрели с подозрением. До того, как они поступили в эту школу, их выгоняли из двухсот четырнадцати учебных заведений. Три школы сгорели при странных обстоятельствах. Одна взорвалась. Правда, я не верю, что попытка массового самоубийства учителей еще одной школы каким-то образом связана с моими сыновьями, как это утверждали злые языки. В любом случае здесь они нашли достойного противника в лице старого полковника Дорски. Когда его выпроводили из армии на пенсию, он открыл это училище и приложил все свое умение, опыт и садизм, чтобы оно функционировало, как следует. Мои ребята нехотя прошли курс, отмучившись положенный срок, и через несколько дней после торжественной церемонии их должны выпустить на поруки. Но это мероприятие надо теперь немного ускорить.

Как всегда, я сдал свое оружие, прошел через рентгеновский контроль и, преодолев несколько стальных автоматических дверей, вышел на плац. По нему бродили ученики, замученные жестокой дисциплиной и режимом. Но на лужайке с железобетонной травой я увидел двух неунывающих мальчишек, которых не могли сломить никакие трудности. Я пронзительно свистнул, и они, побросав свои книжки, радостно бросились ко мне.

После теплых объятий я поднялся с земли, отряхнул с себя пыль и показал им, что старый пес еще может научить кое-чему своих щенков. Смеясь, они потирали ушибленные места. Невысокого роста, как их мама, они были красивы и мускулисты, как быки. Когда они покинут стены школы, отцы, у которых подрастают дочери, должны будут обзавестись дробовиками.

— Что это за приемчик с локтем, па? — спросил Джеймс.

— Потом объясню. Я приехал, чтобы ускорить ваш выпуск, потому что у вашей мамы кое-какие неприятности.

Улыбки слетели с их лиц, и они внимательно выслушали мой рассказ, одобрительно кивая.

— Что ж, — сказал Боливар, — вырубим старого Дорски и смоемся отсюда...

— ... чтобы принять соответствующие меры, — закончил за него Джеймс.

Им часто в голову приходили одни и те же мысли.

Мы резво направились к зданию — сто двадцать шагов в минуту. Пройдя по коридору, где к стенам были прикованы скелеты, мы подошли к главной лестнице, по которой непрерывно стекала вода, и оказались возле кабинета директора.

— Сюда нельзя! — Здоровенный натренированный секретарь-телохранитель вскочил на ноги.

Не останавливаясь, мы перешагнули через его рухнувшее тело. Дорски ждал нас с пистолетом в руке.

— Уберите оружие, — сказал я. — Дело не терпит отлагательств. Я хочу, чтобы мои сыновья покинули школу сегодня. Будьте так любезны, выдайте им свидетельства об образовании и справки о том, что они отбыли полный срок.

— Катитесь к черту! Никаких исключений! Вон отсюда! — предложил он.

Усмехнувшись, я посмотрел на пистолет в его руке и решил, что объяснение подействует лучше, чем насилие.

— У нас неприятности. Мою жену, мать этих ребятишек, арестовали сегодня утром.

— Этого следовало ожидать. Ваш образ жизни абсолютно неприемлем для добропорядочных людей. А теперь убирайтесь!

— Слушай ты, тупорылый и скудоумный военный динозавр. Я пришел сюда не за твоими советами. Будь это обычный арест, Анжелина справилась бы с представителями власти, как только открыла им дверь. Полицейские, детективы, офицеры военных патрулей и таможенных служб — никто не устоит перед моей милой Анжелиной в гневе.

— Ну и что? — несколько удивленно спросил Дорски, не опуская пистолета.

— Она ушла с ними по своей воле, чтобы дать мне время. Время, в котором я так нуждаюсь. Я проверил

номер их машины. Эти головорезы... — я глубоко вздохнул, — /... агенты Межпланетного Департамента Налогов и Сборов.

— Налоговая инспекция! — присвистнул Дорски, и его глаза налились кровью.

Пистолет исчез в ящике стола.

— Джеймс диГриз, Боливар диГриз — шаг вперед. Я вручаю вам эти свидетельства об окончании вашей никудышной учебы. Теперь вы — выпускники Военной школы тюремного типа Дорски, и я надеюсь, что, ложась спать, вы каждый раз будете вспоминать ее с проклятием на устах. Я бы пожал вам руки, но мои кости слишком хрупки, и я давно не занимался рукопашной борьбой. Идите за своим отцом и помогайте ему в борьбе со злом. Благословляю вас.

Вот и все. Через минуту мы уже садились в машину. Детские годы остались позади, и теперь ребята вступали в мир настоящих мужчин.

— Они не причинят зла маме? — спросил Джеймс.

— Ведь после этого им уже не жить, — добавил Боливар, и я услышал, как он заскрежетал зубами.

— Конечно, нет. Мы быстро освободим ее, как только доберемся до архивных записей.

— Что еще за архивные записи? — поинтересовался Боливар. — И почему грязный Дорски так быстро пошел на попятную? Это на него не похоже.

— Дело в том, что, несмотря на глупость и садизм, он такой же человек, как и все остальные. Как и мы, он ненавидит сборщиков налогов.

— Не понимаю, — сказал Джеймс, хватаясь за ручку дверцы, когда на крутом повороте машина пронеслась в миллиметре от края пропасти.

— К сожалению, скоро ты все поймешь, — ответил я. — Пока вы тратили деньги, а не зарабатывали их, вы были защищены от всяких неприятностей. Скоро вы сами начнете зарабатывать себе на жизнь, и вместе с первой кредиткой, заработанной нелегким трудом, появится и сборщик налогов. Пронзительно каркая, он станет кружить вокруг, пока не взгромоздится на плечо и не выхватит своим желтым клювом большую часть ваших денег.

— Впечатляющая картина...

— Это чистая правда, — пробормотал я, выруливая на скоростное шоссе. — Большому правительству нужен большой бюрократический аппарат, соответственно и большие налоги. Настоящий порочный круг. Стоит тебе раз увязнуть в этой системе, как с каждым разом налоги становятся все больше и больше. Мы с вашей мамой отложили немного денег, чтобы обеспечить ваше будущее. Деньги, заработанные еще до вашего рождения...

— Деньги, несправедливо нажитые еще до нашего рождения, — уточнил Боливар. — Доходы от нелегальных операций в десятках разных миров.

— Ничего подобного!

— Именно так, папа, — сказал Джеймс. — Мы проследили по архивам источники этих накоплений.

— Все это давно в прошлом!

— Надеемся, что нет! — хором сказали близнецы. — Что станет с Галактикой, если в ней переведутся Стальные крысы? Вспомни, как ты рассказывал нам перед сном, что ограбления банков оздоравливают экономику. Это дает работу скучающим полицейским, газетам есть о чем писать, читателям — о чем читать. Страховые компании компенсируют потери, деньги поступают в оборот, и в экономике наступает подъем. Настоящая филантропия.

— Нет! Я не хотел воспитать из своих сыновей мошенников!

— Разве?

— Ну... Я хотел воспитать вас хорошими мошенниками. Чтобы вы воровали только у богатых, никому не причиняли вреда, были вежливыми и дружелюбными. Такими мошенниками, чтобы вас взяли в Специальный Корпус, где вы бы служили Человечеству, отслеживая настоящих бандитов.

— А каких настоящих бандитов мы отслеживаем сейчас?

— Сборщиков налогов! Пока мы с вашей мамой воровали и тратили деньги, у нас не возникало никаких проблем. Но как только мы стали получать жалованье в Спецкорпусе, мы сразу же столкнулись с людьми из налогового управления. Мы допустили мелкие неточности в наших налоговых декларациях...

— То есть не сообщили о своих доходах? — с невинным видом спросил Джеймс.

— Да, нечто в этом роде. Мы и не думали, что так скоро окажемся в их лапах. Лучше бы мы продолжали грабить банки. Играя по их правилам, мы скоро увязли в аудиторных проверках и судебных разбирательствах. Есть только один способ покончить с этим раз и навсегда. Поэтому ваша мама и не стала сопротивляться этим финансовым вампирам. Чтобы я остался на свободе и освободил нас всех, перерубив этот гордиев узел.

— И что мы должны сделать? — хором спросили близнецы.

— Уничтожить все данные о наших доходах в их архиве, вот что. После этого мы станем свободными и счастливыми.

Глава 2

Сидя в темном салоне машины, я нервно грыз ногти.

— Это никуда не годится, — наконец сказал я. — Я признаю себя виновным. Разве можно толкать двух невинных мальчишек на преступный путь?

С заднего сидения послышалось возмущенное фырканье. Затем дверцы хлопнули, и, не успев я повернуться, как ребят уже и след простыл. Куда они побежали? Неужели сами решили проверить это дело? Какие опасности поджидают их? Я пытался найти ответы на эти вопросы, когда услышал приближавшиеся шаги. Я вышел из машины. Сыновья подошли ко мне с суровыми и решительными лицами.

— Меня зовут Джеймс, — сказал Джеймс. — А это брат Боливар. Нам исполнилось по восемнадцать лет, и по закону мы считаемся взрослыми. Мы имеем право пить, курить, ругаться и заигрывать с девушками. Если у нас возникнет желание, мы можем нарушать законы любой планеты, зная, что, если мы попадемся, нам грозит наказание. До нас дошли слухи, что ты, Скользящий Джим, как раз собираешься нарушить закон ради справедливого дела. Мы хотим тебе помочь. Что ты скажешь на это, папа?

Что я мог сказать? Может, у меня в горле стоял комок или в уголке глаза появилась слеза? Надеюсь, что нет. Эмоции и преступления несовместимы.

— Ладно! — рявкнул я на манер сержанта наставника. — Я зачисляю вас в свою команду. Ваше дело — выполнять приказы. Вопросы задавайте лишь в том случае, когда приказ неясен. Повторяйте все за мной и делайте все, что я скажу. Согласны?

— Согласны! — хором ответили ребята.

— Тогда положите эти приспособления в свои карманы. Вы надели перчатки с фальшивыми отпечатками пальцев? — Они подняли руки, блеснувшие в свете уличных фонарей. — Хорошо. Рад вам доложить, что вы будете оставлять отпечатки пальцев мэра города и начальника полиции. Это лишь усилит суматоху и неразбериху. Так, знаете ли вы, чем вам предстоит заняться? Конечно, нет! За углом находится большое здание. Это штаб-квартира МДНС — Межпланетного Департамента Налогов и Сборов. Там хранятся архивы, касающиеся их преступной деятельности...

— Ты хотел сказать, твоей деятельности, папа?

— Это с какой стороны посмотреть, сынок. Им не нравится то, чем я занимаюсь, а я ненавижу их методы работы. Сегодня мы попытаемся сравнять счет. В здание МДНС так просто не войдешь — там надежная охрана. Мы войдем в соседнее здание, которое я выбрал потому, что оно примыкает к штаб-квартире налогового управления.

Мы разговаривали на ходу. Вдруг мои ребята остановились, увидев впереди огромную толпу перед залитым светом зданием. С включенными сиренами подъезжали правительственные лимузины, повсюду стояли телевизионные камеры, разноцветные прожекторы освещали небо.

— Неплохая маскировка? Кому в голову придет, что мы осуществим нашу операцию именно здесь? Сегодня премьера оперы «Огненные колесницы».

— А билеты?

— Купил сегодня у спекулянта по бешеной цене. Пошли.

Протиснувшись сквозь толпу, мы предъявили билеты контролеру и поднялись на верхний ярус. Здесь плохие места, но я не собирался слушать завывания певцов. Главное, что мы находились в верхней части здания. Сначала мы прошли в бар, где я освежился пивом, с удовлетворением отметив, что ребята заказа-

ли себе безалкогольные напитки. Впрочем, их другие поступки меня огорчили.

Подвинувшись к Боливару, я сильно нажал указательным пальцем на нерв, парализующий руку.

— Ты ведешь себя недостойно, — сказал я, когда его пальцы разжались, и бриллиантовый браслет упал на ковер.

Я коснулся плеча пышной дамы и, когда она повернулась, указал на драгоценность.

— Извините, мадам. Это не у вас упал браслет? Да? Позвольте, я сам. Это доставит мне удовольствие. Спасибо.

Повернувшись, я двинул Джеймса по ребрам. Он поднял руки, показывая, что сдается.

— Намек понял, папа. Просто захотелось потренироваться. Я уже вернул бумажник в карман джентльмена, как только увидел, что Боливар потирает онемевшую руку.

— Вот и молодец. Больше никаких фокусов. Сегодня нам предстоит серьезное дело и не стоит рисковать по пустякам. Третий звонок. Допивайте и пошли.

— На наши места?

— Нет, разумеется. В туалет.

Мы заняли три кабинки, взобравшись на унитазы, чтобы наши ноги не были видны. Затем подождали, пока стихнут последние шаги. Потом до наших ушей донеслись первые пронзительные звуки оперы. Шум спускаемой в унитазе воды был куда мелодичнее.

— Пошли, — сказал я, и мы принялись за дело.

Вогнястый глаз на конце влажного щупальца наблюдал за их уходом. Щупальце высывалось из корзинки для мусора. Тело, которому оно принадлежало, было отвратительным. Шишковатое, уродливое, с когтистыми лапами. Совсем несимпатичное.

— Похоже, ты неплохо тут ориентируешься, — заметил Боливар, когда мы открыли дверь с надписью «Проход воспрещен» и пошли по темному коридору.

— Когда я покупал билеты, то заодно провел небольшую рекогносцировку... Сюда.

Я разрешил ребятам самим отключить сигнализацию и довольно хмыкнул, видя, как они ловко справились с этим делом. Они даже капнули немного смазки, прежде чем бесшумно открыть окно. Метрах в пяти от нас высилась темная громадина здания.

— Это оно? — спросил Боливар.

— Даже если так, то как мы туда попадем? — поинтересовался Джеймс.

— Это оно, а попадем мы туда при помощи этой штуки. — Я вытащил из кармана предмет, по форме напоминавший пистолет. — У этой штуковины нет названия, потому что я сам ее придумал и смастерил. Когда нажимаешь на спусковой крючок, из дула с огромной скоростью вылетает маленькая пуля, за которой тянется прочная мономолекулярная нить. Вы хотите знать, что происходит потом? С удовольствием вам отвечу. При выстреле в пуле включается мощная батарея, действующая в течение пятнадцати секунд. За это время вокруг пули создается магнитное поле, и она прилипает к металлической поверхности, а нить может выдержать груз весом до одной тонны. Просто, не правда ли?

— Ты уверен, что все так просто, папа? — озабоченно спросил Боливар. — Как ты узнаешь, что в такой темноте ты попадешь в какую-нибудь металлическую штуку?

— По двум причинам, мой неверующий сын. Сегодня утром я заметил, что на каждом этаже имеется стальной карниз. Во-вторых, эта пуля сама находит какой-нибудь стальной или железный предмет. В полете она меняет траекторию, чтобы найти подходящее гнездышко для приземления. Джеймс, у тебя есть веревка? Отлично. Возьми один конец и привяжи его вон к той трубе. А второй дай мне. Вы оба наденьте бронированные перчатки? Прекрасно. Преодоление бездонной пропасти пойдет лишь на пользу вашим мускулам. Я закреплю веревку с той стороны и дерну за нее три раза. Это сигнал, по которому вы можете перебираться ко мне. Ну, пока.

Я прицелился.

— Удачи, — сказал Боливар.

— Спасибо. Я благодарен за пожелание, но оно здесь неуместно. Стальные крысы, живущие среди бетона и стекла, должны сами заботиться о своей удаче.

Воодушевленный своей собственной философией, я нажал на спусковой крючок. Через секунду пуля громко звякнула, примагнитившись к металлу. Я нажал на кнопку, приводившую в действие механизм сматывания нити, и прыгнул в окно. Пятнадцать секунд, — это не так много. Я согнулся, вытянул ноги и, бормоча проклятия, врезался в стену. Удар пришелся на левую ногу, и, даже если она не сломалась, то боль была просто невыносимой. Когда я тренировался дома, такого со мной не случалось. Секунды летели, а я беспомощно висел, раскачиваясь в темноте.

Несмотря на адскую боль, об ушибленной ноге мне пришлось забыть. Правой ногой я нащупал край рамы окна. Сильно оттолкнувшись от стены, я немного соскользнул вниз по мономолекулярной нити. Описав кривую, я со всего размаха врезался здоровой ногой в окно.

Разумеется, ничего из этого не вышло, так как сейчас стекла делают довольно крепкими. Но я уперся ногой в подоконник, стараясь вцепиться пальцами в раму. Именно в этот момент магнитное поле отключилось, и теперь я мог рассчитывать только на свои силы.

Довольно неприятный момент. Я держался за раму тремя пальцами, балансируя на одной ноге, ненадежно стоявшей на подоконнике. Вторая нога болталась, как палка саями. Внизу чернела пустота. Одно неверное движение — и смерть обеспечена.

— Все в порядке, папа? — раздался за моей спиной шепот одного из близнецов.

Лишь невероятным усилием воли мне удалось сжать губы, чтобы с них не сорвались ругательства, которые детям слышать не полагается. Особенно от родителей. Я с трудом выдавил из себя нечто похожее на «Ничего...», пытаясь удержать равновесие. Это мне удалось, хотя пальцы уже ослабли. С величайшей осторожностью я прицепил к поясу уже ненужное

приспособление и сунул руку в карман, где у меня лежал стеклорез.

Времени было в обрез. Обычно я сначала устанавливаю присоску, вырезаю небольшой участок стекла, просовываю туда руку, открываю защелку и т. д. Но сейчас мне было не до этого. Одним движением я начертил стеклорезом неровный круг и тут же ударил по стеклу кулаком. Оно упало в комнату, я швырнул в отверстие стеклорез и, подавшись вперед, ухватился за раму.

Стекло громко звякнуло, ударившись о пол, и в этот момент моя нога соскользнула с подоконника. Я повис на одной руке, стараясь не замечать боль от стекла, впившегося мне в ладонь. Затем я стал медленно подтягиваться на одной руке — хорошо, что я постоянно занимаюсь спортом, — пока не ухватился за раму второй рукой.

После этого было все очень просто, хотя мне мешала кровь, капавшая с порезанной руки. Отдыхавшись, я пробормотал пару проклятий. До меня не доносилось ни звука. Звон разбитого стекла никто не услышал. Ребята тоже молчали, хотя я знал, что они волнуются за меня. Посветив фонариком, я крепко привязал конец веревки к стальной трубе. Затем я три раза дернул за веревку.

Через пару минут ребята уже стояли рядом со мной.

— Мы так беспокоились за тебя, — сказал Джеймс.

— Я и сам за себя беспокоился. Быстренько откройте аптечку и перевяжите мне руку. Вы ведь знаете, что кровь — это улика.

Порезы были неглубокими, и ребята быстро справились с ними. Нога еще здорово болела, но я уже мог на нее наступать. Я немного походил по комнате.

— Ну все, — наконец сказал я. — Теперь нам не о чем волноваться.

Выйдя из комнаты, я быстро заковылял по темному коридору, чтобы как следует разработать ногу. Так что ребята были метрах в трех позади меня, когда я завернул за угол и услышал голос:

— Ни с места, диГриз! Ты арестован!

Глава 3

В жизни часто случаются подобные моменты. По крайней мере, в моей жизни. Не стану говорить за других. Это ужасно неприятно и даже смертельно для тех, кто к ним не готов. К счастью, основываясь на богатом опыте, я предвидел такую ситуацию. Не успело еще стихнуть эхо, как я швырнул вперед маскировочную гранату. Она глухо рванула, из нее вырвалось черное облако дыма, и до меня донеслись недовольные крики. Чтобы немного поразвлечь противника, я швырнул в дымовую завесу имитатор перестрелки. Это небольшое приспособление производит столько шума, что, кажется, идет небольшая война, а во все стороны разлетаются капсулы с веселящим газом. Должен сказать, что это всегда приводит к немыслимой суматохе. Я повернулся к ребятам, которые замерли с вытаращенными глазами. Приложив палец к губам, я сделал жест рукой, чтобы они возвращались обратно. Подальше от этого адского грохота.

— Здесь мы расстанемся, — сказал я. — Вот вам компьютерные коды к программам.

Боливар машинально взял их, а потом помотал головой, пытаясь привести в порядок свои мысли.

— Папа, может, ты объяснишь...

— Конечно. Когда я выдавил стекло, я знал, что даже малейший шум тут же засекут детекторные сигнализаторы. Поэтому я сразу перешел к плану Б, не сообщив вам об этом. По плану Б я совершаю отвлекающий маневр, а вы тем временем пробираетесь к компьютерам и завершаете операцию. Используя свое служебное положение агента Спецкорпуса, я узнал все, что необходимо для доступа к компьютерам МДНС. Стоит только ввести нужную команду, как в памяти сотрутся все данные на людей, обитающих в радиусе нескольких световых лет. Повезет тем, чья фамилия начинается на букву Д. Иногда я думаю...

— Папа!

— Знаю, знаю. Я отвлекся. После этого вы сотрете все данные на буквы У и П, чтобы уничтожение записей нельзя было связать с моим присутствием в этом здании. Буквы выбраны не случайно...

— Потому что «дуп» — самое оскорбительное слово в местном жаргоне.

— Правильно, Джеймс. Твой котелок сегодня варит как надо. Закончив операцию, вы сможете покинуть здание через окно и смешаться с толпой. Что может быть проще?

— Но ведь тебя арестуют, папа! — возразил Боливар. — Мы не можем бросить тебя.

— Я благодарен вам, но ничего не выйдет. Кровь легче идентифицировать, чем отпечатки пальцев, а там наверху я оставил целую лужу. Поэтому, если я смоюсь, меня будут разыскивать как беглого преступника. Кроме того, они меня уже заметили. К тому же ваша мама в тюрьме, и я жду не дождусь, когда смогу ее увидеть. Когда вы уничтожите все данные в компьютере, меня могут обвинить разве что в проникновении со взломом в служебное помещение. Я внесу залог, выйду из тюрьмы, и мы навсегда распрощаемся с этой планетой.

— Они могут не выпустить тебя под залог, — обеспокоенно сказал Джеймс.

— В этом случае мы сами удерем из местной тюрьмы. Не беспокойтесь. Делайте свое дело, а я буду делать свое. Потом возвращайтесь домой и ждите моего звонка. Ну, вперед!

Ребята послушно ушли. Я вернулся на поле битвы, предварительно надев защитные очки и вставив носовые фильтры. У меня было полно гранат — дымовых, парализующих, слезоточивых и рвотных. От действий МДНС меня не раз тошнило, и поэтому я решил отплатить им той же монетой. Что я и сделал с превеликим удовольствием. Кто-то начал палить из пистолета. Вот дурак. У него было гораздо больше шансов уложить своих товарищей, чем меня. Пройдя через дымовую завесу, я нашел его, сбил с ног одним ударом и забрал пистолет. Всю обойму я выпустил в потолок.

— Вам никогда не поймать Скользкого Джима! — закричал я в темноту и устроил веселую игру в прятки с этими финансовыми пиратами.

Я прикинул, сколько времени понадобится моим ребятам на работу, для верности добавил еще пятнадцать минут, а потом устало плюхнулся в директорское кресло и, закулив одну из его сигар, принял расслабленную позу.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — завопил я, обращаясь к измученным преследователям. — Мне вас никогда не перехитрить. Только пообещайте, что не станете меня пытать.

Они с опаской вошли в кабинет. Крупные чины местной полиции и целая рота вооруженных солдат.

— И все ради меня? — спросил я, выпустив в их сторону колечко дыма. — Я польщен. Кстати, хочу сделать заявление для прессы, как меня похитили и принесли сюда в бессознательном состоянии. Мне нужен адвокат.

С чувством юмора у них было туго, поэтому, когда мы выходили, улыбался только я один. Завыли сирены, и машины рванули с места. В наручниках меня везли в тюрьму.

Впрочем, не в тюрьму, и это удивительно. Мы подъехали к тюремным воротам и остановились. Понеслись крики, кое-кто даже размахивал руками из окна. Меня снова запихнули в машину, и мы понеслись к центру города. К моему удивлению, прежде чем ввести в здание, с меня сняли наручники. Я понял, что происходит нечто странное, когда пинок в зад под-

толкнул меня к двери без таблички. Дверь за мной захлопнулась, я привел в порядок одежду и изумленно поднял брови, увидев в кресле за столом знакомую фигуру.

— Какой приятный сюрприз, — сказал я. — Как дела?

— Тебя бы следовало пристрелить, диГриз! — рывкнул сидевший за столом человек.

Это был Инскипп, мой босс, глава Специального Корпуса, один из самых могущественных людей в Галактике. Лига поручила Специальному Корпусу поддерживать межпланетный порядок, и он делал это по своим правилам. И не всегда придерживался закона. Говорят, что только мошенник может поймать другого мошенника, и сам Инскипп служил этому примером. До того как возглавить Корпус, Инскипп был самым талантливым мошенником во всей Галактике, вдохновляя нас своими подвигами. Я вынужден признать, что и мое поведение в былые годы трудно назвать образцовым. Но затем я стал служить силам добра. Правда, добропорядочным гражданином я так и не стал. Иногда меня все еще тянет на старое. Вытащив из кармана пистолет с холостыми патронами, который я держу как раз для таких случаев, я приставил дуло к виску.

— Если великий Инскипп считает, что меня надо пристрелить, я сам совершу этот акт. Прощай, жестокий мир...

Я нажал на спусковой крючок, и пистолет громко хлопнул.

— Хватит дурачиться, диГриз, дело серьезное.

— У вас всегда все серьезно, хотя я считаю, что легкомыслие положительно влияет на пищеварение. Позвольте, я сниму с вашего плеча эту пылинку.

Я так и сделал, заодно вытащив из его кармана портсигар. Он был так озабочен, что заметил это лишь тогда, когда я зажег сигару и предложил закурить ему. Он вырвал портсигар у меня из рук.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

— Разумеется. С чего бы это вы стали ловить меня и заниматься прочей ерундой. Где моя дорогая Анжелина?

— Ее выпустили из тюрьмы, и сейчас она направляется домой к своим бандитским сыночкам. Эти идиоты из МДНС не знают, что произошло с их архивами. Но я знаю. Впрочем, забудем об этом. В космопорту тебя ждет корабль, отправляющийся на Какалак-2.

— Захудалая планета, вращающаяся вокруг темной звезды... И что я найду в таком неудобном местечке?

— Речь идет о том, что ты там не найдешь. Там была спутниковая база, на которой проводились ежегодные конференции начальников штабов всех флотов Лиги.

— Если я не ошибаюсь, вы сделали ударение на слове *была*?

— Не ошибаешься. Спутник с адмиралами бесследно исчез. — Мы понятия не имеем, что произошло.

— Кто станет печалиться об их исчезновении? Я полагаю, младшие чины будут прыгать от радости...

— Оставь свои шутки при себе, диГриз. Представь, какой будет скандал, если об этом узнает пресса. А какой урон это нанесет нашей обороне.

— Я думаю, об этом не стоит беспокоиться. Пока на горизонте не видно межгалактических полчищ врагов. В любом случае, прежде чем мы вылетим, я хотел бы позвонить домой.

За вентиляционной вытяжкой, присосавшись щупальцами к стене, висела тварь. Поморгав огромными зелеными глазами, она издала несколько чавкающих звуков и заскрежетала красными, остро заточенными зубами. Тварь ужасно воняла.

— Скользкий Джим, все это кажется слишком подозрительным и совсем мне не нравится, — сказала Анжелина с видеозэкрана, метая глазами молнии.

Как я любил ее несдержанность.

— Что ты, моя милая, — солгал я. — Просто срочное задание. Работенка на пару дней. А потом я сразу

же вернусь домой. Теперь, когда ребята закончили школу, покопайся в старых туристических проспектах и подыщи подходящее местечко для отдыха.

— Я рада, что ты вспомнил о своих сыновьях. Они заявили домой несколько минут назад грязные и усталые. Говорят, что без твоего разрешения не скажут ни слова.

— Это действительно так. Скажи им «Отец дает добро», и они расскажут тебе о наших сегодняшних приключениях. До встречи, любовь моя.

Я послал ей воздушный поцелуй и отключил экран, прежде чем она успела что-либо возразить. К тому времени, когда ребята закончат рассказ, я буду уже далеко в космосе, выполняя свое новое задание. Меня не столько интересовала судьба нескольких сотен военачальников, сколько причина их исчезновения.

Действительно, это оказалось весьма интересным. Как только корабль взял курс на Какалак-2, я вскрыл пакет с документами, налил себе порцию «Пота Сирианской Пантеры» — гарантированный инфаркт в каждой бутылке — и принялся за чтение. Первый раз я читал медленно. Второй раз быстрее. В третий раз я просматривал лишь отдельные абзацы. Когда я отложил досье, то увидел перед собой Инскиппа. Он сидел напротив меня, сверкая глазами, жуя нижнюю губу, постукивая пальцами по столу и дергая ногой.

— Нервничаете? — спросил я. — Выпейте бокальчик этого...

— Заткнись! Лучше скажи, что ты обнаружил.

— Прежде всего я обнаружил, что мы летим не туда, куда надо. Измените курс и направьте корабль на главную базу Специального Корпуса, чтобы я мог поболтать с моим старым другом профессором Койпу.

— Но расследование...

— Ничего нам не даст. — Я постучал пальцем по досье. — Все это уже в прошлом. Военные занимались своими делами, когда внезапно по радио раздался непонятный крик «Зубы!» и эфир затих. Ваша команда высокопрофессиональных исследователей, прибыв на место, не обнаружила там никаких следов спутника. Если мы полетим туда, я обнаружу то же самое. Лучше поговорить с Койпу.

— Зачем?

— Потому что Койпу специалист по спирали времени. Чтобы разобраться в случившемся, я должен отправиться обратно во времени в тот злополучный день и увидеть все своими глазами.

— Я об этом и не подумал, — пробурчал Инскипп.

— Разумеется. Вы ведь работаете за письменным столом, в то время как я — лучший полевой агент. Дайте мне одну из ваших сигар в знак благодарности за мои выдающиеся умственные способности, которые я вам столь часто демонстрирую.

Профессору Койпу мое предложение не понравилось. Покусав своими выпирающими желтыми зубами нижнюю губу, он так сильно замотал головой, что несколько седых прядей скудной шевелюры упали ему на глаза. Одновременно профессор размахивал руками.

— Вы хотите сказать, что не одобряете мою идею? — поинтересовался я.

— Безумие! Нет! Никогда! После последнего использования временной спирали у нас возникла обратная связь в статических синэргальных кривых...

— Пожалуйста, профессор Койпу! — взмолился я. — Попроше, если можно. Обращайтесь со мной и своим начальником Инскиппом, как с полными профанами в науке.

— Таковыми вы и являетесь. Однажды меня уже заставили использовать спираль времени, чтобы спасти мир от гибели. Затем меня уговорили использовать ее еще раз, чтобы вытащить тебя из прошлого. Но даю вам слово, больше на это не рассчитывайте.

Инскипп доказал, что может поставить на место любого зарвавшегося ученого. Он подошел к профессору и, упершись лбом в его лоб, вернее, носом в нос, поскольку у них обоих были огромные носы, выдал несколько отборных ругательств, подкрепив их недвусмысленными угрозами.

— Если я, как ваш начальник, приказываю сделать это, вы обязаны подчиниться. Без всяких возражений. Конечно, мы вас не убьем. Но как вам понравится

перспектива обучать тупоголовых студентов на какой-нибудь отсталой планете, где до сих пор считают, что машина времени — это обычные часы? Будете сотрудничать?

— Вы не смеете мне угрожать... — пролепетал Койпу.

— Смею. У вас одна минута, чтобы принять решение. Охрана!

Два здоровенных андроида стали по бокам профессора и, крепко схватив его под руки, подняли над полом.

— Тридцать секунд, — как змея прошипел Инскипп.

— Мне всегда хотелось лишний раз проэкспериментировать со спиралью времени, — быстро пошел на попятную профессор.

— Отлично, — сказал Инскипп. — Опустите его. Вам предстоит отправить нашего друга на неделю назад вместе с приспособлением для успешного возвращения после того, как он успешно выполнит свою задачу. Готов, диГриз?

— Всегда готов, — ответил я, глядя на космический скафандр и гору оборудования. — Давайте быстрее. Мне не терпится узнать, что там такое произошло, и поскорее вернуться. Я по опыту знаю, что подобные скачки во времени плохо влияют на человеческий организм.

Скрученная лента спирали времени противно зеленела, и, вздохнув, я приготовился к путешествию. На какое-то мгновение я подумал, что в лапах сборщиков налогов мне было бы гораздо уютнее.

Но только на мгновение.

Глава 4

Тот факт, что я не впервые совершал путешествие во времени, отнюдь не смягчил неприятные ощущения. Меня снова закрутило в пространстве, и перед глазами заплясали звезды. Ужасное чувство. И длилось оно слишком долго. Затем оно исчезло так же быстро, как и возникло. Вместо серого времени-пространства снова приятно чернел космос с сияющими звездами.

Я медленно парил в своем противоперегрузочном скафандре, когда в поле моего зрения появилась спутниковая станция. Я включил радарное устройство на груди и определил, что до спутника — десять километров. Он был огромных размеров, с антеннами, мигавшими маяками и светившимися иллюминаторами. Битком набитый пузатыми адмиралами, которые в перерывах между трапезами и возлияниями изредка решали свои военные вопросы. Что ж, их ждет сюрприз, которого я тоже с нетерпением ожидал. Настроив приемник на волну спутника, я выяснил, что оказался здесь на час раньше намеченного времени. Койпу интересно будет узнать об этом. Мне еще предстояло убить целый час до момента истины.

По понятным причинам я не мог закурить сигару в космическом скафандре, но выпить мне никто не мешал. Я заранее вылил воду из резервуара скафандра и наполнил его виски. Тридцать две тысячи лет назад

на планете под названием «Земля» я пристрастился к этому напитку. Хотя этой планеты давно уже не существовало, я запомнил формулу и, после серии неудачных экспериментов, научился производить вполне приемлемое пойло. Я пососал виски из трубочки. Недурно. Коротая время, я любовался звездами, спутником и декламировал стихи.

Исчезновение должно было произойти ровно через пять минут. Боковым зрением я заметил какое-то движение. Повернувшись, я увидел космонавта, летевшего в мою сторону. Он сидел на двухметровом сигарообразном предмете. Я выхватил пистолет, который взял с собой на случай всяких непредвиденных обстоятельств, и направил его на незнакомца.

— Держи руки так, чтобы я мог их видеть, и повернись ко мне. Пистолет заряжен разрывными пулями.

— Убери его, идиот! — крикнул незнакомец, все еще сидя ко мне спиной и щелкая переключателями на пульте своей ракеты. — Если уж ты не знаешь, кто я такой, тогда этого никто не знает.

— Я! — сказал я, пытаясь не выдать своего удивления.

— Нет, я. Я — это ты... Что-то в этом роде... Уже запутался. Убери пистолет, дубина!

— Теперь я понимаю, что тебе, то есть мне, пришлось отправиться второй раз назад во времени, чтобы захватить с собой эту космическую «пиявку».

Он — или я? — посмотрел на часы, а затем указал на спутник.

— Разуй глаза и не пропусти это зрелище.

Зрелище действительно было потрясающим. Еще секунду назад возле спутника ничего не было, а сейчас нечто огромное, невероятно огромное приближалось к нему. Темное, продолговатое, с неровной поверхностью, оно внезапно раскрылось посередине. Горящая адским огнем гигантская пасть с острыми зубами.

«Зубы!» — раздался крик в моем приемнике. Единственное сообщение с исчезнувшего спутника, вернее,

со спутника, который вот-вот должен исчезнуть. Пасть захлопнулась, мгновенно проглотив станцию. Яркая вспышка ослепила меня, когда космическая «пиявка» помчалась в сторону гиганта. Там заискрилось поле искривленного пространства, и непонятное создание исчезло.

— Что это было? — выдохнул я.

— Откуда мне знать? — ответил я. — Даже если бы я и знал, то ничего бы тебе не сказал. Возвращайся обратно, чтобы я тоже мог вернуться, или ты мог вернуться. Я хотел сказать... Ладно, черт с ним! Вперед!

— Полегче, — проворчал я. — Не думаю, что стоит так разговаривать с самим собой.

Я нажал на кнопку возвратного устройства спирали времени. И снова совершил малоприятное путешествие в настоящее.

— Ну, и что ты там обнаружил? — спросил Инскипп, как только я снял шлем.

— То, что я должен вернуться в прошлое еще раз. Прикажите, чтобы приготовили космическую «пиявку», и я вам с удовольствием все расскажу.

Я решил не вылезать из скафандра, чтобы снова не надевать его. Поэтому прислонился к стене и пососал виски из трубочки. Инскипп принюхался.

— Ты что, пьешь во время работы?

— Разумеется. Это единственное, что делает эту работу привлекательной. А теперь, будьте добры, — помолчите и выслушайте меня. Что-то огромное появилось из подпространства рядом со спутником. Довольно тонкая работа, я и не думал, что такое возможно. И эта штука раскрыла огненную пасть, полную острых зубов, и проглотила спутник со всеми находившимися на нем адмиралами.

— Да ты просто пьян!

— Алкоголь тут ни при чем. Все это я заснял на пленку. Как только эта штука «пообедала», она снова вернулась в искривленное пространство и исчезла.

— Мы должны прикрепить к ней космическую «пиявку».

— Именно это я и сказал сам себе, запуская «пиявку» в нужном направлении. — В этот момент в комнату вкатили «пиявку». — Отлично. Койпу, отправьте меня и эту штуку за пять минут до времени «ноль». Кстати, в прошлый раз вы ошиблись на час. Надеюсь, сейчас вы поточнее рассчитаете время.

Койпу что-то пробормотал и принялся колдовать над своими приборами, а я схватился за космическую «пиявку» и отбыл в прошлое. Там я наблюдал все то же, что и раньше, только с другой стороны. Когда я вернулся из второго путешествия во времени, мне хотелось только получить плотный ужин, бутылку вина и завалиться в мягкую постель. Все это я получил и вдобавок мог валять дурака целую неделю, пока не поступила информация от космической «пиявки».

Я был рядом с Инскиппом, когда ему передали отчет, и он, вытаращив глаза, прочел его два раза.

— Это невозможно, — наконец сказал он.

— Мне нравится ваш оптимизм, Инскипп.

Я взял у него отчет и углубился в чтение. Затем проверил координаты по карте, висевшей за его спиной. Он был прав. Почти.

Космическая «пиявка» отлично справилась со своим заданием. Я выстрелил ею как раз вовремя, и она, присосавшись к спутнику, проделала весь путь вместе с неведомым гигантом. Она путешествовала с ним все время в искривленном пространстве. «Пиявка» была запрограммирована отцепиться лишь в случае обнаружения атмосферы или космической станции. Отсоединившись в такой момент, она поплыла прочь. Сделанная из неметаллических материалов, «пиявка» не появлялась на экранах радаров. Используя химический двигатель, она пролетела через искривленное пространство, ориентируясь по сигналам ближайшего маяка Лиги. Затем она вышла из подпространства и заявила о своем прибытии.

Разумеется, возле своей цели «пиявка» сделала массу фотографий. Проанализировав снимки, компьютеры быстро определили, где они были сделаны. Только ответ, который они выдали, казался невероятным.

— Трудно поверить, — сказал я, рассматривая карту. — Но если местонахождение правильное, то у меня есть нехорошее предчувствие, что нам грозят неприятности.

— Значит, ты не считаешь случайностью, что похищены именно наши адмиралы?

— Ха-ха!

— Другого ответа я от тебя и не ждал.

Чтобы понять наше беспокойство, вы на минуту должны вспомнить физическую природу нашей Галактики. Да, я знаю, что это скучно, и только астрофизики получают наслаждение от подобной ерунды. Но без объяснений здесь не обойтись. Представьте себе Галактику в виде морской звезды. Это, конечно, не совсем так, но для нас сойдет и такой пример. Так вот, лучи и центр составляют группы звезд, а между ними располагается космический газ, другие звезды и тому подобное. Надеюсь, я не запутал вас, однако сам уже сбился с толку. В любом случае все звезды, входящие в Лигу, находятся в правом верхнем луче. Есть еще пара звезд ближе к центру и совсем немного — в правом и левом лучах. Понятно? Так вот, похоже, наш зубастый пожиратель спутников прилетел из нижнего левого луча. Ну, скажете вы, а какая разница? Ведь все это относится к одной и той же Галактике. Что ж, я вам отвечу. Это та часть Галактики, где мы никогда не были, которую никогда не исследовали и где не устанавливали никаких контактов. Там нет обитаемых планет.

То есть планет, где обитают человеческие существа. За те тысячелетия, что род людской шныряет по космосу, нам так и не удалось обнаружить другую разумную форму жизни. Мы нашли следы давно исчезнувших цивилизаций, от которых нас отделяли миллионы лет. Во времена колониальной экспансии космические корабли Звездной Империи летали во всех направлениях. Но затем наступил Распад, и на многие тысячи лет все связи были оборваны. Только сейчас мы снова начинаем контактировать с другими цивилизациями. Пока речь не идет о новых открытиях. Лига пытается собрать хотя бы то, что осталось от первой экспансии.

Но сейчас мы столкнулись с чем-то совершенно неизвестным.

— Что ты собираешься делать? — спросил Инскипп.

— Я? Ничего. Жду, когда вы отдадите мне приказ расследовать эту необычную ситуацию.

— Отлично. Слушай приказ. Ты, диГриз, отправишься туда и проведешь расследование.

— Я и так в последнее время загружен работой. В вашем распоряжении флоты тысяч планет, разве что без адмиралов, и бесчисленное количество агентов. Задействуйте кого-нибудь из них.

— Нет. У меня такое предчувствие, что отправить туда обычный патруль, это все равно, что попросить их прогуляться по внутренностям ядерного реактора.

— Несколько туманное объяснение, но суть понятна.

— Надеюсь. Ты у меня самый лучший агент. У тебя настолько развит инстинкт самосохранения, что убить тебя практически невозможно. Я полагаю, что твой извращенный ум мошенника поможет тебе и на этот раз. Отправляйся туда, проведи расследование и возвращайся обратно с подробным отчетом.

— Адмиралов тоже прихватить с собой?

— Если ты сам этого захочешь. Найти им замену трудности не составит.

— Вы такой же бессовестный и бессердечный негодяй, Инскипп, как и я сам.

— Конечно. Как, по-твоему, можно еще руководить Специальным Корпусом? Когда ты отправляешься и что тебе нужно?

Мне надо было хорошенько все обдумать. Я не мог улететь, не сообщив об этом моей Анжелине, а стоит ей узнать, как это опасно, она тут же потребует, чтобы я взял ее с собой. Отлично. Я конечно свинья, но учитывая таланты Анжелины, лучше уж ее взять с собой, чем весь Специальный Корпус. А как быть с моими ребятами? Ответ очевиден. Судя по всему, их ожидает карьера либо отъявленных мошенников, либо

агентов Спецкорпуса. Пора проверить их в деле, и это как раз подходящий случай.

Итак, все решено. Я встряхнул головой и понял, что несколько минут тихо разговаривал сам с собой. Инскипп с подозрением наблюдал за мной, держа палец на кнопке вызова охраны. Я с трудом вспомнил, какой вопрос он задал мне до того, как я погрузился в размышления.

— Ах да, гм-м. Конечно. Я вылетаю как можно скорее. Экипаж я подберу сам, но мне нужен полностью автоматизированный крейсер со всем вооружением и прочим.

— Хорошо. Он будет здесь не раньше чем через двадцать часов. У тебя есть время, чтобы собрать вещи и составить новое завещание.

— Я тронут вашей заботой. Мне нужно поговорить по пси-связи.

Через центр коммуникаций я связался с пси-оператором на Блодгетте и уже через несколько секунд разговаривал с Анжелиной.

— Привет, любовь моя, — сказал я. — Угадай, где мы проведем наш отпуск.

Глава 5

— Классный корабль, папа! — воскликнул Боливар, осматривая пульт управления крейсера «Л. С. Гнэшер».

— Еще бы. Крейсера такого класса по праву считаются самыми лучшими в Галактике.

— Даже есть централизованное управление огнем. Ого! — сказал Джеймс, нажимая на кнопку, прежде чем я успел его остановить.

— Тебе не обязательно было уничтожать этот метеорит. Он тебе абсолютно не мешал, — недовольно пробурчал я, отключая оружейные системы, пока ребенок не натворил чего-нибудь еще.

— Дети есть дети, — с материнской гордостью сказала Анжелина.

— Пускай тогда тратят свои карманные деньги. Знаешь, во сколько тысяч кредиток обходится каждый выстрел из орудия?

— Не знаю и знать не хочу! — Она удивленно подняла бровь. — А с каких пор это стало волновать тебя, Скользкий Джим, любителя пошарить в государственном кармане.

Я пробормотал нечто неопределенное и повернулся спиной к пульта управления. Действительно ли это волновало меня? Или это была отцовская строгость? Нет! Это было чувство власти.

— Я здесь главный! — провозгласил я грозным голосом космического волка. — Я капитан, и команда должна подчиняться моим приказам!

— Может, нам стать по стойке смирно? — ехидно полюбопытствовала Анжелина.

Я решил сменить тему.

— Так, оставайтесь здесь, а я закажу бутылку шампанского и шоколадный торт. Мы немного отдохнем, прежде чем начнется операция и я стану отдавать приказы.

— Ты уже нам все объяснил, папа, — сказал Джеймс. — Может, вместо шоколадного торта ты закажешь клубничный?

— Я знаю, что вы в курсе того, что произошло и куда мы направляемся. Но нам еще предстоит решить, что мы там будем делать.

— Я уверена, что в нужное время ты все нам расскажешь, дорогой. Не слишком ли рано для шампанского?

Я принялся щелкать переключателями, одновременно пытаясь привести мысли в порядок. Никто не хочет подчиняться. Надо быть с ними построже.

— Слушайте меня внимательно. Приказ на сегодня. Стартуем через пятнадцать минут. Затем направляемся к точке в космосе, определенной космической «пиявкой». Мы выйдем из искривленного пространства ровно на одну и пять десятых секунды, чтобы произвести необходимые замеры. Затем автоматически вернемся на прежнее место и проанализируем полученные данные. Дальнейшие действия определим позже. Понятно?

— У тебя настоящий командный голос, — пробормотала Анжелина, поднося к губам бокал с шампанским.

По ее тону трудно было сказать, что она имела в виду. Я решил оставить ее реплику без внимания.

— Тогда за дело. Боливар, я знаю, что у тебя хорошие оценки по навигации.

— Пришлось выучить. Нас привязывали к партам и оставляли без еды, пока нам не удавалось сдать зачет.

— Неважно. Все это осталось позади. Установи курс к цели и покажи мне его, прежде чем ввести в компьютер. А ты, Джеймс, составь программу, по

которой все данные в районе цели должны записаться ровно за полторы секунды.

— А мне что делать, любовь моя?

— Открой еще одну бутылку, дорогая, и полюбуемся, как работают наши сыновья.

Оба прекрасно справились с заданием. Никто из них не жаловался, понимая всю ответственность происходившего. Я несколько раз проверил результаты их работы и не смог ни к чему придраться.

— Награждаю каждого из вас Золотой Звездой. Можете взять по два куска торта.

— От него портятся зубы, папа. Может, вместо него ты нальешь нам шампанского?

— Конечно. Пора произнести тост. За успех!

Мы чокнулись и пригубили шампанское. Затем я нажал на кнопку старта. Корабль взлетел. В подобных путешествиях обычно нечего делать, так как за всем следит запрограммированный компьютер. Близнецы облазили весь корабль и изучили по техническим описаниям все его детали. Мы с Анжелиной тоже нашли себе занятие и прекрасно проводили время. Пока не запищал сигнал тревоги. Мы подготовились к выходу из подпространства. Все собрались в центральной рубке.

— Па, ты знаешь, что у нас на борту два патрульных катера? — спросил Боливар.

— Знаю. Полезная вещь. Приготовьтесь к выходу на разведку. Но сначала мы все наденем бронированные скафандры.

— А это еще зачем? — спросил Джеймс.

— Потому что тебе так сказали. — В голосе Анжилины звучали металлические нотки. — Если бы у тебя работали мозги, ты бы и сам сообразил.

Это упрочило мой авторитет, и я не отдавал больше никаких приказов, пока мы не облачились в скафандры. Боевые скафандры, бронированные и оснащенные оружием, должны были предохранить нас от ожидавших нас неприятностей.

Никакие неприятности нас не ожидали. Мы прибыли на место. Все приборы зажужжали и защелкали — и мы снова вернулись в исходную точку в ста световых годах отсюда. Некоторое время я не разрешал

никому снимать скафандры на случай, если за нами кто-нибудь бросится в погоню. Никто не бросился. Через полчаса мы вылезли из скафандров и принялись изучать результаты наших исследований.

— Поблизости ничего нет, — сказала Анжелина, рассматривая распечатку компьютера. — Но в двух световых годах — звездная система.

— Это наша следующая цель, — сказал я. — План такой. Мы останемся здесь на безопасном расстоянии от чего бы там ни было. Но мы запустим «разведглаз», чтобы тот исследовал все планеты системы и передал информацию на спутниковый приемник. Спутник запрограммирован так, что вернется сюда, если с «разведглазом» что-нибудь случится. Все понятно?

— Можно я запрограммирую «разведглаз»? — спросил Боливар, на секунду опередив своего брата.

Молодцы! Мое сердце пело, когда я отдавал им соответствующий приказ. Через пару минут спутник и «разведглаз» были уже в пути, а мы сели ужинать. Не успели мы поесть, как спутник сообщил нам о своем возвращении.

— Уж очень быстро он вернулся, — заметила Анжелина.

— Чересчур быстро. Если они сбили «разведглаз», то у них, должно быть, превосходная система обнаружения. Сейчас все узнаем.

Я на большой скорости прокрутил пленку, пока не дошел до нужного места. Звезда в центре экрана приближалась к нам, превращаясь в раскаленное солнце. Данные на экране компьютера указывали, что в данной системе имеется четыре планеты и на всех четырех зарегистрирована промышленная активность. «Разведглаз» направился к ближайшей планете и начал снижение.

— Ничего себе... — прошептала Анжелина, и мне ничего не оставалось, как согласно кивнуть.

Вся планета казалась огромной крепостью. Черные дула орудий были направлены в небо, бесконечными рядами стояли боевые звездолеты. «Разведглаз» летел над массой бесчисленных военных машин, уходящей за горизонт. Вся видимая площадь планеты была занята оружием.

— Смотри, — сказал я. Вон та штука очень похожа на космического кита, который проглотил наш спутник с адмиралами. А вот и вторая, третья...

— Интересно, они дружелюбны? — спросила Анжелина и даже сама не улыбнулась своей шутке.

Ребята, вытаращив глаза, уставились на экран.

Конец наступил очень быстро. По экрану пошли полосы, и он погас.

— Не очень дружелюбны, — сказал я, наполняя свой бокал нетвердой рукой. — Запиши все это на пленку и отправь по радио на ближайшую базу. Пусть пси-оператор немедленно передаст сокращенный отчет. Потом мне хотелось бы получить дальнейшие указания для нас. После передачи сообщения об увиденном мы можем снова ни от кого не зависеть.

— И делать, что захотим? — спросил Боливар.

— Ты быстро схватываешь, сынок.

— Отлично, — сказал Джеймс. — Больше не будет ни от кого никаких приказов.

Я не совсем понял, что он имел в виду, но гордость за сыновей переполняла меня.

— Вопросы есть? — спросил я. — Если нет, то у меня родился один план.

— Ты ведь капитан, дорогой, — сказала Анжелина, и по ее голосу я понял, что она действительно так считает.

— Конечно. Не знаю, заметили ли вы, что в этой звездной системе полно всякого космического мусора. Я предлагаю найти какую-нибудь каменную глыбу подходящего размера, выдолбить ее изнутри и спрятать там один из патрульных катеров. Если ее как следует замаскировать, то она ничем не будет отличаться от других булыжников, плавающих в космосе. Затем мы выведем ее на орбиту, проверим другие планеты и соберем побольше информации, чтобы выработать план. Должно ведь тут быть какое-нибудь спокойное местечко, где не так много оружия, как на первой планете. Согласны?

После небольшой дискуссии — никто не смог предложить лучший план — все согласились. Включив радар, мы перешли на малый ход и через час натолкнулись

на скопище каменных и железных астероидов. Скоро я заметил подходящую глыбу.

— Это то, что надо, — заявил я. — Нужного размера, нужной формы и из чистого железа. Мы спрячем катер в нем. Анжелина, становись за штурвал и приближайся к этому астероиду. Боливар, мы с тобой наденем скафандры и прогуляемся туда на патрульном катере. Джеймс, ты будешь обеспечивать связь. При помощи пушки мы продеваем в астероиде дыру необходимого размера. Пустяковая работенка.

Так оно и оказалось. Установив пушку на минимальную мощность, мы принялись долбить астероид. Когда дыра стала достаточно глубокой, я застегнул скафандр и отправился туда на разведку.

— Выглядит неплохо, — сказал я, выплывая из туннеля. — Боливар, ты сможешь завести сюда катер, не поцарапав его обшивку?

— Детская забава, папа!

Боливар прекрасно справился с этим заданием. Я наблюдал, как патрульный катер плавно зашел в туннель и скрылся из виду. Теперь мы могли установить на поверхности нужное оборудование, подсоединить его к кораблю и замаскировать астероид.

Летая в космосе, я отчетливо видел «Гнэшер», который находился на границе зоны астероидов в двух километрах отсюда. Его иллюминаторы весело светились в межзвездной темноте. Мне захотелось поскорее вернуться и как следует отдохнуть.

Внезапно рядом с кораблем возникла огромная черная тень. Космический кит! Его гигантская пасть распахнулась и, поглотив «Гнэшер», снова захлопнулась. Затем гигант исчез. Все это произошло в мгновение ока. Я застыл, парализованный страхом.

Корабль исчез. Исчезли Анжелина и Джеймс.

Они пропали...

Глава 6

Мне не раз приходилось испытывать удары, но такого со мной еще никогда не случалось. Застыв, я сжал кулаки, в ужасе глядя на то место, где еще недавно находился корабль. Неприятности, которые раньше случались со мной, всегда касались меня самого. Такого рода опасности заставляют мозг работать быстрее и насыщают адреналином кровь, чтобы немедленно принять нужное для выживания решение. Но теперь опасность, а может быть, и смерть, угрожала не мне, а Анжелине и Джеймсу. А я ничего не мог сделать.

Наверное, я произвольно издал какой-то звук, потому что до моих ушей донесся голос Боливара:

— Папа? Что происходит? Что-то не так?

Оцепенение прошло, и я метнулся к патрульному катеру. Пробравшись в шлюзовую камеру, я объяснил сыну, что произошло. Слушая, он смотрел на меня с побелевшим лицом.

— Что нам теперь делать? — упавшим голосом спросил он.

— Пока не знаю. Направиться за ними. Только куда? Нужен план...

Раздалась пронзительная трель, и я резко обернулся.

— Что это? — спросил Боливар.

— Общая пси-тревога. Я читал об этом в наставлениях о полетах, но никогда не слышал, чтобы она применялась. — Я кинулся к пульту управления. — Как ты знаешь, радиоволны распространяются со скоростью света, и, чтобы получить сигнал от станции на расстоянии в сто световых лет, понадобится сто лет. Не самый быстрый способ связи. Поэтому большинство посланий передается с одного корабля на другой. Это также, единственная форма связи, которая не подчиняется законам Эйнштейна. Пси-энергия мгновенна. Поэтому пси-операторы общаются друг с другом без всякой потери времени. И все самые лучшие операторы работают на Лигу, соответственно и на Специальный Корпус. Существуют электрические приборы, которые могут улавливать пси-сообщения. На каждом корабле Лиги установлены такие детекторы, но до сих пор они использовались только во время испытаний. Чтобы этот детектор заработал, каждый пси-оператор должен мысленно передавать одно и то же слово. Это слово — «опасность». Получив сигнал пси-тревоги, каждый корабль выходит из искривленного пространства возле ближайшей станции, чтобы узнать, в чем дело. Именно это мы сейчас и сделаем.

— А мама и Джеймс?..

— Чтобы найти их, нам понадобится помощь. К тому же, у меня такое предчувствие, что эта тревога каким-то образом связана с их исчезновением.

К несчастью, я оказался прав. Мы вынырнули возле ближайшего радиомаяка, и записанный сигнал тут же загремел в динамиках:

— ...вернуться на базу. Всем кораблям вернуться на базу. Час назад семнадцать планет Лиги подверглись нападению чужого флота. Началась космическая война на многих фронтах. Всем кораблям вернуться на базу. Всем кораблям...

Я изменил курс еще до того, как сообщение стало повторяться. Теперь мы направлялись на главную базу Специального Корпуса. Куда еще было лететь? Сопротивление захватчикам будет возглавлять Инскипп, и в его штаб станет стекаться вся информация. Трудно описать, как долго тянулись дни. Нас с Боливаром успокаивала только одна мысль — если бы захватчики

хотели уничтожить Лигу, они бы это уже давно сделали при помощи космических китов, которые проглотили спутник с адмиралами и наш корабль. Они хотели захватить людей живыми. Мы не осмеливались даже предположить, зачем им это нужно.

Я вывел корабль из искривленного пространства возле главной базы. Мы снижались на максимальных перегрузках, включив реверсные двигатели в самый последний момент. Я отключил управление как только магнитные захваты коснулись поверхности, и выскочил из корабля. Боливар не отставал от меня ни на шаг. Преодолев коридор быстрым шагом, мы ворвались в кабинет Инскиппа, который храпел, положив голову на стол.

— Говорите! — скомандовал я.

Он открыл красные от бессонницы глаза. Затем застонал.

— Я так и знал. Стоило мне только задремать в первый раз за четверо суток, как тут появляешься ты. Знаешь ли...

— Я знаю, что один из космических китов проглотил мой крейсер вместе с Анжелиной и Джеймсом. Нам пришлось несколько дней тащиться сюда на патрульном катере.

Пошатываясь, он поднялся с кресла.

— Извини, мы тут совсем замотались.

Проковыляв к бару, он налил себе в бокал какой-то темной жидкости и опорожнил его одним глотком. Я принял его и последовал его примеру.

— Объясните, — сказал я, — что здесь происходит?

— На нас напали чужаки, и, надо сказать, воевать они умеют. Эти космические киты — на самом деле военные корабли, покрытые непробиваемой броней. Нам даже не удалось их поцарапать. Мы бессильны против них в космосе. Поэтому нам не остается ничего другого, как отступать. Благодаря эффективности нашей противокосмической обороны, им пока еще не удалось высадиться ни на одной планете, но они подвергают их массовой бомбардировке. Не знаю, как долго все это будет продолжаться.

— Значит, мы проигрываем войну?

— Разумеется.

— Я поражаюсь вашему оптимизму. А не скажете ли, с кем мы воюем?

— Скажу. С ними.

Он щелкнул переключателем, и перед нами на трехмерном цветном экране возникло отвратительное существо. Когтистое, клыкастое, с огромными щупальцами и несколькими парами глаз, смотревших в разные стороны, оно было покрыто зеленоватой слизью. У этой жуткой твари было еще немало разных отростков, о которых лучше не говорить.

— Уф-ф, — сказал Боливар за нас обоих.

— Ну, если этот экземпляр вам не понравился, — пробурчал Инскипп, — как насчет этого... или вот этого...

На каждом новом слайде чудища были все безобразнее и отвратительнее — возможно ли такое? — чем на предыдущих. Жуткие твари. Их объединяло лишь одно — уродство.

— Хватит! — воскликнул я. — Меня тошнит. Теперь целую неделю я не смогу притронуться к пище. Кто из них является нашим противником?

— Все они наши враги. Послушаем профессора Койпу.

На экране появилось изображение профессора Койпу, и, несмотря на свое скрежетание зубами и отвратительную манеру говорить, после этих мерзких тварей он выглядел довольно сносно.

— Мы исследовали захваченные экземпляры. Мертвым провели вскрытие, а живым пропылесосили мозги, чтобы добыть нужную информацию. Результаты весьма неутешительные. В нашествии участвует большое количество жизненных форм из различных планетарных систем. С их слов — а в достоверности мы не сомневаемся — стало ясно, что все они принимают участие в священном крестовом походе. Их единственная цель — уничтожить Человечество и изгнать всех представителей нашего рода за пределы Галактики.

— Но зачем? — удивился я.

— Вы можете спросить, а зачем это надо? — продолжал вещать профессор с экрана. — Резонный вопрос. Ответ заключается в том, что они не могут нас

выносить. Они считают нас слишком уродливыми, чтобы иметь право на существование. Они говорят, что у нас недостаточно конечностей, мы слишком сухие, наши глаза не свисают на отростках, мы не выделяем слез и у нас отсутствуют другие важные органы.

— Кто бы говорил! — воскликнул Боливар.

— Красота — понятие относительное, — нравоучительно сказал я. — Впрочем, в данном случае я с тобой полностью согласен. А теперь помолчи, и послушаем профессора.

— Вторжение было тщательно подготовлено, — сказал Койпу, шелестя бумагами и постукивая ногтями по своим выпирающим зубам. — Нам удалось обнаружить образцы чуждых жизненных форм в мусорных ведрах, вентиляционных вытяжках, помойных баках и туалетах. Судя по всему, они давно уже следили за нами, собирая различную информацию. Перед вторжением они похитили наших адмиралов, чтобы обезглавить наш флот и посеять панику в войсках. Вместо исчезнувших адмиралов были назначены младшие чины, и боеготовность увеличилась в два раза. Однако мы не располагаем достаточной информацией о вражеских структурах и базах, потому что нам удалось захватить лишь несколько небольших вражеских кораблей, пилотируемых летчиками-новобранцами. Необходимо собрать как можно больше данных...

— Спасибо большое, — проворчал Инскипп и выключил экран, оборвав профессора Койпу на середине фразы. — Сам бы я до этого никогда не додумался.

— Я смогу это сделать, — сказал я, с удовольствием наблюдая, как он таращил на меня свои покрасневшие глаза.

— Ты? Уж не думаешь ли ты победить там, где весь остальной флот постигла неудача?

— Конечно. Отбросив ложную скромность, скажу, что я — это то секретное оружие, которое позволит выиграть войну.

— Как?

— Дайте сначала мне поговорить с Койпу. Я задам ему пару вопросов, а потом все расскажу.

— Мы полетим спасать маму и Джеймса? — спросил мой сын.

— Разумеется сынок. Это задача номер один. А заодно мы спасем цивилизованную Галактику от разрушения.

— Почему вы всегда отрываете меня от работы? — брызгая слюной, завопил с экрана связи профессор Койпу.

У него были такие же красные глаза, как и у Инскиппа.

— Успокойтесь, — ласковым голосом сказал я. — Я решу все ваши проблемы, как это уже делал раньше, но я должен рассчитывать на вашу помощь. Сколько видов чужаков вам удалось выявить до сих пор?

— Триста двенадцать. Но зачем...

— Сейчас объясню. Они всех размеров, цветов и форм?

— Точно как в моих кошмарах. Хочешь посмотреть?

— Спасибо, не надо. Вы, наверное, уже определили язык, на котором они общаются друг с другом. Он сложный?

— Ты говоришь на нем. Это эсперанто.

— Без шуток, Койпу!

— Перестань разговаривать со мной таким тоном — истерично завизжал профессор. Затем он успокоился, выпил таблетку и пожал плечами. — А почему бы и нет? Несомненно, они уже давно наблюдали за нами, пытаясь собрать всевозможную информацию перед тем, как предпринять наступление. Должно быть, из всех языков — как и мы — они выбрали эсперанто, как самый простой и эффективный способ общения.

— Понял. Спасибо, профессор. Постарайтесь немного отдохнуть, потому что скоро я прибуду к вам, и вы поможете мне пробраться во вражеский штаб, чтобы выяснить обстановку и спасти мою семью. И, возможно, адмиралов, если представится такая возможность.

— Что, черт побери, ты имеешь в виду? — рявкнул Инскипп.

Профессор на экране одновременно произнес эту же фразу. Таким же противным голосом.

— Все просто. По крайней мере, для меня. Профессор Койпу сконструирует для меня костюм чужака с выделителем слизи, и я залезу в него. Они примут меня за своего. Подумают, что я — представитель новой отвратительной формы жизни, который желает записаться в их армию. Они любят меня. Я готов, профессор.

Техники неплохо постарались, выполнив все в короткий срок. Они загрузили в компьютер данные о щупальцах, клыках, когтях, отростках, бородавках и заставили его выдать несколько вариантов. Мы получили рисунки, немного покумекали и выбрали самый подходящий экземпляр.

— И это мой отец! — восхищенно сказал Боливар, ходя вокруг этой штуковины и осматривая ее со всех сторон.

Костюм чужака был похож на страдающего проказой миниатюрного тиранозавра. У этой штуки было две ноги, понятно почему. Тяжелый хвост с двумя щупальцами на конце для равновесия. В хвосте располагались источники энергии и прочее оборудование. Огромная пасть с желтыми и зелеными зубами украшала голову. Зубы слегка выпирали, как и у создателя этого чудовища. Уши — как у летучей мыши, усы — как у крысы, глаза — как у кошки, жабры — как у акулы. Бр-р, какая мерзость! Я осторожно расстегнул брюхо и залез внутрь.

— Предплечья соответствуют твоим рукам и имеют силовой привод, — сказал Койпу. — Но тяжелые задние лапы оснащены серводвигателями и повторяют движения твоих ног. Будь повнимательней. Своими когтями ты можешь проделать дыру в стальной стене.

— Обязательно попробую. А что хвост?

— Оснащенный автоматическим противовесом, он шевелится при ходьбе. При помощи вот этих двух рычажков ты можешь размахивать им в движении. Для большей правдоподобности. Вот этот переключатель

автоматически включает шевеление хвоста, когда ты находишься в сидячем положении. А вот с этой кнопкой будь поосторожней — она приводит в действие безоткатную пушку 75-го калибра, вмонтированную в голову между глаз. Прицел на носу.

— Чудесно. А гранаты?

— Гранатомет, естественно, находится под хвостом. А сами гранаты замаскированы сам знаешь под что.

— Милая деталь. Только в вашей ученой голове могла родиться подобная идея. А теперь я застегну молнию и попробую эту штуку в действии.

Пришлось немало повозиться, прежде чем я смог естественно передвигаться, но через пару минут мне все стало ясно. Я бродил по лаборатории, оставляя за собой слизкие следы, царапая когтями стальной пол, сбивая хвостом все подряд и даже разок выстрелил из вмонтированной в мою голову пушки. «Безоткатная она или нет?» — думал я, выпив пригоршню таблеток от головной боли, и решил пользоваться ею только в чрезвычайных случаях. Когда я повернулся в дверях, небольшой робот наступил мне на хвост.

— Эй, убирайся прочь! — закричал я, когда на табло перед моими глазами вспыхнула надпись «Боль в хвосте». Я попытался смахнуть робота, но тот легко увернулся от удара. Затем он стал напротив меня, снял голову с оптическими линзами, и я увидел улыбающееся лицо Боливара.

— Можно ли полюбопытствовать, что ты делаешь в этой штуке? — спросил я.

— Конечно, папа. Я отправляюсь с тобой. Робот-слуга, он же оруженосец. Логично, не правда ли?

— Нет, неправда.

Я перебирал в уме различные аргументы, но понял, что мне нечего возразить. Впрочем, это меня обрадовало. Хотя я и опасался за сына, мне была нужна поддержка. Мы отправимся туда вдвоем.

— Куда? — спросил Инскипп, с отвращением глядя, как я выбираюсь из маскировочного костюма.

— На военную планету, где они держат адмиралов. И, возможно, Анжелину и Джеймса. Даже если это не

их главный штаб, там, по крайней мере, мы сможем выяснить, где он находится.

— А не мог бы ты сообщить, как собираешься туда попасть?

— С удовольствием. На том же патрульном катере, на котором мы прилетели сюда. Но до того, как мы стартуем, я хочу, чтобы его как следует изуродовали и залатали. Пара пробоин, несколько разбитых приборов, второстепенных, разумеется. Пусть привезут с бойни побольше крови и разольют ее по всему кораблю. Мне, конечно, не хочется об этом говорить, но обстоятельства вынуждают. Нет ли у вас человеческих трупов?

— Больше, чем хотелось бы, — хмуро ответил Инскипп. — Ты хочешь, чтобы мы занесли на корабль пару убитых офицеров в военной форме?

— Они могут спасти наши жизни. Я примчусь на планету чужаков на всех парах, включив все огни и непрерывно подавая сигналы по радио. Скажу им, что хочу присоединиться к священной войне против Человечества.

— О которой ты узнал, когда захватил этот корабль?

— Для вашего возраста вы на редкость сообразительны. Приготовьте корабль немедленно, потому что я хочу вылететь через пять минут.

Так как все надежды на победу над этими тварями теперь были связаны только со мной, нас обслужили по высшему классу. Покореженный патрульный катер загрузили на крейсерский звездолет, который стартовал, как только мы поднялись на борт. Он отвез нас к ближайшей вражеской звезде и оставил в космосе одних. Я провел катер мимо сгустка космической пыли, прошел через одну или две черные дыры, чтобы запутать следы, а затем решительно направился в тот луч Галактики, где обитали наши противники.

— Ты готов, сынок? — спросил я, высунув голову из разреза на груди тиранозавра.

— Я в полной готовности, Скользящий Джим, — ответил робот, устанавливая свою голову на место.

Я застегнул молнию и когтистой лапой пожал его металлическую руку. Затем принялся за работу. На

носу катера были установлены дополнительные огни, и я включил их на полную мощность. Теперь мы были похожи на летящую в космосе рождественскую елку. Затем я поставил пленку с недавно записанным гимном моей воображаемой планеты и стал передавать его на ста тридцати семи частотах. Закончив необходимые приготовления, мы спокойно приближались к военной планете под оглушающие звуки торжественной музыки.

Хвостатые, клыкастые —
Мы самые ужасные.
Вокруг на сотни светолет
Кошмарней тварей в мире нет.

Глава 7

— Кто ты такой? — спросил загробный голос на эсперанто, и в тот же момент на экране появилась на редкость гадкая физиономия чужака.

— Кто я такой? Меня знают все, но я тебя не знаю, красавец...

Я решил, что немного лести обеспечат мне теплый прием. Но мне стоило большого труда назвать этого безобразного слизняка красавцем. Пригладив скользким щупальцем пучок усиков на голове, слизняк перешел на более дружелюбный тон:

— Ладно, ладно, крошка. Возможно, тебя и знают на родной планете, но сейчас ты далеко от дома. А тут у нас война, и надо соблюдать меры предосторожности.

— Конечно, о чем речь! Я просто сгораю от нетерпения. Вы действительно воюете против этих сухокожих и розовотелых чужаков?

— Да, цыпочка.

— Что ж, принимайте меня к себе. Мы захватили этот корабль, когда он шнырял рядом с нашей планетой. У нас нет звездолетов, но одной боевой ракеты хватило, чтобы сбить его. Мы пропылесосили мозги оставшимся в живых, выучили их язык и узнали, что все привлекательные расы Галактики объединились в войне против людей. Мы хотим воевать под вашими знаменами. Ждем приказа о зачислении.

— Молодцы! — брызгая слюной, воскликнул урод на экране. — Мы придем за вами корабль, который покажет вам путь к нашей планете. Гарантирую торжественную встречу. Только один вопрос, милашка.

— Задавай, красавчик.

— Судя по глазам, ты ведь женского пола, не так ли?

— Я перейду в женский пол ровно через год, а сейчас я в нейтральном положении. И не он и не она.

— Тогда через год я назначаю тебе свидание.

— Сейчас помечу в записной книжке, — проворковал я и выключил экран.

Затем я потянулся за бутылкой. Но робот Боливар опередил меня и налил полный стакан виски, который я высосал через трубочку.

— Может, я ошибаюсь, папа, — сказал он, — но мне кажется, что этот обитатель канализации имеет на тебя виды.

— К несчастью, ты прав, мой мальчик. Судя по всему, в своем маскировочном костюме я похож на самую что ни на есть красавицу их уродливого мира. Надо было сделать костюм еще более отвратительным.

— Это только увеличило бы твою привлекательность.

— Конечно, ты прав. — Я снова пососал виски. — Надо подумать, как обратить себе на пользу их амурные чувства.

Через пару минут появился корабль-лоцман, и я установил автопилот, чтобы тот следовал указанным курсом. Мы облетели минные поля и защитные экраны и наконец приземлились на металлической площадке внутри огромной крепости.

Я надеялся, что это был космодром для особо важных гостей, а не тюремный двор.

— Тебе не мешало бы надеть шлем, папа.

Голос Боливара вывел меня из мрачных раздумий.

— Ты прав, мой славный робот. — Я надел украшенный золотом стальной шлем с бриллиантовой звездой во лбу и посмотрел на свое отражение в зеркале. Превосходно. — И, пожалуйста, больше не зови меня папой. А то это вызовет массу вопросов о нашей биологической несовместимости.

Когда мы вышли из люка, нас ожидало сборище прыгающих и ползающих тварей. Робот Боливар нес мой багаж. Один из встречавших с золотым ободом на покрытой слизи голове сделал шаг вперед и замахал своими щупальцами.

— Добро пожаловать, звездный посол, — сказал он. — Я — Гар-Бэй, председатель Военного Совета.

— Рад познакомиться. Я — Скользкий Джим с Гештункина.

— Скользкий — это твое имя или титул?

— Это дворянский титул, который на моем языке звучит следующим образом: «Тот, который ходит когтистыми лапами по спинам крестьян».

— Довольно емкий у вас язык, Скользкий Джим. Я бы хотел поговорить с тобой. Наедине.

Шесть из его восемнадцати глаз мигнули, и я понял, что покорила его своей сексапильностью.

— Мы уединимся с тобой во время моего следующего периода оплодотворения, Гар. Сейчас все мои мысли только о войне. Расскажи мне, как идут дела, и чем могут помочь гештункинцы.

— Я все тебе расскажу. Позволь мне провести тебя в твои личные апартаменты.

Движением одного щупальца он отпустил своих подчиненных, а жестом другого пригласил меня следовать за ним. Мой верный робот не отставал от меня ни на шаг.

— Военные действия идут по плану, — сказал он. — Ты, конечно, не знаешь, но мы потратили много лет на подготовку вторжения. Наши шпионы проникли во все человеческие миры, и мы знаем, сколько у них оружия, до последнего лазерного пистолета. Нас невозможно остановить. Мы полностью держим космос под контролем и сейчас готовимся перейти ко второму этапу.

— Какому?

— Высадка на планеты. Уничтожив их флот, мы станем захватывать их планеты одну за другой, как спелые сливы с дерева.

— Это то, что нам надо! — завопил я, проделывая когтями дыры в стальном полу. — Мы, гештункинцы,

прирожденные бойцы и готовы пойти на смерть ради правого дела.

— Другого я и не ожидал услышать от такого зубастого и клыкастого монстра, как ты. Сюда, пожалуйста. У нас полно звездолетов, но опытные воины не помешают...

— Мы — бесстрашные солдаты!

— Тем лучше. Мы пригласим тебя на заседание Военного Совета и договоримся там о сотрудничестве. Но сейчас ты, наверное, устал и хочешь отдохнуть.

— Ни за что! — Я оторвал зубами кусок кресла. — Никакого отдыха, пока последний враг не будет уничтожен!

— Я восхищен твоим мужеством, но всем нам надо иногда отдыхать.

— Только не гештункинцам! Нет ли у вас парочки пленных, которых я мог бы разорвать на части перед телекамерой. Для пропаганды.

— У нас есть целая куча адмиралов, но они нужны нам живыми, чтобы высосать из них информацию, которая поможет лучше подготовиться к планетарному вторжению.

— Как жаль. Я бы оторвал у них руки и ноги, как лепестки с цветов. А нет ли у вас пленных женщин или детей? Они так приятно визжат.

Это был важный вопрос, и в ожидании ответа я нетерпеливо помахивал хвостом. Робот перестал жужжать.

— Странно, что ты об этом спросил. Мы действительно захватили шпионский корабль, пилотируемый женщиной и молодым существом мужского пола.

— То, что нужно! — закричал я от радости. — Их необходимо подвергнуть пыткам, допросам, а потом разорвать в клочья. Это работа для меня. Ведите меня к ним.

— Я бы с удовольствием, но это невозможно.

— Они мертвы? — спросил я, стараясь выдать свое отчаяние за разочарование.

— Нет, к сожалению. Мы так до сих пор и не знаем, что произошло. В комнате с этими бледными двуногими находились пять наших лучших бойцов.

Всех пятерых мы обнаружили мертвыми. А пленники сбежали.

— Плохо, — сказал я с наигранной скукой, почесывая лапой раздвоенный кончик хвоста. — Разумеется, вы их уже поймали?

— Нет, как это ни странно. Это произошло несколько дней назад. Но тебе не следует беспокоиться из-за таких пустяков. Отдохни, а когда соберется Совет, за тобой придет посыльный. Смерть гладкокожим!

— Смерть! Увидимся на Совете.

Дверь за ним закрылась, и робот Боливар спросил:

— Куда поставить багаж, могучий Скользящий Джим?

— Куда хочешь, металлическая башка. — Я попытался стукнуть его хвостом, но он ловко увернулся. — Не отвлекай меня по таким пустякам.

Я принялся расхаживать по комнате, громко распевая гештункинский гимн и внимательно проверяя обстановку. Затем я остановился, и, расстегнув молнию, высунул голову наружу.

— Если желаешь, можешь выйти и размяться, — сказал я. — Никаких «жучков» и оптических детекторов тут нет.

Боливар тут же вылез из металлического одеяния и сделал несколько приседаний под аккомпанемент хрустевших суставов.

— Не так уж и приятно сидеть в этой жестянке, — сказал он. — Что будем делать дальше? Как мы найдем маму с Джеймсом?

— Хороший вопрос, но на него сразу не ответишь. По крайней мере мы знаем, что они живы и сумели напасть на неприятеля.

— Может, они оставили нам какой-нибудь знак? След, по которому мы их найдем?

— Поищем, хотя надежды мало. Ведь по их следам могли направиться и эти твари. Достань-ка бутылочку виски, чтобы прочистить мозги, и поищи, нет ли здесь стакана.

Я думал очень долго, но так ничего и не придумал. Возможно, сказывалась непривычная обстановка. На стенах висели картины с красными пятнами по зеленому фону. Половину комнаты занимал бассейн с буль-

кающей жижей. Поднимавшиеся на поверхность пузыри лопались, наполняя воздух ужасным зловонием. Боливар принялся обследовать служебные помещения, но, когда его чуть не засосало в туалете и как только он увидел еду на кухне, он стал зеленее моего маскировочного наряда и сел перед телевизором.

Большинство программ было непонятно. А то, что мы понимали, вызывало у нас чувство отвращения. Как, например, военная хроника.

Мы даже не подозревали, что телевизор служит одновременно коммуникатором, пока на экране не появилась как всегда отвратительная голова Гар-Бзя. К счастью, рефлексy у диГриза отменные. Боливар юркнул в сторону, а я повернулся к экрану спиной, застегивая молнию.

— Я не хотел беспокоить тебя, Джим, но Военный Совет уже собрался, и все ждут твоего появления. Посыльный укажет тебе дорогу. Смерть гладкокожим!

— Да-да, — пробурчал я, пытаюсь просунуть свою голову через пластиковые складки.

Пронзительно заверещал звонок.

— Открой, робот, — сказал я. — Скажи, что я сейчас выйду. Затем понесешь за мной шлейф.

Когда мы вышли, монстр, которого послали за нами, удивленно вытаращил глаза. Выглядело это довольно забавно, ибо на торчащих отростках у него их было не менее дюжины.

— Указывай дорогу, макаронная голова! — командовал я.

Я шел за монстром, а за мной следовал робот, держа шлейф мантии, спадающей с моих плеч. Это украшение было длиною в добрых три метра. Пурпурный шлейф с вышитыми на нем золотыми и серебряными звездами был оторочен по бокам розовыми кружевами. Ух! К счастью, я не видел сам себя со стороны, но бедному Боливару не завидовал. Не то чтобы мне был нужен этот наряд, но таким образом я держал Боливара при себе. Я произвел на Совет неизгладимое впечатление. Восторженное хлюпанье, чавканье и хрюканье доносилось со всех сторон, и я два раза прошелся по комнате, прежде чем занял свое место.

— Добро пожаловать, неотразимый Скользящий Джим, на наш Военный Совет, — прочавкал Гар-Бэй. — Не часто такие красавцы устаивают нас своим посещением. Если все гештункинцы похожи на тебя — не говоря уже о ваших бойцовских качествах, — я уверен, что мы поднимем боевой дух наших солдат на небывалую высоту.

— Надо снять пропагандистский ролик, — прошамкала какая-то темная пупырчатая тварь в дальнем конце комнаты. — Пусть все имеют возможность любоваться тобой. Это привлечет к нам новых добровольцев.

— Чудесно! Прекрасная идея!

Со всех сторон слышались одобрителльные крики, сопровождающиеся радостными взмахами щупалец, клешней, антенн и других отростков. Меня чуть не вырвало, но я защелкал зубами, сделав вид, что ужасно доволен. Не знаю, как долго продолжалось бы всеобщее ликование, если бы секретарь не ударил молоточком в гонг, призывая к порядку. Это было жуткое существо, похожее на раздавленную лягушку с морщинистым хвостом и пиявкообразной головой. Как только шум стих, секретарь прочавкал:

— Заседание Военного Совета номер четыре тысячи тринадцать объявляю открытым. При желании вы можете получить копию стенограммы предыдущего заседания. В сегодняшней повестке дня вопросы боевых действий, тылового обеспечения и снабжения продовольствием. — Подождав, пока прекратятся стоны и вопли, секретарь продолжал: — Однако прежде чем начать обсуждение, мы хотели бы попросить нашего нового друга Скользящего Джима выступить с небольшой речью для вечерних новостей. Мы записываем тебя, Джим. Не будешь ли ты столь любезен...

Послышалось хлюпанье и шмяканье щупальцами, означавшее аплодисменты, и я кивнул в объектив камеры. Подтянув вверх подол мантии, я начал:

— Дорогие мои мокрые и слизкие друзья из космической шайки. — Скромно опустив глаза, я ждал, пока стихнут аплодисменты. — Все мои четыре сердца бьются от радости, что я нахожусь среди вас. Как только мы у себя на Гештункине узнали, что в

Галактике есть существа, похожие на нас, мы решили тут же вступить с вами в контакт. И сегодня я хочу заверить вас, что все мы с радостью присоединимся к священному крестовому походу, чтобы очистить Галактику от бледнокожих двуногих. Всем известна смелость гештункинцев! — С этими словами я оторвал кусок железной трибуны, и присутствующие одобрительно захлопали. — Поэтому можете положиться на нас. Как говорит наша королева Энжела Рдендрант, никто не справится с гештункинцем, даже если решится на это!

Я сел, скрестив лапы, в надежде, что моя хитрость удалась. Похоже, никто ничего не заподозрил. Если Анжелина все еще на этой планете, возможно, она увидит выпуск вечерних новостей. В этом случае она узнает имя, которое она носила, когда я познакомился с ней много лет назад. Слабая надежда, но другого выхода у меня не было.

Моим друзьям-монстрам не особенно понравилась моя речь, но жабообразный секретарь остался доволен. Я запомнил все подробности военных планов и, как новенький, не стал соваться со своими предложениями. Хотя, когда меня спросили о численности гештункинской армии, я назвал им такие умопомрачительные цифры, что все снова повеселели. Я вдохновенно врал, но всеобщему ликованию положил конец секретарь, который сообщил, что заседание объявляется закрытым. Гар-Бэй дружески обнял меня своими щупальцами за талию.

— Может, ты зайдешь ко мне, красавчик? Мы разопьем с тобой бутылочку вонючего вина и съедим по паре кусочков какой-нибудь гадости. Как тебе это нравится?

— Превосходно, крошка Гар. Но у Скользящего Джима закрываются глазки, и ему надо как следует выспаться. А после этого мы просто обязаны встретиться. Не звони мне: я сам тебе позвоню.

Я поскорей убрался, прежде чем он успел что-либо ответить. Робот семенил за мной, держа край шлейфа. Я несея по сырым коридорам к своей комнате,

радуясь, что избежал любовных объятий моего тошнотворного поклонника.

Не успел я коснуться двери, как она с грохотом захлопнулась, и луч бластера прожег дыру в стене рядом со мной. Я застыл на месте, когда услышал хриплый голос:

— Только пошевелись, и я разнесу твою гнилую башку!

Глава 8

— Я без оружия! — крикнул я в ответ. — Не стреляйте!

Что-то знакомое было в этом голосе. Может, все же повернуть голову и посмотреть? Я никак не мог решиться, пока Боливар не сделал это за меня. Он открыл верхнюю часть робота и высунул голову.

— Привет, Джеймс! — весело поздоровался он. — Что с твоим горлом? И не стреляй в этого уродливого чужака. Там внутри — твой собственный отец.

Я скосил глаза и увидел Джеймса, вылезавшего из-под шкафа. С бластером в руке и отвисшей челюстью он удивленно смотрел на нас.

Из другой комнаты вышла Анжелина, одетая в изящное меховое бикини, на ходу засовывая пистолет в кобуру.

— Немедленно вылезай из этой штуки, — приказала она, и я с удовольствием променял пластиковый плен на ее объятия.

— Ух! — сказала она после долгого и страстного поцелуя, который мы прекратили только из-за недостатка воздуха. — Мне кажется, я не видела тебя уже несколько световых лет.

— Взаимно. Я вижу, ты получила наше послание.

— Когда чудище упомянуло *то самое* имя в вечернем выпуске новостей, я поняла, что ты каким-то

образом замешан в этом деле. Я не знала, что ты находишься внутри, вот почему мы пришли с оружием.

— Ничего, самое главное — ты здесь, и мне нравится твой наряд. — Я посмотрел на меховые шорты Джеймса. — И Джеймса тоже. Я вижу, вы одеваетесь у одного портного.

— Они забрали всю нашу одежду, — все тем же хриплым голосом пояснил Джеймс.

Я пригляделся к нему.

— Что это у тебя за шрам на горле? — спросил я.

— Меня поцарапали во время побега. Но из шкуры чужака, который ранил меня, мы сделали себе одежду.

— Узнаю любимого сына! Боливар, если тебе не трудно, достань из аварийного запаса бутылочку шампанского. Мы отпразднуем нашу встречу, а твоя мама тем временем расскажет, что же с ними произошло.

— Все очень просто, — начала Анжелина, морща носик от пузырьков шампанского. — Нас захватил один из боевых кораблей чужаков. Думаю, ты видел, как это случилось.

— Это был самый ужасный момент в моей жизни, — простонал я.

— Бедняжка. Как ты понимаешь, мы чувствовали себя точно так же. Мы открыли огонь из всех орудий, но внутренним стенам из коллапсиума это не причинило ни малейшего вреда. Когда появились чужаки, мы хотели разделаться с ними, но у нас опять ничего не вышло. Потолок опустился и раздавил наш корабль. Нам пришлось сдаться, и они обезоружили нас. По крайней мере, они так считали. Я вспомнила, как ты когда-то спасся на Бураде с помощью отравленных ногтей, и мы сделали то же самое. Они схватили нас и отвели в тюрьму или камеру пыток — у нас не было времени узнать поточнее — где мы быстро их уложили и дали деру.

— Прекрасно! Но ведь с тех пор прошло бесчисленное количество дней! Как вам удалось выжить?

— Благодаря помощи силайринов.

Она помахала рукой, и из другой комнаты выскочили пятеро мужчин, угрожающе размахивая оружием. Видя, что Анжелина совсем не беспокоится, я продолжал стоять на месте. У них были бледные лица и

длинные черные волосы. Их одежда — если ее можно так назвать — состояла из обрывков шкур, скрепленных кусками проволоки. Оружие — примитивные топоры и сабли — были остро заточены и имели довольно устрашающий вид.

— Очень рад приветствовать вас, — произнес я на эсперанто, но они даже не пошевелились.

— Если они не понимают эсперанто, то на каком языке они говорят? — спросил я у Анжелины.

— На своем собственном. Я уже выучила несколько слов.

— Ду геобхайр деармад тайше гаш сеонд, — сказала она.

Они закивали и стали потрясать оружием, испуская воинственные крики.

— Здорово ты с ними общаешься, — заметил я.

— Я сказала им, что ты мой муж и глава племени. И прибыл сюда, чтобы уничтожить врагов.

— Так оно и есть.

Я приветливо поднял руки над головой, и они снова одобрительно закричали.

— Боливар, угости наших союзников виски, пока твоя мамочка будет рассказывать, что, черт возьми, тут происходит.

Анжелина отпила шампанского из бокала и мило нахмурилась.

— Подробности мне неизвестны, — сказала она. — Языковой барьер и все такое прочее. Силайрины — коренные обитатели этой планеты или переселенцы. Похожи на людей. Судя по всему, здесь находилась колония, которая оказалась отрезанной после Распада. Как они оказались здесь, вдали от цивилизованных миров, мне до сих пор непонятно. Когда здесь появились чужаки, силайрины сразу же возненавидели их и стали оказывать ожесточенное сопротивление. Чужаки хотели истребить их и покрыли всю поверхность планеты металлом. Но люди пробрались в здания чужаков и стали жить в подвалах и за стенными переборками.

— Стальные Крысы! — воскликнул я. — Молодцы!

— Я знала, что они тебе понравятся. Когда, убежав от чужаков, мы мчались по коридору, они вылезли из

подвального люка и жестами позвали нас к себе. Именно в тот момент на Джеймса набросился чужак, но наш сын справился с ним. Силайрины сняли с него шкуру и отдали ее нам. Может, мы не так хорошо говорим на их языке, но дела лучше всяких слов. Прячась за стенными панелями, мы разработали план похищения звездолета. И освобождения адмиралов.

— Ты знаешь, где они?

— Конечно. Недалеко отсюда.

— Тогда нам нужен план. И хороший отдых. Почему бы нам не поспать, а битву устроить с утра?

— Потому что у нас нет времени и, к тому же, я знаю, что у тебя на уме.

— Ладно, — вздохнул я. — И что же мы будем делать?

Мы как раз решали этот вопрос, когда дверь распахнулась, и в комнату вошел мой любвеобильный Гар-Бэй. Он был настроен игриво, судя по его розовой ночной рубашке. Гар-Бэй жутко удивился.

— Джим, крошка, почему у тебя разрезано брюхо?.. Ох!

Последнее слово он добавил, когда чья-то сабля проткнула ему грудь. После короткой битвы он рухнул на пол, хотя его отрезанный хвост, в котором несомненно находился рудиментарный мозг, извиваясь, пополз по коридору и скрылся за углом.

— Надо сматываться, — сказал я.

— В спасательный туннель! — крикнула Анжелина.

— А я пролезу в него в своем маскировочном костюме? — спросил я.

— Нет.

— Тогда подождите: я что-нибудь придумаю.

Я стал думать. Быстро думать.

— Так, Анжелина, ты хорошо разбираешься в этом лабиринте коридоров?

— Разумеется.

— Прекрасно. Боливар, вылезай из робота и уступи место маме. Покажи ей, как управлять этой штуковиной, и отправляйся со всеми остальными. Мы потом сами тебя найдем.

— Как здорово! — расцвела Анжелина. — А то мои ноги совсем устали. Джеймс, покажи брату, куда

идти. Встретимся позже. Отрежьте от этой туши пару кусков мяса. У нас сегодня на обед будут гости.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил я.

— Адмиралов. Мы освободим их при помощи твоего оружия, а я проведу их подземными туннелями.

Все согласились с этим планом. В семье диГризов долго не думают, а силайрины научились быстро принимать решения, сражаясь с противником. Со стены сорвали гобелен, за которым открылась потайная дверь. Как это чужаки не заметили, что происходит у них под самым носом, или нюхательным щупальцем, или как это у них там называется? Боливар и Джеймс скрылись в проеме, а за ними туда ринулись наши союзники, громко крича «Скадан! Скадан!»

— Как тут уютно, — сказала Анжелина, залезая в корпус робота. — Здесь есть замкнутая радиосеть?

— Да. Цепь номер четырнадцать. Переключатель рядом с твоей правой рукой.

— Нашла! — Ее голос раздался рядом с моим ухом. — Ты иди впереди, а я буду указывать тебе дорогу.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Я выскочил в коридор, а робот последовал за мной. Отрубленного хвоста нигде не было видно. Я несколько раз ударил по металлической двери, пока ее не заклинило. Это задержит преследователей и собьет их с толку.

Путешествие по металлическому городу был долгим и на редкость скучным. Чужаки слабо разбирались в планировании и лишь добавили незначительные постройки к уже существующим. Сырые извилистые коридоры, где с потолков капала вода, сменялись металлическими площадками под открытым небом. Иногда коридоры использовались как стоки воды, и я плыл по ним, активно работая хвостом. Робот был слишком тяжелый, и ему приходилось передвигаться по дну. Мы проходили через склады, фабрики — вы можете себе представить тысячу крокодилоподобных существ, работающих отбойным молотком? — спальни и другие помещения. И везде было полно всяких монстров, которые радостно приветствовали меня. Я махал им рукой, бормоча себе под нос проклятия.

— Все это мне уже порядком надоело, — признался я Анжелине по цепи замкнутой связи.

— Терпение, мой герой. Мы уже почти у цели. Осталось всего несколько километров.

Вскоре мы заметили стену, которую охраняли вооруженные пиками зубастые монстры. При виде меня они восторженно зашумели и стали стучать пиками о землю.

— Джим! Джим! — кричали они. — Да здравствует Гештункин! Добро пожаловать к нам!

Судя по всему, все они видели вечерние новости, и я произвел на них неизгладимое впечатление. Я поднял лапы и подождал, пока стихнет шум.

— Спасибо! Спасибо! — завопил я. — Как я рад, что сражаюсь бок о бок с такими тошнотворными тварями, как вы! — Падкие на лесть монстры зашумели еще больше. — За время моего короткого пребывания здесь я видел немало уродливых, омерзительных и жутких тварей, но вы уродливейшие, омерзительнейшие и жутчайшие из всех. — Подождав, пока стихнут восторженные крики, я перешел к делу. — Мы на Гештункине видели только один корабль с бледными двуногими. Естественно, мы сразу же разорвали их на куски. Как я понял, у вас тут целый спутник. Не так ли?

— Именно так, Джим Скользкий, — ответил, брызгая слюной, один из них.

Теперь я разглядел у него на голове золотые изображения комет и понял, что это какой-то важный чин. Я обратился к нему:

— Это хорошая новость. Они здесь?

— Да, здесь.

— А нет ли у вас какого-нибудь ненужного бледнокожего, которого я бы мог сожрать?

— Я бы с удовольствием отдал бы его такому красавчику, как ты, но увы... Все они нужны для получения информации. К тому же, список желающих расправиться с ними после этого уже полон.

— Жаль, конечно. Может, мне хотя бы удастся посмотреть на них? Надо знать противника в лицо.

— Только отсюда. Без пропуска к ним нельзя. Просунь глаза через решетку и полюбуйся на них.

В одном из моих фальшивых глаз была вмонтирована телекамера, и я просунул отросток с этим глазом через решетку. Они действительно были там. Изможденные, с седыми бородами, они бродили по тюремной камере. Некоторые лежали на полу. Адмиральская форма превратилась в лохмотья. Хотя они и адмиралы, но мне их стало жалко. И адмиралы когда-то были обычными людьми. Их надо освободить!

— Спасибо, — поблагодарил я. — Я обязательно доложу Совету о вашей любезности.

Я помахал им лапой и пошел прочь. В ответ они замахали своими щупальцами. Они напоминали мне стаю взбесившихся осьминогов.

— Я в отчаянии, — сообщил я своей жене-роботу, когда мы завернули за угол. — Их оттуда не вытащить.

— Выше голову! — передала мне по радио Анжелина. — Спускайся по ступенькам. Мы проберемся к ним снизу.

— Умница! — Я ласково похлопал когтистой лапой по ее металлическому плечу. — Это то, что надо. Но как узнать, что мы под ними?

— Мы узнаем. Пока ты толкал политическую речь перед этими монстрами, я прикрепила к стене ультра-волновой сигнализатор.

— Конечно! Ты это еще раньше придумала! А то я чуть не позеленел от зависти. Но все равно я доволен находчивостью моей женушки.

— Если это так, то не стоит говорить об этом в таком пренебрежительном тоне. Женщины вообще умнее мужчин.

— Признаю свою вину, о мой робот! Веди меня, и я последую за тобой.

Мы спустились по скользким ступенькам в кромешную тьму. Прекрасно, значит здесь никого нет. Анжелина включила пару прожекторов, и мы увидели перед собой массивную дверь.

— Можешь проделать в ней дыру? — спросила она, высунув голову наружу, чтобы немного подышать воздухом.

— Подожди. Проверь своими детекторами, нет ли там сигнализации.

— Полным-полно, — ответила она, тщательно проведя детектором по поверхности дыры. — По крайней мере, двенадцать сигнальных устройств. Отключить их?

— Не стоит. Просканируй эту стену. Если она чистая, мы пройдем через нее.

Так мы и сделали. Тупоголовые чужаки. Мое мнение об их умственном коэффициенте упало еще на несколько пунктов.

— Так вот почему они так охраняют это место! — воскликнула Анжелина, освещая подвал своими прожекторами.

— Городская казна! — присвистнул я. — Надо будет еще сюда вернуться.

Повсюду валялись награбленные богатства из многих миров. Слитки золота и платины, бриллианты, всевозможные монеты и банкноты. Да на эти деньги можно построить целый банк! Не в силах противиться своим преступным инстинктам, я разорвал мешок с золотыми монетами и принялся валяться в деньгах.

— Я знаю, тебя всегда это успокаивает, — снисходительно сказала Анжелина. — Но ты не забыл, что мы еще должны спасти адмиралов?

— Нет, конечно. Веди меня. Теперь я чувствую себя помолодевшим.

Она включила свой ультраволновой приемник и пошла по направлению стрелки. Взломав несколько дверей и пробив пару стен, мы оказались на месте.

— Мы прямо под сигнализатором, — объявила Анжелина.

— Отлично. — Я осмотрелся. — Здесь должна быть охраняемая стена, а здесь — пленники. — Я тщательно измерил расстояние. — Электродрель готова?

— Жужжит от нетерпения.

— Вот здесь. Принимайся за работу.

Протянув руку с укрепленной на ней дрелью, она принялась сверлить ржавый потолок. Когда звук изменился, Анжелина выключила прожекторы и уменьшила обороты дрели. Через некоторое время она опустила руку, и через дырку в потолке пробился луч света. Мы молча ждали тревоги, но все было тихо.

— Дай-ка я сам посмотрю, — сказал я.

Стоя на кончиках пальцев и хвоста, я просунул в дырку отросток с глазом. Просканировав все на триста шестьдесят градусов, я убрал отросток.

— Отлично. Вокруг полно всякого хлама, никто из адмиралов не смотрит в нашу сторону, а охранников не видно. Дай мне молекулярный расщепитель и отойди в сторону.

Я вылез из своего костюма, встал на него и легко дотянулся до потолка. Молекулярный расщепитель — это такое приспособление, которое уменьшает связывающую способность молекул и превращает их в мономолекулярный порошок. Я вырезал в потолке круглую дыру, стараясь не чихать от летевшей во все стороны пыли. Взяв вырезанный диск, я передал его Анжелине, аккуратно просунул голову в отверстие и огляделся по сторонам. Все в порядке. Прямо передо мной сидел приунывший адмирал. Я решил немного поднять его боевой дух.

— Эй, адмирал, — прошептал я, и он повернулся в мою сторону.

Его глаза округлились, а искусственная челюсть чуть не выпала, когда он увидел перед собой голову без тела.

— Тихо, я пришел спасти вас. Понятно? Кивните головой.

Зря я доверял адмиралам. Он не только кивнул головой, но и вскочил на ноги, заорав во все горло:

— Охрана! На помощь! Нас хотят спасти!

Глава 9

Я и не ждал благодарности, особенно от офицера, но это было выше всякого понимания. Пролететь тысячи световых лет через всевозможные опасности, вытерпеть омерзительные объятия Гар-Бзя, чтобы спасти побитых молю адмиралов, первый из которых тут же выдал меня охране. Это уж слишком.

Впрочем ничего другого я и не ожидал. Стальная Крыса всегда начеку. Мой пистолет с иглками был наготове на случай появления охранников, но я мог использовать его и против пленников. Я переставил защелку с «яда» на «сон» — надо сказать, это потребовало от меня большого усилия воли, — и всадил стальную иглу адмиралу в шею. Он шлепнулся на пол, растопырив руки, будто в последний момент захотел обнять своего спасителя.

Я замер, вернее, окаменел, когда увидел его заплетающуюся.

— Что случилось? — раздался снизу шепот Анжелины.

— Ничего хорошего, — прошипел я в ответ. — Тихо!

Я опустил голову пониже, чтобы среди поломанных стульев, пустых жестянок от еды и другого мусора ее не было видно. Услышали ли охранники шум? Но

остальные пленники точно услышали. Два дряхлых адмирала подошли к распростертому телу товарища.

— Что с ним такое? Припадок? — спросил один из них. — Ты слышал, что он кричал?

— Не совсем. Я выключил свой слуховой аппарат, чтобы не садилась батарейка. Нечто вроде «Хахана! Аромащ! Гас патят хахитеть!»

— Бессмыслица. Может, это что-то означает на его родном языке?

— Нет. Старый Шимсчах с Дешника, но в дешниканском языке нет таких слов.

— Давай перевернем его и посмотрим, дышит ли он еще.

Так они и сделали. Я одобрительно кивнул, увидев, что, как только они повернули тело, иголка выпала из шеи старого Шимсчаха. Улика уничтожена, а Шимсчах придет в себя не раньше, чем через два часа. У меня будет достаточно времени. Планы уже роились в моей голове.

Опустившись вниз, я схватил металлический диск, намазал его края лепак-клеем — крепче всякой сварки — и поставил его на место. Клей мгновенно затвердел, и дыра в потолке исчезла. Тогда я спрыгнул на пол и тяжело вздохнул.

— Анжелина, будь так любезна, включи свой прожектор и достань бутылку самого лучшего виски.

Зажегся свет, в моей руке оказался стакан, и Анжелина терпеливо ждала, когда я поднесу его к губам. Затем спросила:

— Может, теперь ты поведаешь своей жене, что, черт возьми, там произошло?

— Извини, свет моей жизни. Случилось нечто непредвиденное. — Я опустошил стакан. — Все началось, когда я шепотом обратился к ближайшему адмиралу. Он взглянул на меня и принялся звать охранников. Пришлось в него выстрелить.

— Одним меньше, — удовлетворенно заметила Анжелина.

— Не совсем. Я выстрелил в него усыпляющей иглой. Никто не понял, что он сказал, меня не заметили, и дыра в потолке заделана. Но не это меня беспокоит.

— Я знаю, что ты еще не пьян, но в твоих словах отсутствует ясность.

— Извини. Все дело в адмирале. Когда он упал, я увидел на его запястьях тонкие красные полосы, похожие на шрамы.

— Ну и что? — удивленно спросила Анжелина и вдруг побледнела. — Нет, это просто невозможно.

Я нахмурился и медленно кивнул.

— Серые люди. Их почерк я узнаю, где угодно.

Серые люди. По спине у меня пробежали мурашки, что со мной случается крайне редко. Я могу храбро и стойко сражаться против любой физической угрозы, но, как и все вы, ненавижу вмешательство в мое серое вещество. У мозга нет защиты. Стоит воткнуть электрод в центр удовольствий мозга подопытного животного, как оно будет нажимать на кнопку, посылающую электрический разряд до тех пор, пока не умрет от голода или жажды. Умрет счастливой смертью.

Несколько лет назад, улаживая один межпланетный конфликт, я оказался в роли такого подопытного животного. Меня поймали, связали, а затем отрезали кисти рук. Я тогда потерял сознание, а когда очнулся, кисти снова были на месте. Только на запястьях остались такие же тонкие шрамы, какие я видел у адмирала.

Но руки мои на самом деле никто не отрезал. Эту картину внушили мне подсознательно. Но я чувствовал, будто это действительно случилось со мной, вместе с другими отвратительными вещами, о которых лучше не вспоминать.

— Здесь должны быть серые люди, — сказал я. — Они заодно с чужаками. Не удивительно, что они подчинили себе адмиралов. Привыкшие к приказам и суровой дисциплине, они представляют собой прекрасные объекты для промывания мозгов.

— Ты прав. Но разве это возможно? Чужаки ненавидят людей и никогда бы не стали сотрудничать с серыми людьми. Какими бы противными они ни были — они все равно люди.

Как только она произнесла эти слова, я сразу же все понял. Улыбнувшись, я обнял и поцеловал ее, что принесло удовольствие нам обоим. Затем я отстранил

Анжелину, ибо ее близость мешала мне сосредоточиться.

— Послушай внимательно, любовь моя. Похоже, я придумал, как распутать этот клубок. Не все еще ясно, но я знаю, что должна сделать ты. Не могла бы ты привести сюда ребят и толпу силайринов? Надо пробраться наверх, перестрелять охрану, усыпить адмиралов и унести их отсюда.

— Все это возможно, но слишком опасно. Как мы освободим их из тюрьмы?

— Я позабочусь об этом. Если на всей планете начнется страшная неразбериха и никто не будет знать, чьи приказы выполнять, — это не облегчит твою работу?

— Разумеется, это упростит задачу. Что ты собираешься предпринять?

— Если я тебе скажу, ты запретишь мне ввязываться в это опасное дело. Скажу только, что это надо сделать, и только я способен на это. Я снова залезу в свой костюм чужака, а у тебя будет два часа, чтобы собрать свое войско. Как только начнется неразбериха, приступай к действиям. Отведи всех в какое-нибудь безопасное место, желательно возле космодрома. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Пусть меня ждет проводник. Только не дольше двух часов. Именно столько времени мне нужно, чтобы осуществить свой план. Проблем не должно быть. Но если они все же возникнут и я не вернусь вовремя, пусть он сразу возвращается к тебе. Как ты знаешь, я сам могу о себе позаботиться. Мы не можем рисковать всей операцией из-за одного человека. Вернется проводник со мной или без меня — уходите. Захватите звездолет и улетайте с этой планеты.

— И все же я надеюсь на твое возвращение. — Анжелина грустно поцеловала меня. — Ты так и не признаешься, что задумал?

— Нет. Если я тебе начну об этом рассказывать, то могу и сам передумать. Мне надо сделать всего три вещи. Обнаружить серых людей, выдать их нашим друзьям чужакам, а затем вовремя смыться.

— Думаю, тебе это удастся. Надеюсь, ты справишься со всеми тремя пунктами. Особенно с последним.

Мы залезли в свои маскировочные костюмы и быстро разошлись. Анжелина направилась в нужную ей сторону, а я — в противоположную. Я думал, что хорошо запомнил дорогу, но, наверное, где-то повернул не в ту сторону. Пытаясь выбраться на верхний уровень, я провалился через ржавый пол в какое-то подземное озеро или водохранилище. Мне пришлось немало поработать хвостом в полной темноте. Вскоре я наткнулся на стену. Выход тут был явно не предусмотрен, но я исправил это обстоятельство следующим образом. Сбросив из-под хвоста гранату, я ударом лапы направил ее в стену. Она с грохотом взорвалась, и через пролом я увидел свет. Ко мне уже спешил патруль чужаков, чтобы узнать, что произошло.

— Ох! Помогите, пожалуйста! — застонал я, раскачиваясь из стороны в сторону и держась лапами за голову.

К счастью, патрульный офицер тоже смотрел новости по телевизору.

— Красавчик Джим! Что с тобой? — взволнованно закричал он, показав пять тысяч гнилых зубов и два метра пурпурной глотки.

— Предательство! Среди нас предатели! — завопил я. — Передайте своему командиру, чтобы немедленно созвали Военный Совет. И пусть меня туда отнесут.

Они исполнили это немедленно, обхватив меня сотнями щупалец с присосками. Таким образом я отдохнул и сэкономил энергию аккумуляторов. Наконец они опустили меня возле двери в конференц-зал.

— Все вы — омерзительные ребята, и я вас никогда не забуду, — пообещал я.

Они радостно закричали, хлопая по полу мокрыми щупальцами.

Я ворвался в зал с криком:

— Предательство! Измена!

— Займите свое место и сделайте свое заявление по всем правилам, — сказал секретарь.

Но чудище, напоминавшее фиолетового кита, страдающего геморроем, отнеслось ко мне с большим сочувствием.

— Скользящий Джим, ты взволнован. Мы слышали, что в твоих апартаментах произошло сражение. От славного Гар-Бэя остался один хвост, который почти ничего не может рассказать. Может, ты объяснишь, что там произошло?

— Конечно. Я все расскажу, если секретарь даст мне слово.

— Ну ладно, — хмуро прогнусавил секретарь, с каждой секундой становясь все больше и больше похожим на раздавленную лягушку. — Заседание считаю открытым. Слово имеет Скользящий Джим.

— Вот в чем дело, — сообщил я притихшим тварям из Военного Совета. — У нас, гештункинцев, есть масса разных достоинств. Не считая сексапильности, конечно. — Последовала шумная овация, восторженное хлюпанье и чавканье. — Спасибо, спасибо. И вам того же. Так вот, что касается запахов... Сядь на место, я знаю, что от меня приятно пахнет. Мы наделены тончайшим обонянием. И, как я уже говорил, именно это обстоятельство привело меня к мысли, что на этой планете что-то не так. Я нюхал и нюхал, пока не вынюхал людей!

Среди воплей ужаса я различил выкрики «Силайрины!» и отрицательно покачал головой.

— Нет, это не силайрины. Не местные обитатели планеты. Я сразу же обнаружил их, но от них нет никакого вреда, и я уверен, что карательный корпус позаботится о них. Я имею в виду людей, проникших в наши ряды.

Всполошившись, твари кричали и визжали, пока я приводил в порядок свои когти при помощи пилочки. Затем я поднял лапы вверх, призывая к тишине, и шум мгновенно стих. Все глаза — большие и маленькие, красные и зеленые — смотрели на меня.

— Да. Они среди нас. Люди. Делают все возможное, чтобы выиграть эту войну. И одного из них я вам покажу! Прямо сейчас!

Моторы в моих задних лапах загудели, когда я прыгнул, пролетев по воздуху метров двадцать. Это был изящный прыжок. Я со страшным грохотом приземлился прямо на стол секретаря. Схватив когтями за

шиворот, я поднял его в воздух. Он брыкался, пытаясь вырваться.

— Ты с ума сошел! Отпусти меня! Я такой же, как и ты!

Именно этого я и ждал. Пока у меня в голове были одни лишь догадки. Если здесь действительно присутствовали серые люди, то они были замаскированы под чужаков, а единственной тварью с четырьмя конечностями, кроме меня, был секретарь. Для чужака он был слишком организован. И когда он заговорил, все мои сомнения рассеялись. Издав торжествующий крик, я вонзил только что отточенные когти в его горло.

Он хрипло заорал, и во все стороны брызнула черная жидкость.

Я глотнул и на какое-то мгновение растерялся. Может, я ошибся? Может, я собирался разорвать секретаря Военного Совета в присутствии высших командных чинов? Вряд ли им это понравится. Нет! Мои сомнения длились всего лишь секунду, а потом я принялся за дело. Ошибки быть не могло. Проведя острым когтем по шее секретаря, я оторвал ему голову.

Воцарилась мертвая тишина, когда голова шмякнулась о пол. Затем послышался всеобщий вздох.

Внутри первой головы находилась вторая. Маленькая, лысая человеческая голова. Секретарь был серым человеком!

Если все члены Совета застыли, охваченные ужасом, то серый человек не растерялся. Выхватив пистолет из жаберной щели, он направил его на меня. Разумеется, я этого ждал и выбил пистолет у него из рук. Но когда, выхватив из другой жабры микрофон, он принялся что-то кричать туда на непонятном языке, я слегка замешкался.

Я не стал спешить, потому что именно это было мне и нужно. Дав ему время, чтобы передать свое сообщение, я выхватил у него микрофон. Тут он пнул меня ногой в живот, и я, сложившись пополам, рухнул на пол. Открыв потайной ход, он быстро скрылся внутри.

Придя в себя, я отмахнулся от предложенной помощи.

— Не беспокойтесь обо мне, — прохрипел я. — У меня смертельная рана. Отомстите за меня! Арестуйте всех черных лягушек, похожих на секретаря. Не дайте им скрыться. Быстрее!

Я тут же откатился в сторону, чтобы меня никто не раздавил. На всякий случай, если кто-нибудь наблюдал за мной, я слегка побился в конвульсиях и, прикрыв глаза, осмотрелся. Зал был пуст.

Только тогда я открыл потайной ход и последовал за серым человеком.

Вы спросите меня, откуда я знал, куда идти? С удовольствием отвечу. Во время схватки я прицепил к его костюму маленький генератор нейтрино. Частички нейтрино могут беспрепятственно проходить через толщу планеты. Так что металлические конструкции города абсолютно не влияли на прохождение сигнала. Стоит ли говорить, что детектор нейтрино находился в кончике моего носа. Я никогда не отправлялся на задание без полной экипировки.

Светящаяся стрелка указывала вперед и вниз. Я направился вперед и вниз. Мне хотелось узнать, чем занимались серые люди на этой планете. Беглец должен привести меня прямо в их логово.

Мне повезло. Он привел меня прямо к их кораблю.

Увидев впереди свет, я замедлил шаг, оставаясь в затемненном туннеле, и принялся разглядывать огромное куполообразное сооружение. В центре стоял звездолет темно-серого цвета. Со всех сторон к нему спешили серые люди. Некоторые уже сбросили свои маскировочные костюмы, а другие шлепали в своих нарядах чужаков. Крысы, покидающие тонущий корабль. И все это благодаря мне. Теперь на планете царит паника, значит Анжелина уже начала операцию по спасению адмиралов. Все шло по плану.

Хотя я и не думал, что обнаружу их корабль, но, глядя на их поспешное бегство, я решил, что не стоит упускать такую возможность. Но как узнать, куда он полетит? Существует множество приспособлений, которые можно легко прицепить к кораблю и следить за его передвижениями. Но ни одного из них у меня при себе не было. Тут я дал маху. Впрочем, самый

маленький детектор такого типа весит около девяноста килограммов. Что же делать?

Я принял решение в тот момент, когда сверху на меня упала металлическая сетка и серые люди облепили меня со всех сторон.

Я мужественно сражался, но кто-то ударил меня по голове железной трубой. Я не смог увернуться, и моя фальшивая голова треснула.

А через секунду мне показалось, что треснула и моя собственная.

Глава 10

Я проснулся, почувствовав, что задыхаюсь. Я ослеп, оглох и не мог двигаться. Голова раскалывалась от невыносимой боли. Я немного подергался, но бросил это бесполезное занятие, потому что голова разболелась еще сильнее.

Понемногу охватившая меня паника исчезла, и я попытался оценить ситуацию. Прежде всего, я на самом деле не задыхался, а просто уткнулся лицом в мягкую ткань. Слегка повернув голову, я вздохнул полной грудью.

Так что же произошло? Несмотря на пульсирующую боль в черепе, ко мне вернулась память. Серые люди! Они поймали меня в сеть и били по голове до тех пор, пока я не потерял сознание. После этого — темнота. А что потом? Где они меня держат?

Осуществив это путешествие по лабиринтам памяти, я понял, где я нахожусь. Меня оглушили и оставили в костюме чужака. И я до сих пор нахожусь внутри своего маскировочного наряда. Мои руки внутри механических рук, которые были прочно связаны. Пошевелившись — хотя это движение отозвалось резкой болью в голове, — я сумел высвободить правую руку. Я отодвинул пластиковые складки, которые давили мне на лицо, и понял, что моя голова соскользнула в шею костюма. Подержавшись еще немного, я сумел поднять

голову до оптического устройства и посмотреть на металлический пол. Очень интересно. Я постарался освободить вторую руку и ноги, но из этой затеи ничего не вышло. Все это было крайне неприятно, я хотел пить, а голова раскалывалась от боли.

Хорошо, что я оказался предусмотрительным и установил дополнительный резервуар с водой рядом с основным. Нащупав губами трубку, я выпил немного воды, а потом, включив языком подачу виски, влил в себя порцию спасительного напитка. Это быстро меня взбодрило, и, хотя в голове продолжали стучать молоточки, я уже не обращал на них внимания. Теперь, по крайней мере, я мог манипулировать глазами. С трудом мне удалось высунуть один оптический отросток и повернуть его на триста шестьдесят градусов.

Интересное зрелище. Я сразу же понял, почему не могу двигаться. Тяжелые цепи, связывавшие меня, были намертво приварены к полу. Это значительно уменьшало мои шансы на освобождение. Я находился в небольшом помещении без мебели с куполообразным потолком. Это что-то напоминало мне, и глоток виски освежил мою память.

Космический корабль. Космический корабль, последнее, что я увидел перед тем, как потерять сознание. Корабль серых людей, летевший в космосе. Я прекрасно знал, куда он летит, но не хотел думать об этом, чтобы не впадать в депрессию. Сначала надо ответить на один вопрос. Почему они связали меня в костюме чужака?

— Да потому что, идиот, они не знали, что это всего лишь маскировочный костюм! — закричал я.

И тут же пожалел об этом, потому что моя голова чуть не взорвалась от боли.

Но это действительно было так. Костюм чужака был слишком хорош, чтобы заподозрить подделку. Когда серые люди набросились на меня, они понятия не имели, кто я такой на самом деле. Они приняли меня за обычное чудище. Наверное, они очень спешили — цепи были приварены к полу кое-как. Они спешили покинуть планету, пока их не разорвали на части миллионы слизких чужаков. Поэтому они закинули меня на корабль, опутали цепями и стартовали в

не известном мне направлении, надеясь разобраться со мной позже.

— Ура! — прошептал я. Затем принялся выбирать-ся из костюма.

Нелегкая работенка, но все же мне это удалось, и я вылез через разрез на груди, как мотылек из куколки. Потянувшись и похрустев суставами, я почувствовал себя гораздо лучше. И совсем обрадовался, когда вытащил из костюма свой пистолет. Теперь, стоя на металлической палубе, я чувствовал вибрацию. Корабль летел в космосе в не известном мне направлении. Освободившись от оков, с пистолетом в руке, я мог посмотреть в глаза правде. Десять к одному, что мы летели домой. На планету серых людей.

Не совсем приятная перспектива, но у меня были шансы улучшить ее. До того, как мы приземлимся и меня придут проводить. Сейчас они, наверное, устали после такого спешного побега и совсем потеряли бдительность. То, что я хотел сделать, надо было делать немедленно. В этом я не сомневался. Я поставил переключатель на пистолете со «взрыва» на «яд», а потом на «сон». Хотя я и был уверен, что серые люди заслуживают смерти, я не мог хладнокровно убивать их. Хватит и того, что я их выведу из строя на время. Если я захвачу корабль, я смогу их всех изолировать. Если же мне не повезет, число оставшихся не будет иметь значения.

— Вперед, Скользкий Джим, спаситель Человечества, — подбодрил себя я.

И тут же с отчаянием обнаружил, что дверь намертво закрыта. Конечно, здесь нужен термит, как же я мог об этом забыть. Я направился к своему маскировочному одеянию. Все системы еще работали, и из-под хвоста выпала граната. Всего лишь пару секунд мне понадобилось на то, чтобы прикрепить гранату к замку. Она замечательно рванула, проделав дыру в двери и наполнив комнату густым, едким дымом. Я не закашлялся лишь потому, что вовремя схватил себя за горло и сжал пальцами кадык.

Отдуваясь, пыхтя и багровея, я пнул ногой дверь. И тут же нырнул в коридор, где упал на пол, целясь во все стороны из пистолета. Ничего. Пустой коридор, к

тому же, плохо освещенный. Затем я прикрыл дверь дулом пистолета. Вызвать подозрения могли только небольшие выпуклости возле замка, Пока дверь закрыта, время работает на меня.

Куда теперь? На дверях были номера, и, как на любом звездолете, они уменьшались в сторону носа, где размещался центр управления кораблем. Туда я и направился, как вдруг одна из дверей открылась и оттуда вышел серый человек. Он вытаращил глаза и открыл рот, чтобы позвать на помощь. Но игла из моего пистолета вонзилась ему в горло, и он хлопнулся на палубу. Я прижался к стене, готовый к любым неожиданностям, но коридор был пуст. Пока мне везло.

Но куда деть тело? Решение созрело через секунду. Я приоткрыл ближайшую дверь и заглянул внутрь. Судя по всему, это было спальное помещение. Там, храпя наперебой, спали двенадцать серых людей. Их сон стал еще крепче, когда я выпустил в каждого по иголке. Притащив из коридора первого спящего красавца, я швырнул его на кучу маскировочных костюмов.

— Приятных снов, — пожелал я им, закрывая дверь. — У вас был тяжелый день, но я обещаю, что все ваши трудности еще впереди.

Судя по всему, я недолго находился в бессознательном состоянии. Сваленные в кучу костюмы и спавшие серые люди указывали на то, что мы недолго находимся в космосе. Несколько человек управляли кораблем, остальные безмятежно спали. Может, найти бодрствовавших и тоже уложить спать? Нет, слишком опасно. Неизвестно, сколько их вообще на корабле. К тому же в любую секунду меня могли обнаружить и поднять тревогу. Лучше всего захватить капитанскую рубку. Отрезать ее от остальной части корабля, направиться к ближайшей станции Лиги и позвать на помощь. Если мне удастся сообщить о своем местонахождении, я смогу остановить корабль и дожждаться прибытия подмоги. Прекрасная идея. Надо воплотить ее в жизнь.

С пистолетом в руке я крался по коридору к командирской рубке. Проходя мимо двери с надписью «Радиорубка», я открыл ее и пожелал спокойной ночи радисту. Он уткнулся носом в панель передатчика. И

тут же заснул. Передо мной была последняя дверь. Я сделал глубокий вдох. С тыла и флангов мне ничего не угрожало. Медленно выдохнув, я открыл дверь.

Больше всего я опасался перестрелки, ведь шансы на победу у меня были невелики. Зайдя в командирскую рубку, я тихо закрыл за собой дверь и огляделся по сторонам. Четыре человека. И все заняты работой. Прямо передо мной маячили два затылка, и я вонзил в них по иголке. Владельцы затылков тут же расслабились. Я осторожно шагнул вперед. Человек, сидевший на месте главного инженера, повернул голову, и тут же получил за это иглу в шею. Оставался последний. Командир. Я не стал его усыплять, потому что хотел с ним поговорить. Засунув пистолет за пояс, я на цыпочках приблизился.

В последний момент он обернулся, но было уже поздно. Я сомкнул пальцы на его шее. Его глаза вылезли из орбит, и он еще несколько секунд подпрыгивал ногами, прежде чем потерять сознание.

— Шестнадцать-ноль в пользу хороших парней, — удовлетворенно заметил я и сплясал боевой танец. — Но сначала закончи дело, а потом веселись, идиот!

Я был прав. Как всегда я давал себе полезные советы. Порывшись в ящике, я выудил оттуда моток проволоки и крепко связал руки и ноги командиру. Затем привязал его к трубе подальше от пульта управления. Уложив остальных членов экипажа в ряд, я отстучал пару вопросов компьютеру.

Это был чудесный компьютер, который изо всех сил старался мне понравиться. Сначала он сообщил мне курс и конечную точку полета. Я запомнил эти данные, а для верности записал их на ладони. Если корабль летел туда, куда я предполагал, это должна быть планета серых людей. Специальный Корпус давно уже хотел узнать, где она находится. Что ж, Инскипп получит от меня массу полезных сведений. Затем я запросил координаты ближайшей базы Лиги, установил нужный курс и расслабился.

— Два часа, Джим, всего два часа. Потом мы выйдем из искривленного пространства и окажемся возле базы. Одно коротенькое сообщение — и серым людям конец. Гип-гип — ура!

Затылком я почувствовал на себе взгляд. Обернувшись, я увидел, что командир пришел в себя и смотрел в мою сторону.

— Ты слышал это? — спросил я. — Или тебе повторить?

— Я слышал, — ответил он бесстрастным голосом. На его лице не отражалось никаких эмоций.

— Вот и хорошо. Меня зовут Джим диГриз.

Он молчал.

— Ну, давай, как тебя зовут? Или мне посмотреть на твой ошейник?

— Я — Ком. Твое имя нам известно. Ты и раньше вмешивался в наши дела. Мы уничтожим тебя.

— Рад слышать, что моя репутация идет впереди меня. Но не кажется ли тебе, что это пустая угроза?

— Каким образом ты обнаружил наше присутствие? — спросил Ком, проигнорировав вопрос.

— Уж если ты так хочешь знать, вы сами себя выдали. Возможно, вы и мастера на всякие гадости, но у вас убогое воображение. Ваш фокус с отрезанными руками работает безотказно — уж я-то знаю! — поэтому вы и зациклились на нем. Я видел шрамы на запястьях у одного адмирала.

— Ты один?

Кто кого допрашивал? Но, учитывая свое преимущество, я мог позволить себе быть вежливым.

— Сейчас я один. Но через пару часов здесь будет полным-полно представителей Лиги. На планете нас было четверо. Всем остальным, я надеюсь, удалось бежать, прихватив адмиралов, с которыми вы так нехорошо поступили. Они расскажут о том, что с ними произошло, и, будьте уверены, вас ожидает теплый прием. Вы и ваши люди ведете себя довольно гадко.

— Ты говоришь правду?

Мое терпение лопнуло, и я сказал ему пару теплых слов, каких ему до сих пор еще не доводилось слышать. Надеюсь.

— Ком, друг мой. Ты разозлил меня. Мне нет смысла тебе лгать, ведь у меня на руках все козыри. А теперь заткнись, и я сам задам тебе пару вопросов, на которые я жажду получить ответы. Ты готов?

— Нет.

Я удивленно посмотрел на него. Впервые за все время он повысил голос. Нет, он не закричал, и тон был не злобный. Он просто сказал «нет» твердым командирским голосом.

— Пора заканчивать этот фарс. Мы узнали все, что хотели. Можете заходить.

Это был самый настоящий кошмар. Двери распахнулись, и в рубку стали заходить серые люди. Я стал в них стрелять, но они все шли и шли. Трое лежавших офицеров поднялись с пола и тоже направились ко мне. Я истратил все иглы, я швырнул в них пистолет и попытался удрать.

Но они схватили меня.

Глава 11

Хотя я и специалист по рукопашному бою и знаю массу запрещенных приемов, всему есть предел. Особенно если противникам нет числа. Хуже всего то, что они совершенно не умели драться. Они просто висли на мне. Этого было достаточно. Я сбил с ног первых двух, потом еще трех, уложил еще пару человек, но они продолжали наступать. Честно говоря, мне это уже порядком надоело. В конце концов они просто навалились на меня всем скопом, и на этом все закончилось. Сковав мне руки и ноги, они бросили меня на пол. Офицеры заняли свои места. Я хмуро смотрел, как они снова ввели в компьютер прежний курс. Покончив с этим, Ком повернулся ко мне.

— Ты обманул меня, — сказал я.

Не совсем удачная реплика, но как-то надо завязать разговор.

— Конечно.

Трудно обвинить серых людей в многословии. Они никогда не скажут лишнего слова. Но я продолжал гнуть свою линию. Меня охватила легкая паника, потому что теперь я попал в ловушку и не видел никакого выхода.

— А зачем ты это сделал? Скажешь?

— Я полагаю, что это очевидно. Мы, разумеется, могли бы применить к тебе нашу стандартную проце-

дуру мозгового контроля, как мы в начале и планировали. Но мы хотели срочно получить ответы на некоторые интересовавшие нас вопросы. Несколько лет мы работали среди чужаков, и они ничего не заподозрили. Мы желали узнать, каким образом ты обнаружил наше присутствие. Дело в том, что у нас есть технологии психоконтроля для любых жизненных форм. Когда мы готовили мозговые датчики, мы и узнали твою истинную личность. В природе ведь не существует металлических черепов. Мы поняли, что это всего лишь твой маскировочный костюм. Твое лицо слишком было похоже на лицо человека, за которым мы охотимся много лет. Именно тогда я решил пойти на хитрость. Если ты — тот, которого мы ищем, тебе никогда в голову не придет, что тебя могут обмануть.

— Твоя мать никогда не встречалась с твоим отцом, — огрызнулся я.

Никудышный ответ, но ничего лучше я пока не мог сказать. Потому что знал — Ком прав. Меня обвели вокруг пальца как простака.

— Я знал, что если ты будешь считать, что у тебя на руках все карты, ты ответишь на все вопросы. Иначе, чтобы получить на них ответы, нам бы понадобилось несколько дней. А на это у нас не было времени. Поэтому мы разыграли эту комедию. Твой пистолет был заряжен стерильными иглами. Все хорошо сыграли свои роли. А ты — лучше всех.

— Считаешь себя слишком умным?

Это все, что я смог ответить. Меня охватило отчаяние.

— Я действительно умный. Много лет я являюсь организатором всех наших операций, и только два раза они провалились. И оба раза по твоей вине. Теперь, когда мы поймали тебя, никто не сможет помешать нам.

Жестом он приказал своим людям поднять меня с пола.

— Держите его взаперти, пока мы не прилетим. У меня больше нет желания с ним разговаривать.

Деморализованный... Раньше я не понимал смысла этого слова. Лишенный способности двигаться, охваченный тяжелой депрессией и отчаянием. Это кого

удовно заставит думать о самоубийстве. Но только не меня, конечно. Пока я жив, жива и надежда. Эта мысль лишь углубила мое отчаяние, потому что никакой надежды не было.

Эти люди работали слишком старательно. Подвесив меня за руки на крюк, они принялись снимать с меня одежду, обувь и все остальное. Медленно, не спеша. Затем они избавили меня от таких явных вещей, как ножи, гранаты и отмычки. Затем, при помощи флуороскопа и детектора металлов, они забрали у меня то, что было спрятано гораздо тщательнее. Просветив рентгеном челюсть, они удалили два моих зуба, которые до этого никому обнаружить не удавалось. Когда они закончили, я легчал на несколько фунтов и чувствовал себя, как новорожденный ребенок. Какое унижение.

Забрав все с собой, меня оставили голым на холодном полу камеры. Который, как я заметил, становился холоднее с каждой минутой. Когда на нем появился иней, я застучал зубами и покрылся гусиной кожей. Я принялся скакать по камере. Это немного согрело меня. Дверь приоткрылась, и охранник просунул ко мне голову.

— Я сейчас умру от холода, — заикаясь, произнес я. — Вы специально понизили температуру. Прекратите эту пытку.

— Мы не используем такие пытки, — почти удивленно ответил он. — Корабль разогрелся при взлете, а теперь он охлаждается до нормальной температуры.

— Я замерзаю. Может, вы и привыкли жить в холодильнике, но я — нет. Дайте мне какую-нибудь одежду или убейте сразу.

В тот момент я действительно так думал. Выжить в таких условиях было невозможно. Охранник немного поразмышлял и удалился. Вернулся он с теплым комбинезоном и четырьмя помощниками. Они сняли с меня оковы и надели комбинезон. Я не стал противиться, потому что один из них засунул мне дуло пистолета прямо в рот. Палец на спусковом крючке побелел от напряжения. Я знал, что в случае чего он не станет долго раздумывать. Я не шевелился, пока на меня надевали комбинезон и натягивали тяжелые башмаки.

Пока меня снова не заковали в кандалы, пистолет оставался в том же месте.

Прошло четыре дня, прежде чем мы достигли конечного пункта нашего путешествия. Мои враги были никудашными собеседниками и не отвечали даже на самые оскорбительные ругательства. Еда была безвкусной, но питательной. Поили меня только водой. Естественные потребности я удовлетворял при помощи горшка, и все это мне смертельно надоело. Какие только планы побега ни рождались в моем мозгу. В наручниках, без оружия, я не смог бы захватить корабль, даже если бы мне удалось сбежать. Чего я тоже не мог сделать. К тому времени, когда мы прибыли, я уже почти впал в кому от безысходности и тоски.

— Где мы? — спросил я пришедших за мной охранников. — Давайте, болтуны, говорите. Если вы мне скажете название планеты, никто вас за это не расстреляет. Я ведь все равно никому об этом не расскажу.

Они долго думали, и наконец один из них решился.

— Кеккончихи, — сказал он.

— Будь здоров. Только не вытирай нос рукой. Ха-ха!

Мне пришлось самому смеяться над своей шуткой. Никто меня не поддержал.

Какая ирония судьбы! Я обладал информацией, которая могла навсегда покончить с серыми людьми. Знал название планеты и где она находится. И не мог передать эту информацию. Если бы я обладал минимальными пси-способностями, через минуту здесь было бы полно солдат Лиги. Но таких способностей у меня нет. Меня не раз подвергали пси-тестированию. Я ничего не мог сделать.

Но теперь я мог занять свой мозг и избавиться от депрессии, угнетавшей меня все эти дни. Наступило время снова подумать о побеге.

Нет, я совсем не сумасшедший. Просто мы наконец прибыли и скоро должны покинуть корабль. Меня отведут в какое-нибудь место, где со мной произойдут не очень хорошие вещи. Я в этом не сомневался. Я еще не знал, что именно со мной произойдет, но

понимал, что будет только лучше, если я этого никогда не узнаю. Когда мы выйдем из корабля, какое-то время проведем в пути. Именно тогда я должен действовать. Правда, я понятия не имел, что ждет меня после посадки. Но все равно я должен что-то делать.

Серые люди и не думали создавать мне условия для побега. Я попытался выглядеть равнодушным, когда с меня сняли все цепи и застегнули на шее металлический ошейник. Хотя в тот момент в моих жилах застыла кровь. Тонкий шнур от ошейника шел к металлической коробочке, которую один из охранников держал в руке.

— Можно обойтись без демонстрации, — попытался сказать я самым непринужденным тоном. — Я уже носил такую штуку, и ваш друг Край — помните Край? — довольно долго демонстрировал мне принцип действия ошейника.

— Я могу сделать так, — сказал охранник, дотрагиваясь пальцем до одной из кнопок.

— Мне это уже показывали, — закричал я, пятясь назад. — И слова те же самые. Я знаю, вы никогда не отступаете от правил. Стоит только нажать на кнопку...

Пламя охватило все мое тело. Я ослеп, оглох, чувствуя, как горит моя кожа. Каждый болевой нерв заработал на полную катушку под воздействием нейтральных токов, генерируемых в коробочке. Я знал это, но какая польза от таких знаний? Боль была нестерпимой и, казалось, никогда не прекратится.

Когда все наконец закончилось, я обнаружил, что лежу на полу, не в силах пошевелить и пальцем. Меня подняли на ноги и потащили по коридору. Охранник с коробочкой время от времени толкал меня в спину, чтобы показать, кто тут главный. Я с ним не спорил. Хотя я мог уже ковылять сам, двое серых людей крепко держали меня под руки.

Мне это нравилось. Я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Они были уверены, что я не сбегу.

— Снаружи холодно? — спросил я, когда мы подошли к шлюзовой камере.

Никто не удостоил меня ответом. Однако они надели меховые шапки и рукавицы.

— А как насчет рукавиц для меня?

Меня снова проигнорировали.

Когда дверь шлюзовой камеры распахнулась, я понял, почему они так тепло оделись. Мощный порыв ледяного ветра со снегом ударил мне в лицо. Судя по всему, сейчас далеко не лето. Меня потащили через метель.

Может, это была и не метель, но с неба падали тяжелые хлопья снега. Тусклое солнце освещало снежную белизну ландшафта. Снег, снег и снег, куда ни посмотри. Нет, что-то темное промелькнуло вдали и пропало — каменная стена или какое-нибудь здание. Мы продолжали брести, и я старался не обращать внимание на онемевшие руки и лицо. Нам оставалось пройти еще добрые двести метров. Ноги и тело согрелись, хотя лицо просто заледенело.

Мы были уже на полпути к ожидавшему нас теплomu жилищу, когда снова налетел шквальный ветер. За секунду до этого я поскользнулся и упал, потащив за собой одного из охранников. Он не стал жаловаться, хотя и нажал на кнопку, отчего мое тело пронзила острая боль. Так он предупреждал, чтобы в следующий раз я был повнимательней. И все это молча. Я тоже не издал ни звука. Потому что в падении изловчился перекинуть провод от ошейника через плечо, а затем схватил его зубами. И перекусил.

Это не так трудно, как может показаться. Ведь коронки на моих передних зубах сделаны из силиконового карбида. Они невидимы для рентгеновских лучей, потому что у них такая же плотность, как и у обычной эмали. Но по прочности они не уступают и стали. Коронки захрустели и потрескались, когда я плюхнулся на снег, чтобы никто не видел, как я грызу шнур. Снег скрыл меня от охранников на несколько секунд. Этого было вполне достаточно. Человеческие челюсти могут сдавливать предмет с усилием до тридцати пяти килограммов, и я старался изо всех сил.

Шнур лопнул. Как только это произошло, я двинул коленом в пах охраннику, стоявшему справа. Он громко вскрикнул и отпустил мою руку. Ударом ладони по горлу я вырубил второго. Теперь мои руки были свободны, и я прыгнул в сторону.

Стоявший позади меня охранник больше полагался на электронику, чем на свои рефлексy, поэтому и потерял драгоценные секунды. Занимаясь его коллегами, я все время был к нему спиной. А он ничего не предпринял. Только судорожно нажимал на кнопки своей коробочки. Он все еще тыкал в нее пальцем, когда получил удар ногой в живот. Я подставил ему плечо, и он рухнул на меня.

Я даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кто же там так кричит. Ввалив обмякшее тело охранника на плечо, я заковылял в снежную мглу.

Все это может показаться безумием. Но не большее ли безумие покорно следовать за этими существами, обрекая себя на верную смерть? Я это уже однажды испытал, и до сих пор на моих запястьях краснели шрамы. Конечно, я теперь мог замерзнуть насмерть. Но это гораздо лучше, чем попасть в лапы серым людям. К тому же я надеялся, что, оставшись на свободе, смогу причинить им немало неприятностей.

Не так уж сильно я ослаб. Это была всего лишь хитрость, чтобы сбить охранника с толку. Хотя теперь я ослабевал — и замерзал — очень быстро. Безжизненное тело охранника весило немало, и это замедляло мой шаг. Но я продолжал идти, пока не споткнулся и не упал головой прямо в сугроб. Мои руки и лицо так онемели, что совсем не чувствовали холода.

Со всех сторон доносились крики, но метель скрывала меня от преследователей. Непослушными пальцами я снял шапку с охранника и нахлобучил ее на свою голову. Мне еле удалось расстегнуть его одежду. Я сразу же сунул свои руки ему под мышки. Казалось, их охватил огонь, но понемногу пальцы стали отогреваться.

От холода мой спутник быстро пришел в себя. Как только его глаза открылись, я вытащил одну руку и, сложив ее в кулак, врезал ему по челюсти. Он тут же потерял сознание, а я присел на корточки, ожидая, когда утихнет боль. Один из преследователей прошел совсем рядом, но нас не заметил. Я не чувствовал никаких угрызений совести, когда снял с охранника перчатки. Поднявшись на ноги, я пошел прочь сквозь снежную пелену.

Потом я побежал. Я часто спотыкался, но не чувствовал холода. Это было единственным утешением. Когда метель стала стихать, я плюхнулся спиной в сугроб, глубоко провалившись в снег. Голоса преследователей раздавались все дальше и дальше. Я лежал, восстанавливая дыхание, и чувствовал, как по лицу течет пот. Затем я осторожно разгреб снег и высунул голову.

Никого не видно. Я подождал, пока снова пойдет снег, и резвым галопом побежал к металлическому забору. Высоченный забор из металлической сетки тянулся до горизонта как в правую, так и в левую сторону. Если к забору была подключена сигнализация, то она уже наверняка сработала. Поэтому отступать не было смысла. Я уже забрался на забор, когда мне в голову пришла прекрасная идея, и я спрыгнул обратно.

Если сигнализация сработала, они станут искать меня в этом месте. Я не собирался облегчать им работу. Вместо того, чтобы перелезть через металлическую сетку, я во всю прыть помчался вдоль забора. Бежал я минут десять. Оглядевшись, никого не увидел. Тогда я перелез через забор, спрыгнул с другой стороны и направился в белую пустыню. Я бежал, пока не рухнул от изнеможения. Лежа в снегу, я с трудом переводил дыхание. Отдышавшись, я внимательно огляделся по сторонам.

Ничего. Только снег. Никаких следов. Ни кустов, ни деревьев, ни камней. Никаких признаков жизни. Белая бескрайняя пустыня, тянущаяся, насколько хватало глаз. Когда вьюга прекратилась, я увидел вдали темное здание, от которого я хотел уйти как можно дальше.

Я развернулся и, спотыкаясь, побрел прочь.

Глава 12

— Ты свободный человек, Джим. Свободный. Свободный как птица.

Я пытался таким образом немного взбодрить себя, и это помогло. Только здесь не было птиц. В этой застывшей пустыне не было ничего и никого, кроме меня, в одиночку бредущего по глубокому снегу. Что мне рассказывал Край об этой планете много лет тому назад? Покопавшись в памяти, я на пару секунд отвлекся от мрачных мыслей. Не зря же я посещал курсы по развитию памяти. Я выстроил нужную ассоциативную цепочку и — готово. Память сработала.

Он сказал, что здесь всегда холодно. Здесь нет зеленых растений. Да и вообще тут ничего не растет. Судя по всему, сейчас стояло лето. А что же будет зимой? Они ловят в море рыбу, сказал Край. Жизнь существует только в море. В снегу ничто не выживает. Кроме меня, разумеется. А сколько я еще проживу, зависит от того, сколько я еще смогу двигаться. Одежда согревала меня. Правда, только тогда, когда я передвигал ногами. Но это не может продолжаться вечно. Я видел уже одно здание. Значит, должны быть и другие. Должно же здесь быть что-нибудь еще кроме этого проклятого снега?

Действительно, кое-что было. И я чуть не свалился туда. Интуитивно почувствовав, как снег ушел у меня

из-под ног, я отскочил назад. Раздался треск, и в зияющей расщелине я увидел темную воду. Когда щель стала шире, я заметил лед и понял, что все это время я шел не по земле, а по замерзшей поверхности моря.

При такой температуре мне наверняка бы грозила смерть, даже если бы я намочил только ноги. Я бы замерз. Мне эта мысль совершенно не понравилась. Не поднимаясь, я распределил свой вес на снегу и пополз от расщелины. Лишь оказавшись на безопасном расстоянии, я встал и, шатаясь, побрел обратно по своим следам.

— Что теперь, Джим? Думай быстрее. Повсюду вода, а по ней ходить довольно трудно.

Остановившись, я посмотрел по сторонам. Снег перестал идти, но снежная пыль, поднимаемая ветром, клубилась в воздухе. Но я теперь знал, куда смотреть, и в один из периодов затишья увидел темную линию океана. Она уходила налево и направо, насколько хватало глаз.

— Значит, сюда мне путь закрыт. — Я обернулся. — Судя по этим припорошенным следам, великий арктический путешественник, ты пришел отсюда. Нет смысла идти обратно. Пока. Встречающая группа точит ножи. Думай, что делать дальше.

Я стал думать. Если эта земля была такой пустынной, как мне рассказывал Край, то жилища не должны располагаться далеко от океана. Поэтому мне стоило держаться берега. На безопасном расстоянии, чтобы не свалиться в воду. Надо идти в другом направлении. Я надеялся, что здание космодрома не было последним строением в этой ледяной пустыне. Я тронулся в путь, стараясь не думать о том, что тусклый диск солнца опустился почти до самого горизонта. Когда стемнеет — мне конец. Я понятия не имел, как долго длится ночь на Кеккончихи, но знал наверняка — короткая она или длинная, рассвета мне уже не видать. Надо немедленно найти какое-нибудь укрытие. Вернуться обратно? Нет. Конечно, это сумасшествие — но я продолжал идти вперед.

Солнце угасло, мои надежды тоже. Снежная пустыня окрасилась в темные цвета, но я по-прежнему не видел никаких признаков жизни. Увязая в глубоком снегу, я совсем выбился из сил. Но я знал, что стоит мне только остановиться, и мне грозит смерть. Поэтому я продолжал переставлять свинцовые ноги. Хотя я натянул шапку на лицо, нос и щеки совсем потеряли чувствительность.

Мне пришлось остановиться, когда я стал валиться с ног. Я стоял на четвереньках, тяжело дыша.

— Почему бы тебе не остаться здесь, Джим? — спросил я сам себя. — Это гораздо легче, чем куда-то идти. Говорят, что смерть от холода абсолютно безболезненна. — Это показалось мне хорошей идеей. — Какая еще хорошая идея, идиот! Вставай и продолжай идти!

С величайшим трудом мне удалось подняться на ноги. Еще больше усилий понадобилось, чтобы передвигать одну ногу за другой. Полностью поглощенный процессом ходьбы, я не сразу обратил внимание на темные точки, маячившие на горизонте. Сначала я просто остановился и уставился на них, пытаясь привести в порядок свои заledenевшие мысли. Точки передвигались и увеличивались в размерах. Когда я это осознал, то плашмя шлепнулся на снег. Лежа в снегу, я внимательно наблюдал, как трое лыжников проскользили метрах в ста от меня.

Дождавшись, когда они исчезнут из виду, я встал. На этот раз мне не понадобилось никаких усилий. Из маленькой искры надежды разгорелось пламя. Снег перестал падать, а ветер стих. Следы от лыж четко виднелись на снегу. Они куда-то вели. Вели туда, куда лыжники хотели попасть до наступления темноты. Что ж, именно это мне и нужно. Внутри меня закипела энергия, и я пошел по лыжне.

Хотя энергия быстро улетучилась, я продолжал идти. Приближавшаяся ночь уже не пугала меня — отчаяние уступило место надежде. Лыжники двигались быстрее меня, но не слишком быстро. До начала сумерек они уже будут дома. Я надеялся, что тоже дойду туда.

Теория была правильной, но воплотить ее в жизнь оказалось не так уж просто. Солнце еще не опустилось за горизонт, но скрылось за плотными облаками, и видимость резко ухудшилась. Идти по следам было все труднее и труднее. К тому же я смертельно устал. Остановившись, я поднял глаза, поморгал, прищурился и увидел черное пятно на горизонте. Мой мозг настолько промерз, что я не сразу осознал важность увиденного.

— Черное — это прекрасно! — хрипло прошептал я. — Это не белый снег, а тебе подходит все, кроме снега.

Я снова заковылял, размахивая руками и высоко держа голову. Я попытался насвистывать, но мои губы потрескались от холода. Белое безмолвие уже не тревожило меня. Черное пятно оказалось зданием, нет, группой зданий. Все ближе и ближе. Здания из темного камня. Маленькие окна. Покатые крыши, чтобы на них не скапливался снег. Крепкие и уродливые здания. Но что за скрип вдруг донесся до моих ушей?

Я шел беззвучно, потому что ступал по рыхлому снегу. А это были шаги по утоптанному снегу. И они приближались. Вернуться обратно? Нет, лучше упасть. Когда я рухнул на снег, идущие завернули за угол ближайшего здания.

Мне ничего больше не оставалось, как лежать неподвижно и надеяться, что меня не заметят. По чистой случайности меня никто не увидел. Шаги становились все громче и громче, затем стали удаляться и, наконец, стихли. Я осторожно поднял голову и увидел колонну уходивших людей. Человек двадцать. Они завернули за следующее здание и скрылись из виду. В отчаянии я вскочил на ноги и засеменил за ними. Я завернул за угол как раз вовремя — последний человек как раз скрылся в здании. Большая и тяжелая дверь громко хлопнула. Именно туда мне и надо. Я скорее падал вперед, чем шел. И откуда у меня только взялись силы? Подойдя к двери, я дернул за ручку.

Дверь не открывалась.

В жизни полно таких моментов, которые лучше забыть и никогда не вспоминать. Спустя некоторое время они кажутся забавными, о них можно со смехом рассказывать после ужина, сидя у горящего камина. Но сейчас мне было абсолютно не смешно. Мало того, я понял, что мне конец.

Сколько я ни дергал за дверь, она не поддавалась. Напрасно я крутил ручку окоченевшими пальцами. Окончательно выбившись из сил, я навалился на дверь, чтобы не упасть. Она вдруг поддалась и открылась вовнутрь.

Впервые в жизни я не стал проверять, что находится по ту сторону двери. Я просто ввалился в теплое помещение и услышал, как дверь хлопнулась за мной. Тепло, великолепное тепло окутало меня, и, прислонившись к стене, я наслаждался им. Передо мной тянулся длинный, плохо освещенный коридор со стенами из грубо отесанного камня. Я был один, но вдоль коридора виднелось множество дверей, откуда в любой момент мог кто-нибудь выйти. Но я ничего не мог с собой поделать. Если бы стены не было, я бы просто упал на пол. Я стоял, прислонившись к ней, как ледяная статуя. Снег таял, и под ногами у меня натекли лужицы. Я чувствовал, как вместе с теплом ко мне возвращается жизнь.

Ближайшая от меня дверь распахнулась, и оттуда вышел человек. До него было не более двух метров.

Стоило ему только повернуть голову, он бы заметил меня. Даже в сумрачном свете я разглядел его серую одежду, длинные сальные волосы и даже перхоть на плечах. Стоя ко мне спиной, он сунул ключ в замочную скважину и запер дверь.

Затем он пошел по коридору и вскоре пропал из виду.

— Хватит подпирать стену. Подумай лучше о том, что делать дальше. Ты, ржавая стальная крыса, действуй! — подбодрил я себя хриплым шепотом. — Не испытывай судьбу. Убирайся из этого коридора. Почему бы тебе не зайти в ту дверь? Если он ее запер, то там наверняка никого нет.

Хорошая мысль, Джим. Только где взять отмычку? Найди что-нибудь подходящее, вот и все. Я снял меховые рукавицы и вместе с шапкой засунул их за пазуху. Хотя внутри здания было холодно, мне показалось, что я нахожусь в раскаленной печи. Мои посилившие пальцы обрели гибкость, хоть и сильно болели. Я потрогал обрывок шнура, свисавшего с металлического ошейника. Внутри были провода. Разжевав их зубами, я сделал из них подобие отмычки и засунул ее в замок.

Замок с огромной замочной скважиной оказался большим. Я превосходный взломщик. Что ж... мне повезло. Я шуровал отмычкой в замке, пока он наконец не поддался. В помещении царила тьма. Я зашел, закрыл за собой дверь, запер ее, а затем облегченно вздохнул. Впервые за все время после побега я почувствовал, что у меня появился шанс на спасение. Со счастливой улыбкой я повалился на пол и заснул.

Почти заснул. Хотя мои глаза слипались, я понял, что это не самое лучшее решение. Столько пройти и снова попасть в плен лишь потому, что меня сморил сон. Ни в коем случае.

— За работу! — приказал я себе и прикусил кончик языка.

Это тут же привело меня в чувство. Я вскочил на ноги, ругаясь от боли, и принялся на ощупь продвигаться по комнате. Это было узкое помещение, похожее на коридор. Оставаться здесь не было никакого смысла, поэтому я направился туда, где за поворотом виднелся тусклый свет. Осторожно высунув голову, я увидел в стене небольшое окошко. По ту сторону окна стоял мальчик и смотрел прямо на меня.

Отступать было поздно. Я улыбнулся ему, потом нахмурился, но он не обратил на меня никакого внимания. Затем мальчик пригладил волосы рукой. Где-то глухо прозвенел звонок, и мальчик поспешно ушел.

Конечно. Одностороннее стекло. С его стороны зеркало, а с моей — дымчатое стекло. Зеркало, установленное специально для наблюдения. Чтобы наблю-

дать, оставаясь незамеченным. Наблюдать за кем? Я прошел дальше по коридору и увидел за стеклом помещение, напоминавшее классную комнату. Мальчик вместе со своими одноклассниками теперь сидел за партой и внимательно слушал учителя. Учитель — серый человек с серыми волосами и бесстрастным лицом — вел занятие. На нем не отражалось никаких эмоций. И — как я внезапно понял — на лицах мальчиков тоже. Никто не улыбался, не смеялся, не жевал резинку. Все внимательно слушали учителя. Совсем не похоже на урок. По крайней мере, моя учеба проходила гораздо веселее. За спиной учителя висел плакат. На нем было написано большими черными буквами: НЕ УЛЫБАЙСЯ, и дальше: НЕ ХМУРЬСЯ.

Оба указания неукоснительно выполнялись. Что это за школа? Когда мои глаза привыкли к тусклому свету, я увидел рядом с окошком динамик и выключатель. Понятно, для чего это надо. Я щелкнул выключателем и тут же услышал монотонный голос учителя:

— ... Моральная Философия. Это обязательный предмет, который вы будете изучать, пока не овладеете им в совершенстве. Вы не должны допускать ошибок. Именно Моральная Философия делает нас великими. Именно Моральная Философия позволяет нам править другими. Вы уже читали книги по истории и знаете о Днях Кеккончихи. Вы знаете, как нас бросили на произвол судьбы и только Тысяча осталась в живых. Когда они проявляли слабость, они умирали. Когда они боялись, они умирали. Когда они позволяли эмоциям брать верх над разумом, они умирали. Сегодня вы здесь лишь потому, что они выжили. Моральная Философия дала им силы выжить. Она даст силы и вам. Когда вы вырастаете, вы покинете этот мир и установите господство над более слабыми расами. Мы — высшая раса. У нас есть на это право. А теперь отвечайте. Если вы слабы?

— Мы умрем, — монотонным хором ответили ученики.

— Если вы боитесь?

— Мы умрем.

— Если вы позволяете эмоциям...

Я выключил звук, чувствуя, что услышал более чем достаточно. А затем погрузился в раздумья. Все эти годы, которые я посвятил преследованию и борьбе с серыми людьми, я никогда не задумывался, почему они такие? Я воспринимал их враждебность, как нечто само собой разумеющееся. То, что мне удалось подслушать, говорило о том, что их жестокость и настойчивость были далеко не случайными проявлениями. Их бросили на произвол судьбы, как сказал учитель. Наверное, на этой планете когда-то существовала колония. Возможно, чтобы добывать там руду, минералы или что-нибудь в этом роде. Планета была неприветливой и настолько удаленной от цивилизованных миров, что для основания колонии надо было иметь весомую причину. Затем этих людей бросили. Очевидно, это случилось в тяжелые годы Распада. Судя по всему, колония во всем зависела от внешнего мира. Оставшись одни, люди вынуждены были сами заботиться о своих нуждах. Наверное, большинство из них умерли, выжила лишь горстка самых стойких. Они выжили — если это можно назвать жизнью, — отказавшись от всех человеческих чувств и эмоций, посвятив свою жизнь лишь борьбе за существование. Они начали борьбу с безжалостной планетой и победили.

Но при этом они потеряли свою человечность. Они стали похожи на машины, стремящиеся только к одной цели — выжить. Они эмоционально огрубели и превратились в моральных уродов. И теперь называли это силой, которая возвеличит их будущие поколения. Моральная Философия. Назвать ее моральной можно было лишь в то время, когда они старались выжить на этой планете. Но о какой морали может идти речь, когда они принялись закабалить другие народы. Их надо было исправлять, так, по крайней мере, считали серые люди. Остальная часть Человечества была слабой и излишне эмоциональной, смеялась и хмурилась, тратила энергию на всякие глупости. Серые люди не только считали себя самыми лучшими — их заставляли думать, что они самые лучшие. Несколько поколений, взращенных на ненависти к тем, кто их бросил, —

и серые люди превратились в беспощадных галактических завоевателей. Они навязывали свои условия покоренным планетам. Слабые должны умирать — это основное правило. Выживших насильно вели к лучшей жизни.

Для тех немногих, которых они не могли завоевать сами, серые люди использовали других. Они задумали и осуществили межпланетную интервенцию на Клианду. Это продолжалось до тех пор, пока не вмешался Специальный Корпус. Операцию по борьбе с серыми людьми организовал я. Не удивительно, что они так хотели захватить меня своими холодными руками.

А здесь находилась их тренировочная база. Школа, в которой из каждого юного жителя Кеккончихи делали ревностного приверженца дела предков серых людей. Здесь не существовало никаких развлечений. Эта школа выживания, где в детях убивали их природные склонности, поразила меня. Я находился в тепле и — пока — в безопасности. Чем больше я узнаю об этом месте, тем больше у меня шансов придумать какой-нибудь план дальнейших действий. Хватит слоняться по темным коридорам. Я подошел к следующей классной комнате. Здесь располагалась мастерская. Подростки собирали какие-то приборы.

Какие-то приборы? *Те самые приборы.* Я схватился за обруч на шее, глядя на них, как кролик на удава.

Они собирали маленькие металлические коробочки с кнопками. Коробочки с проводами, которые тянулись к ошейникам. Точно такой же ошейник был на мне. Машины для пыток. Я провел рукой по стене и нащупал выключатель.

— ...разница только в применении, но не в теории. Вы собираете и испытываете эти синаптические генераторы, чтобы ознакомиться с их методом действия. Затем, когда вы перейдете к изучению аксионных фидеров, вам станет понятен их принцип функционирования. А теперь посмотрите на диаграмму на странице номер двадцать...

Аксионный фидер. Я должен узнать про него как можно больше. Я подозревал, что этот аппарат я ни разу не видел. Но сталкиваться с ним мне уже

приходилось. Мозговой утнетатель, который порождал ужасные воспоминания в памяти. Воспоминания о том, чего на самом деле не было. Впрочем, от этого мне было не легче.

Какой же я идиот. Стоял там, как столб, позабыв об опасности. Загипнотизированный голосом учителя, я не слышал приближавшихся ко мне шагов и не видел человека, который подошел ко мне вплотную. .

Глава 13

В таких случаях надо сначала действовать, а потом уже думать. Поэтому я бросился на него, пытаясь сдавить руками его горло. Он даже не пошевелился, а только тихо произнес:

— Добро пожаловать в школу Юрусарата, Джеймс диГриз. Я надеялся, что ты найдешь сюда дорогу...

Он замолчал, когда мои пальцы сдавили его горло. Он не сопротивлялся, на его лице не отражалось никаких эмоций. Он спокойно смотрел мне в глаза. У него была дряблая, морщинистая кожа, и я внезапно понял, что он очень-очень стар.

Хотя я прошел специальную подготовку и могу убить, защищая свою жизнь, я не могу душить стариков, которые не оказывают сопротивления. Мои пальцы разжались сами собой. Я выдержал его взгляд и сказал своим самым грозным голосом:

— Стоит тебе только позвать на помощь — и ты покойник!

— Я не собираюсь этого делать. Меня зовут Ханасу, и я ждал встречи с тобой, как только ты совершил побег. Я сделал все возможное, чтобы ты пришел сюда.

— Может, ты объяснишь, что все это значит?

Я опустил руки, но был готов к любым неожиданностям.

— Разумеется. Как только я услышал сообщение о твоём побеге, я сразу же попытался поставить себя на твоё место. Если ты пойдёшь на юг или на восток, ты окажешься в городе, где тебя сразу же поймают. Если ты пойдёшь в обратную сторону — на запад — ты выйдёшь к этой школе. Конечно, если ты отправишься на север, то сразу же окажешься возле моря и все равно повернешь на запад. Основываясь на этой теории, я изменил расписание занятий и сказал, что сегодня всем ученикам нужна физическая подготовка. Они, конечно, обозлились на меня, потому что теперь им придется наверстывать пропущенные часы в вечернее время. Но все же они прошли несколько километров на лыжах. Не случайно их маршрут пролегал следующим образом — сначала на юг, потом на запад, а затем обратно по берегу океана. Я решил, что увидев лыжников, ты последуешь за ними. Ты ведь так поступил?

Мне не было смысла лгать.

— Да. А что теперь ты собираешься делать?

— Делать? Поговорить с тобой, что еще? Никто не видел, как ты вошел в здание?

— Нет.

— Все гораздо лучше, чем я ожидал. Я был уверен, что мне придется кое-кому применить аксионный фидер. Я совсем забыл, что ты очень изобретательный человек. Если пройти до конца по этой наблюдательной галерее, мы окажемся в моем кабинете. Пойдем?

— Зачем? Ты хочешь выдать меня?

— Нет. Я хочу с тобой поговорить.

— Я тебе не верю.

— Это понятно. Тебе нет смысла доверять мне. Но у тебя нет выбора. Уж если ты сразу не убил меня, вряд ли ты это сделаешь сейчас. Следуй за мной.

С этими словами Ханасу повернулся и пошел по коридору. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. И держаться рядом. Я не собирался его убивать, но если бы он только попытался поднять тревогу, я бы быстро его успокоил.

Галерея извивалась, и мы проходили мимо многих классных комнат, но, к сожалению, я не мог остановиться и посмотреть, чем занимаются ученики. Я шел

за спиной Ханасу, когда он поднялся по ступенькам и взялся за ручку двери. Я схватил его за плечо.

— Что здесь? — спросил я.

— Мой кабинет. Я уже говорил...

— Здесь кто-нибудь есть?

— Навряд ли. Никто не имеет права заходить сюда без моего разрешения. Но я посмотрю...

— Лучше это сделаю я.

Я так и сделал. Ханасу оказался прав.

Я чувствовал себя как ящерица, одним глазом держа его в поле зрения, а другим осматривая комнату. Узкое, темное окно, полки с книгами, большой стол, шкаф с картотекой, несколько стульев. Я указал ему на стул, стоявший подальше от стола — в столе могли быть скрыты кнопки сигнализации. Он покорно уселся и сложил руки на груди. А я еще немного порыскал по кабинету. На столе стоял кувшин с водой и стакан. Я внезапно почувствовал, как мне хочется пить. Я налил себе полный стакан воды и опустошил его одним духом. Затем я упал на стул и закинул ноги на стол.

— Ты действительно хочешь мне помочь? — скептическим тоном спросил я.

— Да.

— Для начала ты можешь показать, как снять эту штуку с шеи?

— Конечно. Ключ в правом ящике стола. Замочная скважина рядом с проводом.

Немного повозившись, я наконец расстегнул ошейник и швырнул его в угол.

— Прекрасно. — Я повертел головой. — Хороший кабинет. Ты заведешь этой школой?

— Да. Я здесь Наставник. Меня сослали сюда в наказание. Они не осмелились убить меня.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь. Может, ты объяснишь, в чем дело?

— Разумеется. Планетой правит Комитет Десяти. Многие годы я состоял в этом Комитете. Я хороший организатор. Именно я спланировал всю операцию по захвату Клианды. Когда операция провалилась благодаря твоему вмешательству, я вернулся и стал Первым в Комитете. Именно тогда я попытался изменить наши

программы, и меня за это наказали. С тех пор я руковожу этой школой. Я не могу уйти отсюда и не могу изменить ни единого слова в программе обучения. Это надежная тюрьма.

Все это становилось весьма интересным.

— А какие изменения ты хотел внести?

— Радикальные. Я стал сомневаться в правильности наших целей. Я имел дело с другими культурами — прогнившими, как утверждали наши теоретики, — и у меня возникло много вопросов касательно нашей. Но как только я решил претворить свои идеи в жизнь, меня лишили власти и сослали сюда. На Кеккончихи не должны появляться никакие новые идеи...

Дверь открылась, и ученик втокнул тележку на колесах.

— Я привез ваш ужин, Наставник, — сказал он, а затем увидел меня. На его лице не отразилось никаких эмоций. — Это сбежавший пленник.

Только усталость удержала меня на месте. Мне пришлось немало пережить за день, и мозг — как и тело — уже не реагировал с присущей ему быстротой. Как мне поступить с этим учеником?

— Ты прав, Иору, — сказал Ханасу. — Заходи. Ты проследишь за пленником, а я пойду позову на помощь.

Когда я услышал эти слова, я подскочил как ужаленный, готовый прикончить их обоих. Но Ханасу не вышел из комнаты. Вместо этого он зашел Иору за спину и бесшумно закрыл дверь. Затем он взял с полки черную металлическую коробочку и коснулся ею затылка ученика. Мальчик застыл с широко раскрытыми глазами.

— Опасность миновала, — сказал Ханасу. — Я сотру в его памяти воспоминания о последних минутах. Вот и все.

К горлу у меня подкатил комок. Я почувствовал отвращение и страх. Да-да, именно страх.

— Что это за штука?

— Аксионный фидер. Ты не раз его видел, но, конечно, ничего не помнишь. Этот прибор может стирать воспоминания и заменять их другими. А теперь

выйди на минутку в коридор, чтобы ученик мог спокойно уйти.

Был ли у меня выбор? Я не знал. Возможно, усталость взяла верх. Я не стал спорить. Я просто подчинился. Хотя и не полностью закрыл дверь, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим в комнате. Ханасу что-то покрутил в аксионном фидере и снова приложил его к затылку мальчика. Ничего не произошло. Затем Ханасу открыл дверь и сел на свое место. Через несколько секунд мальчик зашевелился и принялся двигать тележку в комнату.

— Я привез ваш ужин, Наставник, — сказал он.

— Оставь его здесь и больше сегодня не приходи. Я не хочу, чтобы меня беспокоили.

— Слушаюсь, Наставник.

Повернувшись, ученик вышел, и я вернулся в комнату.

— Это приспособление... то самое, которое применяли ко мне? — спросил я.

— Да.

— Это самая ужасная и жестокая вещь во всей Галактике.

— Это всего лишь машина, — ровным голосом ответил Ханасу, кладя аксионный фидер обратно на полку. — Я не хочу есть, а ты, должно быть, голоден после стольких испытаний. Угощайся.

Действительно, я и думать забыл о голоде, но когда Ханасу напомнил мне о еде, я почувствовал, что могу съесть целого быка. В сыром виде. Я снял крышку с тарелки, и от вида пищи у меня потекли слюнки. Это была все та же безвкусная рыба, которой меня кормили на звездолете, но теперь она показалась мне изысканным деликатесом. Я засовывал себе в рот огромные куски, жевал и слушал Ханасу.

— Я пытаюсь понять, по какой причине ты считаешь эту машину жестокой вещью. Может, ты имел в виду цель, для которой она используется? — Я кивнул с набитым ртом. — Тогда причина мне понятна. Это моя беда. Я слишком умен, иначе бы я не был первым учеником в школе, а затем — Первым в Комитете. За годы, проведенные в ссылке, я пришел к мысли, что большинство людей на этой планете глупы

и лишены воображения. Ум и воображение являются препятствием для выживания в таком суровом мире, как наш. В результате селективного отбора мы уничтожили эти качества. Это означает, что я — исключение, мутант. Эти различия не проявлялись во мне в годы юности. Я верил во все то, чему меня учили, и получал только отличные оценки. Я раньше не задавал вопросов, потому что их здесь никто не задает. Самое главное — это послушание. Теперь меня терзают сомнения. Мы не высшая раса, мы просто не похожи на других. То, что мы хотели подчинить или уничтожить других, было нашей ошибкой. Наши контакты с чужаками в войне против собственного рода — величайшее преступление.

— Ты прав, — сказал я, с сожалением проглотив последний кусок. — Я бы не отказался еще от одной порции.

Но Ханасу, казалось, не слышал меня. Он продолжал:

— Когда я все это понял, я попытался изменить наши цели. Но это оказалось невозможным. Хотя я и руковожу этой школой, я не могу изменить ни единого слова в учебных программах.

— Я могу все изменить, — сказал я.

— Конечно, — согласился он, повернувшись ко мне.

Его лицо дрогнуло, и уголки губ слегка приподнялись. Он слабо улыбался, но все же это была улыбка.

— А как ты думаешь, почему я хотел, чтобы ты пришел сюда? Ты можешь сделать то, о чем я давно мечтаю. Спасти людей этой холодной планеты от самих себя.

— Достаточно одного сообщения. Стоит только передать данные о местонахождении этой планеты.

— А затем появятся... солдаты вашей Лиги и нас уничтожат. Трагедия неизбежна.

— Ничего подобного. Ни один волосок не упадет с ваших голов.

— Это издевательство, и оно мне не нравится. Перестань смеяться надо мной. — Мне даже показалось, что в его голосе прозвучало раздражение.

— Это правда. Ты просто не знаешь законов цивилизованного мира. Признаюсь, многие действительно предпочли бы стереть вашу планету в порошок, если бы узнали, где она находится. Но об этом будут знать только представители Лиги. Лига станет следить, чтобы ваши люди больше не делали гадостей. И предложит вам, как это делается в подобных случаях, помощь и сотрудничество.

Ханасу удивился.

— Не понимаю. Они должны убить нас...

— Достаточно убийств. У вас в голове только одно — жить или умереть. Убить или быть убитым. Эта философия принадлежит темному этапу развития человечества, который, я надеюсь, остался далеко в прошлом. Возможно, у нас не самая лучшая система правления с точки зрения этики, но мы, по крайней мере, запрещаем применять насилие в качестве меры воздействия. Как ты думаешь, почему ваши друзья чужаки добились таких успехов? У нас уже нет армий и флотов, предназначенных для ведения войн. Да и войн у нас давным-давно не было. Пока не появились серые люди и не постарались перевести стрелки часов на двадцать тысяч лет назад. Государство не должно возводить убийство в ранг государственной политики. Никогда.

— Такой закон необходим. Тот, кто убил, заслуживает смерти.

— Чепуха. Это не вернет мертвого к жизни. А общество, прибегающее к убийству, само становится убийцей. А сейчас у тебя вообще отвиснет челюсть. Высшая мера наказания не останавливает рост преступности, это доказанный факт. Насилие порождает насилие, убийство порождает убийство.

Ханасу мерил шагами комнату, пытаясь уяснить эти чуждые для него принципы. Тем временем я облизал тарелку и ложку. Вдохнув, Ханасу снова уселся на стул.

— То, что ты мне рассказал, не укладывается в моем сознании. Я должен все как следует обдумать, но не это сейчас важно. Самое главное — это то, что я уже принял решение. Оно созрело после долгих лет раздумий. Агрессии Кеккончихи надо положить конец.

Слишком много крови. Я считал, что по законам логики вы убьете всех нас за эти преступления. Но ты сказал, что этого не произойдет, и я верю тебе. Но это не так важно. Надо отправить послание вашей Лиге.

— Как?

— Это ты должен ответить на этот вопрос. Будь у меня такая возможность, разве я сам не связался бы с Лигой?

— Да, конечно. — Теперь наступила моя очередь ходить по комнате. — Конечно почтовая связь с другими планетами отсутствует. Пси-операторов тоже нет. Или есть? Неважно. Они все равно не передадут это сообщение. Радио?

— Ближайшая база Лиги находится на расстоянии четырехста тридцать световых лет.

— М-да, мы не можем столько ждать. Мне придется каким-то образом проникнуть на один из звездолетов, когда они будут стартовать.

— Это практически невозможно.

— Не сомневаюсь. Так что же ты предлагаешь? Знаю-знаю, ты только что сам задал мне подобный вопрос. Должен же быть какой-то выход. Может, он приснится мне. Есть здесь безопасное место, где...

Резкая трель прервала меня на полуслове. Я широко раскрыл глаза.

— Это коммуникатор. Меня вызывают по дальней связи. Отойди к стене, чтобы не попасть в поле зрения.

Он сел за стол и щелкнул переключателем.

— Ханасу, — произнес он бесцветным голосом.

— *Отряд прибует к вам через несколько минут. Все выходы из школы будут перекрыты. Следы беглеца ведут к вам, и, возможно, он прячется в вашей школе. В ближайшее время к вам отправится транспорт с шестью отрядами на борту. Школу обыщут, и беглец будет пойман.*

Глава 14

— Какие у вас имеются доказательства, что он в школе? — спросил Ханасу.

— *Следы на снегу, ведущие в вашем направлении. Или он прячется в вашей школе, или он погиб.*

— Ученики помогут вам обыскать школу. Они хорошо знают, где можно спрятаться в школьных зданиях.

— *Дайте соответствующий приказ.*

Выключив коммуникатор, Ханасу холодно посмотрел на меня.

— Итак, наш план провалился. Поймав тебя, они применят аксионный фидер и узнают о моем участии в заговоре. Согласен ли ты совершить самоубийство, чтобы защитить меня?

Все это он высказал мне с непроницаемым лицом. Тем же бесцветным тоном. Хотя в комнате было холодно, я почувствовал, как на лбу у меня выступила испарина.

— Не так быстро. Еще не все потеряно. Давай оставим самоубийство в качестве последнего средства. Я могу где-нибудь спрятаться?

— Нет. Они все обыщут.

— А здесь? В твоем кабинете. Скажешь им, что меня здесь нет.

— Ты не знаешь наших людей. Что бы я — или кто другой — ни сказал, они обыщут все помещения согласно полученному приказу. Мы очень старательные.

— Но у вас отсутствует воображение. Я перехитрю их.

В тот момент у меня самого было туго с воображением. Только адреналин, выброшенный в кровь предположением о самоубийстве, заставил шевелиться мои извилины. В отчаянии я посмотрел по сторонам.

— Окно! Я вылезу через него и спрячусь...

— Оно никогда не открывается. Закрыто намертво.

— Никогда не открывается? Даже летом?

— Сейчас лето.

— Я боялся, что ты это скажешь. Не все еще потеряно. — В моем голосе звучала безысходность, потому что у меня было предчувствие, что все потеряно. — Если нельзя спрятаться внутри, я спрячусь снаружи. Должен существовать какой-то выход на крышу. Чтобы сделать там ремонт. Или закрепить черепицу.

— Там нет черепицы.

Я с трудом удержался, чтобы не вырвать у себя клоч волос.

— Не надо понимать меня буквально. Ведь можно как-то попасть на крышу изнутри?

— Можно.

Я еле сдержался, чтобы не схватить его за горло и не вытряхнуть из него необходимые мне сведения.

— У тебя есть планы? Планы-схемы школьных зданий?

— Да. Они в шкафу.

— Тогда достань их. Побystрее, если можно.

Сколько времени осталось до прибытия поисковых отрядов? Я защелкал пальцами, погрыз ногти, и, когда Ханасу достал планы, вырвал их у него из рук. Я быстро переворачивал листы, не обращая внимания на его оптимистические замечания.

— Мы зря теряем время. Выхода нет. Я не хочу, чтобы меня пытали при помощи аксионного фидера. Если ты не желаешь покончить жизнь самоубийством, тогда я сам...

— Хватит ныть! — рявкнул я.

Мне это уже начинало действовать на нервы. Я ткнул пальцем в схему.

— Вот это. Что это за обозначение?

Ханасу взял листок, направил на него свет и прищурился. Мое сердце застучало в два раза быстрее.

— Да, я вижу, — наконец произнес он. — Это дверь.

Я хлопнул его по плечу.

— Мы спасены! Если ты сделаешь все, что я прикажу. Первое, распорядись, чтобы все собрались вместе. Я имею в виду не только учеников, но и учителей, поваров, садовников, специалистов по пыткам. Всех.

— У нас нет садовников.

— Какая разница! — Мой голос сорвался, и я с трудом взял себя в руки. — Самое главное, чтобы они собрались все вместе. Сейчас! Скажи им, что они должны участвовать в поисках. Остальное я объясню тебе потом.

Он беспрекословно выполнил мой приказ. Да здравствует железная дисциплина Кеккончихи! К тому времени, когда он объявил общий сбор, я уже знал, что делать дальше.

— Я не могу выйти отсюда незамеченным, поэтому тебе придется самому принести из лаборатории все, что мне нужно. А мне нужен гвоздемет — проверь, чтобы в нем было не менее десяти гвоздей или шурупов, — пятьдесят метров веревки, выдерживающей груз до пятисот килограммов, фонарик с батареями и машинное масло. Где мне подождать, пока ты все это принесешь?

— Здесь. В коридоре полно людей. К тому времени, когда я вернусь, все уже соберутся в конференц-зале.

— Замечательно.

— Я не знаю, что ты собираешься делать, но я тебе помогу. Когда тебя поймут, у меня будет время покончить с собой.

— Мне нравится, что ты, Ханасу, всегда смотришь в будущее с оптимизмом. А теперь за дело!

Он ушел, а я принялся мерить шагами ковер, пытаясь найти хоть один необгрызенный ноготь. За-

жужжал коммуникатор, и я быстро отпрыгнул в сторону. Ханасу отсутствовал четыре минуты, а мне показалось, что прошло четыре дня.

— Тебе звонят, — сообщил я, забирая у него вещи.

Пока он направлялся к коммуникатору, я рассовал все по карманам.

— Поисковые отряды прибыли. Все собрались в конференц-зале, — сообщил Ханасу.

— Хорошие новости. Спускайся вниз и организуй их. Скажи, чтобы они тщательно обыскали все здания снизу доверху. Мне необходимо как можно больше времени, ведь я не знаю, что ждет меня впереди.

— Ты собираешься вылезти на крышу?

— Пока еще сам не знаю. Пошевеливайся.

— Конечно, ты прав.

Он пошел к двери, открыл ее и обернулся.

— Удачи. Ведь так принято говорить в подобных случаях?

— Да. Спасибо. Я тоже желаю тебе удачи. Я постараюсь, чтобы нам не пришлось прибегать к пакту о взаимном самоубийстве.

Я вышел вслед за ним. Ханасу стал неторопливо спускаться по ступенькам, а я рванул по лестнице вверх, сжимая в кулаке схему здания. Восхождение согрело меня, но, добравшись до последнего этажа, я запыхался. Сегодня у меня был нелегкий день. В конце коридора виднелась дверь. Разумеется, она была заперта.

— Джим диГриз смеется над такими замками, — рассмеялся я, засунув ноготь большого пальца в замочную скважину огромного замка.

Дверь со страшным скрипом распахнулась, я заскочил вовнутрь и захлопнул ее за собой. Я поискал выключатель, но так и не нашел его. Было холодно и пахло сыростью. Я включил фонарик, который взял с собой, и огляделся. Вокруг меня громоздились ящики и груды пожелтевших бумаг. Дверь, которую я искал, находилась в дальнем конце комнаты. В добрых четырех метрах от пола. Лестницы не было.

— Все лучше и лучше, — подбодрил себя я и принялся ставить ящики один на другой.

Пришлось немного повозиться. Ведь я не мог таскать ящики по полу, чтобы не оставлять следов. Приходилось носить их на себе. Когда я закончил это занятие, мне уже не было холодно. Я даже вспотел, когда вспомнил про поисковые группы. Интересно, где они сейчас? Я принялся быстро карабкаться по ящикам.

Это была не дверь, а крышка люка размером в квадратный метр, расположенного почти у верхушки крыши. Когда я толкнул ее, она закрипела, и на меня посыпалась ржавчина. Ничего другого я и не ожидал. Я тщательно смазал петли машинным маслом, чтобы не скрипели, а затем тщательно вытер всю ржавчину. Теперь это была обычная крышка люка со смазанными петлями. Оставалось только надеяться, что тот, в чьи обязанности входит следить за такими люками, не окажется в составе поисковой группы. Мне ничего не оставалось, как пойти на этот риск. Теперь, когда я толкнул крышку люка, она легко открылась, и в лицо мне ударил ледяной ветер. Я высунул голову в холодную темноту. При тусклом свете звезд я увидел, что на крыше мне спрятаться негде.

— Решишь эту проблему в свое время, — сказал я сам себе с неискренним энтузиазмом. — Делай все по порядку. Раз до сих пор тебе удавалось их перехитрить, то в конце концов ты победишь.

Пытаясь таким образом поднять свой моральный дух, я вколачивал здоровенный гвоздь в замерзшую крышу. Затем я привязал к нему конец веревки. Веревка была достаточно толстой. По ней не будут скользить руки. Именно поэтому я и взял ее с собой.

Теперь мне осталось только перетащить все ящики обратно на свои места, стараясь не думать, что поисковые группы приближаются с каждой секундой. Я уже был почти там, хотя до сих пор не знал, где находится это «там». Мне хотелось лишь одного — залезть на крышу и закрыть за собой крышку люка. Но вместо этого я внимательно осмотрел весь пол при свете фонарика. И обнаружил чудесный отпечаток своей ноги на пыльной поверхности одного из ящиков. Я перевернул этот ящик этой стороной вниз. Только теперь, убедившись, что никаких следов больше не осталось, я направился к веревке. Прежде чем ухва-

титься за нее, я проверил свое снаряжение и выключил фонарик.

И тут, в полнейшей темноте, я услышал, как в замке поворачивается ключ.

Не знаю, существует ли такое спортивное состязание, как карабкание по четырехметровой веревке на время. Но если есть, то я установил новый мировой рекорд. Не переводя дыхания, я лез вверх, подгоняемый страхом. Еще мгновение назад я стоял на полу, а через секунду уже коснулся рукой крышки люка, вылез через него и, балансируя на коньке крыши, стал подтягивать веревку. Казалось, она никогда не закончится, и, когда я наконец втянул ее и стал закрывать крышку люка, в комнате зажегся свет.

— Ты, Букай, проверь эту сторону, а я — ту, — услышал я приглушенный монотонный голос. — Посмотри за ящиками. В самые большие — где может спрятаться человек — загляни.

С величайшей осторожностью я опустил крышку на место. Что дальше? Ответ напрашивался сам собой. Конечно, они посмотрят везде, где только возможно. Значит, мне надо отыскать невозможное место. Гладкая металлическая крыша не вызвала у меня прилива энтузиазма. Она спускалась в обе стороны под крутым углом. В пяти метрах от меня крыша заканчивалась. Недовольно ворча, я попытался повернуться, чтобы посмотреть в другую сторону. И только тогда я обнаружил, что металлическая крыша была покрыта тонким слоем льда. Нога не удержалась на гладкой поверхности, и я заскользил вниз.

Тщетно я пытался ухватиться за какой-нибудь выступ, их попросту не было. Я продолжал скользить по замерзшей крыше.

Пока не вспомнил о привязанной веревке. Я схватил ее обеими руками. Она скользила между рукавицами. Я сжал ее изо всех сил. Пальцы свело от боли.

Я крепко держался за конец веревки. Ожидая, когда пройдет боль. Чувствуя, как мои ноги болтаются над бездной. Отдышавшись, я стал медленно подтягиваться. Скоро я снова оказался на крыше. Там я вспомнил о поисковой группе и понял, что крышка люка может открыться в любой момент.

Спрятаться на крыше было абсолютно негде. Может, они не увидят меня при таком слабом свете. Надо как можно дальше отползти от люка. Отвязав веревку негнувшимися пальцами, растопылив руки и ноги, я пополз вдоль конькового бруса. Я знал, что стоит мне только свалиться вправо или влево — и мне конец.

Конец. Крыша закончилась. Оглянувшись, я увидел ясные очертания люка. Тот, кто высунет из него голову, так же ясно увидит меня.

Один раз веревка меня уже спасла, спасет и на этот раз. Медленно и аккуратно, чтобы удержать равновесие, я вытащил гвоздемет. Я надеялся, что толстая крыша приглушит звук выстрела. Легким нажатием на спусковой крючок я вогнал гвоздь в самый край крыши. Замерзшими пальцами я соорудил нечто, напоминавшее петлю, и набросил ее на гвоздь. Встал на нее ногами и медленно сполз вниз. Теперь я висел в воздухе, стараясь не обращать внимания на то, что гвоздь уже слегка изогнулся.

Громко хлопнула крышка распахнувшегося люка. Я спокойно висел, радостно улыбаясь, что и на этот раз обвел своих преследователей вокруг пальца. До меня донеслись их голоса.

— Видишь что-нибудь, Букай?

— Нет.

— На крыше никого нет?

— Нет. Мне спускаться вниз?

Отлично, диГриз. Куда им тягаться с тобой.

— Нет. Пройди вдоль крыши и осмотри все самым внимательным образом.

Это не люди, а какие-то машины. Ни один здравомыслящий человек не стал бы ходить по скользкой крыше. Ни один здравомыслящий человек никогда бы меня не обнаружил. Но эти тупоголовые болваны выполняли инструкции, и ничто не могло их остановить.

Я слышал, как кто-то ползет в мою сторону. Вдруг он дернул за веревку.

Я посмотрел вверх и увидел бесстрастное лицо серого человека.

Глава 15

Я видел, как он вздрогнул от неожиданности, когда обнаружил меня. Я видел, как он уселся на конек крыши, повернул голову и раскрыл рот.

— Ахиру!

...И тут он сорвался. Впервые я увидел эмоции на лице серого человека. Страх. Он попытался ухватиться за гвоздь, но промахнулся. Его ногти царапали гладкий лед. Затем он пропал из виду, и я закрыл уши, чтобы не слышать, как он ударился о землю.

Что мне делать теперь? Холод пробирал меня до костей, пока я висел на веревке и ждал неизвестно чего. До меня доносились приглушенные голоса. Я не мог разобрать слов, пока кто-то не высунул голову из люка.

— Букай что-нибудь сказал?

— Да. Он произнес мое имя.

— Затем поскользнулся и упал?

— Да.

— Это нехорошо.

— Нехорошо. Лучше бы он разбился молча. Ведь он проявил эмоции.

Крышка люка захлопнулась.

Какие чуткие люди. У Букая наверняка были друзья. Наверное, я больше скорбил о нем, чем они. Моральная Философия! Пока мои пальцы еще не полностью

окоченели, я снова вылез на крышу и осмотрелся. Крышка люка закрыта, крыша пуста. Медленно и осторожно я пополз к люку. У меня не было ни малейшего желания присоединиться к Букаю.

Выждав десять нескончаемых минут, я решил, что внизу уже никого нет. По крайней мере, надеялся на это. Дрожа от холода я поднял крышку. Мои зубы так стучали, что этот звук можно было услышать внизу. В комнате царил тьма. Все ушли.

Существует определенный предел мучений, которые может вынести человек, и я уже давно перешел его. Я решил немного отдохнуть, но, как только прилег на пол, мгновенно уснул. Так крепко уснул, что, когда проснулся, не мог определить, сколько же времени я проспал. Минуту или день. А что, если серые люди продолжают поиски? И сколько здесь длится день? Рутая себя за проявленную слабость, я занялся замком. Медленно открыл дверь. Коридор был пуст. За окнами чернела ночь.

— Тебе снова повезло, диГриз. Может, твой подсознательный таймер работает лучше, чем твой мозг. Пора приниматься за работу.

Сон освежил меня. Я на цыпочках стал красться вдоль стены, готовый к любым неожиданностям. Все двери были закрыты, и ученики, очевидно, крепко спали после тяжелого дня. В кабинете Наставника горел свет, и, слегка отворив дверь, я заглянул внутрь. Он сидел на стуле, ожидая меня. Я зашел в комнату и бесшумно закрыл за собой дверь.

— Это ты... — сказал он, держа в руке стакан с водой.

Он осторожно поставил его на стол.

— Если это вода, то я ее выпью, — сказал я, беря стакан. — Меня мучает жажда.

— Это яд, — бесцветным голосом сообщил он.

Я тут же поставил стакан на место.

— Ты собираешься покончить с собой?

— Да. В случае необходимости. Я не знал, кто первым войдет в мой кабинет.

— Все ушли?

— Да. Они ничего не обнаружили. Один из них упал с крыши и разбился насмерть. Ты виноват в его смерти?

— Косвенно. Я видел, как он сорвался с крыши.

— Теперь они считают, что ты замерз в снегу. Утром они отправятся искать твое тело. Не думаю, что они станут сильно стараться, потому что некоторые думают, что ты мог утонуть в океане.

— Это вполне могло произойти. Но теперь, когда вечерние приключения закончились, я думаю, нам надо вернуться к прерванной беседе.

— Как передать послание Лиге?

— Именно. Пока я там прохладился на крыше, у меня возникли кое-какие идеи. Думаю, у нас все получится. Ты устал?

— Не очень.

— Прекрасно. Тогда я хочу поработать сегодня в электронной лаборатории. Мне там никто не мешает?

— Я позабочусь об этом. Что ты хочешь сделать?

— Сходи в библиотеку и принеси мне схему детектора искривленного пространства. Думаю, у вас достаточно деталей, чтобы я мог его собрать?

— На складе есть уже собранные детекторы. Их тоже изучают в школе.

— Еще лучше. Тогда пойдем в лабораторию и займемся делом. Я покажу тебе, что я хочу сделать.

Ханасу подавал мне нужные детали, а я занимался сборкой, и скоро мое приспособление было готово. Я отошел в сторону, чтобы полюбоваться на него. Приспособление представляло собой металлическую трубу, заостренную с одной стороны и расширяющуюся с другой.

— Произведение искусства, — сказал я.

— Для чего оно нужно? — с присущей ему практичностью спросил Ханасу.

— Эту штуку надо прикрепить к одному из ваших звездолетов. Это наша следующая задача. Если все сделать аккуратно, никто не обратит на нее внимания — ведь это копия сигнального отстреливателя, которым оснащены все корабли. Только вместо сигнальных ракет внутри находится вот это. — Я показал ему пластиковый цилиндр. — Внутри располагается бата-

рея и мощный радиопередатчик. Я смастерил десять таких передатчиков, больше, чем достаточно. Работает эта штука следующим образом. Каждый раз, когда корабль выходит из искривленного пространства в нормальный космос, это фиксируется приемником на носу, и один из передатчиков выстреливается. Он начинает передавать сигнал каждые полчаса. За это время корабль уже давно вернется в искривленное пространство. Сигнал передается на частоте Лиги и содержит мой номер и местонахождение этой планеты. И, разумеется, призыв о помощи. Нам останется только сидеть и ждать, когда появится космическая подмога.

— Очень интересно. А если вблизи не окажется ни одного приемного устройства?

— Я предвидел этот вопрос. Теория вероятности на нашей стороне. Большинство пилотов время от времени включают навигационную аппаратуру. То же самое относится к пассажирским кораблям. Одно из наших радиопосланий обязательно достигнет цели.

— Остается надеяться. Это лучше, чем ничего. В крайнем случае мы покончим жизнь самоубийством.

— Конечно. Ты неисправимый оптимист.

— А как ты прикрепíš это приспособление к звездолету?

— При помощи атомного сварочного аппарата. — Я поднял руку, когда он хотел что-то сказать. — Ладно, я пошутил. Больше не буду. Я должен незаметно пробраться к одному из звездолетов. Чтобы все сделать, мне понадобится всего лишь несколько минут. Космопорт охраняется?

— Он обнесен металлическим забором. На воротах стоит охрана. Больше я ничего не знаю.

— Если это так, то задача упрощается. Мне нужна твоя помощь. Я хочу знать, когда отправляется ближайший рейс. И мне нужен транспорт до космопорта.

— Что касается информации, то сложностей нет. Согласно графику «Такай Ча» стартует сегодня в шесть сорок пять.

— А сколько сейчас времени?

Прищурившись, Ханасу посмотрел на свои часы.

— Три часа одиннадцать минут, — наконец сообщил он.

— Ты можешь раздобыть транспорт? И вовремя доставить меня в космопорт?

Он долго думал и неохотно кивнул.

— Обычно это невозможно. Мне не разрешается выезжать за пределы школы. Но сегодня я могу сказать, что собираюсь присоединиться к поискам. Думаю, мне не откажут.

— Надо постараться.

Хитрость удалась. Через десять минут мы уже тряслись в колымаге на лыжах, приводимой в действие электрическим мотором с пропеллером. Обогревателя, естественно, не было, как и мягких подушечек на сидениях. Эти люди зашли слишком далеко в своем аскетизме. К своему радиоэжектору я приделал ремень и повесил его на плечо. Все инструменты, которые могли мне понадобиться, я сложил в сумку. Глядя на снежинки, пляшущие в свете фар, я пытался придумать какой-нибудь план.

— Насколько близко ты можешь подъехать к забору? — спросил я.

— Вплотную. Как видишь, здесь нет дорог. Можно ездить, где угодно.

— Это хорошо. План таков. Высадишь меня возле забора и поедешь дальше. Но запомнишь место. Вернешься туда ровно через час. Но если по радио передадут сигнал тревоги, держись отсюда подальше.

— Хорошо. У меня будет достаточно времени, чтобы вернуться в школу и выпить яд.

— Примешь его вместо завтрака. Только сначала убедись, что они поймали меня. Возможно, там будет суматоха, но не так уж и легко взять меня в плен.

— Ты когда-нибудь ходил на лыжах?

— Я чемпион по лыжному спорту.

Операция прошла как по маслу. Пару раз мы видели огни других машин. Но они были далеко. Затем мы на бешеной скорости петляли мимо каких-то темных зданий. Ханасу вел машину, как ас. Вскоре мы оказались возле ограждения и поехали вдоль него. Впереди ярко горели фонари возле ворот. Затем на какое-то

мгновение резкий порыв ветра поднял с земли клубы снега.

— Я спрыгну здесь! — закричал я. — А ты езжай дальше и не забывай поглядывать на часы!

Я сбросил сумку с инструментами в снег и нырнул вслед за ней. Не успел я приземлиться, как Ханасу уже рванул с места, обдав меня снегом. Темно, холодно, противно — прекрасная маскировка. Вытащив из сумки детектор, я осторожно приблизился к металлической сетке забора.

Простенькая система сигнализации. Я мог отключить ее и прорезать дыру в сетке, закрыв один глаз, стоя на одной ноге и спрятав правую руку за спину. Не в силах удержаться от соблазна, я закрыл один глаз, поджал одну ногу, правой рукой схватил себя за затылок и быстро справился с работой. Прорезав в сетке дыру, я раздвинул ее обеими руками, побросал туда свои инструменты, а затем пролез сам. За пару секунд я заделал дыру при помощи молекулярной сварки, нацепил лыжи и заскользил в темноту. Снег засыпал мои следы. Первый этап прошел отлично.

Звездолет я нашел без всяких проблем. Он стоял на ярко освещенной площадке. Я направился к нему, лавируя между зданиями. Возле последнего строения я остановился и принялся рассматривать стартовую площадку.

Какое великолепное зрелище открывалось передо мной. Мощные прожекторы на башнях освещали корабль. Снежинки падали на горящие лампы и немедленно таяли. Вокруг звездолета царил оживление — ходили люди, ездили машины. На боку красовалось название — «Такай Ча». Тот самый корабль. Скоро он отправится в полет.

Только как мне приблизиться к нему, чтобы прицепить свое приспособление?

Глава 16

На этот вопрос можно было ответить только однозначно. В своей одежде я не мог незаметно подойти к кораблю. Но я мог это сделать, одевшись как рабочие, копошившиеся вокруг звездолета. Итак, мне нужен один из рабочих.

Однако заполучить рабочего оказалось не так уж и просто. Я ходил возле границы освещенной зоны, как волк вокруг костра, и ничего не мог поделать. Никто не приходил, никто не уходил. Рабочие на Кеккончихи работали тщательно, не торопясь и не проявляя никаких эмоций. Зато моих эмоций хватило бы на них всех. Время летело. Прошел уже целый час. Я уже не успевал вернуться в назначенное место для встречи с Ханасу. Хуже того — я не сделал то, зачем сюда пришел. До старта звездолета оставалось меньше часа, а я все никак не мог до него добраться.

Мое терпение было на исходе — я придумывал и отвергал десятки самоубийственных планов, когда один из рабочих решил уйти. Он вылез из башни крана и направился к одному из зданий. Я плюхнулся на живот и пополз по снегу, чтобы меня не увидели из окон. Подняв голову, я увидел, что рабочий скрылся за дверью с надписью «БЕНЖО». Я ринулся вслед за ним и увидел, что такое на самом деле бенжо.

Я человек терпеливый и дал ему возможность закончить свои дела, прежде чем свалить на пол. Он как раз застегивал пуговицы. Он так и не узнал, что его ударило. Но я знал — ребро ладони моей правой руки. Стянув с него одежду, я связал его по рукам и ногам, засунул в рот кляп, затолкал в кабинку и прикрутил проволокой к трубе. Я, конечно, мог оставить его замерзать на снегу, но это шло вразрез с моей собственной моральной философией, которую я проповедовал Ханасу. К тому же, я сам в нее верил. Самое главное, чтобы его не обнаружили до старта звездолета. До которого осталось совсем немного.

Его комбинезон сидел на мне в обтяжку, но я думал, что никто не станет обращать на это внимания. Надев защитную каску, я поднял воротник, чтобы скрыть лицо. Наступил самый ответственный момент.

С замирающим сердцем я шел по освещенной площадке, держа под мышкой свою трубу. На другом плече у меня болталась сумка с инструментами. Мне хотелось бежать, но вместо этого я был вынужден идти медленным шагом. Мне это давалось нелегко, но я знал, что моя безопасность зависит от того, насколько естественным будет мое поведение. Никто не смотрел на меня, все были заняты своей работой. Я облегченно вздохнул, когда наконец дошел до подвижного крана, побросал свои вещи в кабину и залез туда. Разобраться с ручками управлений оказалось несложно. Медленно и осторожно я подъехал к основанию звездолета, скрывшись из поля зрения остальных рабочих. Но за мной могли наблюдать из темноты, поэтому мне пришлось работать в таком же монотонном ритме, как и другие. Я медленно поднялся до рулевого крыла корабля, где обычно крепится сигнальный отстреливатель.

Там его, разумеется, не было. Впрочем, это не имело никакого значения, потому что единственный человек, который мог заметить разницу, находился в туалете, привязанный к трубе. Я принялся за работу. Молекулярный сварочный аппарат весело зашипел, и через несколько минут мой радиоэжектор оказался намертво приваренным к корпусу звездолета. С земли

его никто не увидит. Тем более, что снег все еще продолжал падать.

— Не подведи меня, крошка, — сказал я, ласково похлопав по нему рукой.

Спустившись, я быстро покинул место преступления. На этот раз я не пошел пешком, а подъехал к зданиям прямо на кране и оставил его возле ближайшего строения. До старта оставалось десять минут. К звездолету подъехала машина с экипажем. Рабочие покидали стартовую площадку.

— Почему этот кран стоит здесь? — слышался голос за моей спиной.

— Бур-бур? — промычал я, не поворачивая головы. Я слышал, как кто-то подошел ко мне.

— Не понял. Повтори.

— А это ты понял? — сказал я, развернувшись, и схватил его обеими руками за горло.

Его глаза вылезли из орбит, а затем закрылись, когда я стукнул его головой о косяк двери. Когда решается судьба Галактики, тут не до вежливости. Я связывал ему руки, когда корабль стартовал. Такого приятного звука я еще не слышал в своей жизни.

— Ты победил, Джим. Ты опять победил, — поздравил я сам себя, так как вокруг не было никого, кто мог бы это сделать за меня. — Еще не родившиеся поколения станут благословлять твое имя. А все жители Кеккончихи — проклинать его каждый день. Скоро жестокому господству серых людей наступит конец.

Оставив очередное бесчувственное тело возле дверей, я вдруг заметил большой и сложный замок. Зачем он нужен? Табличка на двери помогла мне ответить на этот вопрос и подсказала, что делать дальше.

«Склад боеприпасов. Вход запрещен». Идеальное место для укрытия. Только сначала надо запутать следы. Это очень просто. Нацепив лыжи, я выехал на освещенное место и стал ждать, когда же меня заметят.

Никогда еще не встречал таких глупых и ненаблюдательных людей. Минут пять я катался взад-вперед, но никто не обращал на меня внимания. Все это мне уже порядком наскучило, к тому же я немного устал. В конце концов я почти вплотную подъехал к двум

рабочим, сбив на своем пути две железные бочки. Только тогда они меня заметили. Когда они подняли головы, я закрыл лицо рукой и, пригнувшись, помчался в темноту, спотыкаясь на каждом шагу. Не хватало только стрелки, указывавшей, в какую сторону я побежал. Они, конечно, стояли как вкопанные, но я надеялся, что по крайней мере они запомнят меня и в каком направлении я скрылся. А бежал я прямо к забору. На этот раз я вырезал в сетке огромную дырищу, куда свободно мог пройти танк. Набрав скорость, я скользил по открытым местам, оставляя четкие следы на снегу. Одновременно размышляя, как бы сбить с толку преследователей. Скоро такая возможность представилась. Недалеко от меня проехала машина с лыжами вместо колес. Поравнявшись с ее следами, я принялся пересекать их во всех направлениях. Затем, ухватившись за лыжные палки, я совершил поворот, который бы наполнил гордостью сердца моих инструкторов. Приземлился я на лыжные колен, оставленные другой машиной. Теперь я не отталкивался палками, чтобы не оставлять от них следов. Теперь, если преследователи бросятся за мной в погоню, они пойдут по ложному следу. А я возвращался в город, где мог чувствовать себя в безопасности.

Надо сказать, что на Кеккончихи просыпались довольно поздно. Я заметил лишь несколько человек, идущих на лыжах по своим делам. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них видел меня. И никаких признаков погони. Когда я достиг зданий, стоявших возле дальнего края космопорта, то там тоже все было спокойно. Что теперь? Я не хотел направляться в убежище, пока все не бросится за мной в погоню по ложному следу. Трудно сказать, когда это произойдет. Заметив освещенное окно, я подкрался к нему и заглянул вовнутрь. Это была кухня. Горшки на печи и повар, готовивший завтрак. Заманчивая перспектива. Перспектива стала еще более заманчивой, когда повар обернулся, и я увидел, что это женщина. Я еще ни разу не разговаривал с жительницами Кеккончихи и не мог удержаться от соблазна. Анжелина всегда упрекает меня, что я приударяю за другими женщинами, так что у меня был

повод, чтобы оправдать ее подозрения. Получается, что я зря старался запутывать следы, но упускать такую возможность было выше моих сил. Я подошел к двери, снял лыжи, прислонил их к стене и зашел в дом.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Холодный сегодня денек, не правда ли.

Она повернулась и молча уставилась на меня. Молодая, симпатичная, с огромными глазами. Этакая кукла.

— Ты тот, которого все разыскивают, — произнесла она с едва заметным волнением. — Я должна поднять тревогу.

— Ты не должна этого делать, — ответил я, готовый схватить ее в любую секунду.

— Слушаюсь, мой господин, — сказала она, поворачиваясь к своим горшкам и сковородам.

Господин! Немного поразмыслив, я понял, что мужчины на Кеккончихи считают женщин за людей второго сорта. Мужчины относятся друг к другу холодно, безо всяких чувств, с сознательной и бессознательной жестокостью. Представляю, как они тогда относятся к женщинам! Как к личному имуществу, как к рабыням. А если кто-нибудь из женщин проявляет недовольство, ее наверняка выкидывают из дома на мороз. Раса послушных служанок, о которой мужчины мечтали испокон века, и которую вывели в результате селективного отбора серые люди. Они достигли этой благородной цели.

Мои философские размышления улетучились, когда я унюхал запах, исходивший из горшков на печи. Я давно уже не ел, и после физической нагрузки голод рвал мой желудок острыми зубами. В калейдоскопе событий я опять забыл о еде. Теперь живот напоминал мне об этом недовольным бурчанием.

— Что у тебя тут готовится, мой прекрасный цветок Кеккончихи?

Не поднимая глаз, она стала указывать на горшки и сковородки.

— Здесь кипяток. Здесь вареная рыба. Здесь запеченная рыба. Здесь соус из водорослей. Здесь...

— Прекрасно. Можешь не продолжать дальше. Дай мне по порции всего, кроме кипятка, разумеется.

Она подала мне несколько полных металлических мисок и вырезанную из кости ложку. Пища была невкусной, но я не стал жаловаться. Я даже уплеl вторую порцию, не снижая темпа. Жуя и чавкая, я внимательно наблюдал за женщиной, но она не предприняла ни малейшей попытки убежать или позвать на помощь.

— Меня зовут Джим, — сообщил я, громко икнув. — А тебя как?

— Каеру.

— Ты прекрасно готовишь, Каеру. Не особо вкусный завтрак, но это не твоя вина. Такая уж кухня на вашей планете. Тебе эта работа приносит радость?

— Я не знаю, что такое радость.

— Не сомневаюсь. Работа занимает у тебя много времени?

— Я не понимаю вашего вопроса. Я встаю, работаю, ложусь спать. И так каждый день.

— Праздников и выходных у тебя тоже, разумеется, нет. В этом мире нужны перемены, и они не за горами. — Каеру вернулась к своей работе. — Эту культуру не надо разрушать. Она сама рассыплется на куски. Она исчезнет, и цивилизация войдет в ваши жизни. Тебя ждет радостное завтра, Каеру.

— Завтра я буду работать, как и сегодня.

— Надеюсь, это продлится недолго. — Ногтем я вытащил водоросль, застрявшую у меня в зубах. — Во сколько ты должна приготовить завтрак?

Она посмотрела на часы.

— Через несколько минут. Когда прозвенит звонок.

— А для кого ты готовишь?

— Для мужчин. Для солдат.

Не успела она произнести последнее слово, как я уже вскочил со стула и стал натягивать рукавицы.

— Прекрасный завтрак, но, боюсь, мне пора идти. Я двигаюсь на юг. Надо закончить кое-какие дела, пока не взойдет солнце. Полагаю, ты не станешь возражать, если я тебя свяжу?

— Делай со мной все, что захочешь, мой господин.

Сказав это, она опустила глаза. Впервые в жизни мне стало стыдно за то, что я мужчина.

— Когда-нибудь твоя жизнь изменится, Каеру. Я тебе обещаю. Если мне удастся спасти свою шкуру, я пришлю тебе посылку с гуманитарной помощью. Платя, губную помаду и брошюру о движении феминисток. А теперь скажи — есть ли здесь кладовка?

Она указала мне на дверь, и я поцеловал ее в лоб. Она тут же принялась раздеваться и очень удивилась, когда я остановил ее. Представляю, какие романтические любовники эти серые люди! Еще одно преступление, за которое они должны ответить. Каеру не противилась, когда я закрыл ее в кладовке и запер дверь на ключ. Ее, конечно, быстро обнаружат, когда солдаты придут завтракать. Но все же я выиграю несколько минут.

Выйдя из дома, я некоторое время шел, держа лыжи на плече, пока не оказался на обледеневшей площадке, где следов не будет видно. Только тогда я встал на лыжи и помчался в обратном направлении. Вскоре я оказался возле ограждения космопорта и снова проделал дыру в проволоочной сетке. Слышались крики и завывания сирен. Значит, мой предыдущий визит не остался незамеченным. Как раз вовремя. Я с трудом боролся с зевотой. Светало. Самое время отдохнуть. Я заделал отверстие в сетке и заковылял по полю.

Без всяких приключений я добрался до склада боеприпасов. Человек, которого я оставил лежать возле дверей, исчез, как, впрочем, и все остальные в округе. Замок так и просил, чтобы я обратил на него свое внимание, и я справился с ним за пару секунд. Прекрасно, Джим! Закрыв за собой дверь, я вошел внутрь, едва передвигая свинцовые ноги. Здесь была комната, где хранились осколочные гранаты. Спрятавшись за ними, я лег на пол и тут же безмятежно заснул.

Какое прекрасное чувство. Казалось, я мог бы спать вечно. Но что-то потревожило меня. Сознание вернулось ко мне, и я увидел, что уже наступил день. Так что же меня разбудило? Свет?

Нет. Звук ключа, поворачивавшегося в замке, и скрип открываемой двери.

Я сам во всем виноват. Как я мог забыть о поисковых отрядах. Этих людей никак не перехитришь. Как только они узнали, что я жив, они принялись обыскивать все здания подряд. Игра продолжалась.

Глава 17

Сон освежил меня, богатая протеином рыба восстановила мои силы. К тому же я был зол на себя, что не смог выбрать себе более надежного убежища. Но, как и все мы, я был готов скорее сорвать зло на ком-нибудь другом, нежели признать свою вину. И решил отыграться на злополучном человеке, который вошел в комнату. Выждав, когда он приблизится, я прыгнул на него, как разъяренный тигр. И тут же запутался в лыжах, которые забыл снять. Я рухнул к его ногам. Но судьба схватки была предрешена заранее, ведь серые люди абсолютно не умели драться. Пару ударов — и все готово. После чего я положил лыжи на плечо, переступил через неподвижное тело и высунул голову из двери. По всему зданию рыскали серые люди. Они были со всех сторон. Я засеменял к выходу. Один из них заметил меня, но я успел сделать три шага, прежде чем он опомнился.

— Он здесь. Пытается убежать, — монотонно произнес он.

— Уже убежал! — закричал я, выскочил через дверь и сбил при этом с ног одного из преследователей. Нацепив лыжи, я рванул прочь.

Естественно, это ничего мне не дало, просто отсрочило неизбежное на несколько минут. Дыру в решетке заделали, на воротах стояла охрана, а моя сумка с

инструментами осталась на складе боеприпасов. Скользя по снегу и обдумывая, что делать дальше, я услышал звук заводящихся машин. Можно захватить одну из них. Прорваться через охраняемые ворота. А что потом? Я не смогу в одиночку побороть целую планету. Но, возможно, мне удастся найти в городе укромное место.

Только зачем? От этих людей мне не скрыться. Зачем тешить себя иллюзиями? Я остановился, чтобы обдумать это как следует, но, вспомнив про аксионный фидер, снова бросился бежать. Может, Ханасу прав, и самоубийство — единственный выход. Но я сразу же отменил этот вариант. Я не самоубийца. По крайней мере, я пытался себя в этом убедить.

Все это полностью занимало мое внимание. Побег из космопорта, погоня и нерадостные мысли привели меня в состояние депрессии. Конечно, в таком состоянии я не услышал звука снижавшейся ракеты, пока она не зависла у меня над головой. Как и все остальные, я остановился, посмотрел вверх и раскрыл рот.

Окутанный облаком дыма приземлялся небольшой патрульный катер.

С эмблемой Лиги на борту.

— Получилось! — завопил я, подпрыгивая от радости.

Издавая победные звуки, я ринулся ему навстречу. Не успел корабль коснуться поверхности, как я уже находился рядом с ним. Стоит ли упоминать, что никто из местного населения не проявил такого энтузиазма. Люк корабля открылся.

— Добро пожаловать на Кеккончихи, — приветствовал я появившегося пилота. — Провозгласи эту плазнету собственностью Лиги, о завоеватель.

— Насчет этого у меня нет никаких указаний, — ответил молодой и бородатый пилот в грязном и заштопанном комбинезоне. — Мне приказали взять на борт некоего Джеймса Боливара диГриза.

— Он перед тобой.

— Местных тоже здесь полно. И они с оружием. Залезай в корабль.

— Нет, сначала я должен объяснить им, что произошло.

Я был поражен, увидев знакомое лицо человека, возглавлявшего группу подоспевших преследователей. Ком, командир и капитан корабля, на котором меня привезли сюда.

— Брось пистолет! — приказал я.

Но вместо этого он направил его на меня.

— Вы оба пойдете со мной.

У меня глаза налились кровью. Упрямство этих людей просто бесило. Сколько они уже пролили крови, сколько смертей на их совести!

— Я умоляю тебя, не стреляй! — закричал я, подняв руки и, спотыкаясь, пошел к Кому.

Ребром ладони я выбил у него пистолет, который поймал в воздухе, завернул ему руку за спину и ткнул дуло пистолета в шею.

— Послушайте, замороженные идиоты! — закричал я. — Все закончилось. Вы проиграли. Вы больше ничем не навредите Галактике. Секретность была вашим главным оружием, вы скрывались, как тараканы за обоями. Но этому пришел конец. Видите эмблему на этом корабле? Это корабль Лиги. Теперь они знают о вас все. Знают, кто вы и где. Справедливость спустилась на вашу планету в лице этого симпатичного пилота, который принес вам грозное предупреждение и завоевал Кеккончихи.

— Разве? — удивленно пробормотал пилот.

— Заткнись, болван, и выполняй свое задание.

— Мое задание заключалось в том, чтобы взять вас на борт.

— Я расширил твои полномочия. Забери у них оружие.

В моем голосе едва заметно звучали нотки отчаяния, потому что серые люди направили свои пистолеты на нас. Зная их сущность, я не сомневался, что они хладнокровно убьют Кома, чтобы схватить меня. Я еще сильнее завернул ему руку за спину.

— Ну давай, Ком, скажи им, чтобы они бросили оружие и сдались в плен. Если прозвучит хоть один выстрел, я лично прослежу, чтобы тебя подвергли самым страшным пыткам.

Ком задумался и вскоре принял решение.

— Возможно, этот корабль оказался здесь случайно.

— Ничего подобного, — ответил пилот. — Мы получили сигнал тревоги, и все корабли в этой зоне летят к вашей планете. Мы уже долго разыскиваем вас. Сейчас я покажу вам послание.

— Не надо нам никакого послания. Убейте их обоих! — громко приказал Ком. — Если они лгут, то они заслуживают смерти. Если не лгут, то мы все равно погибнем. Нет никакой разницы.

— Отойди в сторону, Ком, — сказал один из серых людей, поднимая пистолет. — Иначе мне придется стрелять в тебя.

— Стреляй в меня, — последовал монотонный ответ.

— Стой! — закричал я, метким выстрелом выбив пистолет из руки серого человека. — Это бесполезно!

Они так не думали. И уже изготовились стрелять, когда пилот показал им послание, о котором говорил раньше. Застрекотал корабельный пулемет, и разрывные пули полетели во все стороны. Не теряя времени, я двинул Кома пистолетом по затылку, чтобы он не артачился. Обычно я не злой человек, но сейчас получал прямо-таки садистское наслаждение.

Через секунду мы с пилотом уже находились в шлюзовой камере, и я нажал на кнопку закрытия люка.

— Ложись на пол! Мы взлетаем с пятикратной перегрузкой! — предупредил пилот.

Так оно и случилось. Меня придавило к полу, я ударился обо что-то головой, и перед глазами поплыли разноцветные круги. Затем давление исчезло, и я запарил в невесомости.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я.

— Пожалуйста. Надо же, какие у тебя чокнутые друзья.

— Это те самые психи, которые развязали войну. Кстати, что нового?

— Мы по-прежнему отступаем, — мрачно ответил пилот. — И ничего не можем поделать.

— Не унывай. Направь ракету к ближайшей станции, где есть пси-оператор. Мне нужно срочно пере-

дать важную информацию. Кстати, ничего не слышал о побеге с планеты чужаков?

— Ты имеешь в виду адмиралов? Они вернулись. Правда, на них жалко было смотреть. Я хочу сказать, что обычно мне наплевать на старших офицеров, я отношусь к ним как к непонятной форме жизни. Но с этими адмиралами поступили жестоко.

— Их вылечат. Не смотри, что я улыбаюсь, просто это моя жена и сыновья освободили пленников.

— Семейка у тебя что надо!

— Приятно слышать такие слова.

— Семейка у тебя что надо!

— Не обязательно повторять, хотя мне это и приятно. А теперь прибавь скорости. У нас полно дел.

К тому времени, как мы приземлились на спутниковой станции, я написал все послания на бумаге. Чтобы немедленно послали громадный крейсер с солдатами для установления порядка на Кеккончихи. Чтобы нашли Ханасу и поставили его во главе комитета по умиротворению. Справедливость, месть и все остальное могут подождать. Сейчас самое главное — нейтрализовать серых людей, защитив таким образом наши фланги. Нам еще предстояло выиграть войну. Я прочитал все сообщения, поступившие с фронтов и, когда мы достигли главной базы Специального Корпуса, в моей голове родились кое-какие идеи. Все они тут же улетучились, когда я увидел свою обожаемую женщину.

— Воздуха... — прохрипел я после затяжного и страстного поцелуя. — Как приятно вернуться домой.

— Это еще не все, но я полагаю, ты сначала займешься войной.

— Если ты не против, моя прелесть. Операция по спасению адмиралов прошла гладко?

— Как по маслу. Ты здорово нам помог, устроив такую суматоху. Мальчики поработали на славу. Они быстро учатся. Сейчас они занимают важные должности на флоте. Я так о тебе беспокоилась.

— У тебя были для этого основания, но все уже позади. Кстати, вы не захватили с собой сувениры, когда возвращались через казначейство чужаков?

— Этим занимались близнецы, у которых такие же наклонности, как и у тебя. Того, что они захватили с собой, хватит на всю оставшуюся жизнь. Если, конечно, мы выживем.

— Война... — Мой восторг улетучился. — Как идут дела?

— Ничего утешительного. Оставшись одни, чужаки сначала наделали немало глупостей. После того, как серые люди покинули планету, власть разделилась. Но у них осталось немало смысленных командиров, которые начали наступление на всех фронтах. Они оставили свою базу и наносят нам один удар за другим. Мы продолжаем отступать. Лишь иногда контратакуем, чтобы они не подозревали, в каком тяжелом положении мы находимся. Они превосходят нас в живой силе и вооружении по крайней мере в тысячу раз.

— И сколько это может продолжаться?

— Недолго. Мы оставили почти все обитаемые планеты и скоро окажемся в межгалактическом космосе. Дальше отступать некуда. А если мы отступим дальше, эти монстры поймут, что победили. Сдерживая нас небольшими силами у границы Галактики, они начнут планетарную интервенцию.

— Мрачную картину ты мне нарисовала.

— Так оно и есть.

— Не волнуйся, радость моя. — Я обнял и поцеловал Анжелину. — Твой Скользящий Джим снова спасет Галактику.

— Как приятно это слышать.

— Мне приказали явиться сюда... — раздался знакомый голос. — Чтобы посмотреть, как вы обнимаетесь и целуетесь? Вы что, не знаете, что идет война? Я очень занятой человек.

— Скоро вы будете еще более занятым, профессор Койпу.

— Что ты хочешь этим сказать? — Он нервно передернул плечами и заскрежетал своими выпирающими зубами.

— Я хочу сказать, что вам придется создать оружие, которое спасет нас всех, и тогда ваше имя навсегда войдет в историю. Койпу, Спаситель Вселенной.

— Ты сумасшедший.

— Вы не первый, кто мне это говорит. Гениев всегда называли сумасшедшими. А иногда и хуже. Я прочитал в совершенно секретном отчете, что вы верите в существование параллельных миров...

— Тихо, идиот! Об этом никто не должен знать. Особенно ты!

— Я узнал об этом случайно. Когда я проходил мимо сейфа, он неожиданно открылся и оттуда выпал листок с этим секретным отчетом. Так это правда?

— Правда, правда, — пробурчал он с несчастным видом, постукивая себя ногтями по зубам. — Мысль об этом пришла ко мне в голову, когда ты застрял во временной петле и попал в прошлое, которого не существует.

— Но ведь для меня оно существовало.

— Разумеется. Как я и говорил. Таким образом, возможно существование еще одного прошлого, а стало быть, и бесчисленного количества прошлых. И настоящих тоже, как подсказывает логика.

— Действительно, — подбодрил его я. — Итак, вы провели эксперименты.

— Да. Я получил доступ в параллельные вселенные и провел там необходимые наблюдения. Но как это может спасти Галактику?

— Сначала, с вашего разрешения, я задам еще один вопрос. Можно ли попасть во все эти вселенные?

— Конечно. Как иначе я мог проводить там свои наблюдения? Я посылал туда специальный аппарат, который делал замеры и фотографии.

— И какого размера аппарат можно туда послать?

— Это зависит от мощности поля.

— Отлично. Мне все понятно.

— Может, это понятно тебе, Скользящий Джим, — недовольно сказала Анжелина, — но я ничего не понимаю.

— О, дорогая, ты только представь, какие это дает нам возможности. Мы пошлем военный корабль с

мощным источником питания. Корабль присоединится к нашему флоту и вступит в сражение. Флот отступит, корабль останется, его захватят враги, включится поле и...

— И все эти уродливые создания со своим вооружением отправятся в другую вселенную. И нам больше никто не будет угрожать!

— Примерно так, — сказал я скромно. — Мы сможем это сделать, Койпу?

— Может быть, может быть...

— Тогда пойдемте в вашу лабораторию и посмотрим на это устройство. Надо сделать возможное реальным.

Новое изобретение Койпу выглядело довольно невзрачно. Куча всяких ящиков с проводами и переключателями. Но он им гордился.

— Кое-что еще предстоит доделать, как вы сами видите, — сказал профессор. — Я назвал это устройство параллелолайзер...

— Мне в жизни не произнести такое слово.

— Не смейся, диГриз! Это изобретение изменит судьбу нашей Вселенной и, по крайней мере, еще одной неизвестной.

— Не принимайте это так близко к сердцу, — примирительно сказал я. — А теперь, будьте так добры, покажите, как работает ваш параллелолайзер.

Бормоча себе под нос, Койпу принялся щелкать переключателями. Пока он этим занимался, я обнял Анжелину, и она обвила руки вокруг моей шеи. Профессор, занятый своей работой, не замечал, что мы заняты своим делом. Настраивая свое приспособление, он объяснял принцип его действия.

— Самое главное — это точность. Различные параллельные вселенные отделены друг от друга лишь фактором вероятности. Основная сложность заключается в том, чтобы выбрать нужный фактор из бесчисленного числа ему подобных. Разумеется, сложные факторы вероятности относятся к дальним вселенным, и для них требуется более мощное силовое поле. Для начала мы возьмем ближайшую вселенную. Итак...

Он установил в нужное положение последний переключатель, и свет померк, когда машина стала поглощать энергию. Она гудела, во все стороны летели искры, а в воздухе резко запахло озоном. Я выпустил Анжелину из своих объятий и посмотрел по сторонам.

— Знаете, профессор, — сказал я, — насколько я вижу, ничего не произошло.

— Ты кретин! Посмотри через генератор поля.

Я посмотрел через большую металлическую раму, на которую были намотаны медные провода. И все равно ничего не увидел, о чем и сообщил профессору. Тот заскрежетал зубами от злости.

— Посмотри через поле, и на другой стороне ты увидишь параллельную вселенную.

— Я вижу всего лишь лабораторию.

— Тупица. Это *другая* лаборатория. Лаборатория из другого мира.

— Замечательно, — улыбнулся я, не желая обижать старого профессора. Хотя и считал его психом. — Вы хотите сказать, что стоит мне только пройти через экран, как я попаду в другой мир?

— Возможно. А, может, ты умрешь. Я пока еще не перемещал через экран живую материю.

— Не пора ли попробовать? — сказала Анжелина, крепко беря меня за руку. — Только не на моем муже.

Бормоча под нос проклятия, Койпу вышел и вскоре вернулся с белой мышью. Он поместил ее в зажим на длинном металлическом пруте и осторожно переместил мышь через экран. Мышь высвободилась из зажима и плюхнулась на пол. Затем побежала вперед и исчезла.

— Куда она побежала? — спросил я, моргая.

— В параллельный мир, как я уже объяснял.

— Бедняжка испугалась, — сказала Анжелина. — Но, похоже, ничего плохого с ней не произошло.

— Надо сделать необходимые анализы, — сказал Койпу. — Заслать туда еще несколько мышей, затем произвести микроскопическое исследование срезов тканей, спектрографическую детерминацию факторов...

— В нормальных условиях — да, профессор, — сказал я. — Но идет война, и у нас нет времени. Только если мы прямо сейчас...

— Нет! — завопила Анжелина, которая поняла, что я имею в виду быстрее, чем профессор.

Но она опоздала.

Когда она закричала, я уже проходил через экран.

Глава 18

Я почувствовал всего лишь легкий зуд. Впрочем, это могло быть плодом моего болезненного воображения — ведь я ждал каких-то необычных ощущений. Я осмотрелся. Знакомая обстановка, только, разумеется, отсутствовал параллелолайзер.

— Возвращайся немедленно, Джим диГриз, или я пойду за тобой, — сказала Анжелина.

— Подожди минутку. Это исторический момент в науке, и я хочу насладиться им сполна.

Оказавшись на другой стороне, я с грустью заметил, что прежняя лаборатория — с Анжелиной и профессором — исчезла из поля зрения. Спереди само поле было невидимым, но с обратной стороны оно представляло собой черное пятно, висевшее в воздухе. Боковым зрением я заметил какое-то движение — возле шкафа пробежала мышь. Надеюсь, здесь ей понравилось. Прежде чем вернуться, я почувствовал, что должен как-то увековечить это историческое событие. Вытащив авторучку, я написал на стене «ЗДЕСЬ БЫЛ СКОЛЬЗКИЙ ДЖИМ». Это им на память. В этот момент дверь стала открываться, и я тут же шмыгнул обратно через экран. У меня не было ни малейшего желания встречаться с кем бы то ни было. Возможно, это был мой двойник из параллельного мира.

— Очень интересно, — сказал я.

Анжелина повисла у меня на шее, а Койпу выключил машину.

— Какой величины можно сделать экран? — спросил я.

— Не существует ни физических, ни теоретических пределов, так как его на самом деле нет в природе. Сейчас для удержания поля я использую медную обмотку, но в принципе от нее можно и отказаться. Когда я смогу создать поле без материальных ограничителей, оно будет таким большим, что через него пройдет весь флот чужаков.

— В этом и состоит мой план, профессор. Возвращайтесь за свой кулман и шевелите извилинами. А я пока доложу о новостях нашим хозяевам.

Собрать вместе всех начальников штабов оказалось не так просто. Все они руководили боевыми действиями, хотя от этого не было никакого толку. Пришлось действовать через Инскиппа, который использовал свои полномочия главы Специального Корпуса, чтобы созвать совещание. Так как база использовалась в качестве главного штаба обороны, никто не посмел ответить отказом.

В отутюженной униформе я ждал, когда они усядутся на свои места. На груди у меня блестели несколько медалей, половина из которых были фальшивыми. Адмиралы приветствовали друг друга, раскуривали длинные сигары и бросали в мою сторону неодобрительные взгляды. Когда они все усадились, я попросил слова.

— Джентльмены, в настоящее время мы проигрываем войну.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы слушать прописные истины, диГриз! — рявкнул Инскипп. — Что у тебя на уме?

— Я собрал вас здесь, чтобы объявить о приближающемся конце войны. Мы победим.

Это заявление поразило присутствовавших. Все седые головы повернулись в мою сторону.

— Это станет возможным при помощи нового изобретения под названием «параллелолоайзер». Посредством его мы сможем отправить весь флот чужаков в

параллельную галактику и навсегда забыть об этих тварях.

— Что за чушь порет этот сумасшедший? — проворчал один из адмиралов.

— Я веду речь о таком новом изобретении, что даже моего ума недостаточно, чтобы уяснить его сущность. Что тогда говорить о ваших усохших мозгах? Но я попытаюсь объяснить вам принцип его действия.

Послышались недовольные вздохи, но, по крайней мере, я завладел их вниманием.

— Теоретически все обстоит следующим образом. Мы можем путешествовать в прошлое, но не можем изменить его. Если мы и совершим там какие-нибудь радикальные изменения, они станут частью прошлого того настоящего, в котором мы сейчас живем.

Несколько адмиралов погрузилось в дремоту, но я продолжал:

— Впрочем, изменения в прошлом могут привести к образованию другого прошлого для другого настоящего. Только мы не знаем об этом, но это настоящее существует для людей, которые там живут. Эти альтернативные линии времени или параллельные миры были закрыты для нас, пока наш гений — профессор Койпу не изобрел параллелолайзер. Это приспособление позволяет пройти в другие параллельные вселенные, или пролететь туда, или переместиться туда другим способом. Сейчас главное — создать поле достаточных размеров, чтобы через него пролетел весь флот чужаков. Таким образом мы навсегда от них избавимся. Вопросы есть?

Вопросов хватало, но после часа подробных объяснений мне удалось убедить их, что таким образом мы выиграем войну. Им это пришлось по душе. Адмиралы заулыбались, одобрительно закивали, раздались восторженные возгласы. Общее мнение высказал Инскипп.

— Мы сможем это сделать! Мы закончим эту ужасную войну! Мы отправим вражеский флот в другую вселенную!

— Абсолютно правильно, — сказал я.

— *Это запрещено!* — вдруг раздался чей-то оглушительный голос. Казалось, он звучал прямо с потолка.

Это было настолько необычно, что один адмирал схватился за сердце. Но старого мошенника Инскиппа трудно сбить с толка.

— Кто это сказал? Кто из вас занимается чревовещанием?

Отовсюду послышались протестующие крики, многие стали заглядывать под стол.

— *Это запрещено, потому что аморально.*

— Кто это говорит? — закричал Инскипп.

— Мы. Моральный Корпус.

На этот раз голос раздался от дверей, а не с потолка. Головы адмиралов одна за другой стали поворачиваться туда. Все уставились на вошедшего. Выглядел он весьма впечатляюще. Высокий, с длинными седыми волосами и бородой, в белой тунике до пола.

Но Инскипп не растерялся.

— Ты арестован, — заявил он. — Вызовите охрану. Пусть они уведут его. Я никогда не слышал о Моральном Корпусе.

— Конечно, не слышал. Мы — секретная организация.

— Так уж и секретная, — хмыкнул Инскипп. — Мой Специальный Корпус такой секретный, что о нем ходят только слухи.

— Знаю. Разве это секретность? Мой Моральный Корпус настолько секретный, что о нем даже слухи не ходят.

Инскипп побагровел. Я быстро втиснулся между спорившими.

— Все это очень интересно, но как это доказать?

— Пожалуйста. — Незнакомец смерил меня пристальным взглядом. — Какой ваш самый секретный код?

— Это я должен сказать?

— Нет, конечно. Я сам его назову. Это шифр «Васарнап», не так ли.

— Возможно, — уклончиво ответил я.

— Не возможно, а точно, — твердо сказал он. — Подойди к совершенно секретному компьютеру и

сделай в этом шифре запрос: «Сообщить все о Моральном Корпусе».

— Я сам этим займусь, — сказал Инскипп. — У агента диГриза нет допуска к этому шифру.

Что ж, пусть думает, что нет.

Все смотрели на Инскиппа, когда он подошел к компьютеру и включил его. Достав из кармана колесико с шифром, он вставил его в терминал и отстучал запрос. Динамик захрипел, и механический голос спросил:

— Кто делает запрос?

— Инскипп, глава Специального Корпуса.

— Сообщаю, что Моральный Корпус является самой главной секретной силой Лиги. Его приказы должны выполняться неукоснительно. Приказы отдаются руководителем Морального Корпуса. В настоящее время таковым является Джей Ховах.

— Я — Джей Ховах, — сказал незнакомец. — Поэтому повторяю. Запрещается посылать флот чужаков в параллельный мир.

— Но почему? — спросил я. — Ведь вы не возражаете, когда мы стреляем в них.

Он спокойно посмотрел мне в глаза.

— Самозащита не бывает аморальной. Вы защищаете свою родину и своих близких.

— Но если вы не возражаете против истребления чужаков, почему же их нельзя вышвырнуть в параллельную галактику? Так прольется меньше крови.

— Вы хотите отправить огромный боевой флот в параллельный мир, где никогда не существовало чужаков. На вас ляжет ответственность за гибель человеческой расы той галактики. Это аморально. Надо найти способ уничтожить врага, не заставляя страдать других.

— Вы не сможете нас остановить! — раздраженно закричал один из адмиралов.

— Смогу. И останавлию, — ответил Джей Ховах. — Конституция Лиги Объединенных Планет гласит, что ни один аморальный акт не должен совершаться правительствами планет или силами, подчиняющимися этим правительствам. В оригинале подписанного договора вы найдете параграф, где говорится, что для определения моральности актов создается Моральный

Корпус. Мы — высшая власть. Мы говорим «нет». Придумайте другой план.

Пока Джей разглагольствовал, шарики в моей голове крутились со страшной быстротой. И скоро у меня созрело отличное решение.

— Хватит пререкаться, — сказал я.

Мне пришлось крикнуть это еще раз, прежде чем меня услышали.

— У меня есть запасной план.

Это успокоило спорщиков, и даже Джей с интересом посмотрел в мою сторону.

— Моральный Корпус протестует против высылки этих уродливых тварей в параллельную вселенную, где они могут навредить человеческим существам. Правильно, Джей?

— Суть верна.

— Тогда ты не станешь противиться, если мы отправим чужаков в параллельную вселенную, где нет человеческих существ?

Он несколько раз открыл и закрыл рот, затем бросил на меня злой взгляд. Адмиралы озадаченно загудели. Они не отличались сообразительностью, иначе бы они никогда не стали адмиралами.

— Мне надо посоветоваться, — наконец сказал Джей Ховах.

— Конечно. Только побыстрее.

Он недовольно покосился на меня, взял в руку золотой медальон, висевший у него на шее, и что-то прошептал в него. Затем прислонил медальон к уху. Пару раз кивнул.

— Высылка чужаков в параллельный мир, где нет человеческих существ, не считается аморальным актом. Я все сказал.

— Что происходит? — удивленно спросил один из адмиралов.

— Все очень просто, — ответил я. — Существуют миллионы и миллионы параллельных галактик. Может, их вообще бесчисленное множество. Среди них должна быть хотя бы одна, где никогда не существовал гомо сапиенс. Возможно, что существует галактика, населенная одними чужаками, где наших врагов примут с распростертыми объятиями.

— Раз ты это предложил, то сам и найдешь такую галактику, — приказал Инскипп. — Пошевеливайся, диГриз. Найди хорошее местечко, куда можно отправить вражеский флот.

— Он не будет действовать один, — заявил Джей Ховах. — Мы пристально следим за действиями этого агента. Ведь он самый аморальный человек во всем Специальном Корпусе.

— Прекрасный комплимент, — сказал я.

— Мы не можем доверять его словам. В поисках подходящей параллельной галактики его будет сопровождать один из наших агентов.

— Все это хорошо, — сказал я, — но не забывайте, что идет война, и я не хочу, чтобы на моей шее висел ваш моралист, распеваящий псалмы.

Джей что-то шептал в свой коммуникатор.

— Это военная операция, и я должен действовать быстро...

Я поперхнулся, когда она появилась в дверях. На ней была такая же туника, как и у Джея, которая не скрывала, а лишь подчеркивала изгибы фигуры. Блондинка с розовыми губками и сияющими глазами. И все при ней.

— Тебя будет сопровождать агент Инкуба, — сказал Джей.

— Что ж, в таком случае я забираю обратно свои возражения, — промямлил я. — Уверен, что она великолепно справится с заданием...

— Вот как? — снова раздался голос с потолка. На этот раз женский, и я тут же узнал его. — Если ты собираешься мотаться по Галактике вместе с этой сексуальной бомбой наедине, то ты ошибаешься, диГриз. Закажи билет и для меня.

Глава 19

— И это называется секретным совещанием? — заныл Инскипп. — Наши разговоры прослушивают все, кому не лень. Это ведь голос твоей жены, диГриз?

— Очень похож, — ответил я немного поспешно. — Полагаю, вам следует усилить меры безопасности. Но это вы сделаете без меня, потому что я срочно отправляюсь искать подходящую галактику. До скорой встречи, джентльмены.

Я вышел из комнаты вместе с Инкубой. Анжелина поджидала меня в коридоре. Глаза, как у львицы, ногти готовы впиться мне в горло. Смерив меня взглядом с головы до ног, она уничтожающе посмотрела на Инкубу.

— Ты собираешься отправиться в путешествие в этом купальном халате? — спросила она голосом, приближающимся по температуре к абсолютному нулю.

Инкуба молча осмотрела Анжелину. Ее лицо осталось спокойным, хотя ноздри слегка задергались, как будто она понюхала что-то с неприятным запахом.

— Нет. Я надену кое-что более практичное — и гораздо более привлекательное.

Чтобы не допустить эскалации боевых действий, я отпрыгнул в сторону и бросил на пол мини-гранату с дымовым зарядом. Она глухо рванула, и женщины на мгновение забыли о своих разногласиях.

— Леди, — быстро сказал я, — мы вылетаем через полчаса. Так что приготовьтесь. Я сейчас пойду к профессору Койпу и надеюсь, что вы тоже скоро там появитесь.

Подскочив ко мне, Анжелина схватила меня за руку и повела по коридору, шипя на ухо различные угрозы. Чтобы придать вес своим словам, она вдобавок укусила меня за ухо.

— Один только взгляд в ее сторону, одно только прикосновение к ней — и ты покойник, развратный Джим диГриз.

— А как же презумпция невинности? — простонал я, потирая укушенное ухо. — Я люблю тебя и никого другого. А теперь прекрати это и займемся войной. Надо, чтобы Койпу помог нам осуществить нашу миссию.

Существует только одна галактика подобного типа, — заявил Койпу, когда я объяснил ему суть дела.

— Что значит одна? — изумился я. — Вы ведь утверждали, что таких галактик миллионы, бесконечное множество.

— Утверждал. Их действительно столько. Но мы можем переправить большой объект — такой, как космический корабль — только в шесть из них. Чтобы попасть в остальные, у нас хватит энергии для создания поля диаметром лишь в два метра. В такую дырку много чужаков не загонишь.

— Так значит, шесть галактик. Почему же вы сказали, что только одна?

— Потому что в пяти из них существует эта лаборатория. Там я видел себя и других людей. В шестой — я называю ее Космос номер шесть — нет такой лаборатории. Экран выходит прямо в межзвездное пространство.

— В эту галактику мы и направимся, — слышался ласковый голос, и в лабораторию вошла Инкуба.

На ней был облегающий космический комбинезон, высокие черные сапоги и масса других интересных вещей. Но Анжелина стояла за моей спиной, и я

быстро отвел взгляд. Лучше смотреть на Койпу. Он хоть и уродливый, но это более безопасно.

— Да, мы направимся именно туда, — сказал я.

— Я предвидел это решение, — сказал Койпу. — Экран параллелолайзера установлен вне здания. Диаметр его сто метров. Выберите себе корабль соответствующих размеров, и я проинструктирую вас, как действовать дальше.

— Отлично. Нам подойдет патрульный катер типа «Лансер».

Я вышел, и мой верный экипаж последовал за мной. Я расписался за катер и произвел все необходимые проверки с помощью Анжелины. Инкуба находилась в рубке управления, что значительно облегчило мне жизнь.

— Мне всегда хотелось побывать в другой галактике, — весело сказал я.

— Заткнись и приготовься к старту.

Я вздохнул и вызвал Койпу по радио.

— Вылетайте курсом в сорок шесть градусов, — сказал он. — Вы увидите светящийся круг.

— Понял.

— Пролетайте через него. Не забудьте оставить в этом месте радиомаяк.

— Хороший совет. Ведь мы собираемся вернуться.

Катер пролетел сквозь круг, который исчез позади нас. На экране заднего вида я увидел черный диск, закрывавший звезды.

— Радиомаяк установлен, — доложила Анжелина.

— Молодец. В пятидесяти световых годах расположена звезда Г-2. Приемник поймал радиосигналы, посланные оттуда пятьдесят лет назад. Посмотрим на эту систему?

— Да. Но это единственное, на что ты будешь смотреть.

— Любовь моя. — Я взял Анжелину за руки. — Мои глаза смотрят только на тебя. — Сначала она улыбнулась, потом засмеялась, и я обнял ее. — Ты меня разыграла?

— Самую малость. Мне хотелось отправиться вместе с тобой, и мне был нужен хороший повод. Правда, я изрежу тебя на куски, если ты приблизишься к этой цыпочке из Морального Корпуса.

— Не беспокойся. Я занят тем, что в очередной раз спасаю Галактику.

Когда мы вышли из искривленного пространства, в рубку управления вошла Инкуба.

— Вокруг этой звезды вращаются только две планеты?

— Так утверждают приборы. Сначала мы рассмотрим ближайшую.

Мгновенно переместившись туда в подпространстве, мы вынырнули в атмосфере. Голубое небо, белые облака, приятное место. По радио звучала тревожная музыка и доносились обрывки разговоров на незнакомом языке. Никто из нас не произнес ни слова. От того, кто населял эту планету, зависела судьба Человечества. Мы опускались все ниже и ниже.

— Дома, — с несчастным видом сказала Анжели-на. — Вспаханные поля. — Так похоже на наш мир...

— Не совсем, — заметил я, увеличивая изображение.

— Красота! — вздохнула Анжелина и осеклась.

Какая-то тварь с дюжиной ног тянула плуг. За плугом шел крайне отвратительный чужак, ничем не отличавшийся от наших врагов.

— Галактика чужаков! — со смехом воскликнул я. — Мы отправим их сюда, и они заживут здесь счастливой жизнью. Вернемся обратно и сообщим всем эту приятную новость.

— Давайте исследуем вторую планету, — спокойно предложила Инкуба. — И все остальные. Мы должны убедиться, что в этой галактике действительно не существует людей.

Анжелина холодно посмотрела на нее, а я печально вздохнул.

— Конечно. Именно это мы и сделаем. Посмотрим везде и убедимся, что здесь обитают только чужаки.

Я все сглазил. Выйдя на орбиту второй планеты, мы увидели города и деревни, поля и шахты. На этой планете обитали самые что ни на есть настоящие люди.

— Может, внутри они чужаки, — сказал я, хватаясь за соломинку.

— Давайте разрежем одного и посмотрим, что у него внутри, — совершенно серьезно предложила Анжелина.

— Моральный Корпус запрещает разрезать живых существ, будь то люди или чужаки...

Тут заработало радио, и из динамиков раздались крики на непонятном языке. На пульте зажглись несколько лампочек, и я взглянул на экран. И тут же отшатнулся.

— У нас гости, — сообщил я. — Улетаем?

— Не стоит торопиться, — посоветовала Анжелина.

Рядом с нами появился огромный военный корабль черного цвета. Его пушки были нацелены на нас. В дуле каждой из них мог спокойно разместиться такой катер, как наш. Остановив двигатель, я почувствовал, как нас захватили в магнитное поле.

— Я, пожалуй, отправлюсь к ним и узнаю, в чем дело, — сказал я, поднимаясь с кресла. — А вы оставайтесь здесь.

— Я пойду с тобой, — решительно сказала Анжелина.

— Не сейчас, свет очей моих. Это приказ. Если я не вернусь, летите на базу и расскажите им обо всем, что мы видели.

С этими словами я направился в шлюзовую камеру. Надел скафандр, вышел в космос и полетел к люку военного корабля, который уже открыли для меня. Я вошел с высоко поднятой головой и очень обрадовался, когда увидел, что меня окружают люди. С суровыми лицами, в черной военной форме.

— Крэти пиклин стимфрекс! — сказал один из них. На его погонах сверкали золотые звезды.

— Замечательно сказано, но я не понимаю.

Он склонил голову набок, прислушиваясь к моим словам, а затем что-то приказал своим подчиненным. Они убежали и вернулись, неся в руках металлический ящик, кучу проводов и устрашающий на вид шлем. Я попытался отклониться, но в ребра мне уткнулись стволы их пистолетов. Пришлось подчиниться. Шлем

нацепили мне на голову, настроили соответствующие приборы, и офицер снова заговорил.

— Сейчас ты понимаешь меня, презренный червь?

— Понимаю, но не стоит разговаривать со мной подобным образом. Мы проделали нелегкий путь, чтобы попасть сюда, так что поберегите свои оскорбления для других.

Он зловеще улыбнулся, обнажив зубы, и мне показалось, что он готов перегрызть мне горло. Все остальные присутствующие испуганно шарахнулись в сторону.

— Ты знаешь, кто я такой? — закричал он.

— Не знаю и знать не хочу. Потому что ты не знаешь, кто я. Ты имеешь честь находиться в присутствии первого посла из параллельной вселенной. Можешь поприветствовать меня.

— Он говорит правду, — сообщил техник, следивший за стрелками приборов.

— Что ж, это меняет дело, — сказал офицер. И тут же успокоился. — Вряд ли тебе известно о карантинной зоне полетов. Меня зовут Каннг. Пойдем выпьем, и ты мне расскажешь, что привело тебя в наши края.

Выпивка была неплохой, и все, раскрыв рты, слушали мою потрясающую историю. Я еще не закончил, а они уже пригласили моих женщин, и мы дружно чокнулись бокалами.

— Желаю вам удачи, — сказал Каннг, поднимая свой бокал. — Я вам не завидую. Как вы заметили, нам удалось решить проблему с чужаками, и меньше всего нам нужно вторжение новых полчищ. Война закончилась тысячу лет назад. Мы взорвали все их космические корабли и отправили чужаков на свои планеты. Они готовы в любой момент снова вцепиться нам в глотку, поэтому такие корабли, как мой, постоянно патрулируют космос.

— Мы вернемся домой, и я доложу, что посылать сюда чужаков будет аморально, — сказала Инкуба.

— Мы можем одолжить вам парочку боевых крейсеров, — предложил Каннг. — Хотя у нас их тоже немного.

— Я сообщу о вашем предложении. Спасибо, — поблагодарил я. — Но, боюсь, нам необходимо более радикальное решение. А теперь нам пора возвращаться, чтобы быстро решить, как действовать дальше.

— Желаю победы в войне. Эти уроды довольно мерзкие существа.

В подавленном настроении мы вернулись на свой корабль и отправились в обратный путь, ориентируясь по сигналам радиомаяка. То ли на меня подействовала выпивка из параллельного мира, то ли глубочайшая депрессия, но в голове у меня промелькнула одна потрясающая мысль.

— Придумал! — закричал я, не в силах сдержать радость. — Наша проблема решена!

Мы проскочили через поле, и я совершил головокружительную посадку.

— Пойдемте со мной, и вы все услышите!

Я ворвался в конференц-зал, когда адмиралы, срочно вызванные по моему требованию, занимали свои места. Женщины не отставали от меня ни на шаг.

— Мы сможем отправить к ним чужаков? — спросил Инскипп.

— Ни в коем случае. Там своих чужаков хватает.

— Так что же нам делать? — простонал один дряхлый адмирал. — Шесть параллельных миров — и везде живут человеческие существа. Куда же нам отправить чужаков?

— В эти галактики мы их не пошлем, — ответил я. Вместо этого мы отправим их в другое место. Я разговаривал с профессором Койпу, и он утверждает, что это возможно.

— Куда? Отвечай! — приказал Инскипп.

— Мы отправим их в путешествие по времени.

— В прошлое? — удивился Инскипп.

— Нет, это не даст результатов. Они подождут, пока появится человеческая раса, чтобы снова пойти на нее войной. Значит, не подходит. Поэтому мы отправим их в будущее.

— Ты сошел с ума, диГриз. Что это нам даст?

— Послушайте, мы отправим их на сто лет вперед. За это время лучшие умы Галактики придумают способ, как с ними расправиться. Ста лет для этого хватит. Так что через сто лет люди будут ждать появления чужаков и, как только они появятся, покончат с ними раз и навсегда.

— Чудесно! — воскликнула Анжеліна. — Мой муж — гений. Подготовьте машину времени и отправьте их в будущее.

— *Это запрещено*, — снова раздался голос над нашими головами.

Глава 20

Мертвая тишина, которая воцарилась после этого неожиданного сообщения, длилась не больше двух секунд, потому что Инскипп вытащил пистолет и принялся палить в потолок.

— Секретная конференция! Максимальная безопасность! Было бы больше толку, если бы нас показывали по телевизору. По крайней мере, об этом узнало бы гораздо меньше людей!

Он отталкивал старых адмиралов, которые тщетно пытались его остановить. Я перевернул стол и разоружил Инскиппа, слегка оглушив при этом. Он рухнул в кресло с остекленевшими глазами и принялся что-то бормотать себе под нос.

— Кто это сказал? — крикнул я.

— Я, — ответил внезапно появившийся в воздухе человек. Зависнув над столом, он ловко спрыгнул на пол. — Я сказал, доблестные сэрз. А наречен я Га Бинетто.

Выглядел он довольно странно. Бархатный камзол, сапоги-ботфорты, широкополая шляпа с пером и длинные усы, которые он постоянно подкручивал одной рукой. Вторая рука лежала на эфесе шпаги.

Так как Инскипп еще не пришел в себя, вести переговоры пришлось мне.

— Нам все равно, как ты наречен. Скажи свое имя.

— Имя? Именовать? Меня именуют Га Бинетто.

— А по какому праву ты врываешься на секретное заседание?

— Секретов никаких не может быть от Констеблей Времени.

— Полиция Времени? — Это что-то новенькое. — Путешественники во времени из прошлого?

Даже я был немного озадачен.

— О, нет, рыцарь! Что заставляет тебя думать так?

— Я думаю так, потому что твой наряд и язык устарели на двадцать тысяч лет.

Он бросил на меня испепеляющий взгляд и нажал какие-то кнопки на эфесе шпаги.

— Не думай, что ты такой умный, — проворчал Га Бинетто. — Попробуй поскакать по времени и выучить все языки с диалектами. Тогда бы ты...

— Перейдем к делу, — прервал его я. — Ты из Полиции Времени, но не из прошлого. Значит — дай-ка я сам соображу — наверное, из будущего? Кивни, если я угадал. Отлично. Тогда скажи нам, почему нельзя забросить чужаков на пару сотен лет вперед?

— Потому что это запрещено.

— Ты уже это говорил. А по какой причине?

— Я не обязан отчитываться перед тобой, — презрительно процедил он. — Вместо меня вы могли получить водородную бомбу. Так что заткнитесь и слушайте.

— Он прав, — вздрогнув, сказал один из адмиралов. — Добро пожаловать в наше время, досточтимый путешественник во времени. Мы готовы выполнить твои приказы.

— Вот так-то лучше. Я могу только сказать, что Полиция Времени патрулирует время. Мы следим, чтобы не возникали парадоксы, чтобы путешествиями во времени не злоупотребляли, как это вы собираетесь сделать сейчас. Время — это очень тонкая материя, и его легко повредить необдуманными действиями. Так что это запрещено.

Воцарилась гнетущая тишина, во время которой я изо всех сил пытался что-нибудь придумать.

— Скажи, Га Бинетто, — спросил я, — ты человек или чужак в человеческом обличье?

— Я такой же человек, как и ты, — недовольно ответил он. — А может, и больше.

— Это хорошо. Если ты человек из будущего, значит, людям все-таки удалось изгнать чужаков из своей галактики. Правильно?

— Правильно.

— Так как же мы выиграли войну?

— Победа была достигнута при помощи... — Он закрыл рот рукой и густо покраснел. — Это совершенно секретная временная информация, и я не могу ее разглашать. Догадайтесь сами.

— Хватит полоскать нам мозги, — прохрипел Инскипп, постепенно приходя в себя. — Ты отменил единственный план, который мог спасти Человечество. Мы его действительно не используем, даю тебе слово, если ты нам скажешь, как нам поступить с чужаками. Иначе нам придется действовать, как было намечено.

— Мне запрещено об этом говорить.

— Но намекнуть-то ты можешь? — предложил я.

Подумав немного, он улыбнулся. Мне его улыбка совсем не понравилась.

— Решение может принять только такой сообразительный человек, как ты, диГриз. Все дело в мозгах.

Он подпрыгнул в воздух, щелкнул каблуками и исчез.

— Что он имел в виду? — нахмурился Инскипп.

Что он имел в виду? Га Бинетто обратился ко мне, значит я должен решить эту загадку. Говоря о моей сообразительности, он явно хотел меня запутать. *Все дело в мозгах. Моих мозгах? Чьих мозгах?* Может, мы чего-то не учли? А может, он имел в виду не настоящие мозги? Я не знал, что и думать.

Инкуба мечтательно смотрела в пространство, очевидно, размышляя о моральных принципах. Я уже стал подозревать, что от нее нам не будет никакого толка. Но Анжелина думала по-другому. Нахмутив лоб, она явно что-то замышляла. Она прищурилась, напрягая работу мысли, а затем широко открыла глаза. Затем улыбнулась. Заметив, что я смотрю на Инкубу, она

улыбнулась еще шире. Я вопросительно поднял бровь, и она едва заметно кивнула в ответ.

Если я ее правильно понял, то она давала мне понять, что разгадала эту головоломку. Я и так уже раскаялся в том, что раньше пренебрежительно относился к женщинам, и был готов отказаться от мысли о превосходстве мужчин. Если Анжелина нашла правильное решение, я был готов принять его со свойственными мне великодушием и благодарностью. Я придвинулся к ней.

— Если ты знаешь ответ, скажи его нам, — прошептал я.

— С годами ты становишься мудрее, мой дорогой. — Она послала мне воздушный поцелуй, а затем громко произнесла: — Джентльмены, ответ очевиден.

— Только не мне, — проворчал Инскипп.

— Нам сказали, что все дело в мозгах. Это означает контроль над мозгом...

— Серые люди! — закричал я. — Промыватели мозгов с Кеккончихи!

— Я все еще не понимаю...

— Инскипп, старый воин, вы привыкли к физическим схваткам с противником, — сказал я. — А этот клоун из будущего намеревался, как одержать полную и окончательную победу.

— Как?

— Заставив чужаков изменить свое мнение о нас. Заставив их полюбить человеческие существа. Чтобы они направили всю свою военную мощь на мирное строительство и сделали нашу Вселенную образцовой. А кто у нас главные специалисты по промыванию мозгов? Жители Кеккончихи. Они сказали мне, что их методы психоконтроля применимы ко всем живым существам. Пусть теперь это докажут.

— А как они это смогут сделать? — спросил один адмирал.

— Детали обсудим попозже, — ответил я, подразумевая, что не имею пока об этом ни малейшего понятия. — Пусть приготовят боевой крейсер с космическими пехотинцами на борту. Я вылетаю немедленно, чтобы в очередной раз спасти Галактику.

— Я не уверена, что это разрешено, — сказала Инкуба. — Все, что касается манипулирования сознанием... — Вдруг она запнулась на полуслове и упала на пол.

— Бедняжка упала в обморок, — сказала Анжели-на. — После такого стресса это не удивительно. Я отнесу ее в спальню.

Ничего себе обморок! Я-то знал, на что способна моя жена. Как только она вышла из комнаты, неся на руках бесчувственное тело Инкубы, я тут же принялся действовать, чтобы воспользоваться драгоценным временем.

— Готовьте крейсер немедленно! Мне некогда ждать.

— Конечно, — ответил Инскипп. — Ждать тебе не придется.

Он все понял и тоже хотел как можно быстрее отправить меня на Кеккончихи, пока наблюдательница из Морального Корпуса еще не пришла в себя.

Мы летели быстро и молча. Я приказал соблюдать радиомолчание и запретил пси-оператору принимать любые сообщения, адресованные нам. Поэтому, когда замерзший мир Кеккончихи появился на экране, мы не получили приказа возвращаться обратно. У меня было достаточно времени, чтобы выработать план действий.

— Выходите из режима радиомолчания. Я хочу связаться с первой экспедицией, — приказал я.

— Они на связи, — сообщил оператор. — Их корабль не спустился, а все еще находится на орбите.

— А что случилось?

— С вами будет разговаривать командир, сэр.

На экране появился офицер с забинтованной головой. Увидев мою парадную форму с золотыми погонами, он отдал честь.

— Они рвутся в бой, — сообщил он. — Мы прибыли сюда с миссией умиротворения, а не для того, чтобы взорвать эту планету. Поэтому, когда переговоры зашли в тупик, я принял решение покинуть планету. Но прежде мы нейтрализовали все звездолеты серых людей.

— Они же знают, что не смогут победить.

— Вы это знаете, и я это знаю. Но попробуйте убедить в этом жителей Кеккончихи!

Этого следовало ожидать. Упрямые фаталисты готовы были скорее погибнуть, чем сдаться в плен. Очевидно, само понятие «плен» было чуждо их Моральной Философии выживания. Но мы нуждались в их помощи. На всей планете был только один человек — надеюсь, еще живой, — который смог бы оказать нам содействие.

— Оставайтесь на орбите, командир, и ждите моих распоряжений. Мне необходимо установить контакт с одним представителем этой планеты. Я свяжусь с вами по радио.

Мне понадобился час, чтобы отдать необходимые приказы своему экипажу и подготовить нужное оборудование. Затем я надел скафандр и полетел вниз к белой планете. Гравитационный парашют замедлил мое падение, а инфракрасный прибор давал возможность видеть через снег. Увидев знакомое здание, я направился туда и довольно жестко приземлился на крышу, на которой я уже был раньше. Мне стало холодно и неуютно, ведь я полагал, что больше никогда в жизни не окажусь на этой планете.

Я, конечно, мог опуститься вместе со взводом космических пехотинцев и зайти через дверь, но у меня были другие планы. Я должен поговорить с Ханасу, пока никто не знал о моем возвращении. Открыв крышку люка, я, пыхтя и отдуваясь, протиснулся в своем скафандре через отверстие и спрыгнул вниз. Первый этап прошел успешно. Затем снял с себя скафандр и прочие неудобные приспособления, открыл замок двери — надеюсь, в последний раз, — и пошел по коридору.

— Ты враг, и тебя надо убить, — монотонно произнес маленький мальчик, появившийся на моем пути.

Я отскочил в сторону. Он споткнулся и упал, представляя собой чудесную мишень. Игла из пистолета вошла в его мягкое место. Он сразу же обмяк. Схватив его под мышку, я пошел дальше.

Когда я открыл ногой дверь кабинета Ханасу, я тащил на себе четырех учеников и слегка вспотел.

Наставник сидел за столом. Подняв голову, он изобразил на лице нечто отдаленно напоминающее улыбку.

— Все произошло, как ты и предсказывал, — сказал он. — Послание достигло цели. Тебе удалось спастись.

— Я спасся, но решил вернуться. Правда, твои юные друзья восприняли мое возвращение без энтузиазма. Они слышали по радио выступление Кома и не знают, чему теперь верить. Вот они и всполошились. Ну этих ребят я успокоил. Пусть поспят немного на полу.

— Я применю к ним аксионный фидер. Они все забудут.

— В этом нет никакой необходимости. Они будут спать достаточно долго. А теперь расскажи, что произошло после того, как я покинул планету.

— Неразбериха. В учебнике по Моральной Философии не написано, как действовать в такой ситуации. Поэтому, когда Ком приказал им сражаться или умереть, все подчинились ему. Это все понимают. Я ничего сам не мог сделать, поэтому просто жду развязки.

— Мудрое решение. Но теперь я здесь и хочу поручить тебе важное задание.

— Какое?

— Ты должен убедить своих людей, чтобы они снова надели свои маскировочные костюмы, вернулись к чужакам и восстановили над ними свой контроль.

— Я не понимаю. Ты хочешь, чтобы они заставили чужаков продолжать войну против Человечества?

— Нет. Совсем наоборот. Я хочу, чтобы они остановили эту войну.

— Объясни. Это выше моего понимания.

— Сначала я задам тебе один вопрос. Можно ли применить к чужакам синаптический генератор? Убедить их, что на самом деле люди очень хорошие. Что у нас влажные глаза и мы много потеем. И пальцы не так уж сильно отличаются от щупалец. Это можно сделать?

— Легко. Ты должен понимать, что чужаки относятся к примитивным культурам и ими легко управлять. Когда мы проникли в их среду, чтобы подготовить

вторжение, сначала мы столкнулись с полным безразличием. Тогда нам пришлось научить их лидеров ненавидеть Человечество. Затем, при помощи пропаганды, они убедили в этом всех остальных.

— А можно этот процесс повернуть вспять?

— Думаю, что да. Но как заставить пойти на это моих людей?

— Это основной вопрос. — Я встал и принялся расхаживать по кабинету, переступая через храпевших учеников. — Это можно сделать при помощи вашей Моральной Философии. Я был не прав, когда утверждал, что вашу культуру следует уничтожить. Ни в коем случае. В ней содержится много постулатов, которые могут принести пользу всему Человечеству. Просто она неправильно применяется на вашей планете. В этом учении где-нибудь говорится, что вы должны быть завоевателями Галактики?

— Нет. Мы учились ненавидеть тех, кто оставил нас в этом мире, потому что они никогда не вернутся, чтобы спасти нас. Мы должны сами позаботиться о своем спасении. Выживание — вот смысл нашего учения. Все, что идет против него — неправильно.

— Тогда Ком не прав, что собирается устроить самоубийство всей расы.

Для жителя Кеккончихи Ханасу отреагировал довольно бурно.

— Конечно! Его проповеди идут вразрез с законом. Надо сообщить об этом всем.

— Разумеется. Но это только начало. Давай еще раз разберем законы Моральной Философии. Вы выжили. Вы стоите выше, чем все остальное Человечество. Вы ненавидите тех, кто оставил вас умирать много сотен лет тому назад. Но нынешнее поколение ничего не знает об этом и ни в чем не виновато. Хватит ненависти. Мало того, раз обитатели Кеккончихи считают себя выше остальных, они обязаны помогать остальному Человечеству, когда ему грозит опасность. Это укладывается в рамки Моральной Философии?

Широко раскрыв глаза, Ханасу пытался собраться с мыслями. Наконец он кивнул.

— Все именно так, как ты сказал. Надо приспособить Моральную Философию к новым условиям. Рань-

ше такого никогда не случалось. Раньше не было новых условий. Теперь они появились. Только сейчас я понял, как мы ошибались. Мы поддались эмоциям. Мы нарушили основной закон Моральной Философии. Когда я объясню это моим людям, они поймут. Мы спасем человеческий род. — Подойдя ко мне, он пожал мне руку. — Ты спас нас от самих себя, мой друг. Мы неправильно применяли постулаты учения. Пора исправить эту ошибку. Я пойду и объясню это своим соотечественникам.

— Подожди. Вдруг Ком сначала откроет огонь, а потом только будет вести с тобой переговоры. Если мы его нейтрализуем, сможешь ли ты убедить войска?

— Несомненно. Никто не осмелится возражать моим словам, ведь я им буду излагать закон, который они учили с тех пор, когда были такими маленькими мальчиками, как эти.

Не успел он закончить, как дверь распахнулась, и на пороге появились такие же маленькие мальчики с оружием в руках. Во главе стоял один из учителей, который направил свой пистолет прямо на меня.

— Брось оружие, — приказал он. — Иначе я тебя убью.

Глава 21

Конечно, я целился прямо в них. Моя интуиция никогда не подводит меня. Как только дверь скрипнула, я уже выхватил свой пистолет и присел. Теперь я медленно поднялся и бросил пистолет на пол. Я находился в неравном положении. Столько оружия в руках этих нервных учеников.

— Не стреляйте! — закричал я. — Сдаюсь!

— Что это значит? — спросил Ханасу, направляясь к двери. — Уберите пистолеты. Это приказ.

Ученики тут же подчинились приказу Наставника, но учитель колебался.

— Ком сказал...

— Кома здесь нет. Ком не прав. В последний раз приказываю убрать оружие.

Учитель никак не мог принять решение, и Ханасу повернулся ко мне.

— Пристрели его, — приказал он.

Что я и сделал. Разумеется, я выстрелил в него снотворной иглой, хотя ученики этого и не знали. Ханасу это вообще не волновало. Он не привык, чтобы кто-то не выполнял его приказы.

— Дай мне пистолет, — сказал он стоявшему рядом с ним ученику. — Пойди передай, чтобы вся школа собралась в конференц-зале.

Все остальные побросали оружие и тут же удалились. Я оттащил учителя и положил его рядом со спавшими учениками. Ханасу закрыл дверь и погрузился в размышления.

— Вот что надо сделать, — наконец сказал он. — Я объясню им все, пользуясь постулатами Моральной Философии. Их больше не будут мучить внутренние противоречия по поводу ее применения. Когда они это поймут, мы отправимся в космопорт. Там находятся Ком и его активисты. Я выступаю перед ними, и они перейдут на нашу сторону. Тогда твой космический корабль сможет спуститься, и мы приступим ко второму этапу операции.

— Все это хорошо. Но если они не согласятся с тобой?

— Им придется это сделать. Потому что не со мной они должны будут согласиться, а со священным текстом Моральной Философии. Когда они это поймут, речь будет идти не о согласии, а о повиновении.

Говорил Ханасу весьма убедительно, но я, на всякий случай, скрестил пальцы за спиной.

— Может, мне лучше пойти с тобой? На всякий случай.

— Ты подождешь здесь. За тобой придет посыльный.

С этими словами Ханасу вышел, и мне ничего не оставалось, как подчиниться его приказу. Тела учеников наводили меня на грустные мысли. Чтобы отвлечься от них, я вызвал по радио корабли и обрисовал ситуацию. Я приказал им находиться на орбите над космопортом и ожидать моих дальнейших распоряжений. Потом выключил радио. В дверь постучали.

— Пойдем со мной, — приказал вошедший ученик.

Я последовал за ним. Ханасу ждал меня возле открытых дверей школы, а к нему со всех сторон стекались учителя и ученики.

— Мы отправляемся в космопорт, — сказал он. — К рассвету мы будем там.

— Проблем нет?

— Конечно, нет. Все обрадовались, когда постулаты Моральной Философии наконец обрели для них смысл. Мои люди сильные, но их сила проистекает от повиновения. Теперь они гораздо сильнее.

Ханасу ехал впереди на единственной машине, и я радовался, что сижу в кабине вместе с ним. Преподаватели и ученики тащились за нами на лыжах. Никто не пожаловался, что вместо сна им приходится совершать лыжный поход. Да, дисциплина — это великая вещь! Чего не скажешь о машине, на которой мы ехали. Хотя в этот раз трясло не так сильно, потому что Ханасу ехал медленно, чтобы лыжники не отставали от нас.

Занималась заря, когда мы приблизились к космопорту. Из сторожевой будки вышли два охранника и спокойно наблюдали за нами, как будто такие процессии появлялись здесь каждый день.

— Скажите Кому, что я хочу его видеть, — приказал Ханасу.

— Проход запрещен. Таков приказ Кома. Всех врагов надо убить. В твоей машине враг. Убей его.

— Четырнадцатое Правило Послушания гласит, — сказал Ханасу властным голосом, — что вы должны подчиняться приказам членов Комитета Десяти. Я даю вам приказ. Нет такого закона, чтобы убивать врагов. Отойдите в сторону.

На лицах охранников отразилось легкое волнение, но они с ним быстро справились.

— Проходите, — сказал один из охранников. — Я сообщу Кому о вашем визите.

Выстроившись в цепочку, наше юное войско направилось к административным зданиям. Мы проходили мимо зенитных установок, но их расчеты не обращали на нас никакого внимания.

Внезапно пошел снег. Наша машина остановилась у главного здания, и, как только Ханасу спрыгнул на землю, дверь здания распахнулась. Я съезжился на сидении. Из здания вышел Ком и дюжина его сторонников. Все они были вооружены.

Наверное от холода я совсем плохо соображал, потому что только сейчас осознал, что в нашей колонне только у меня есть оружие.

— Возвращайся в свою школу, Ханасу. Твое присутствие здесь нежелательно, — закричал Ком.

Не обращая никакого внимания на эти слова, Ханасу подошел к нему вплотную. Затем он громко заговорил, чтобы все могли его услышать.

— Я приказываю вам всем сложить оружие, потому что ваши действия противоречат учению Моральной Философии. Это учение обязывает нас возглавлять другие расы. Согласно ему, мы не должны идти на самоубийство, борясь с другими народами, которые превосходят нас в числе в соотношении один к миллиону. Если мы станем продолжать борьбу, нас всех убьют. Разве этому учат нас законы Тысячи оставшихся в живых? Вы должны...

— Ты должен уйти, — перебил его Ком. — Это ты нарушил закон. Уходи, или тебя убьют.

Он поднял пистолет и направил его старику в грудь. Я мигом выскочил из машины.

— На твоем месте я не стал бы этого делать, — сказал я, беря его на мушку.

— Ты привел с собой врага! — выкрикнул Ком. — Его убьют, тебя убьют...

Он осекся, когда Ханасу залепил ему звонкую пощечину.

— Я объявляю тебя вне закона, — сказал Ханасу. — Ты отказался повиноваться. Тебе конец.

— Мне конец? Скорее тебе! — вне себя от ярости завопил Ком, целясь из пистолета.

Я прыгнул в сторону, держа пистолет наготове, но Ханасу находился на линии огня. Тут раздался грохот выстрелов.

Но Ханасу продолжал стоять. Бесстрастно наблюдая, как изрешеченное тело Кома рухнуло на землю. Сторонники Кома разом разрядили свои пистолеты в своего командира. Моральная Философия погубила его.

Спокойно и невозмутимо Ханасу повернулся ко всем присутствующим и стал объяснять им новую интерпретацию Закона. Серые люди с трудом скрывали свое облегчение. Лишь бездыханное тело Кома портило всю картину, напоминая о случившемся расколе. Люди старались не смотреть на него.

На планете снова был порядок.

— Можете спускаться, — сказал я в микрофон передатчика.

— Никак нет. Получен новый приказ от вышестоящего начальства.

— Вы что, с ума там все посходили. Быстро сажайте ваши жестянки, иначе я изжарю вашего командира и съем его на завтрак.

— Никак нет. Корабль с вышестоящим начальством будет у вас через три минуты.

Связь прервалась, и я, выпучив глаза, уставился на радио. Что там такое происходит? В это время собравшиеся внимательно слушали речь Ханасу. Ситуация под контролем, все проблемы решены, и вдруг такая загвоздка.

Тут я увидел спускающийся с неба корабль. Не успел открыться шлюзовой люк, как я уже стоял рядом с кораблем, метая глазами молнии и барабана пальцами по кобуре. Из корабля вышла знакомая личность. Очень знакомая.

— Ты! — закричал я.

— Да, это я. И я прибыл как раз вовремя, чтобы предотвратить свершение аморального акта.

Это был Джей Ховах, босс Морального Корпуса. И я понимал, зачем он сюда прилетел.

— Мы не нуждаемся в твоих советах, — сказал я. — К тому же ты одет не по сезону. Вернись-ка лучше на корабль.

— Моральность превыше всего, — простучал зубами он.

Никто не предупредил его о местном климате, и он прилетел сюда в своем купальном халате.

— Я пыталась его убедить, но он и слушать меня не хотел, — раздался еще более знакомый голос, и по трапу спустилась Анжелина.

— Дорогая! — закричал я, бросившись ей навстречу, но голос Джея остановил меня.

— Мне сообщили, что ты прибыл сюда, чтобы убедить этих людей использовать их технику психоконтроля, с помощью которой можно выиграть войну. Психоконтроль аморален, и его использование запрещено.

— Это кто такой? — ледяным голосом спросил Ханасу.

— Его зовут Джей, — сказал я. — Он заведует нашим Моральным Корпусом. Он следит за тем, чтобы никто не нарушал наш моральный закон.

Окинув Джея презрительным взглядом, Ханасу повернулся ко мне.

— Я его уже когда-то встречал, — сказал он. — Уведите его отсюда. Пусть придут ваши корабли, и мы приступим к операции против чужаков.

— Похоже, ты меня не понял, — сказал Джей Ховах, выбивая зубами чечетку. — Я запрещаю эту операцию. Она аморальна.

Ханасу медленно повернулся и окинул его ледяным взглядом.

— Ты не имеешь права говорить со мной об аморальности. Я главный толкователь Моральной Философии, и я олицетворяю здесь Закон. Мы совершили ошибку, заставив чужаков развязать войну. Теперь мы прекратим ее при помощи того же способа.

— Нет! Два отрицательных действия не равны одному положительному. Операция запрещена.

— Ты не можешь остановить нас, так как здесь у тебя нет никакой власти. Ты можешь лишь убить нас, чтобы остановить. Если ты не убьешь нас, мы будем действовать согласно нашему собственному моральному закону.

— Вас остановит...

— Только смерть. Если ты не можешь отдать такой приказ, то отойди в сторону и не мешай.

Повернувшись, Ханасу пошел прочь. Джей пару раз открыл и закрыл рот, но не произнес ни слова. Он весь посинел от холода. Я сделал знак двум школьникам.

— Эй, ребята. Помогите этому бедному старику вернуться на корабль, чтобы он согрелся и обдумал там свои философские проблемы.

Джей пытался сопротивляться, но ученики крепко взяли его под руки и повели на корабль.

— И что теперь? — спросила Анжелина.

— Обитатели Кеккончихи полетят к чужакам и попытаются выиграть войну. Моральный Корпус не сможет убить их, чтобы помешать им защитить нас.

Полагаю, Джею и Инкубе будет над чем поломать головы. Возможно, они не разрешат нам оказывать помощь серым людям, если найдут способ оправдать это решение.

— Я уверена, что ты прав. А что дальше?

— Дальше? Мы спасем Галактику. В очередной раз.

— Ты как всегда скромн, — сказала Анжелина и громко чмокнула меня в щеку.

Глава 22

— Потрясающе выглядит, как ты считаешь? — спросил я.

— По-моему, отвратительно, — ответила Анжели-на, морща нос. — И воняет к тому же.

— Это улучшенный вариант первой модели. Запомни, там, куда мы отправляемся, все плохое считается хорошим.

Впрочем, Анжелина была права. Выглядело все это отвратительно. Однако меня это обрадовало.

Мы стояли в дверях кают-компания космического корабля, который заказали специально для этой операции. Перед нами располагалось множество рядов глубоких кресел. Не менее пятисот. В каждом кресле сидел омерзительнейший чужак. От их вида у любого нашего врага вылезут на лоб глаза — ведь все они были сделаны по образцу и подобию моего первого маскировочного костюма. Целая армия гештункинцев. Конечно, многочисленные сердца и плазменные помпы врагов не стали бы биться так сильно, знай они, что в каждом костюме чужака сидит обитатель Кеккончихи. А в хвостах у них спрятаны мощные синаптические генераторы.

Наш крестовый поход за мир начался.

Организовать его оказалось не так уж и легко. Моральный Корпус решительно противился нашей опе-

рации по промывке мозгов. Но им пришлось проводить свои приказы через планетарные правительства, и я впервые благословил бюрократический аппарат. Пока эти приказы дошли до нас, Специальный Корпус предпринял ряд мер, чтобы избежать их выполнения. Главные техники исчезли, и никто не мог узнать, куда они подевались. Возмущенного профессора Койпу подняли среди ночи с постели и отправили в глубь Галактики, не дав даже времени, чтобы надеть носки. Была построена полностью автоматизированная планета, где разместились наши агенты и добровольцы с Кеккончихи. Пока готовились костюмы чужаков, Ханасу возглавил занятия с группой специалистов по психоконтролю. Мы как раз успели все закончить и вылетели к чужакам, когда через час после этого к нам направился боевой корабль Морального Корпуса. Чтобы остановить нас. Впрочем, это скорее помогло нам, чем помешало. Благодаря ему мы быстро преодолели вражеские заслоны.

— Мы в зоне устойчивой связи, — сообщил я. — Вы готовы к работе, добровольцы с Кеккончихи?

— Мы готовы, — послышался громкий, но монотонный ответ.

— Удачи вам. Экипажу надеть костюмы.

Я залез в свой костюм, а Анжелина — в свой. Джеймс и Боливар запрыгнули в костюмы роботов. Нахлобучив металлические головы, они помахали мне руками. Я застегнул молнию на животе и повернулся к коммуникатору.

— Мой дорогой Скользящий Джим вернулся с того света. — На экране появился отвратительный урод, размахивавший клешнями и щупальцами.

— Я вас не знаю, сэр, — жеманно проворковал я. — Но вы, наверное, были знакомы с моей сестрой. А меня зовут Скользящий Боливар. — Я нажал на кнопку, и из моего глаза выкатилась огромная слеза. — Мы на Гештункине слышали о ее доблестной смерти и прибыли сюда, чтобы отомстить!

— Тогда добро пожаловать! — захрюкала тварь. — Меня зовут Сесс-Пула. Я новый командующий вооруженных сил. Давай ко мне на корабль, и мы устроим замечательный банкет!

Я так и сделал. Состыковав наши корабли, я направился к нему в гости. Чтобы увернуться от его слизких объятий, я сделал шаг в сторону, и он шлепнулся на пол.

— Познакомься с Анн-Желем. Он — мой начальник штаба. Эти маленькие роботы принесут нам еду и выпивку.

Банкет удался на славу. К нам присоединялись все новые и новые уроды. Мне стало интересно, кто же остался управлять кораблем. Очевидно, никто.

— Как идет война? — поинтересовался я.

— Ужасно! — пожаловался Сесс, опустошая ведро какой-то отвратительной булькающей жидкости. — Нет, конечно мы продолжаем гнать этих двуногих, но они не хотят вступать с нами в сражение. Моральный дух солдат упал. Всем им уже по горло надоела война, и они мечтают, как бы быстрее вернуться к своим слизким возлюбленным. Но война должна продолжаться. Я так думаю.

— Мы поможем тебе, — закричал я, хлопнув его по плечу. — Мой корабль битком набит кровожадными добровольцами, которые так и рвутся в бой. Они великолепные солдаты. К тому же, превосходные навигаторы, артиллеристы и повара.

— Клянусь Мокрым Гогом, мы возьмем их к себе, — громко икая, сказал Сесс. — У тебя много солдат?

— Ну, — уклончиво ответил я, — достаточно, чтобы поместить по одному на каждый флагманский крейсер. Кстати, если офицерам понадобятся совет или доброе слово, пусть они обращаются к моим людям. Кстати, они очень сексуальны.

— Мы спасены! — завопил Сесс.

Скорее наоборот, подумал я, оскалив в улыбке зубы. Мне стало интересно, сколько времени понадобится моим саботажникам, чтобы справиться с работой.

Оказалось, что немного. Чужаки уже созрели для мозговой атаки. Разложение шло своим ходом, и через несколько дней Сесс-Пула заполз в командирскую

рубку, где я следил за тем, чтобы не столкнуться с космическим флотом людей. Он мрачно посмотрел на экран тремя парами покрасневших глаз.

— Бессонница мучает? — спросил я, щелкнув его по главному отростку, и он втянул его внутрь с несчастным видом.

— Да, дорогой Боливар. Флот разваливается на глазах. Солдаты хотят вернуться домой, собрать урожай прошлогодних девственниц, у которых скоро начнется период течки. Я и сам задаюсь вопросом, что я здесь делаю.

— А что ты здесь делаешь?

— Не знаю. Мне опротивела эта война.

— Надо же. Я тоже об этом думал. Ты обратил внимание, что люди не такие уж и сухие? У них влажные глаза и мокрые красные отростки во рту.

— Ты прав! — забулькал он. — Как-то я об этом раньше не задумывался. А что мы можем сделать?

— Ну... — начал я и стал рассказывать.

Через десять часов могучая космическая армада стала разворачиваться в космосе. Корабли возвращались на свои планеты.

На грандиозной попойке, которую они закатили в честь победы, — мы внушили чужакам, что они победили — мы с Анжелиной наблюдали за весельем.

— Я уже к ним привыкла, и они мне кажутся довольно милыми, — призналась Анжелина.

— Я бы не стал этого утверждать, но теперь, когда они отказались от своих захватнических планов, я отношусь к ним гораздо терпимее.

— Кстати, они довольно богатые, — заметил Джеймс, подливая какого-то пойла в мой бокал.

— Мы тут все исследовали, — добавил Боливар, подкатываясь с другой стороны. — За время боевых действий они захватывали корабли, планеты и спутники. Они очищали все банки, потому что знали, с каким трепетом люди относятся к их содержимому. Но они не используют деньги, как мы.

— Знаю, — ответил я. — Они пользуются кое-чем другим, о чем лучше не говорить вслух.

— Ты прав, папа, — сказал Джеймс. — Не зная, что делать с этими сокровищами, они сложили их в один из грузовых трюмов.

— Я не удивлюсь, — сказала Анжелина, — что сейчас этот трюм пуст.

— Ты как всегда права, мамочка. А наш транспортный корабль полон.

— Надо раздать эти ценности тем, у кого они были украдены, — сказал я, с удовольствием наблюдая, как вытянулись их лица.

— Джим!.. — выдохнула Анжелина.

— Не волнуйся. Я не потерял свою хватку. Я хотел сказать, что мы вернем только то, что нам удалось обнаружить...

— ...а обнаружили мы не так уж и много, — закончила Анжелина.

Что-то зеленое, мокрое и противное плюхнулось на стул рядом со мной.

— За победу! — закричал Сесс-Пула. — Мы должны выпить за победу! Тихо! Очаровательнейший Скользкий Боливар произнесет тост.

— Конечно! — закричал я, вскочив со стула.

Воцарилась тишина. Все глазные отростки, оптические щупальца, не говоря уже о трех парах человеческих глаз, уставились на меня.

— Тост! — крикнул я, с таким энтузиазмом подняв бокал, что часть жидкости выплеснулась на ковер и прожгла в нем дыру. — Предлагаю выпить за всех существ, живущих в нашей Вселенной, за больших и маленьких, твердых и рыхлых. Пусть все живут в мире и любви. За жизнь, свободу и противоположный пол!

Так началась эра гораздо лучшей жизни.

Надеюсь.

NEED

**СТАЛЬНУЮ КРЫСУ-
В ПРЕЗИДЕНТЫ!**

1.000.000

Глава 1

Официант сноровисто откупорил бутылку, разлил пенящееся искрящееся вино по бокалам и исчез, словно растворился в воздухе.

— Может, произнесешь в мою честь тост? — ненавязчиво предложил я.

— Что ж, ты, вроде, заслужил. — Моя дорогая Анжелина подняла бокал, прищурила левый глаз, правым лукаво взглянула сквозь резной хрусталь мне в глаза. — За моего мужа, Джима диГриза, — спасшего Вселенную. В очередной раз!

Я был польщен. Особенно словами «В очередной раз». По природе я скромненький, застенчивый, но непредвзятое мнение о своих выдающихся способностях выслушиваю всегда с удовольствием. Тем более из уст такой очаровательной, умной и смертельно опасной женщины, как моя женушка. Да и кому судить, если не ей? Ведь она не только с самого начала следила за моей героической борьбой с вознамерившимися захватить Галактику Слими, но и сама приняла в этой истории весьма активное участие.

— Ты так добра ко мне, — пробормотал я. — Хотя, что правда, то правда, Вселенную я спас. И не в первый раз. Ну да ладно, приключение кончено. Забудем мрачные эпизоды и отпразднуем мою славную победу.

Мы чокнулись и выпили.

Ярко-оранжевый диск бюджеттского солнца на четверть скрылся за лиловым горизонтом, в углах террасы плясали отраженные от бездонных каналов блики. Играл струнный квартет, мы с Анжелиной мило болтали, пили вино многолетней выдержки, с аппетитом уплетали фирменное в этом ресторане блюдо — поджаренные, от души приправленные кэрри* ломти мяса местной разновидности мастодонта.

Изысканное вино, приличная кухня, сносное обслуживание, приятное общество жены. Чего еще желать? Только вот два мрачных типа за столиком у входа... Весь вечер они пялились на нас, а их пиджаки были красноречиво оттопырены под влажными от пота подмышками.

Но не прерывать же чудесный ужин из-за пустяков?

Совсем стемнело. В ресторане включилось мягкое рассеянное освещение, на столиках загорелись разноцветные светильники. Не спеша допив кофе с ликером, Анжелина достала из сумочки крошечное зеркальце и накрасила губы.

— Дорогой, а ты знаешь, что нас пасут уже не первый час двое верзил у двери?

Я со вздохом кивнул и вытащил сигару.

— К сожалению, знаю, моя радость. Я их засек, как только мы вошли. Не говорил тебе, не хотел портить аппетит.

— Глупости! Немного остроты только добавит прелести вечеру.

— У меня лучшая во всей Галактике жена! — Я улыбнулся ей и прикурил. — На этой планете от скуки сдохнешь, и любая, пусть даже маломальская, перемена здесь развлечет меня.

— Рада, что ты так считаешь... — Анжелина кинула мимолетный взгляд в зеркальце. — О, да они идут сюда. Тебе помочь, милый? Правда, я экипирована не лучшим образом; сам понимаешь, в дамскую сумочку

* К э р р и — приправа из куркумного корня, чеснока и пряностей.

много не напихаешь. Так, с десяток гранат, акустическая бомба-другая, в общем, ничего особенного.

— И только-то? — Я слегка приподнял брови.

— Нет. Футляр от губной помады — однозарядный пистолет, смертелен при малейшем попадании с расстояния до пятидесяти метров. Есть еще...

— Хватит-хватит, твой арсенал сейчас ни к чему. Их ведь только двое. Сиди и смотри, а мне физические упражнения улучшат пищеварение.

— К ним присоединились друзья, и их уже четверо.

— Двое, четверо — невелика разница. Перевес все равно на моей стороне.

За спиной уже гроыхали шаги. Поступь тяжелая, неуклюжая — недаром даже в самых отдаленных уголках Галактики полицейских называют косолапыми.

Полицейские! Ха! С преступниками, может, еще и пришлось бы повозиться, а с местными полицейскими... Да я, бывало, укладывал целое отделение таких одной левой и даже дыхание не сбивал.

Шаги смолкли. Надо мной навис громадный детина, полез в карман. Я напрягся, но тут же расслабился: он вытащил всего-навсего золотой, усеянный драгоценными камнями значок полицейского.

— Я капитан бюджеттской полиции Критин. А вы, насколько мне известно, действуете под кличкой «Стальная Крыса»...

Кличка! И это обо мне-то, будто речь идет о заурядном преступнике!

Скрежеща от обиды зубами, я поднялся и сломал у него под носом сигару. Его зрачки расширились, а через секунду он закрыл глаза: спрятанная в сигаре каспула треснула, и в его волосатые ноздри попал сонный газ. Я вырвал из его толстых пальцев значок, который он мне только что продемонстрировал, и сделал шаг в сторону. Он повалился лицом в сахарницу.

Вытянув левую руку, я крутанулся на каблуках. Как обычно, не промазал, угодил указательным пальцем точнехонько в нервный узел под ухом стоявшему рядом здоровяку. Тот охнул, согнулся в три погибели и рухнул на своего коллегу.

Времени любоваться поверженными недругами не было.

— Двадцать два! — крикнул я Анжелине и направился к кухне.

Дверь в кухню распахнулась передо мной, оттуда вышли двое полицейских. У главного выхода маячили еще четверо.

— Я в западне!

Средним пальцем левой руки я коснулся пряжки ремня. Спрятанная там кричалка испустила не слышимые обычным ухом, но вызывающие безотчетный ужас инфразвуковые колебания, публика в ресторане завопила в унисон.

Отлично! В суматохе я легко выскочу через запасной выход.

За занавеской, у двери на пожарную лестницу, оказались двое полицейских.

Представление порядком затянулось. Я вспрыгнул на длинный банкетный стол, не опрокинув, заметьте, ни единой посуды, протанцевал к другому его концу и повернулся спиной к окну.

Ловушка захлопнулась. Все выходы перекрыты, блюстители закона приближались.

— Взять Скользкого Джима пытались сотни копов. И все получили лишь дырку от бублика! — закричал я. — Вряд ли вы, ребята, ловчее!

Анжелина из-за спин полицейских послала мне воздушный поцелуй. Я помахал ей в ответ и, напрягшись, прыгнул назад.

— Быстрая смерть лучше позора заточения.

Последние мои слова заглушил звон оконного стекла, и я вылетел в ночь.

В воздухе я перегруппировался и в воду канала вошел не хуже заправского ныряльщика. Отплыв под водой с десятков метров, вынырнул в темном месте, огляделся. Погони не видно. Я не спеша поплыл к берегу.

Ничего не скажешь, весело завершился приятный вечер! Я расшевелил здешнее сонное царство: полицейские, маленько поупражнявшись, поди, уже строчат столь милые их сердцам рапорты; газетчикам есть о чем написать; а читающая публика будет заинтересована событиями сегодняшнего вечера.

Я — благодетель человечества. Но нет в мире справедливости, уж я-то эту истину познал на собственной шкуре. Меня разыскивают копы чуть ли не всей Галактики. Чтобы вручить заслуженную награду? Держи карман шире! Чтобы покарать меня, Джима диГриза, как закоренелого преступника!

«Двадцать два» означало надежный домик на окраине Блодгетт-сити. Анжелина, безусловно, поняла меня и в ближайшее время объявится там.

Мой мокрый костюм не вызвал у редких в этот час прохожих удивления. Воспользовавшись потайным ходом из общественного туалета, я пробрался в дом, принял душ, переоделся и к приходу жены сидел в мягком кресле с сигарой в одной руке и с полупустым стаканом коктейля в другой.

— Уход со сцены тебе удался, дорогой, — прокомментировала мое эффектное бегство вернувшаяся Анжелина.

— Рад, что угодил тебе. Дверь. Ты по рассеянности не закрыла входную дверь, моя радость.

— Вовсе не по рассеянности, любовь моя.

Через открытую дверь один за другим стали врываться полицейские.

— Предательство! — закричал я, вскочив на ноги.

— Сейчас я все объясню. — Анжелина подошла ко мне.

— Измену словами не объяснишь!

Я рванулся к спасительной панели в стене. Анжелина выставила передо мной изящную ножку, и я грохнулся на пол. Рывком поднялся, но поздно, меня уже окружили полицейские.

Глава 2

Я опытный, закаленный в сотнях схваток боец, но силы были неравны. С первыми двумя нападавшими я справился, потом еще с двумя. На меня навалились сзади, прижали руки к телу. Когда я расшвырял их в разные стороны, мне в лодыжку вцепился громадный полицейский. И пошло, и пошло... Я ревел, точно осаждаемый муравьями гигант. Они свисали с меня гроздьями, под непомерной тяжестью я упал на четвереньки. Свободной еще рукой достал из кармана полицейский значок и швырнул через комнату под ноги Анжелине.

— Держи! Носи с честью, своим предательством ты его заслужила по праву.

Десятки рук подняли меня, поставили на ноги.

— Прелестная вещица. — Анжелина подобрала значок, подошла ко мне и профессионально врезала мне в челюсть. — А этот синячок, милый, ты заслужил за недоверие собственной жене. Отпустите мистера Скептика.

Удерживающие меня руки разжались, и я, оглушенный, свалился на пол. Анжелина пнула меня мыском туфли под ребра.

Туман перед глазами мало-помалу рассеялся, и я увидел, что она возвратила значок здоровенному полицейскому в штатском.

— Это капитан Критин, — представила его Анжелина. — Он пытался с тобой побеседовать сегодня. Может, выслушаешь его сейчас?

Я поднялся, пробурчал что-то невразумительное и, потирая подбородок, рухнул в ближайшее кресло.

Капитан заговорил:

— Как я уже объяснил вашей очаровательной супруге, мистер диГриз, сегодня совершенно зверское убийство. Обнаружен труп...

— Я не убивал! Меня в это время не было в городе! Немедленно свяжитесь с моим адво...

— Джим, дорогуша, выслушай капитана.

Слово «дорогуша» она произнесла таким тоном, что в жилах стыла кровь, и я умолк на полуслове.

— Вы не поняли, мистер диГриз. Я вас не обвиняю, а прошу помощи. Это первое убийство на Блодгетте за последние сто тринадцать лет, и, боюсь, мы несколько потеряли форму. — Капитан вытащил записную книжку и монотонно забубнил: — Сегодня приблизительно в тринадцать ноль-ноль в Цейтоунском районе города, кстати, недалеко от вашего дома, раздались крики о помощи и звуки борьбы. Свидетели утверждают, что место преступления в спешке покинули трое мужчин. Прибывший наряд полиции обнаружил неизвестного с многочисленными ножевыми ранениями. По дороге в больницу, не приходя в сознание, неизвестный скончался. Карманы его одежды оказались пусты, отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза в банке данных полицейского компьютера отсутствуют, особых примет на теле убитого, позволяющих установить личность, не обнаружено. При вскрытии в ротовой полости трупа найден клочок бумаги. Вот этот.

Капитан протянул мне смятый листок. Я развернул его. На нем корявым почерком было выведено:

СТОЛЬНАЯ КРИСА.

После удара Анжелининого кулачка соображал я туго, оттого, наверно, и брякнул:

— Кто бы ни написал это послание, с грамматикой он явно не в ладах.

— Чертовски ценное наблюдение, — бросила Анжелина, заглядывая мне через плечо. В ее голосе я не услышал и намека на симпатию.

— Мы предполагаем, что неизвестный направлялся к вам. На него напали, и, чтобы скрыть от противников записку, он сунул ее в рот. Вот снимок убитого. — Капитан протянул мне стандартную, три с половиной на пять дюймов карточку. — Быть может, вы его знали?

Что же, покойников на своем веку я повидал немало, взглянуть еще на одного не страшно.

Я поморгал, внимательно рассмотрел контрастную цветную голограмму. Хмыкнул, покрутил снимок и так и сяк, вернул капитану.

— Занятная история, — заявил я. — Но, клянусь, этого человека я вижу впервые в жизни.

Хоть и сказал я им чистую правду, они, естественно, не поверили. Но разве у них был выбор? Они задали с десятков формальных вопросов и, взвалив на плечи еще не очухавшихся товарищей, удалились во-свояси.

Вечер выдался на удивление суетный. Я подошел к бару, смешал коктейли, со стаканами в руках повернулся... В полудойме от моего левого глаза застыл остро заточенный кончик кухонного ножа.

— Так что ты говорил насчет моего предательства? — Голос Анжелины был приторно ледяным, прямо мед со снегом.

— Любовь моя! — Я отступил на шаг, нож двинулся за мной, так что расстановка сил осталась прежней. Чувствуя струящийся по спине холодный пот, я начал импровизировать: — Как ты можешь быть так бессердечна? Почему такое недоверие? Когда ввалились полицейские, я был на все сто уверен, что они силой привели тебя. Я не знал, какие злодеяния мне приписывают, но, назвав тебя предателем, дал им понять, что ты к моим делам не имеешь ни малейшего отношения. Я поступил так, моя радость, защищая тебя!

— О, Джим! — Нож со стуком упал на пол. — Видит Бог, я была несправедлива к тебе!

Она бросилась мне на шею. Я напрягся, стараясь не расплескать коктейли. Ее руки были горячи, объятия —

крепки, поцелуй — страстен. Чувствовал я себя в ту минуту вовсе не стальной, а серой мохнатой крысой.

— Да... — выдохнул я, отойдя на шаг. — Ты просто неверно истолковала мои слова, дорогая. Давай простим друг другу ошибки, выпьем и обмозгуем, что же случилось с шедшим ко мне человеком.

— Ты сказал полицейским правду? Ты действительно не знаешь убитого?

— Я сказал им правду и ничего, кроме правды! Покойник мне абсолютно незнаком. Конечно, я нарушил свой давний зарок не помогать полиции, но проку им от моих слов мало.

— Тогда давай выясним, кто он. — Из-за спинки софы Анжелина извлекла знакомую мне голограмму. — Я позаимствовала ее из кармана капитана, решила не вмешивать местную полицию в наши дела. В ближайшее время я свяжусь со здешним агентом Корпуса, пусть запросит Центр и выяснит, кем был убитый.

Она, конечно, права. Отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза покойного не зафиксированы в полицейском компьютере Блоджетта. Следовательно, он с другой планеты, и дело, таким образом, в компетенции легендарных, непревзойденных, прославленных на всю Галактику, профессиональных полицейских сил, известных как Специальный Корпус. При всей своей скромности добавлю, что в этой организации я — самый важный сотрудник.

— Для установления личности убитого голограммы недостаточно, — сказал я. — Веди агента сюда, а я тем временем познакомлюсь с покойником поближе.

Я сунул в карман дежурный набор инструментов и отбыл. Морг находился поблизости. Милое соседство, не правда ли? Внутри я проник через заднее окно, три запертых двери миновал, почти не останавливаясь. Замки я взламываю не хуже, чем гурман со стажем вскрывает раковины устриц.

Я выдвинул ящик холодильника и осмотрел труп. Призрачная надежда, что наяву я его узнаю, растаяла, тайна осталась. За считанные секунды я срезал с ладони покойного крошечный кусочек кожи и клочок волос с головы, соскреб из-под ногтей грязь. Его костюм лежал тут же, в ящике, аккуратно сложенный

и увешанный полицейскими бирками на манер рождественской елки. Я отодрал две-три ниточки от штанов, еще две — от рубашки, с подошв ботинок счистил кусочки почвы. Вроде, достаточно. Отбыл я, никем не замеченный, тем же путем, каким явился.

В дверях своего дома я нос к носу столкнулся со здешним агентом Специального Корпуса.

— Славная сегодня погодка, Джим, — сказал он, одергивая пиджак.

— На Блодгетте всегда такая погода, Чарли. Оттого-то я эту планету и ненавижу. Когда очередная почта в Центр?

— Через два с небольшим часа. Обычные еженедельные рапорты и доклады. Почту сопровождаю я сам.

— Прихвати с собой этот контейнер. Вот, держи еще снимок покойного, с которого я взял образцы. Скажи в лаборатории, пусть проведут все тесты, какие только придут в их безумные головы, но установят личность убитого. Если не смогут, пусть выяснят хотя бы, откуда он родом. Он разыскивал меня, а я понятия не имею почему.

Ответ из Центра пришел на удивление быстро.

Через три дня в дверь позвонили. Я взглянул на монитор. Чарли. Впустив его, я потянулся к чемоданчику у него в руке. Он отдернул руку, задумчиво пожевал нижнюю губу и, услышав мой утробный рык, совсем сник.

— Мистер диГриз, у меня приказ. От самого Инскиппа.

— И что же наш дражайший шеф повелевает?

— Он сказал, что, воспользовавшись поддельными чеками, ты снял с секретного счета Корпуса семьдесят пять тысяч кредитов, и прежде чем ты, жалкий воришка диГриз, получишь информацию из Центра...

— Ты назвал меня жалким воришкой?!

Видя мои сжатые кулаки, он с воплем отскочил и прижался спиной к стене.

— Нет, нет! Ты неверно понял! Это не я, это Инскипп так сказал. Это он назвал тебя жалким воришкой, а я только передаю его слова.

— Принесший дурную весть достоин смерти.

Я двинулся на него, но откуда ни возьмись появилась Анжелина и вклинилась между нами.

— Вот деньги, Чарльз, которые мы брали В ДОЛГ. В записи бухгалтерии, вероятно, вкралась ошибка. Сам понимаешь, бывает.

— Конечно, конечно. Ошибка! Случается, я сам беру в долг деньги. — Чарли утер со лба пот и протянул ей чемоданчик. — Будь добра, передай мужу, а мне некогда: дела, знаешь ли. До свидания.

За его спиной хлопнула дверь. Я взял у Анжелины чемоданчик, сделав вид, что не замечаю ее раздувающихся от гнева ноздрей, нажал на потайную кнопку. Чемоданчик раскрылся, из него поднялся экран. На экране — Инскипп собственной персоной и смотрит мне прямо в глаза. Захотелось вдруг оказаться в другой комнате. А лучше — на другой планете. Должно быть, заметив мое замешательство, Анжелина подхватила чемоданчик и поставила на стол. Инскипп на экране громко высморкался и потряс листом бумаги.

— ДиГриз, прекрати воровать деньги организации. Подумай, какой пример ты подаешь коллегам. Ты меня слышишь, следовательно, возместил похищенное, но заруби себе на носу, впредь ты так легко не отделаешься. На этот раз воровство тебе сошло с рук только потому, что мы интересуемся Параисо-Аки.

— Что такое Параисо-Аки? — спросил я вслух.

Ненавистный Инскипп глубокомысленно кивнул.

— Сейчас ты спрашиваешь, что такое Параисо-Аки, — как всегда, опережая меня за шаг, самодовольно заявил он. — Так слушай. Параисо-Аки — планета, где родился убитый. Отправляйся туда и осмотришься. По возвращении сразу доложишь мне. Прежде прочти документ и, может, поймешь, почему нас заинтересовал этот мир. До скорого.

Экран потух и опустился. За ним оказался запечатанный пакет. Я разорвал его, достал оттуда тоненькую книжку в черном переплете с грифом «Сов. секретно», открыл на первой странице.

— Очень интересно, — заявил я, пробежав по строчкам глазами.

— Что именно, дорогой?

— Оказывается, я не только не знал убитого, но и слыхом не слыхал о его родной планете.

— В конце концов, о чем-то всегда узнаешь впервые. Что нам предписано?

— Хотим мы того или нет, отправляемся на эту таинственную планету и производим общую разведку.

Анжелина понимающе кивнула. Мы стояли и, зная, что недолгий мирный отдых подошел к концу, улыбались, как идиоты.

Глава 3

Тяжелый путеводитель приятно согревал пальцы, обложка мягко светилась.

— Проведите отпуск на прекрасной солнечной Парайсо-Аки, — громко продекламировал я.

Сидевшая рядом Анжелина читала брошюру потоньше и оформленную поскромнее.

— Парайсо-Аки заселена во время первой галактической экспансии и вновь открыта совсем недавно. Главная особенность этой планеты — самое коррумпированное правительство во всей Галактике.

— Похоже, авторы малость расходятся во мнениях, — заметил я, потирая руки в предвкушении трапезы.

Подкатил, раскланиваясь, робот-стюарт.

— Вам порцию бульона, сэръ?

— Утопись в нем сам, механический болван. Мне же принеси двойную «Альтаирскую Пантеру» со льдом. Нет, неси две...

— Одну, — твердо сказала Анжелина. — Мне — бульон.

— Да, мадам. У вас безукоризненный вкус, мадам. — Капая машинным маслом, раскланиваясь, кивая и потирая руки-манипуляторы, железный подхалим отбыл.

Я его ненавидел всей душой. Так же как ненавидел весь космический корабль, совершавший круиз с пышным названием «Роскошный тур по райским планетам»,

и всех его пассажиров — без умолку болтавших и выраженных как попутай туристов.

Должно быть, я свои мысли произнес вслух, потому что Анжелина напомнила мне:

— Мы сами точно так же одеты.

Действительно, одеты мы не лучше. На мне были усеянные лиловыми и желтыми цветочками шорты и свободного покроя рубашка аналогичной расцветки. На Анжелине — то же самое, но выглядит она почему-то как всегда привлекательной и желанной. Следуя последней курортной моде, мы обесцветили и завили волосы, кончики локонов подкрасили зеленым. Чувствовал я себя в таком виде круглым дураком, несколько утешало лишь то, что все вокруг поголовно наряжены и причесаны таким образом. Отменная маскировочка, только, одеваясь по утрам, я скрипел зубами.

Я перевернул страницу. Панорама на развороте впечатляла: под светло-голубыми небесами плескался темно-синий океан, волны едва слышно накатывали на белоснежный песок, в воздухе — свежесть, щекочущие нос запахи йода и водорослей.

— На Параисо-Аки вас ждут теплое солнце, ласковый океан, целебный воздух, изобилие сочных тропических фруктов, неповторимая национальная рыбная кухня и счастливые, всегда приветливые местные жители.

— Большая часть населения Параисо-Аки живет в условиях, близких к рабству, — прочитала Анжелина из своей книжки. — Бедность и болезни здесь давно стали нормой. Указы деспотичного правительства исполняются беспрекословно. Наказание за малейшую провинность — смертная казнь или длительный срок заключения.

— Через тридцать минут — посадка, — забубнил динамик на стене. — Через тридцать минут...

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, — глубокомысленно изрек я и швырнул путеводитель в ядерный обогреватель — искусное подобие камина. Брошюра вспыхнула, с чернеющих, скрючивающихся страниц раздались слабенькие крики. — Если у нас в багаже обнаружат секретный отчет информационного

отдела, наше знакомство с Парайсо-Аки закончится, еще не начавшись.

Анжелина протянула мне тоненькую книжечку в скромном черном переплете, и секретный отчет последовал за рекламным проспектом в огонь.

Подкатил стюарт, поставил наши заказы на стол. Анжелина подняла чашку с бульоном, улыбнулась мне сквозь парок.

— Не будь занудой, диГриз. Считай наше задание отпуском, нашим вторым медовым месяцем... Что я говорю? У нас же не было медового месяца. Этот будет первым!

— Не поздновато-то ли? Нашим близнецам скоро стукнет по двадцать.

— Следовательно, для тебя я стара и безобразна? — В ее голосе явственно слышалась угроза.

Я отшвырнул бокал и упал перед ней на колени, краем глаза заметив, что напиток разлился и проел в ковре здоровенную дыру.

— Анжелина! Свет моей жизни! Клянусь, день отодня ты лишь хорошеешь!

Я схватил ее руку и перецеловал каждый палец, каждый ноготок. Туристы в кают-компании дружно зааплодировали, а Анжелина с улыбкой кивнула.

— Так-то лучше.

Корабль приземлился точно по расписанию. Распахнулись люки, и в кают-компанию ворвались теплый свежий ветерок и мягкая мелодия.

Я повесил на плечо фотокамеру, надел темные очки, взял Анжелину под руку, и, смешавшись с толпой весело галдящих туристов, мы спустились по трапу.

Космопорт был выстроен на берегу океана. Как и обещала реклама, солнце ласкало, пропитанный солью и ароматами цветов воздух восхищал, пьянил. Улыбавшиеся местные девушки с обнаженной грудью надевали на головы туристам венки, совали в карманы цветы, а самым симпатичным, таким, например, как я, вручали крошечные бутылочки с золотистым напитком.

Анжелина улыбалась и ахала, покачивала бедрами в такт захватывающей музыке. У меня к подобному веселью иммунитет, и хоть хихикал и гримасничал я, как настоящий турист, внутри оставался тем же хладнокровным и проницательным Скользящим диГризом.

Двигаясь с толпой туристов, мы очень скоро оказались в здании таможни. Таможенник, такой же загорелый и улыбчивый, как местные девушки, носил рубашку, которая, без сомнения, демонстрировала важность его должности.

— Добро пожаловать на Параисо-Аки! — обратился он ко мне на эсперанто. — Прошу ваши паспорта.

— О, да на этой планете говорят на эсперанто! — воскликнул я на том же языке и протянул ему паспорт. Поддельный, естественно.

— Не все. — Улыбаясь, таможенник сунул паспорт в щель компьютера. — Наш родной язык — несколько измененный испанский. Но не беспокойтесь, все, кого вы здесь встретите, владеют эсперанто. — Бросив взгляд на дисплей, он вернул мне паспорт и указал на висевшую у меня через плечо камеру. — Отличная у вас камера.

— О да. Обошлась недешево. Готов поспорить, такой кучи денег, что я за нее выложил, вы отродясь не видели. Ха-ха.

— Ха-ха... — эхом отозвался он. — Можно на нее взглянуть поближе?

— Взглянуть? Да это же не бомба, а всего лишь фотокамера.

— Осматривать съемочную аппаратуру предписано специальными правилами.

— Почему? Местные власти что-то от нас скрывают?

Его губы сжались в ниточку, глаза прищурились. Я улыбнулся во весь рот и протянул ему камеру.

— Поаккуратней с ней. Тонкий механизм.

Едва он коснулся камеры, задняя крышка отскочила; на пол, разматываясь, выпала кассета с пленкой. Я выхватил камеру из его дрожащих рук.

— Я же предупреждал! Испортили все снимки моей жены и друзей на корабле. Впредь смотрите, что делаете!

Я смял пленку, швырнул ее в мусорную корзину, не обращая внимания на его извинения, подхватил Анжелину под руку, и мы зашагали к выходу.

Наш багаж чист, в карманах и на теле — ничего подозрительного. Опасения внушала лишь камера — чудо миниатюризации, которая не только делала отменные стереоснимки, но и выполняла уйму других операций, в основном запрещенных законом. Но наш план сработал, все прошло как по маслу.

Выйдя из таможни, Анжелина взвизгнула. Такие же визги раздавались со всех сторон.

— Господи, вы только поглядите на них!

— Кто это такие?

— Они не опасны?

— Дамы и господа, минуточку внимания, — заговорил в мегафон юноша в униформе. — Меня зовут Хорхе, я ваш гид. Если у вас возникнут вопросы, обращайтесь ко мне. Сейчас я с удовольствием отвечу на ваши первые вопросы. Запряженные в тележки животные на нашем языке называются «кабайос». История их появления на Параисо-Аки скрыта завесой времени, но предания гласят, что они привезены первыми переселенцами с мифической планеты, родины всего человеческого рода, называемой согласно одним источникам «Земля», согласно другим — «Грязь». Кабайос — наши друзья, они безобидны, перевозят грузы и незаменимы в сельском хозяйстве. Сейчас они домчат вас до отеля.

Мы расселись по хлипким скрипучим повозкам, и кабайос тронулись в путь. В действительности они назывались лошадьми, я имел с ними дело, когда, путешествуя во времени, очутился на вовсе не мифической, а очень даже реальной Земле.

Запряженные лошадьми повозки оказались самым неудобным транспортом из всех, какими я когда-либо имел несчастье пользоваться. Не обращая внимания на тряску, туристы смеялись и перекликались пронзительными резкими голосами. Анжелина, похоже, тоже наслаждалась путешествием, и только я чувствовал себя скелетом на венчании.

— Э-ге-гей! — подражая остальным, закричал я.

Сунув руку в карман, я обнаружил подаренную гостеприимной девушкой бутылочку. Несомненно, плескавшуюся внутри янтарную жидкость туземцы готовили, раздавив грязными мозолистыми ногами гнилые фрукты или выварив старые тухлые носки. Я открыл пробку и залпом осушил бутылку.

— Э-ге-гей! — на этот раз вполне искренне заорал я и знаком подозвал смело скакавшего рядом Хорхе. — Из чего приготовлен этот напиток? — Я поднял бутылочку. — Уж не из солнечных ли лучей? Не пил ничего подобного с тех пор, как меня оторвали от материнской груди!

— Рад, сэр, что вам понравилось местное вино. Оно приготовлено из сока канья и называется «рон».

— Божественный напиток. Жаль только, что разливаете вы его по таким малюсенькими бутылочкам.

— Мы разливаем его в посуду самых разных размеров. — Засмеявшись, он вытащил из седельной сумки полную янтарной жидкости бутылку более приемлемого, на мой взгляд, размера и протянул мне.

— Как мне вас отблагодарить?

— Благодарность ни к чему, стоимость вина будет вписана в ваш счет.

Он галопом поскакал прочь.

Я отхлебнул из бутылки приличный глоток и удовлетворенно крикнул.

— Стоит ли напиваться в такую рань, дорогой?

— Напиваться? Я не напиваюсь, а, как ты и настаивала, привожу себя в праздничное настроение. — Я протянул бутылку Анжелине. — Попробуешь?

— Не сейчас. Может, позже. Посмотри, какая красотища кругом.

Она, как всегда, была права: вид открывался великолепный. Дорога, плавно изгибаясь, бежала через зеленые поля к берегу, под лучами солнца искрился девственно белый песок, голубой океан манил.

Но где же местные жители? Кроме кучеров и нашего гида, не видно ни одного.

— Папа, папа, смотри! Умники выискались, слова не вымолвят!

Я проследил за пальцем сидевшего рядом юнца.

У дороги срезали высокую траву длинными ножами оборванные мужчины. Солнце припекало, работа была монотонна и изнурительна, их лохмотья пропитались соленым потом. Завидев нас, они замерли, на грязных изможденных лицах — жалкие подобия улыбок.

О туристах здесь, похоже, заботятся вовсю, а вот местные... Не будь занудой, Джим, наслаждайся жизнью, отдыхай на полную катушку!

Я поднял камеру и заснял людей в поле. Услышав треск камеры, наш кучер повернулся, дежурная улыбка исчезла с его лица. Через секунду он взял себя в руки и белые зубы засияли с прежней силой, но я успел снять и его.

— Поберегли бы лучше пленку для цветущих садов и великолепного отеля, — посоветовал мне кучер.

— Почему? Разве запрещено снимать крестьян?

— Разумеется, нет, но это неинтересно.

— У людей в поле усталый вид. Сколько часов в день они работают?

— Понятия не имею.

— А сколько им платят?

Ответа я не получил — он повернулся ко мне спиной и тряхнул вожжи. Я поймал взгляд Анжелины и подмигнул. Она кивнула.

— Думаю, глоточек рона мне придется сейчас кста-ти, — сказала она.

Отель, как нам и обещали, был выше всяких похвал. Наш багаж, без сомнения внимательно изученный, ожидал нас в роскошных апартаментах.

Зная, как остальные мужчины-туристы относятся к своим женам, я собрал волю в кулак — маскировка прежде всего!

— Когда распакуешь вещи, дорогая, найдешь меня внизу, — бросил я Анжелине и, не дожидаясь возражений, выскользнул за дверь.

Я заглянул в бар, не торопясь прогулялся по саду. У плавательного бассейна привлекательные девицы принимали солнечные ванны нагишом. Я решил их заснять, уже было поднял камеру, но, представив, что

произойдет, если Анжелина наткнется на эти кадры, одумался.

Жена у меня вспыльчивая, этим мне и нравится. Во всяком случае, считать так спокойнее.

Метрах в ста от бассейна я наткнулся на торговавший туристским барахлом магазинчик, из любопытства заглянул внутрь. На полках красовались кораблики из покрытых разноцветным лаком ракушек, пестрые купальники-ниточки, очки от солнца на пол-лица, шапочки с надписями типа: «ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ СТРАСТНО, ДУРАЧОК!» и «ДАВАЙ ПОТОЛКУЕМ!», позолоченные цепочки, колечки с бриллиантами-стекляшками, бусы из фальшивого жемчуга. Нахмутив брови, я прошел в секцию книг, топографических карт и путеводителей.

— Могут ли я вам помочь, сэр? — раздался за моей спиной мягкий голос.

Я обернулся. Девушка — прекрасная фигура, золотистая кожа, огромные сияющие глаза, выразительные алые губы...

Может ли она мне помочь? Может, да еще как! Тут я вспомнил об Анжелине, и мой энтузиазм в мгновение испарился. Флиртовать с туземкой, когда жена рядом? Я не сумасшедший!

— Я хочу... Дайте мне книгу!

— В продаже много превосходных изданий. Желаете что-нибудь конкретное?

— Да. Меня интересует история Параисо-Аки. Не рекламная чушь вроде той, что в путеводителях для туристов, а реальные факты. У вас есть что-нибудь в таком духе?

Оценивающе оглядев меня, она отошла к полке и вернулась с пухлым томом в руке.

— Думаю, это то, что вам нужно. — Она протянула мне книгу, грациозно повернулась и, покачивая бедрами, зашагала в глубь магазинчика.

«Работа прежде всего, Джим!» — одернул я себя и с трудом перевел взгляд от ее манившей фигуры на обложку.

«Социальная и экономическая история Параисо-Аки». Звучное название, под стать бестселлеру.

Перевернув несколько страниц, я наткнулся на вложенный внутрь лист. Не доставая лист из книги, я прочитал выведенную крупными печатными буквами надпись:

**ОСТОРОЖНО! НЕ ЧИТАЙТЕ ЗАПИСКУ ПРИ
ПОСТОРОННИХ!**

На страницу внезапно легла тень. Я захлопнул книгу и поднял глаза. Передо мной стоял верзила в мундире и казенно улыбался.

— Дай мне книгу. — Он протянул руку.

Полицейский — дурные манеры, багровая рожа, глаза навывкате, только что на лбу не написано «коп».

— Извините, зачем вам моя книга? — Я прижал книгу к груди.

— Не твое собачье дело. Давай сюда!

— Не дам.

Я отступил на шаг. Он холодно улыбнулся и двинулся ко мне, намереваясь вырвать книгу из моих трясущихся рук.

Ну, вот! Наконец-то начался настоящий отдых!

Глава 4

Дождавшись, когда коп вцепится в книгу обеими руками, я ухватил его за мясистый нос и что было сил сжал пальцы. Признаюсь, поступил я так из чистого садизма. Его полный гнилых зубов рот распахнулся во всю ширь, из глотки вырвался нечеловеческий рык. Выждав секунду, я легонько ткнул его кончиками пальцев левой руки в солнечное сплетение. Закрыв рот и глаза, он без чувств плюхнулся на пол. Я поднял книгу и отвернулся от поверженного тела. За мной стоял одетый в униформу отеля туземец — челюсть на груди, глаза с блюдца.

— Парень умаялся за день, должно быть, прилег вздрёмнуть, — поделился я с ним догадкой. — На вашей чудесной планете так хорошо отдыхается. Эту книгу я покупаю.

Поморгав, он уставился на обложку.

— Сожалею, но книга не наша.

Теперь заморгал я.

— Не может быть. Я собственными глазами видел, как девушка-продавец сняла ее с полки.

— В магазине только один продавец — я.

Я пожал плечами и направился в свой номер.

Все яснее ясного: и девушка, и книга мне пригрезились. Да и валявшийся на полу полицейский, наверно, тоже.

Анжелина встретила меня на пороге номера. Она успела переодеться в купальник, от чего мое сердце взволнованно забилося. После нескольких долгих поцелуев она мягко отстранила меня.

— Прямо зверь дикий. Отдых, как вижу, пошел тебе на пользу. Впредь будем чаще выбираться на курорт. А что за книга у тебя под мышкой?

— Так, случайно купил в магазине. Интересно, твой купальник гармонирует с цветом здешнего песка? Пойдем на пляж, проверим.

Я выразительно повращал глазами. Анжелина едва заметно кивнула, показывая, что намек поняла.

— Отличная мысль. Я сейчас, только сандалии надену.

Мы молча покинули отель, прошли через сад к пляжу. У кромки воды Анжелина заговорила:

— Полагаешь, в номере «жучки»?

— Не знаю, но береженого, как говорится, Бог бережет.

Я рассказал жене о своих приключениях в магазине, достал из книги сложенный лист, развернул, и мы молча прочитали написанное от руки послание:

**НЕСЧАСТНЫЙ НАРОД ЭТОЙ ПЛАНЕТЫ
ВЗЫВАЕТ К ВАМ!**

УМОЛЯЕМ, ПОМОГИТЕ!

**ПОЖАЛУЙСТА, ПРИХОДИТЕ В ПОЛНОЧЬ
НА БЕРЕГ. ОДИН.**

Подписи не было.

Я разорвал записку на мелкие клочки, зачерпнул из океана пригоршню воды, смешал бумагу с водой, размял. Получившуюся однородную массу зарыл в песок.

— Интересно, кто написал записку?

— Я закатил скандал на таможне, заснял работавших в поте лица крестьян, задал уйму щекотливых вопросов. Я выделился из праздной толпы туристов, и теперь меня приглашают на встречу. Но ты правильно ставишь вопрос: кто? Может, записку послали несчастные жители Параисо-Аки, а может...

— Местные силы безопасности.

— Именно. Но выбора нет, в полночь иду на берег, хоть это и будет непросто.

— Почему?

— Не знаю, кто написал записку, но верзила, которого я уложил в туристском магазине, был точно коп. Боюсь, как только он очухается, мне на хвост сядет вся здешняя полиция.

— Тогда сделаем так: ты развлекаешься, играя в догонялки с полицией, а на встречу отправлюсь я.

— Дорогая, это же опасно!

Она улыбнулась и нежно сжала мне руку повыше локтя.

— Милый, как трогательно, что ты беспокоишься обо мне.

— Вовсе не о тебе. Я опасаюсь за жизни тех, других, если они вдруг надумают морочить тебе голову.

— Грязное животное! — Мне в бицепс впились ее железные пальчики, но через секунду-другую она ослабила хватку и вновь улыбнулась. — А ты прав, им лучше поостеречься.

— Сделаем все, как ты сказала. — Я потер синяк на руке. — Не люблю бегать на пустой желудок. Пока есть время, давай вернемся в номер и пообедаем.

В нашем номере, раскинув руки, спал на полу незнакомец, рядом лежала камера.

— Первый, — прокомментировал находку я. — Не дождался хозяев, решил разглядеть камеру получше и получил порцию усыпляющего газа.

Из карманов спящего Анжелина извлекла удостоверение капитана полиции, автоматический пистолет, дубинку, наручники, охотничий нож и три гранаты со слезоточивым газом.

— Мерзкий тип, — заключила она.

— Согласен. Параисо-Аки уже не кажется раем. — Я вытащил из камеры несколько необходимых предме-

тов. — Отныне куда бы ни шла, бери камеру с собой. А сейчас, пока не нагрянули очередные визитеры, давай закажем обед.

Обслуживали туристов в отеле превосходно. Через две-три минуты, катя перед собой сервировочный столик, явился официант. К неопишуемой нашей досаде за ним увязались двое полицейских.

— Вас не звали. — Анжелина преградила им дорогу. — Убирайтесь отсюда пришли.

Официант подкатил столик к моему креслу, преданно глядя в глаза, сделал стойку, я же занялся приготовлением сэндвичей. Не люблю есть всухомятку, но, что поделаешь, сегодня придется.

— Прочь с дороги, женщина! — рявкнул уродливый, заросший щетиной полицейский.

Решив поторопить Анжелину, он положил волосатую лапищу ей на плечо. С его стороны это было опрометчиво — хрустнула кость, и, издав сдавленный крик, он рухнул на ковер. Второй полицейский потянулся к пистолету. Я отложил недоделанный сэндвич, но не успел встать, как он уже лежал рядышком со своим напарником.

Официант, не дождавшись чаевых, пулей вылетел из номера. Анжелина со счастливой улыбкой закрыла за ним дверь. Я приготовил второй сэндвич, завернул их в салфетку, кинул в пластиковый пакет. Подумав, сунул в пакет и бутылку рона.

— Не хотелось бы, чтобы они помешали полуночной встрече, признав в тебе моего сообщника. — Я подошел к двери, склонился над полицейским, на секунду приложил его шее черную коробочку, повернулся ко второму и повторил операцию. — Вколол им по двойной дозе, продрыхнут не меньше суток.

Наш прощальный поцелуй прервал громкий нетерпеливый стук в дверь.

— Что ж, выберусь другим путем. — Я выскочил на балкон, Анжелина последовала за мной. Наш номер находился на двадцатом этаже, стены здания гладкие, без выступов и трещин. Не беда. Я протянул Анжелине пакет с едой. — Подержи, пожалуйста.

Я перелез через ограждение, повис на руках, качнулся и мягко приземлился на балконе этажом

ниже. Анжелина кинула мне пакет и послала воздушный поцелуй.

Все идет нормально, во всяком случае, пока.

Номер, как по заказу, оказался пустым. Перекушу и промочу горло здесь, потом уж отправлюсь дальше.

Я дожевывал последние крошки, когда услышал позвякивание ключа в замке. Глотнув из горлышка, я неохотно отставил недопитую бутылку, пересек комнату и прижался к стене за дверью.

Дверь открылась, в номер ввалились военные с оружием на изготовку. Убедившись, что их только двое, я вышел из-за двери и небрежно поинтересовался:

— Кого-то разыскиваете?

Они как по команде повернулись. Набрав в легкие побольше воздуха, я шагнул вперед, раздавил перед их носами капсулу с сонным газом и отступил. Они, бряцая оружием, повалились на пол.

Один из них ростом и фигурой походил на меня, и я решил воспользоваться старым как мир, но очень эффективным трюком. Надев форму поверх купального костюма, я мысленно пожелал солдату почаще мыться. Его нижнее белье оказалось украшенным кружевом из дыр и заплаток. Видно, на солдатское жалованье не разгуляешься. Зато на экипировке не экономили: коротковолновый передатчик, ионная винтовка, револьвер без отдачи пятидесятого калибра и полный комплект боеприпасов. В форме меня невозможно отличить от заправского военного, та же выправка, та же осанка, тот же загорелый цвет кожи.

«Классная работа, Джим, — поздравил я себя. — Ты, как всегда, на высоте: проникаешь в самые недоступные места, раскрываешь гнусные тайны тоталитарных режимов, двигаешься, подобно духу, разишь почище молнии. Бесстрашный и несокрушимый. Неотразимый!»

Подбодрив себя таким образом, я расправил складки на мундире и распахнул дверь...

В воздухе засвистели пули, из дверного косяка на уровне моего лица полетели щепки.

Глава 5

Я захлопнул дверь и отскочил в сторону. Как раз вовремя: в том месте, где я только что стоял, в двери появился аккуратный ряд дырочек.

— Туристов здесь обслуживают по первому классу, только держись, — бормотал я под нос, двигаясь ползком к балкону.

Зная теперь, на что способны местные парни, я надел каску на ствол винтовки и высунул ее над ограждением. Грянули выстрелы, каска подпрыгнула и, громокая, покатила по балкону. Вспыльчивые ребята. Я подобрал каску и, не обращая внимания на вмятины, нахлобучил себе на голову.

— Впредь не будешь обжорой, Джим, — сказал я себе. — Расплачивайся теперь за затянувшийся ленч.

Обидные слова, но я их заслужил. Я всегда откровенен с собой и, когда прав, а обычно так и бывает, поздравляю себя, а когда нет, что ж, честно признаю свои ошибки. Преступник, который водит себя за нос, оглянуться не успевает, как оказывается зарытым на два метра в землю или разглядывает небо в клеточку.

«Ну, покайся? Хватит, теперь думай, как выберешься отсюда».

Я призадумался. С обоих флангов — враги, время работает против меня. Выходит, пробил час открыть новый фланг.

Не хотелось бы, чтобы из-за наших с полицией игр пострадали невинные люди. Вряд ли кто пользуется душем днем, так что лучшего места не придумаешь.

Входную дверь снова прошла автоматная очередь. Я заскочил в ванную комнату, вытащил резак и, нажав на кнопку, очертил по дну ванной круг.

Невежды считают, что молекулярный резак испускает разрушающие материю лучи. Вздор! Он всего лишь генерирует поле, которое на время ликвидирует силы молекулярных связей. Просто, как все гениальное, не правда ли?

Круг на дне ванной и пол под ним обрушились на нижний этаж. Я услышал, как грохнулась на пол входная дверь в номер, и не раздумывая прыгнул в дыру.

Самая мудрая тактика в моем положении — двигаться попроворнее. Так я и сделал. Выскочив из ванной в гостиную, я наткнулся на отчаянно накручивавшую диск телефона туристку с нашего корабля. При виде меня она завизжала точно резаная.

— Канья, кабайос, испаньон, рон! — выкрикнул я грозно все известные мне слова местного наречия.

Они пискнула и хлопнулась в обморок.

Великолепно. Приоткрыв самую малость дверь, я выглянул наружу. В холле ни души.

Осторожничать некогда. Я стрелой пересек холл, не церемонясь растолкал хихикающих туристов и оказался в ведущем к служебной лестнице коридоре.

Прибыв в незнакомое место, я всегда первым делом осматриваю возможные пути отхода. Эта привычка не раз выручала меня, пригодилась и сейчас.

Дверь на служебную лестницу была именно там, где я ее и приметил. Я взялся было за ручку, но, услышав за дверью топот кованых сапог, замер. Меня опередили! Шум за дверью постепенно становился тише. Я рискнул и приоткрыл дверь. За поворотом исчезала спина последнего солдата. Отлично!

Я бросился следом.

Сержант истошно орал, солдаты, грохоча по каменной лестнице подковами, бежали вниз. Я пристроился сзади, улучив минуту, когда замыкающие остановились, смешался с солдатами. Вместе с отделением

выскочил из отеля, пронесся мимо других строившихся, бежавших, оравших солдат и полицейских, без суеты свернул за ближайший угол.

Через несколько минут, запихав мундир и оружие в мусорный бак на заднем дворе отеля, я весело насвистывал. Став снова обычным туристом, я влился в толпу таких же бездельников. Тут и там сновали гиды и служащие отеля, успокаивали туристов. От них, какими бы безобидными они ни выглядели, я держался подальше.

Я без приключений прошел через сад, увязался за бредущей вдоль берега экскурсионной группой. Никто не возразил. Да и кому до туриста дело? Вскоре мы обогнули мыс; отель и гомонившая перед ним толпа скрылись из глаз.

Я отстал от экскурсии, взобрался по покатоному склону и, пройдя с десятков шагов, очутился на невидимой ни с берега внизу, ни из отеля опушке леса. Сел в тени большого дерева. Трава оказалась на удивление мягкой, тропических насекомых, слава Богу, не было. В океан медленно опускалось солнце, сгущались сумерки. Неожиданно ощутив, что порядком устал, я прилег, закрыл на минутку глаза и тут же заснул сном праведника.

Не знаю, виной ли тому рон, или физические нагрузки, или их сочетание, но проснулся я только на рассвете. Потянувшись, зевнул, прислушался к жалобным стонам пустого желудка.

Единственная возможность покинуть эту гостеприимную планету — быть арестованным. Пора обратно в отель, сдать властям, а между делом, глядишь, и перекушу.

Вытащив из карманов и закопав под большим деревом все запрещенные законом предметы, я направился к отелю. Дорогой соблюдал осторожность: избегал открытых мест, держался по возможности в тени, то нырял в кусты, то становился обычным, праздношатающимся туристом. Согласитесь, после всех выпавших на мою долю приключений оказаться продравленным каким-нибудь ретивым юнцом было бы обидно.

Скрываясь за кустами, я подкрался к ресторану — идеальному, на мой взгляд, месту для ареста. Улучив минуту, когда курсировавший перед входом полицейский отвернулся, я влез через открытое окно в зал. Никто не счел мое появление чем-то из ряда вон выходящим. Я налил чашку кофе, прихватил со стойки тарелку с омлетом и уселся за ближайший свободный столик. Огляделся. Час был ранний, в ресторане завтракала совсем немного туристов. Официант как раз ушел на кухню, я быстро доел омлет и с чашкой кофе в руке подошел к престарелой паре за соседним столиком.

— Не возражаете, если присоединюсь к вам?

Супруги переглянулись.

— Присаживайтесь, — выдавил через добрую минуту молчания муж — тощий старик в роговых очках.

— Благодарю. А часом не знаете, из-за чего вчера был переполох?

— Нет. — Старик стукнул серебряной ложечкой по вареному яйцу так бережно, будто это яйцо снесла последняя в Галактике курица и, не сходя с места, протянула тощие лапки. — Нам не сказали. Ни единого слова.

Его супруга кивнула.

— Ни единого правдивого слова. Мы платили деньги не для того, чтобы любоваться пальбой. Сейчас позавтракаем и пойдем к управляющему. «Мы улетаем ближайшим рейсом. Верните нам деньги», — вот что я ему скажу.

Нашу милую беседу нарушил шум потасовки у входа. Мы повернули головы. Войти в дверь одновременно пытались с десятков полицейских. Они натужно пыхтели, толкались, давили друг другу ноги, пихались локтями. Наконец в зал проскочил самый маленький и шустрый и, подняв свою «пушку», подбежал к нашему столику.

— Шевельнешься — схлопочешь пулю! — прорычал он, не мигая глядя на меня.

На помощь ему подоспели остальные, обступили наш столик.

— Официант! — заорал я во всю глотку. — Управляющего сюда! Да поживей!

Я одним глотком допил кофе, а полицейские подошли ко мне вплотную.

— Следуйте за нами, — потребовал офицер.

Туристы и персонал ресторана во все глаза следили за происходившим.

— Почему? — невинно поинтересовался я.

— Взять его! — рявкнул офицер.

Двое здоровенных полицейских вцепились в меня, подняли на ноги. Хотя это и стоило мне огромных усилий, я не сопротивлялся. Людей вокруг столика становилось все больше, и вдруг я заметил в толпе нашего гида.

— Хорхе! Что происходит? Кто эти хамы?

— Полицейские. — Хорхе выглядел очень несчастным. — Они настаивают на беседе с вами.

— Что ж, я не против, побеседуем прямо здесь. Я — гражданин другой планеты и свои права знаю.

Хорхе сказал что-то по-испански. Полицейские замахали руками, залопотали, перекрывая гул толпы. Мало-помалу шум утих. Ко мне повернулся Хорхе, выглядел он несчастней прежнего.

— Сожалею, но помочь вам не в силах. Они стоят на своем, желают, чтобы вы шли с ними.

— Похищение! — заорал я. — Бедного туриста похищают переодетые полицейскими преступники! Звоните властям, звоните в Совет по туризму, звоните моему адвокату! Если меня сейчас уведут под дулами винтовок, я подам иск и планета враз обанкротится!

Туристы одобрительно зашептались. Еще минута-другая такой сумятицы, и я был бы волен как ветер, но тут сквозь толпу протолкался высокий офицер и немедленно взял дело в свои стальные руки.

— Извините, сэр! Произошло недоразумение, вас не арестовывают, Боже упаси. Немедленно отпустите его!

Полицейские разжали влажные ладони. Офицер улыбнулся и заговорил, глядя мне в глаза:

— Вчера в отеле произошел несчастный случай. Есть веские основания предполагать, что вы были свидетелем...

— Не видел я ничего. А вы, собственно, кто такой?

— Меня зовут Оливера, капитан полиции Оливера. Жаль, что вы ничего не видели, очень жаль. Не будете

ли вы так любезны пройти со мной и подтвердить свои слова для протокола? Понимаете ли, пострадали люди, и мы рассчитываем на вашу помощь.

Его улыбка была столь искренней, а логика — столь непогрешимой, что в глазах собравшихся я вдруг из жертвы произвола превратился в заурядного жулика.

— Всегда рад помочь. Но прежде я бы хотел оставить жене записку. Скажите, куда мы направляемся?

В глазах Оливеры вспыхнул холодный огонь, но он превосходно владел собой, и через мгновение огонь бесследно потух.

— В центральный полицейский участок.

— Спасибо. Эй ты! — Я махнул ближайшему официанту. — Поднимись к моей женушке в номер двадцать-десять. Расскажи ей, что произошло. Скажи, что я вернусь к ленчу. — Я повысил голос. — Люди, вы слышали меня. Я помогу этим вежливым полицейским в их расследовании. Возможно, они объяснят мне, что стряслось вчера. Скоро вернусь и обо всем расскажу вам. Ждите меня. Пойдемте, капитан Оливера.

Я двинулся к двери столь стремительно, что полицейские едва поспевали за мной.

Сделано все, что в моих силах. Теперь, если со мной произойдет несчастный случай, каждый в отеле знает, кто виноват.

Сопровождаемый хмурыми взглядами и неодобрительным бормотанием, я залез на заднее сиденье патрульной машины. Взвыли сирены, завизжали шины, и мы помчались прочь от ласкового берега. Машина с капитаном Оливерой вырвалась вперед и вскоре скрылась из виду. Он спешит, несомненно, подготовит мне достойную встречу. До чего же страшно! Я громко рассмеялся, полицейские в автомобиле опасно покосились на меня, наверно, приняли за сумасшедшего. Не исключено, что они не слишком далеки от истины, ведь я сам сунул голову в пасть льву. Но сокрушаться нечего, сделанного не вернешь.

Мы промчались мимо космопорта, снова потянулись поля. Через полчаса машина с ревом ворвалась в город, прогромыхав по брусчатке мостовой, остановилась перед серой двухэтажной постройкой. Ворота распахнулись.

Я в совершенстве владею техникой глубокого дыхания и полного расслабления, так что в мрачный тюремный двор вошел, чувствуя себя великолепно отдохнувшим и бодрым.

В отделении меня раздели донага, просветили рентгеном, тщательно обыскали мой костюм. Дохнув в лицо чесноком, дантист осмотрел мои зубы. Ни в одежде, ни на теле ничего подозрительного. С обычной рутинной, к которой я давным-давно привык, покончено. Мне выдали полосатую робу и пару стоптанных шлепанцев, двое полицейских препроводили меня в кабинет Оливеры. Он переоделся и из капитана превратился в полковника, а от былой вежливости не осталось и следа: в голосе металл, взгляд пронзал насквозь.

— Кто ты? — спросил он без предисловий.

— Самый обычный турист, оскорбленный вашими...

— Каргата! — проревел он. Слово я запомнил, авось когда и сгодится. — Офицер полиции видел, что ты разговаривал с числящейся в розыске преступницей и получил из ее рук послание. Он обратился к тебе с вопросом, ты на него напал. Арестовать тебя прибыл наряд полиции и тоже подвергся нападению. Чтобы предотвратить дальнейшее насилие, были посланы оперативные силы полиции и армии, но, напав на военнослужащих, ты скрылся. — Он говорил спокойно, не повышая голоса, но внутри его бушевала холодная ярость. Такая же ярость постепенно закипела и во мне. — У нас мирная планета, и насилия мы здесь не потерпим. Теперь говори, кто ты, чем здесь занимаешься и что было в послании.

— Ничего не знаю, — твердо заявил я. — Я прилетел на вашу убогую планету в отпуск. На меня напали, я защищался. Я служил в «зеленых беретах», меня голыми руками не возьмешь! — О моей доблестной службе в десанте написано в межзвездном паспорте, так что врал я, опираясь на «факты». — Не знаю, почему меня пытались убить ваши люди, да мне и плевать. Дождавшись, когда поутихнет стрельба, я сдался. Вот и вся история в том виде, как ее услышат от меня журналисты. Теперь отпустите меня, сказать мне больше нечего.

— Этот фокус не пройдет! — Потеряв самообладание, Оливера грохнул кулаком по столу. — Ты скажешь правду или я выбью ее из тебя!

— Не валяйте дурака, Оливера. Туристы в ресторане знают, что я взят полицией под стражу. Если с моей головы упадет хотя бы волос, прибыльной туристской индустрии на вашей чертовой планете конец. Сейчас я сделаю официальное заявление, а там уж решайте. Подключите меня к детектору лжи.

— Кресло, на котором ты сидишь, — детектор лжи. Говори!

Хорошо, что я не знал о кресле, когда врал напрапую. Теперь надо сосредоточиться и подбирать каждое слово с предельной осторожностью.

— Записывайте. Книгу мне дала неизвестная девушка. Больше я ее не видел и другой информации от нее не получал. Кто она и почему обратилась именно ко мне, не знаю. Конец заявления. Теперь верните мне одежду и выпустите отсюда.

Глядя полковнику в глаза, я встал. Его лицо выглядело спокойным, только на висках едва заметно пульсировали голубые жилки. Перед ним был выбор: убить меня или отпустить. Третьего не дано, и мы оба знали это. Он в ярости, но он далеко не глуп.

Молчание длилось с минуту, показавшуюся мне вечностью. Когда Оливера наконец заговорил, голос полностью подчинился ему:

— Я освобождаю тебя. В сопровождении моих людей ты вернешься в отель и упакуешь вещи. Тебя и твою жену доставят в космопорт и отправят ближайшим рейсом. Не знаю, да и не желаю знать, в какую грязную историю ты тут влип, но, если ты когда-нибудь вернешься на Параисо-Аки, клянусь, я убью тебя на месте. Понял?

— Вполне, полковник. Убраться с вашей поганой планеты мне хочется не меньше, чем вам спровадить меня.

Я не добавил, что при первой же возможности вернусь сюда.

Глава 6

Отлет космического корабля власти задержали почти на час. Как только мы поднялись на борт, был объявлен старт.

Покинув противоперегрузочное кресло, я первым делом плеснул в стакан солидную порцию виски, залпом выпил и, включив вмонтированный в камеру детектор, обошел каюту. «Жучков» не было.

— Чисто, — сказал я. — Ты была в полночь на берегу?

— Ты сказал, что повстречал одного из местных. — Голос Анжелины был лишь градуса на четыре выше абсолютного нуля. — Ты даже не упомянул, что этот местный — юная, весьма соблазнительная особа.

— Любовь моя! Клянусь, для ревности нет причин! Я видел ее не больше минуты, и между нами ничего, ровным счетом ничего не было.

— Пусть это «ничего» будет и впредь. Я тебя давно знаю, диГриз, ты как был, так и остался сексуальным маньяком. Учти, если твои грязные руки хотя бы прикоснутся к ней, я тебе их пообрываю.

— Договорились, не прикоснусь. А теперь, пожалуйста, расскажи, что произошло на берегу.

— В полночь я шла вдоль берега. Девушка окликнула меня из-за деревьев, спросила, читала ли я записку. Я повторила послание, сказала, что тебя задержали не-

отложенные дела. Девуцу зовут Флавия, она — член движения сопротивления. По ее словам, открытой оппозиции на Парайсо-Аки нет и быть не может; как только недовольные объединяются, чтобы заявить протест, госбезопасность внедряет в организацию своих агентов и вскоре всех арестовывают. Лидеров публично казнят, остальных отправляют на принудительные работы до конца жизни. Последняя надежда местных жителей — сообщить Галактике правду о царящем на Парайсо-Аки произволе.

— Боюсь, в Галактике давным-давно об этом знают, однако всем на них плевать.

— Я тоже так считаю, но, узнав, что ее сообщение будет обнародовано, девушка выглядела такой счастливой, что я придержала свое мнение при себе. Ее сообщение — пять отпечатанных на принтере страничек. Она страшно удивилась, когда я, пробежав текст глазами, запомнила его слово в слово.

— Не пытайся казаться глупее, чем ты есть. Сообщение было напечатано светящейся краской. На меня оно произвело впечатление. Оказывается, основная причина, по которой другие планеты не вмешиваются и не покончат с беспределом на Парайсо-Аки — правительство там формально выглядит демократичным. Каждые четыре года проходят всепланетные выборы президента. Демократия! Только вот результаты голосования фальсифицируются и генерал-президент Джулио Сапилоте неизменно оказывается выбранным на новый срок. Два с половиной года назад он принял свою сорок первую присягу...

— Да старичку не меньше двухсот!

— Именно. Он регулярно проходит курс интенсивного омолаживания, ну и там мелочи: сон в кислородной барокамере, свежие фрукты, физические упражнения по специальной методике... Прежде чем негодяй Сапилоте стал президентом, Парайсо-Аки была мирной планетой с умеренным монархическим строем. Согласно, монархия не лучшая из известных в Галактике форм правления, но при короле люди по крайней мере не голодали, бесчисленных убийств и разгула насилия не было. Недовольных, конечно, хватало, к ним-то и обращался Сапилоте, проповедуя свободу и всеобщее

равенство. Ему поверили, народ восстал, король отрекся и вместе с королевой и принцами был посажен в тюрьму. Дальнейшая судьба королевской семьи неизвестна. Прошли первые выборы. Сапилоте стал президентом, обосновался в королевском дворце. Было казнено шесть чиновников из правительства короля, еще с десятков сослано, остальные, вдруг оказавшись пламенными революционерами, своих кресел не покинули, хотя названия их должностей изменились, а чины были упразднены. Сапилоте один за другим выпустил бесчисленное множество декретов, постановлений, законов. Он ввел трудовую повинность, возобновил пытки и публичные казни, позволил в «исключительных случаях» расстреливать на месте, увеличил продолжительность трудового дня, на базе бывшей королевской охраны создал секретную полицию и прочее, и прочее. Его ставленники получили возможность на вполне законных основаниях эксплуатировать народ. Бедные нищали, богатые жирели, а тюрем между тем не хватало, были изобретены трудовые лагеря. Ко времени перевыборов на стороне Сапилоте оказались все коррумпированные генералы и чиновники. С их помощью результаты выборов с тех пор подделывают.

— Почему же народ не восстанет?

— Власть диктатора держится на штыках, агенты секретной полиции — вездесущи, объединиться в оппозицию людям не дают, а одинокие бунтари обречены. Социальное устройство общества на Параисо-Аки — типичная пирамида: на вершине — диктатор, в его руках сосредоточена вся власть; ступенькой ниже — несколько богачей, вассалы тирана; основание пирамиды — большая часть населения планеты, люди, практически лишенные элементарных человеческих прав; между угнетателями и угнетенными — немногочисленная прослойка, так называемый средний класс.

— Веселенькое общество. — Я зашагал по каюте, напряженно размышляя. — Надо изменить порядки на Параисо-Аки.

— Согласна, но это дело непростое.

— Для человека, спасшего Вселенную, — любое дело по плечу.

— Дважды спасшего, — напомнила Анжелина.

— Вот именно. Я вернусь и...

— Мы вернемся. Мне и сыновьям тоже нужен отдых.

— Мы, конечно, мы, любовь моя! Ты, я и два наших замечательных близнеца. Флавия не сказала, почему она обратилась именно ко мне?

— Наш гид, Хорхе, поведал ей о твоих попытках разобраться в социальном устройстве тамошнего общества.

— Отлично. Вернувшись, свяжемся с подпольем через него. А мы вернемся, и очень скоро! Направлявшийся ко мне человек был хладнокровно убит. Теперь, побывав на его родной планете, я понимаю почему. Несправедливости я не потерплю в любом, пусть самом отдаленном уголке Галактики! И еще, за полковником Оливерой должок. Вернусь — рассчитаюсь.

Брови Анжелины сошлись на переносице.

— Если этот коп коснется тебя хотя бы пальцем, он умрет! Страшной, мучительной смертью!

— У меня лучшая в Галактике жена! Но не беспокойся, о полковнике Оливере я сам позабочусь, ты же поможешь мне освободить всю планету.

— Заманчиво звучит. Милый, а ты уже придумал, как будешь освобождать Парайсо-Аки? У тебя есть план?

— Плана пока нет, но это пустяки, спасал же я Вселенную безо всякого плана, спасу и эту планету.

— Может, найдем армию и объявим им войну?

— Нет, провернем это дельце потоньше. У меня вроде бы уже появилась первая гениальная мысль на этот счет.

Стоит ли говорить, что близнецам наша затея пришла по сердцу?

Джеймс возглавлял зоологическую экспедицию, которая собирала ядовитых гадов на мрачной, покрытой туманом планете Виниола близ безымянного красного карлика. Приняв наше послание по мгновенной ССВ-

связи, он сдал свой зоопарк помощнику и на полной скорости помчался домой. Боливар в то же самое время изучал тюремную реформу, как говорится, изнутри, но, получив по «тюремному телеграфу» весточку из дома, бросил все, сбежал из гарантированной от побегов кутузки на Хелионе и прибыл домой лишь на считанные минуты позже брата.

В молодости всегда отменный аппетит. Зная это по собственному опыту, я терпеливо ждал в кабинете, пока близнецы поглощали приготовленный женой обед из девяти восхитительных блюд.

— Отец, да ты на себя не похож! — заметил с порога Джеймс.

— Верно подмечено, братишка, — подтвердил Боливар. — Темная кожа, черные волосы и усы, карие глаза, квадратная челюсть и широкие скулы... Тебя, отец, не узнать!

— И говорю я теперь на новом языке, — похвастался я на безукоризненном испанском.

— Потрясно звучит, — одобрил Джеймс. — На эсперанто похоже, и почти все понятно.

— Включите на ночь гипнофон, утром проснетесь с головной болью, но по-испански заговорите не хуже меня.

Вошла Анжелина, поставила на стол поднос с бутылкой рона и стаканами, села в свободное кресло.

— Спасибо, ма, — поблагодарил ее Боливар. — За ночь овладеем языком, а что потом?

— Потом отправимся на Параисо-Аки, родину этого божественного напитка. — Я разлил рон по стаканам, мы выпили, причмокивая от удовольствия. — Название планеты переводится как «Рай Земной». Сделаем же, чтобы планета не только называлась раем, но и стала им.

— Как? — в очередной раз поинтересовалась Анжелина.

— На месте разберемся. А пока взгляните на это...

Я нажал кнопку на подлокотнике кресла, стена плавно поднялась, и нашему взору предстала мастерская, посредине — огромный черный автомобиль.

— С виду — старье старьем, — подметил наблюдательный Боливар.

— Спасибо на добром слове, я этого и добивался. Внешне автомобиль — точная копия того, что я сфотографировал на Параисо-Аки, деталька к деталике...

— Только в нем наверняка еще куча деталей, которых не было в оригинале, — подхватил Джеймс.

— Сообразительный у меня сынишка. В папу. Осторожно! Пока не объясню, как тут что работает, не прикасайтесь ни к одной кнопке, ни к одному переключателю. Такие вот машины на Параисо-Аки оснащены громоздкими, чудовищно неэффективными, да в придачу еще и ядовитыми двигателями внутреннего сгорания. На плодородных полях этой отсталой планеты выращивают сахарный тростник, из которого потом получают этиловый спирт. Думаете, из спирта готовят рон? Ничуть не бывало! Им заправляют автомашины. — Я поморщился, как от зубной боли. — В наш автомобиль вмонтирован миниатюрный ядерный двигатель. Он не только приводит машину в движение, но и питает радар, поворачивает стволы гранатометов и пулеметов, снабжает энергией лазеры в фарах и прочие механизмы, без которых на той планете не обойтись.

— Классная тачка, па, — похвалил Джеймс.

— Да, па, как раз то, что нам нужно, — поддержал брата Боливар. — Поздравляю!

— Спасибо.

— Ладно, с техникой разобрались. А вот что делать нам? — сказала Анжелина.

— Отдыхайте и готовьтесь. Измените цвет кожи и волос, выучите вариант испанского. Через два дня невидимый для любых радаров крейсер Спецкорпуса доставит нас на Параисо-Аки. Нас бросят там одних, беззащитных...

— Беззащитных? Я бы не сказал! — не вытерпел Боливар.

— ... в десятках световых лет от ближайшей дружеской планеты. Четверо против целого мира. Против

всемогущей государственной машины всепланетного тоталитаризма. Мне до слез их жалко...

— Ты, наверно, говоришь не о нас, а о тех, врагах, государственных людишках?

— Конечно. А теперь выпьем за нашу победу и за начало новой жизни на Парайсо-Аки.

Глава 7

Одно дело сидеть со стаканом виски в руке на крыльце собственного домика и рассуждать, какие мы великие и непобедимые, совсем другое — остаться с тремя близкими людьми на враждебной планете. Признаюсь, даже у меня, бойца, покрытого шрамами схваток, сдавило горло при виде бесшумно взлетающего и растворяющегося в ночи крейсера Спецкорпуса.

Так что же, мы обречены? Если так, виноват во всем только я.

— Ну, отец... — начал Боливар.

— Начинается потеха, — закончил за брата Джеймс.

Они весело рассмеялись. Их дружеские похлопывания по спине едва не свалили меня на землю и выбили, должно быть, из головы все сомнения.

Мы победим! Иначе и быть не может! .

— Вы правы, ребята. Пора за дело!

Джеймс распахнул перед матерью заднюю дверцу автомобиля. Одетый в униформу шофера Боливар сел за баранку, завел мотор. Я расположился на заднем сиденье с Анжелиной, Джеймс — рядом с братом. На Джеймсе были черная рубашка, белые костюм и галстук-шнурок — любимая на Параисо-Аки одежда чиновников средней руки. Мы с Анжелиной облачились в пышные наряды богатеев, тщательно скопиро-

ванные спецами Корпуса по маскировке со снимков в путеводителе.

Боливар надел темные очки, включил сцепление, и мы тронулись. Фары, с виду выключенные, излучали перед машиной не видимые невооруженным глазом ультрафиолетовые лучи, лишь темные очки воспринимали их.

Ночь выдалась безоблачной, быстрая езда в призрачном свете звезд хоть и была абсолютно безопасной, но все же приятно щекотала нервы.

— Почва здесь, как мы и думали, — сплошной камень, — сообщил Боливар. — Даже если корабль заметили и власти явятся сюда, наших следов вовек не сыщут. А вон и автострада. Пустая. Держитесь крепче, сейчас перемахнем через кювет.

Нас порядком тряхнуло. Повернув, автомобиль набрал скорость и стрелой помчался по ровной прямой автостраде.

— Километров через пять включи фары, — велел я Боливару. — Станем праздно катающимися на автомобиле законопослушными гражданами.

— Катим без остановок? — спросил Боливар.

— До берега — без. Если прибудем засветло, дождемся рассвета у обочины за развилкой и двинем вдоль побережья до самого туристского рая. Там перекусим, дальше — по плану.

Дорога, как и предполагалось, в это время суток была пустынна, лишь однажды нам навстречу попался автомобиль и, не притормаживая, пронесся мимо.

Я вставил в видеомэгнитофон кассету с записью симфонического концерта, из бара в спинке переднего сиденья достал бутылку шампанского, и мы с Анжелиной выпили за успех нашего предприятия. В общем, ночь мы провели если не в роскоши, то в комфорте уж точно.

На заре мы достигли берега и свернули к курорту. По дороге брели к полям крестьяне. Завидев приближавшийся черный автомобиль, они отскакивали к обочине, снимали шапки, кланялись. Мы, как и полагается богачам, не замечая их, величественно катили мимо.

Еще полтора часа пути — и мы у туристского комплекса.

— А вон и ресторан! — воскликнула Анжелина. — Столики на открытой террасе. Выглядит вполне прилично.

— Боливар, высадишь нас у входа, поставишь машину на стоянку так, чтобы была видна из ресторана, займешь столик на должном от нас расстоянии, — распорядился я. — Джеймс, сядешь с братом.

Быть богатым среди бедных — что ни говори, приятно, обслуживают тебя только по первому классу.

К нашему автомобилю подскочил сам управляющий рестораном, с Поклоном распахнул дверцу.

— Рад вас видеть в нашем ресторане, леди и ваша честь, рад видеть!.. Столик? Вон тот устроит? — Он кивнул на столик в глубине зала. — Малейшее ваше желание — закон для меня.

— Огня.

Я вытащил из нагрудного кармана черут*.

С зажженными спичками ко мне бросились трое официантов, чуть не подрались за привилегию подать мне огня. Я развалился в кресле, небрежно пустив из ноздрей дым, сдвинул широкополую шляпу на затылок. Анжелина села напротив.

— Вот это жизнь!

— Джим диГриз, ты — неисправимый пижон, — сквозь зубы прошептала Анжелина. — Ты освобождаешь этих людей от угнетателей, а ведешь себя под стать тирану.

— Разве, выполняя за местных грязную работу, нельзя наслаждаться жизнью? Нет, первый класс во всем! Ну, наконец-то! — добавил я, выхватывая из трясущихся рук официанта меню.

Допив четвертую чашку кофе, я с удовлетворением откинулся на спинку кресла, щелчком пальцев поманил Джеймса. Изображая преданного хозяину слугу, тот суетливо вскочил с места, подбежал ко мне. Я не торопясь извлек из целлофановой обертки очередную сигару. Он с зажигалкой в руке склонился ко мне.

* Черут — сигара с обрезанными концами.

— Пойдешь к своему столику, обрати внимание на разговаривающего с тремя упитанными туристами юношу в зеленой рубашке, — тихо сказал я. — Нам везет, это Хорхе. Он выведет нас на связь с подпольем. Незаметно следуй за ним, узнай, где он живет.

— Будет сделано, па. Он в жизни не догадается, что за ним «хвост».

Джеймс ушел. Анжелина наступила мне под столом на ногу и сообщила:

— Дорогой, похоже, у нас проблемы. Взгляни направо.

Я скосил глаза. К нам приближались двое. Одежда штатская, но походка, заносчивый вид... Полицейские! У крайнего столика они остановились, заговорили с юной парочкой. Парень и девушка поспешно достали бумаги, очевидно — удостоверения личности, дылды придирчиво их просмотрели.

Н-да, проблемы — документов у нас нет.

— Анжелина, ты — сама наблюдательность, — похвалил я жену. — Отправляйтесь вместе с Боливаром на стоянку, подгоните машину к выходу, а я тем временем расплачусь.

Я поманил официанта, он стремглав кинулся ко мне. Полицейские, не останавливаясь, прошли мимо двух занятых инопланетными туристами столиков и рядом со мной оказались одновременно с официантом. Я бросил несколько банкнотов, встал.

— Ваша честь, у вас есть паспорт? — обратился ко мне полицейский похлипче и пониже.

Я не спеша оглядел его с головы до пят и, дождавшись, когда он пошел лиловыми пятнами, отрезал:

— Разумеется, у меня есть паспорт.

И направился к выходу. Немудреный прием, обычно срабатывает, но на этот раз не прошел. За спиной раздался дрожащий голос хлипкого:

— Будьте добры, покажите паспорт нам.

К тротуару у выхода подкатила наша машина. Она совсем близко, до нее рукой подать, но погони, перестрелки... Надоело!

Я развернулся на каблуках и уставился на полицейского взглядом василиска.

— Как тебя зовут, грубиян?

— Виладелмас Пууюл, ваша честь.

— Напряги слух, повторять не буду. Я никогда, слышишь, никогда не общаюсь с полицией на улице. Тем более не показываю документов. Ты свободен.

Я вновь повернулся, но тот, что покрупней, был то ли тверже, то ли глупее.

— Если ваша честь настаивает, мы проводим вас к Верховному комиссару. Он будет счастлив лично принять вас в нашем городе.

Соображать, да побыстрее. Обмен репликами подтянулся, скоро мы привлечем всеобщее внимание. Что же предпринять? Бежать к машине? Полицейские дадут описание и номер машины по рации, дороги перекроют... В общем, неприятностей не оберешься. В моей голове молнией вспыхнуло решение.

— Благодарю за предложение. — Я добродушно улыбнулся. Они немного расслабились и тоже заулыбались. — Я издалека, здешних мест не знаю. Садитесь со мной в машину, покажите дорогу в город, заодно и с комиссаром потолкую.

— Спасибо! Спасибо!

Улыбаясь до ушей, они залезли в автомобиль, опустили свои зады на обитые кожей ручной выделки сиденья напротив нас с Анжелиной. Уверен, позволь я, они бы расцеловали мне руки.

— Дорогая, здешний комиссар желает приветствовать нас лично, — обратился я к Анжелине. — Эти милые полицейские сопровождают нас к нему.

— Прелестно, — проворковала Анжелина, едва заметно приподняв левую бровь.

— Водитель, следуй указаниям полицейских, — распорядился я.

— Вперед, третий поворот направо, — сказал Пууюл.

Автомобиль плавно покати к городу.

— Друзья должны помогать друг другу, — глубокомысленно изрек я, с улыбкой глядя на полицейских. — Или, как написал великий поэт: «При счете три усыпишь своего, я — своего».

— Что-то я не уловил рифмы, — пожаловался Пууюл.

— Сейчас объясню. Слушайте. Один, два, три...

Я схватил Пуюола за горло и сдавил. Он дернулся, судорожно глотнул и, закатив глаза, обмяк. Анжелина всей душой ненавидела полицейских, и ее подопечному пришлось совсем не сладко: она пнула его стройной ножкой в живот и, когда он сложился вдвое, ударила тыльной стороной ладони по шее. Он без чувств свалился у ее ног.

— Аккуратная работа, — одобрил Боливар, глядя в зеркало заднего вида. — Прохожие на улице ничего не заметили. А мы только что миновали третий поворот.

— Езжай вдоль берега, а мы решим, что делать с ищейками.

— Чего тут решать? Перережем глотки, привяжем по камню к ногам — и в воду, — Анжелина победно улыбнулась.

— Нет, дорогая. — Я похлопал ее по руке. — Мы — освободители. Разве забыла? Убивать и калечить никого не будем.

— К копам это не относится! — Она, мрачнее тучи, откинулась на спинку.

— К копам тоже, дорогая. Спросив, что с ними делать, я имел в виду, куда их запрядем, накачав предварительно наркотиком. Наркотик, как ты, несомненно, знаешь, стирает воспоминания о событиях последних двадцати часов.

— Стрихнин действует надежнее.

— Слишком надежно, дорогая.

— Отец, впереди развилка, — сообщил Боливар. — Боковая дорога ведет напрямик в лес.

— Сворачивай, а я вколю им по дозе.

Не хотелось, чтобы полицейские через двадцать часов очухались калеками, и от помощи Анжелины пришлось отказаться. Я достал из-под сиденья аптечку, ввел полицейским наркотик. Автомобиль тем временем, прошуршав шинами по грунтовой дороге, остановился. Вокруг — лес. Мы с Боливаром отволокли спящих красавцев подальше в кусты, сели в машину и покатали обратно.

У ресторана нас поджидал Джеймс.

— Свежим воздухом дышали? — спросил он.

— Дышали, заодно избавились от двух приставучих полицейских, — ответил я. — Как там Хорхе?

— Я с ним зашел в бар, пропустил за соседним столиком рюмочку. Он сказал своим друзьям, что всю ночь промаялся с туристами и теперь отправляется в постель.

— Где он сейчас? И как его найти?

— Так и думал, па, что ты решишь потревожить его сладкий сон. Пошли покажу.

Никем не замеченные, мы добрались до многоквартирного дома, поднялись на третий этаж. Я отослал Джеймса к матери и, как и подобает профессионалу, открыл замок входной двери легким движением пальцев.

В квартире царил сумрак, шторы были задернуты.

Спесь до добра не доводит. То ли сон у Хорхе, как у кота, то ли дверь его квартиры снабжена бесшумной сигнализацией. Когда я на цыпочках дошел до середины комнаты, вспыхнул свет. В двери спальни стоял Хорхе и целился в меня из большого, страшного на вид пистолета.

— Сейчас ты умрешь, шпик! Читай молитву!

Глава 8

— Не стреляй, Хорхе! Я друг!

— Неужели? С каких это пор друзья как воры крадутся в ночи?

— День, ясный день за окном, взгляни сам. А крался я, чтобы меня не видели враги. Я сам, как и ты и как Флавия, не жалую поли...

Последние слова едва не стоили мне жизни.

— Что ты знаешь о Флавии?! — заорал Хорхе, и, клянуся, его палец на спусковом крючке побелел.

Я, как герой мыльной оперы, пал перед ним на колени и с мольбой простер руки.

— Выслушай меня, храбрый Хорхе! Твое послание получено на другой планете, я прибыл оттуда. То самое послание, что ты передал туристу и его жене, которых потом вышвырнули из вашего райского мира.

— Ты знаешь о послании?

Ствол пистолета самую малость опустил. Я встал с колен, отряхнул брюки и сел на диван.

— Знаю, ведь я — тот самый турист.

— На того туриста ты не похож.

— Внешность изменена, но я — тот самый.

— Докажи.

— Правильно, что не доверяешь первому встречному, но я свой, друг. Сейчас убедишься. Я знаю, например, что туристка, моя жена, встречалась на

берегу с Флавией и Флавия показала ей послание на пяти листах, которое моя жена прямо на месте запомнила, а позже пересказала мне. Могу прочитать тебе его слово в слово.

— Читай.

Я продекламировал без запинки все пять листов. Я читал и читал, а пистолет в его руке опускался и опускался. Когда я закончил, Хорхе и вовсе отложил его в сторону.

— Убедил. Я сам написал это послание, и видели его только Флавия и жена туриста.

Он, блестя глазами, подбежал ко мне, поднял на ноги, обнял и расцеловал в обе щеки. Не мешало бы ему, конечно, прежде побриться.

— Рад, что мы наконец-то нашли общий язык. — Я мягко высвободился из объятий. — Счастлив буду помочь.

— Я едва глазам верю. Мы так давно взывали о помощи извне. Несколько месяцев назад один из наших под видом туриста пробрался на космический корабль. С тех пор о нем — ни слуху ни духу.

— Такой низенький, загорелый, нос крючком?

— Он самый. А ты откуда...

— Боюсь, что принес печальную весть: он мертв, убит, без сомнения, агентами полиции.

— Бедный, бедный Хестер, он был храбрым бойцом, надеялся найти легендарную Стальную Крысу, заручиться его помощью...

Я, скромно потупив глаза, принялся многозначительно полировать и без того ухоженные ногти об отворот пиджака.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что... что ты...

— Стальная Крыса, к вашим услугам. В разных мирах я известен под разными именами, и «Стальная Крыса» — одно из них. А теперь расскажи, что тут творится и какой у вас план.

— Положение у нас простое и безнадежное. Плана нет, и, если честно, мы пребываем в смятении. Секретная полиция действует эффективно, слишком эффективно. Едва организуется новая группа сопротивления, как всех ее членов арестовывают и уничтожают. Наша организация совсем новая, но о Флавии уже знают, на

нее ведется охота. Я по работе встречаюсь со многими инопланетными туристами, и план поиска помощи со стороны предложила она. Сами мы, к сожалению, очень слабы.

— Не так уж плохо для начала. Скажи, а многие ли на этой благодатной планете разделяют твои взгляды?

— Любой крестьянин спит и видит казнь президента Сапилоте. Но крестьяне беспомощны, вся власть в руках кучки богачей — ставленников диктатора, а с инакомыслящими расправляются головорезы из военизированной секретной полиции, ультимадо, как они себя называют. Правда, президента не жалуют многие дворяне из древних семей, но они давно утратили свое бывшее влияние.

— Дворяне? — ухватился я за идею. — Расскажи мне о них.

— Я сам, к стыду своему, из старинного дворянского рода и наделен длиннющим, ничего не значащим титулом. Власти мне доверяют, вот даже туристов сопровождаю. Дворяне в свое время совершили ошибку — примкнули к так называемому «демократическому движению», а когда разобрались, что к чему, было поздно. Свинья Сапилоте стал президентом, ключевые позиции в правительстве заняли его люди. Результаты следующих выборов его шайка подделала. Так с тех пор и повелось каждые четыре года. Скоро очередные выборы, но это лишь фарс, каждый ребенок на Парайсо-Аки знает, что Сапилоте — генерал-президент пожизненно.

Долго зревшая в моем черепе идея наконец оформилась, и я радостно закричал:

— Нет же, нет! На следующих выборах будет иначе!

— Каким образом?

— Найдем честного, уважаемого дворянина из старинной семьи, сделаем его кандидатом на пост президента.

— Но сколько бы человек ни проголосовало за нового кандидата, президентом ему не стать — результаты выборов будут фальсифицированы.

— Будут фальсифицированы непременно, но не местными чиновниками, а мной. Я покажу этой прими-

тивной планете один-другой трюк из джентльменского набора по-настоящему грязных политиков. Выборы выиграем мы!

— А получится?

— А то как же, только нужен достойный кандидат. Не знаешь случайно такого?

Хорхе сосредоточенно потер подбородок.

— Сразу и не сообразишь.

— Может, расшевелим мысли стаканчиком рона?

— Отличная идея! У меня как раз есть старый выдержанный рон, вовсе не такой, каким обычно потчуют туристов. Тебе, думаю, он придется по вкусу.

Придется по вкусу? От напитка я был в восторге. Мы провозгласили тост за новую счастливую жизнь, потом друг за друга, потом... Открыв третью бутылку, мы возобновили работу.

— Чем дальше живет человек от крупного города, тем он лучше, чище душой, — сообщил Хорхе. Похоже, алкоголь промыл его мозги, и они теперь работали не хуже отлаженного часового механизма. — В глубине континента находятся большие имения, где выращивают пшеницу, кофе и ягоды бискохо и канья. Там же изготавливают рон, перемалывают пшеницу. Крестьяне там живут в достатке, надсмотрщики мягки, дворяне, хозяева поместий, справедливы. До тех пор пока в города по утвержденным планам поступает продовольствие, а люди там не занимаются политикой, Сапилоте не суется в местные дела.

— Ты кого-нибудь из тех дворян знаешь?

— Я всех знаю, ведь мы родственники.

— Кто-нибудь из них, на твой взгляд, подходит на роль кандидата в президенты?

— Да, Гонсалес де Торрес, маркиз де ла Роса. Он честен, справедлив, храбр, недурен собой и всей душой ненавидит Сапилоте.

— Вроде, подходит. Ты его хорошо знаешь?

— Он — четвероюродный брат мужа двоюродной кузины матери. Я встречаю его только на похоронах, свадьбах и юбилеях, но знаю о нем все. У аристократов нет секретов друг от друга.

— Как с ним связаться?

— Сначала надо купить или взять на прокат автомобиль...

— Уже сделано. Ты поедешь с нами?

— Если я неожиданно оставлю работу, возникнут подозрения. С вами поедет Флавия. Она родом из тех мест, покажет дорогу, да и в имении ей быть безопаснее.

Я допил рон и неохотно поставил пустой стакан на стол.

— Где и когда мы ее подберем?

— Где она сейчас, не знаю, но к вечеру выясню. Подходи в полночь к подъезду этого дома, и я отведу тебя к ней.

— Договорились.

Мы пожали друг другу руки. В дверях я обернулся и указал на недопитую, покрытую толстым слоем пыли бутылку рона.

— Древний напиток в открытой посуде мгновенно выдохнется. Не возражаешь, если я позабочусь о вине?

— Забирай рон с собой, умоляю тебя. — Хорхе подал мне бутылку. — У меня еще есть, на полуночную встречу прихвачу несколько бутылок.

— У вашей планеты два достоинства, почему-то не упомянутых в рекламной брошюре: рон многолетней выдержки и жульнические выборы. Порой кажется, что я действительно попал в рай.

Глава 9

— Отличный план, па! — воскликнули близнецы хором.

Анжелина фыркнула.

— Я бы предпочла, чтобы твоя подружка Флавия сидела дома.

Я глотнул доброго старого рона прямо из горлышка.

— Если я и был волокитой, что крайне сомнительно, то это в прошлом. Давно уже не люблюсь я женщинами, даже такими прекрасными, как Флавия.

Брови Анжелины изогнулись дугой то ли в знак недоверия, то ли в знак признательности. Я не стал выяснять, отчего именно; душевное спокойствие, в конце концов, дороже всего.

— До полуночи еще почти десять часов. Может, махнем на природу, устроим пикник?

Мальчики тут же поддержали меня.

— Отличная мысль, па!

— Сейчас, завожу машину!

— Если вам не сидится, что ж, поехали. Но сначала — по магазинам, продуктов купим.

Умиротворенные сытной трапезой, мы наслаждались тишиной и покоем вблизи опушки леса на холме.

Джеймс дремал, Боливар ковырялся в машине. Я лежал на траве, положив голову Анжелине на колени, в мире с собой и со всей Вселенной. Огненный диск солнца медленно опускался, так же как и уровень рона в моей бутылке.

— Вот она, настоящая жизнь. — Я вздохнул. — Может, бросим все к чертям, уйдем на пенсию, осядем на такой же мирной планете и будем коротать старость, согретые лучами ласкового, теплого солнышка?

— Не мели чепухи. — Голос Анжелины звучал как сама практичность. — Не пройдет и дня, как ты от скуки на стенку полезешь. Сейчас тебе по нраву покой только потому, что предстоит схватка. И еще потому, что за нынешний день ты влил в себя не меньше литра древнего рона.

— Дорогая, ты несправедлива ко мне! Я трезв как стеклышко! Хочешь, назову число пи до двадцатого знака после запятой?

— Лучше скажи быстро: купи кипу пик.

— Купи пипу... э-э-э... кип.

— Восхитительно! — Анжелина резко встала, и я пребольно ударился головой о землю. — Пора в путь! Джеймс, похоже, твой папаша на ногах не держится. Затащи его в машину на заднее сиденье.

Джеймс открыл глаза и хитро подмигнул мне. Я подмигнул в ответ, перекатился на живот и пятьдесят раз отжался на кулаках. Тут же пожалел об этом — в голове будто заработал паровой молот. Оказывается, забористая штука — рон. Я допил последние капли и отшвырнул бутылку в кусты, дав зарок не прикасаться к вину до конца жизни. Ну, если не до конца жизни, то до завтрашнего утра точно.

Джеймс вырыл ямку и сложил туда весь мусор. Анжелина собрала тарелки, вилки, ложки, ножи, чашки, стаканы в кучу и по очереди запихала их через щель в крышке в корзину для пикника; разогнанный до сверхзвуковой скорости поток воздуха счистил с посуды остатки пищи. Мы сели в машину и покатали к городу.

Почти всю обратную дорогу я проспал на заднем сиденье. Сохраняя для подвигов свой боевой дух, а не в пьяном угаре, как намекала Анжелина.

Меня расшевелил ласковый толчок локотка Анжелины под ребра. Я протер глаза. Машина остановилась у знакомого многоквартирного дома. Из тени выскочил Хорхе, распахнул дверцу и мигом залез внутрь.

— Поехали! Поехали быстрее! — забормотал он, и Боливар тронул с места. — Все пропало! Флавию схватили ультимадо!

— Когда? — спросил я.

— Несколько минут назад. Я уже выходил, когда она позвонила, сказала, что к ферме, где она скрывается, подъехал крытый грузовик, из него выскакивают ультимадо и окружают дом.

— Далеко эта ферма?

— Не очень. Полчаса быстрой езды, а может, меньше.

— От фермы к городу одна дорога?

— Да.

— Перехватим их!

Отчаяние на лице Хорхе сменилось надеждой, но через секунду он вновь помрачнел.

— Их целая армия, и они вооружены до зубов!

— Неважно! Куда ехать?

— Прямо, четвертый поворот направо.

Хорхе смотрел на нас, как на сумасшедших, мы не удержались и загоготали. Боливар утопил педаль газа в пол, и нас вдавило в спинки кресел.

Армия головорезов! Эка невидаль!

Через пять минут мы оказались у развилки. Я привстал, оглядел место будущей операции, в голове уже возник план.

— Джеймс, живо достань из багажника большой резак и четыре игольчатых пистолета. Боливар, отгонишь машину с дороги. Остальные — из машины. Анжелина, будешь приманкой.

— Поразительная глубина мышления!

Наш автомобиль умчался. Я осветил фонариком большое дерево у дороги.

— Джеймс, срежь его так, чтобы упало поперек дороги... — Я услышал рев приближавшейся машины. — Быстрее, они с минуты на минуту будут здесь!

Анжелина легла у дерева, ноги под стволом, будто ее придавило. Верхушки деревьев осветили фары. Мы

попрятались в кюветах по сторонам дороги. Свет стал ярче, из-за поворота выскочил грузовик и помчался к поваленному дереву. Завизжали тормоза, ужасно длинную секунду мне казалось, что они раздавят Анжелину. Машина замерла в метре от дерева, Анжелина вяло зашевелилась и позвала на помощь.

Открылась дверца, из машины вылез водитель, и воздух наполнился еле слышным шелестом — мы начали стрелять из игольчатых пистолетов. Игольчатый пистолет — бесшумное оружие, мощное электромагнитное поле выталкивает из стволов крошечные стальные стрелы с ампулами сильнодействующего снотворного на концах. Едва тело водителя коснулось асфальта, как я с фонариком в одной руке и пистолетом в другой подбежал к машине.

Мои предосторожности оказались излишни — в кузове вповалку лежали и храпели полицейские, среди них, как живое подтверждение нашей меткости, сидела бледная, перепуганная Флавия.

— Ты спасена.

Я подал ей руку, помог выпрыгнуть из кузова. К нам, отряхивая юбку и метая гневные взгляды, приближалась моя жена. Я поспешно отпустил руку Флавии и шагнул в сторону. Рядом как по мановению волшебной палочки появился Хорхе и тут же припал к освободившейся руке губами. Большой охотник до поцелуев был этот Хорхе.

— Если не считать, что меня чуть не раздавили в лепешку, операция прошла успешно, — дала оценку сделанного Анжелина. — Посадим теперь водителя на место, положим на колени термитную гранату.

Я вздохнул и поцеловал руку Анжелине а-ля Хорхе.

— Дорогая, я умер не меньше тысячи раз, пока скрипели античные тормоза этой повозки. При следующей засаде я лягу под дерево, а ты перестреляешь всех ультимадо. Джеймс, Боливар, выволоките из кузова храпящих уродов и оттащите с глаз долой в лес. Заберите все ценное из их карманов. Хорхе, прервись хотя бы на секунду, пусть рука Флавии просохнет. Ты сможешь вести этот драндулет? — Я кивнул на полицейский грузовик.

— По-твоему, я что, крестьянин? Конечно, смогу.

— Извини, ты не крестьянин. У тебя есть на примете местечко, где машину не сразу найдут?

— Знаю поблизости отвесную скалу. Если грузовик столкнуть оттуда в море, его век не найдут.

— Век — подходящий срок. Сделай, пожалуйста, эту работенку. Да, чуть не забыл, десяток прощальных поцелуев — и в путь!

Мы помахали отъезжавшему грузовику. Флавия повернулась, и я впервые заметил, что ее правый глаз заплак, бровь рассечена, верхняя губа справа опухла.

— Сейчас принесу аптечку, — сказала Анжели-на. — Знала бы я, как поработали над тобой эти ултимадо, они бы заснули долгим, может, даже вечным сном.

— Не знаю, как и благодарить вас! — воскликнула Флавия. — Вы не только спасли меня, но и задумали освободить нашу планету. Хорхе мне все рассказал. Думаете, ваш план сработает?

— Непременно сработает, — ответила Анжелина, нанося на лицо Флавии антисептическую мазь. — Если, конечно, я удержу мужа от глупостей.

Из леса вышел Боливар с кучей одежды в руках.

— Все нормально, па.

Следом появился Джеймс с ботинками.

— Мы видели, как эти громилы обошлись с юной леди, и решили, пусть, очухавшись, прогуляются до города нагишом.

— Вполне разумно. Флавия, познакомься, это — наши сыновья, Джеймс и Боливар.

Молодые люди с энтузиазмом пожали друг другу руки.

Анжелина положила ладонь мне на плечо и улыбну-лась уголками губ.

— Смотри, как у них блестят глаза. Похоже, оба влюбились с первого взгляда. Что, поехали?

Мы выехали на главную дорогу и, следуя указаниям Флавии, направились на юг.

— Ултимадо не суются во внутренний район стра-ны. Как только окажемся за Стеной, мы в безопасно-сти, но пересечь ее не просто.

— Что за Стена? — поинтересовался я.

— Стена тянется через весь континент, проехать можно только через охраняемый пост. Сама Стена неприступна — мили колючей проволоки в несколько рядов, ограды из металлической сетки под напряжением, частоколы из стальных прутьев с отравленными остриями, бетонные стены, мины, детекторы...

— Если описание верно, то там и ребенок пройдет, — заметила Анжелина. — Джим, открой, пожалуйста, шампанское — успокоим нервы и выработаем план.

Флавия сидела на откидном сиденье напротив нас и маленькими глоточками пила из хрустального бокала. Я к своему едва притронулся, для одного дня выпивки достаточно.

— Расскажи об охраняемых постах, — попросил я.

— Посты — это маленькие, хорошо укрепленные форты. В фортах тяжелая артиллерия, пулеметы, войска. Проезд через двойные ворота. Внутри солдаты проверяют паспорт с визой, обыскивают багаж. Нам там никогда не прорваться.

— Слова «никогда» нет в лексиконе нашей семьи, — твердо сказала Анжелина. — Твое мнение, Джим. Стена или пост?

— Разумеется, пост. Иметь дело с людьми легче, чем штурмовать бетонную стену и стальные заграждения. До ближайшего поста далеко?

— Двести километров, может, чуть больше.

— Джеймс, слышал?

— Да.

— За сорок километров до цели включи радар. За десять — останови, осмотримся и подготовимся.

Лицо Флавии вытянулось, видимо, она представила, как богатые туристы на стареньком автомобиле штурмуют набитый отборными армейскими частями форт. Она не первая на этой планете приняла нас за сумасшедших, но ее так же, как и солдат, ждало несколько сюрпризов.

Продумывая детали предстоящего штурма, я отхлебнул приличный глоток шампанского.

Боливар остановил машину у обочины.

— Приехали, — сказал Джеймс. — Радар ни к чему, форт как на ладони.

Он был прав: в сумеречном свете отчетливо виднелась тянувшаяся от восточного горизонта до западного Стена, впереди высилось мрачное неприступное здание — охраняемый пост.

Флавия поежилась. Будь я женщиной, я бы, наверно, тоже поежился.

Неприступное? Глупости!

Джим диГриз никогда не пасовал и не спасует перед трудностями! Планета будет освобождена!

— Слушайте внимательно. — Я достал из-под сиденья кейс. — С этими фильтрами мы не заснем, как все вокруг. Анжелина, пока едем, объяснишь гиду, как их вставляют в нос. Джеймс, подготовь газовые баллоны. Боливар, подними верх. — С мягким жужжанием над открытым автомобилем поднялась крыша из бронированных полос. Я одобрительно кивнул. — Проверим окна. Джеймс, по команде «сейчас» закроешь окна. Сейчас! — Глухой стук, все окна закрыты. — Отлично. Теперь переключи управление лазерной пушкой на меня. Проверь наш главный калибр, не исключено, что ворота слишком толсты и лазером их не возьмешь. — Из подлокотника моего кресла выскочил пульт управления. Я коснулся кнопок, взглянул на контрольные приборы. Все в норме. — Вопросы есть?

— А то как же, — подал голос Джеймс. — Когда обед?

— Прорвемся и сразу перекусим. Еще вопросы?.. Нет. Тогда вперед!

Мотор взвыл, и мы ринулись в атаку.

Глава 10

Атаковали мы, конечно, медленно — чем позже обнаружат наши истинные намерения, тем больше шансов на успех.

Подкатив с неторопливой величественностью к форту, автомобиль замер. Я достал очередную бутылку шампанского, взялся за пробку. Мощные прожекторы залили площадку перед воротами ослепительным желтым светом, торчавшие из бойниц в каменной стене стволы пушек повернулись.

Я высунулся из окна.

— Какого черта копаетесь?! Открывайте! Шофер, посигналь!

Боливар нажал на клаксон, раздался записанный на пленку рев стартовых двигателей межзвездного крейсера. Мне заложило уши. Видимо, наш призыв был услышан, ворота медленно двинулись вверх, и я победно замахал бутылкой. Мы въехали в форт, остановились перед вторыми, запертыми воротами. Открывая шампанское, я почти не обратил внимания, что ворота за нашими спинами так же медленно закрылись, а к машине подошли вооруженные солдаты. Пробка с хлопком вылетела, Анжелина восторженно закричала и подставила свой стакан. Мальчики тоже обернулись и протянули свои. Анжелина незаметно толкнула Флавию локтем, намекая, чтобы она присоединилась к

общему веселью. Я начал не торопясь разливать шампанское.

Солдаты встали у машины разинув рты, — подобные причуды аристократов им в диковинку. Сквозь их неровный строй вперед протолкался офицер.

— Документы, живо!

— Молчи, хам, когда находишься в обществе дворян! — От избытка эмоций я взмахнул рукой с бутылкой, и пенящееся вино залило серый китель офицера. — Открывайте ворота и проваливайте!

— Ваши документы, пожалуйста, — сказал более учтиво офицер, видимо, признавая наше превосходство.

Дальнейшие события хотя и длились секунды, но были столь ярки, что до сих пор стоят перед глазами.

Робко заглянув в окно, офицер увидел Флавию, его зрачки расширились, губы задержались.

Узнал!

Я выплеснул в его распахнутый рот шампанское из стакана.

— Окна! Газ! — заорал я.

Доля секунды — и окна надежно закрыты, из специальных отверстий в кузове автомобиля пошел газ. Офицер, упав у колес, скрылся из виду, солдаты молча повалились рядом. Я включил лазер.

В ворота уперся рубиновый луч, сталь приобрела красивый красный цвет, во все стороны брызнули искры.

— Не особо впечатляет, — прокомментировала происходящее Анжелина.

— Металл слишком толст. Джеймс, пушку! Стреляй в верхнюю часть...

Капот машины открылся, оттуда вылез ствол пушки. Выстрел стопятимиллиметрового безоткатного орудия в замкнутом пространстве форта больно ударил по ушам, на время лишив нас слуха. Прогредел еще один выстрел. Бронебойные снаряды рвали сталь, закрытый автомобиль не спасал от оглушительных звуков, и мы заткнули уши пальцами. Выстрел. Ощущение было такое, будто я — внутри колокола, а моя голова — гигантский язык. Ворота перед нами прогнулись и затряслись. Еще выстрел, еще. Ворота сорвались с петель и с грохотом обрушились наземь.

Из здания с автоматами в руках выскочили солдаты. Пули смертоносными градинами застучали по бронированной крыше автомобиля, на стекле напротив моего лица появился аккуратный ряд звездочек. Солдаты стреляли на бегу и, попав в озеро сонного газа, падали.

— Боливар, жми! — В ушах стоял такой звон, что я едва слышал собственный крик. — Стой!

Солдат, пошатываясь, добрал до самой машины и, выпустив напоследок очередь в небо, завалился перед бампером. Если мы тронемся, ему конец.

Я распахнул дверцу, спотыкаясь о спящих, обогнул машину. И увидел солдата, который дрыхнул, широко раскинув руки, правая — под передним колесом. Я отпихнул руку этого ногой, схватил за сапоги того, что своим телом преградил нам путь, и оттащил в сторону.

На бегу я краем глаза заметил метрах в пяти солдата — лицо скрыто маской противогаза, пистолет нацелен на меня. Едва слышный выстрел — и левое плечо пронзила острая боль. Меня развернуло, перед глазами — асфальт.

Дальнейшее было подернуто багровой дымкой. Я безуспешно попытался встать, туман перед глазами сгустился. Затем я увидел рядом с собой Джеймса. Выстрелив из игольчатого пистолета, он нагнулся, схватил меня поперек туловища, подтащил к машине и бережно уложил на заднее сиденье. Я хотел знать, что происходит, но глаза сами собой закрылись. Автомобиль сорвался с места, позади раздался оглушительный взрыв. Мы проехали по покореженным воротам, меня швыряло из стороны в сторону. Дальше — сплошная тьма.

Я открыл глаза. Надо мной склонилась Анжелина. Видеть ее прелестное лицо приятно всегда, но сейчас — особенно. Я открыл рот, но вместо слов из горла вырвался сухой кашель. Анжелина повернулась, ставя пустой стакан, и я увидел над собой бездонное голубое небо. Красотища. Не то что грязный потолок тюремной камеры. Вода смочила глотку, и вторая попытка заговорить удалась.

— Как прошел штурм?

— Все бы ничего, если бы не твой дурацкий героизм.

Она улыбнулась? Или мне только показалось? Глаза в уголках блестят. Неужели слезы?

Ее ладонь в моей, и я слегка сжал руку. Ее улыбка стала шире.

— Газ просочился в здание, и оборона захлебнулась. Несколько солдат успели надеть противогазы, но их уложили игольчатые пистолеты. Мы проехали по разрушенным воротам и помчались по шоссе. Хорошо, что автомобиль укреплен броневыми листами, а то бы нам несдобровать. Сзади по нам стреляли из крупнокалиберных орудий, потом взглянешь — вмятины будь здоров. За нами погнались несколько машин и броневик, но мы взорвали за собой мост и с тех пор их не видели. С шоссе мы свернули на проселок, потом покатили и вовсе без дороги по холмам. Отыскав эту поляну, остановились на отдых. Как видишь, машина и лагерь скрыты деревьями, и с воздуха нас не найти. Короче, все прекрасно. Вот только твоя рука... Пуля прошла, не задев кости. Входное отверстие в бицепсе — маленькая аккуратная дырочка, а выходное в трицепсе... Большущая рваная дырища.

— Странно, но рука совсем не болит.

— Еще бы болела, ведь тебя под завязку накачали наркотиками.

Я пошевелился. Анжелина усадила меня, подложив подушку под спину. Оказалось, лежал я у высокой сосны на спальном мешке. Рядом в таких же спальниках посапывали близнецы и Флавия. Я посмотрел вдаль. Зеленые холмы, у самого горизонта — горы. Мир и покой. Идиллия.

— Ты спала?

— Нет, я дежурю.

— Теперь моя очередь, а ты ложись отдохни.

Анжелина — хороший солдат и возражать не стала. В самом деле, бодрствовать и ей причины не было. Нежно поцеловав меня в губы, она пододвинула ко мне складной столик, на котором стояли кувшин с водой и аптечка, и залезла в спальник.

От наркотиков во рту пересохло, и я с жадностью осушил кувшин. Тихо, только шелест веток над головой да пение птиц вдалеке. Я встал и направился к автомобилю. Меня слегка покачивало, а в остальном чувствовал я себя удовлетворительно. Боливар открыл глаза и молча взглянул на меня. Я соединил указательный и большой пальцы правой руки, показал ему, мол, все нормально, затем коснулся пальцем губ. Он кивнул и снова закрыл глаза.

Я заглянул в кабину. Сигнальное устройство и радар включены, если в нашем направлении двинется кто-нибудь крупнее птицы, в приемнике, который, несомненно, лежит под ухом у одного из мальчиков, раздастся сигнал тревоги. Мысль, что мое маленькое войско позаботится о себе в любых обстоятельствах, наполнила меня гордостью, придала сил.

В холодильнике меня ожидал сюрприз — контейнер с водой и дюжина пива.

Я откупорил запотевшую бутылку и жадно припал к горлышку. Рядом раздались шаги. Я сжал горлышко бутылки — какое-никакое, а оружие. Обернулся. Флавия. Я расслабился и снова хлебнул из бутылки.

— Только благодаря вашей храбрости мы добрались сюда, — сказала она. — Спасибо от всего сердца.

— Пустяки. Я совершаю нечто подобное не реже двух раз в неделю. К тому же на этот раз у меня были отличные помощники.

— Признаюсь, что, когда Хорхе рассказал мне о вашем плане обставить Сапилоте на выборах, я сочла вас сумасшедшим. Простите меня за сомнения. Теперь я не только верю, что вы доведете задуманное до конца, но и очень хочу, чтобы Парайсо-Аки освободили именно вы. Знаете почему?

— Извините, сегодня я туто соображаю.

Она подошла ближе, остановилась на расстоянии вытянутой руки. Красивая девушка: губы алые, зовущие, в глазах можно утонуть... Я едва слышно вздохнул, осушил бутылку и, чтобы оказаться подальше от этих бездонных глаз, сел на заднее сиденье автомобиля. Она — сама серьезность — стояла, сложив руки на груди, и будто светилась изнутри.

— Я хочу, чтобы победили именно вы, потому что вы — человек чести. Я вам безоговорочно верю.

— Спасибо на добром слове, хотя полицейские на сотнях планет не разделяют вашего мнения, для них я — преступник.

— Не поняла, о чем вы, но все равно верю. Скажите, почему вы рисковали жизнью, почему покинули безопасный автомобиль?

— Под колесами лежал солдат. Если бы мы поехали, то раздавили бы его в лепешку.

— Но это был всего лишь солдат.

— Прежде всего — человек.

— Разве жизнь одного человека, тем более врага, так важна для вас?

— А что важнее человеческой жизни? Жизнь — это все, что есть у каждого из нас. Одна-единственная попытка; и пустота до рождения, пустота после смерти.

Флавия покачала головой.

— А как же загробная жизнь? По моей религии...

— Рад за вас, уверен, религия поддерживает вас в трудные минуты. Моя же вера предельно проста: я вижу реальность и сомневаюсь, что после смерти попаду на небеса, так как не верю в их существование. У меня одна жизнь, и я дорожу ею. Так имею ли я право лишить другого человека его единственной, по моим же собственным убеждениям, попытки — жизни? Только самовлюбленные политики и религиозные фанатики убивают людей ради собственной выгоды или абстрактных идей — справедливости, абсолютной истины, веры! По мне, живи и дай жить другим, помогай добрым людям и сторонись дурных. А что касается веры... Вера — личное дело каждого!

Позади Флавии появился Боливар.

— Отлично сказано, отец, — поддержал он меня. — Теперь, может, пойдешь приляжешь, а я подежурю?

— Спасибо, так я и сделаю, — пробормотал я. Сын кивнул мне, но смотрел он только на Флавию, она — так же пристально на него. — Что ж, поковыляю. Флавия, если тебе не спится, может, поговоришь с Боливаром? Уверен, у него к тебе куча вопросов о вашей планете.

Они оба энергично закивали, а я поплелся обратно.

На смену моему поколению пришло новое, и тут уж ничего не поделаешь. Чувствовал я себя не то что старым и ненужным, но все же... Интересно, депрессия вызвана наркотиками или моей лекцией о религии?

— Выше нос, Джим, — сказал я себе, залезая в спальник. — Ты — освободитель, и на этой планете еще будет воздвигнут твой памятник!

Мысль о памятнике согрела сердце, и я заснул с улыбкой на губах.

Глава 11

На следующий день наше войско проснулось поздно и сразу потребовало пищи. Рука моя побаливала, в голове слегка шумело. Я взвесил, принять ли мне наркотики или оставаться с ясной головой. Нужно продумать дальнейшие действия, так что без ясной головы не обойтись.

Я ковырнул вилкой яичницу из порошковых яиц с обезвоженным беконом, глотнул из кружки разведенный концентрат кофеина. Надо бы впредь более основательно продумывать рацион для подобных путешествий. Опустошив тарелку, я принял решение.

— Боливар, предстоит работенка, — сказал я повелительно. Он с явной неохотой оставил компанию прекрасной Флавии. О юность, юность! — Достань из багажника большой железный ящик с надписью: «Совершенно секретно».

— Ура! Наконец-то мы узнаем, что в нем!

Он вытащил тяжелый серый контейнер, поставил на землю у моих ног. Остальные собрались вокруг. Осмотрев царапины на замке, я прищелкнул языком.

— Признавайтесь, кому не терпелось. Кто ковырялся в замке?

— Это не я, это Джеймс, — сообщил Боливар. — А вот оплавленные швы — моих рук дело.

— И оба, как вижу, не преуспели. Неудивительно. Ведь не только содержимое, но и сам контейнер, а также замок — последние достижения профессора Койпу и лаборатории Специального Корпуса.

Я приложил к замку большой палец, на минуту задумавшись, набрал буквенно-цифровой код, и верхняя часть контейнера плавно отошла в сторону. Все придвинулись ближе. Я наклонился, достал из контейнера черный металлический ящик и поставил его на землю.

Анжелина пренебрежительно фыркнула:

— Не слишком впечатляет.

— Перед вами — молекулярный уменьшительно-восстановительный агрегат, или, как окрестили его создатели, МУВА, модель двенадцать-сорок четыре дробь два бис. Штучка хоть и неказистая на вид, но творит чудеса. Сейчас сами убедитесь. — Я вновь покопался в контейнере и извлек на свет божий крошечный механизм, игрушку на первый взгляд. — Джеймс, как по-твоему, что это?

Джеймс положил «игрушку» на ладонь, покрутил так и этак и вернул мне.

— Точная копия крупнокалиберного миномета.

— Верно, да не совсем. Это — не копия, а настоящий крупнокалиберный миномет, только из него извлекли девяносто девять процентов молекул. Верни недостающие молекулы на прежнее место и стреляй.

— Милый, вероятно, у тебя после ранения разыгралась лихорадка. — Анжелина приложила к моему лбу прохладную ладонь. — Вот, что я говорила! Иди приляг в тени.

Из контейнера я достал кабель и большую раздвижную воронку. Один конец кабеля подсоединил к МУВА, а другой — к миномету; воронку привел в рабочее состояние, сунул узкий конец в отверстие наверху агрегата.

— Теперь не хватает самой малости — сырья. Мальчишки, тащите сюда песок, камни, любой мусор, складывайте горкой возле МУВА, засыпьте воронку с верхом и следите, чтобы во время работы она была полной. — Через минуту все было готово. — Отлично. Начинаем.

Я щелкнул переключателем на боку агрегата, раздался негромкий, режущий ухо вой — и только. На меня глядели если не как на дурака, то со скептицизмом точно.

— Запаситесь терпением. Восстановление — не мгновенный процесс. Сначала компьютер вычислит, где и каких именно молекул недостает, а уж потом... Ну, полюбуйтесь сами!

Миномет на глазах рос, раздувался, словно воздушный шар; и мальчики проворно работали лопатами. Минута — и вой стих, зазвенел серебряный колокольчик, а перед нами оказался миномет в натуральную величину.

Я погладил ствол. Сталь под ладонью гладкая, без изъянов.

— Кто-то еще сомневается?

— Потрясно! — воскликнул Боливар, крутя ручку вертикального наведения. — Выходит, в обычном чемодане уместится уйма любого, даже самого громоздкого оружия, и теперь, отправляясь... Признайся, а ведь...

— В контейнере куча интересных штучек, — закончил за брата Джеймс, ни на секунду не отрываясь от окуляра прицела.

— Конечно. Сейчас уменьшим миномет до первоначальных размеров и воспользуемся одной из них. — Я перевел переключатель на противоположное положение, послышался уже знакомый вой, из отверстия МУВА хлынул поток пыли, а миномет начал уменьшаться. — Вот так. Девяносто девять молекул из каждой ста долой. — Вой стих. Я положил миниатюрный миномет в контейнер и вытащил оттуда другую «игрушку». — Полный медицинский комплекс ДМ-7а. Такие комплексы есть только в крупнейших госпиталях Галактики, они восстанавливают поврежденные или утерянные ткани, заживают раны. Двадцать четыре часа внутри ДМ-7а — и моя рука не хуже новой. Хотелось бы быть в форме к началу предвыборной кампании. Как, согласны отдохнуть здесь еще сутки?

Все дружно поддержали мое предложение. Мальчики снова загрузили воронку, МУВА завыл, и через минуту перед нами стоял полный медицинский комп-

лекс ДМ-7а в натуральную величину. От пульта комплекса я отмотал кабель и подключил его к атомному генератору нашего автомобиля. Анжелина разбинтовала мою руку. Взглянув на ужасную рану, я поморщился и влез в целебное чрево ДМ-7а. Машина зажужжала монотонно, успокаивающие, и я сразу почувствовал себя куда как лучше.

На следующий день погода выдалась отменная.

Анжелина вязала из мономолекулярного волокна пуленепробиваемый жилет. Я, греясь на солнышке, сидел рядом. Мальчики наперебой ухаживали за Флавией. Та, согретая их вниманием, и думать позабыла о выпавших на ее долю суровых испытаниях, отчего еще больше похорошела.

Да, расставаться с гостеприимной рощей жаль. Здесь возродились и моя рука, и наш боевой дух, здесь мы прекрасно отдохнули. Но ничего не поделаешь, пора за работу.

Я разобрал и принялся смазывать игольчатый пистолет. Анжелина, кинув на меня быстрый взгляд, поняла, что пикник в раю подошел к концу, и крикнула:

— Пакуйте вещи, ребята. Мы уезжаем.

В детстве Флавия вместе с отцом — инспектором земледелия — исколесила здешние края вдоль и поперек. Теперь ее знание этих мест пригодилось. Следуя ее указаниям, мы катили по проселкам, горным тропам, изредка — вовсе без дороги, через холмы. Города и крупные фермы оставались в стороне, в пути нам встречались только одинокие путники да работающие в полях крестьяне.

На второй день после полудня Флавия сообщила:

— Мы пересекли границу владений маркиза де ла Роса.

Я глянул в окно. От горизонта до горизонта — те же поля, холмы, рощи, леса.

— Давно?

— Около часа назад.

— Ничего не понимаю. Где же его владения?

— Везде. Вся земля вокруг, сотни тысяч гектаров — его. На Параисо-Аки дворяне — феодальные лорды, большинство из них — деспоты, тираны. Маркиз де ла Роса — редкое исключение. Оттого-то он нам и нужен как союзник.

— Положитесь на меня, — уверенно заявил я. — У меня в таких делах хватка, как у сержанта-вербовщика. Боливар, будь добр, притормози.

Машина остановилась перед двумя каменными башенками по сторонам дороги. Башенки соединяла резная арка с родовым гербом посередине — геральдическим щитом с грифонами, шестилапыми львами и прочими мифическими зверюгами.

Я достал из морозильника ведро со льдом. Ведро как ведро, только дно двойное.

— Это тебе, моя драгоценная. — Я надел Анжелине на пальчик колечко с четырехсоткаратным бриллиантом. Она вздохнула. Я протянул ей ожерелье, подставить колечку. Ее второй вздох прозвучал много громче. — Так, безделушки, хранил до случая.

— Они прекрасны!

— Рад, что угодил, моя великолепная. А эти побрякушки — мне. — Я надел на указательный палец перстень с рубином величиной с голубиное яйцо, к шляпе прицепил украшенную подобными рубинами и расшитую золотом ленту. Близнецы зааплодировали, Флавия приоткрыла рот. — Надеюсь, хозяина поместья это тоже впечатлит. А теперь — вперед, к нашей судьбе!

Дорога сначала петляла меж зеленых лужаек, потом — среди цветущих садов. Повернув у огромного, древнего, как само время, дерева, машина покатила по аллее парка. Слева и справа — фонтаны, статуи, подстриженные правильными геометрическими фигурами кусты. Последний поворот — и перед нами дом. Или дворец, или замок, как вам больше нравится. Я бы назвал постройку красивой, если бы не витиеватый стиль и архитектурные излишества — башни, башенки, колонны, бесчисленные окна и ряды декоративных бойниц.

Дверь, размерами с ворота ангара, распахнулась, из дома вышел ярко одетый человек, с достоинством остановился, ожидая нашего приближения.

— Маркиз? — спросил я Флавию.

— Дворецкий. Назовите ему ваше имя и титул... если он у вас, конечно, есть.

Есть ли у меня титул? Да у меня их дюжины. Какое там дюжины — столько, сколько мне подсказывает моя фантазия. Какой же выбрать?

Джеймс открыл передо мной дверцу, почтительно склонил голову. Дворецкий чинно спустился по парадной лестнице. Я вышел, не спеша огляделся.

— Это резиденция его превосходительства Гонсалеса де Торреса, маркиза де ла Роса?

— Это...

— Рад, что мне дали верный адрес. Замки, знаешь ли, ужасно похожи друг на друга. Будь любезен, сообщи своему господину добрую весть — прибыл герцог диГриз со свитой.

— Сию минуту. Прошу за мной.

Следом за дворецким мы пересекли огромный, богато обставленный зал, утопая по щиколотку в бесценных коврах, миновали длинный широкий коридор и оказались перед огромными, как все в этом доме, резными дверьми. Дворецкий торжественно распахнул обе створки, вошел первым, объявляя зычным голосом мое имя и титул. Приподняв подбородок и расправив плечи, я прошествовал за ним.

Маркиз — высокий красавец с седеющими висками — устремился навстречу. Слегка поклонившись, я пожал протянутую руку.

— Добро пожаловать, герцог диГриз! — вполне искренне воскликнул он.

— Джим, если не возражаете. В мире, откуда я родом, не приняты пустые формальности.

— Весьма мудрый обычай. Зовите меня Гонсалес. Из ваших слов следует, что вы с другой планеты. То-то ваш титул показался мне незнакомым.

— А ваш титул известен во многих уголках Галактики.

— Спасибо. Нашим языком вы владеете безукоризненно. Примите мои самые искренние поздравления.

— Благодарю. Я не осмелился бы нанести визит столь знаменитому человеку, если бы не рекомендации вашего родственника. Вот письмо от него.

Я протянул записку Хорхе, чем окончательно закрепил свой успех. В приемном зале появилась маркиза, и я с удовольствием отметил, что драгоценности на ней помельче, победней, чем на Анжелине.

Собравшиеся по этикету были представлены друг другу, после чего мы с маркизом прошли в его кабинет и удобно расположились за столом. Слуга поставил перед нами фужеры и внушительный графин с вином, и я немедленно приступил к делу.

— Маркиз, вам известно, что направивший меня к вам родственник — член движения сопротивления?

— Нет, я этого прежде не знал, но рад, что Хорхе борется против Сапилоте, этого монстра, этого стервятника, этого...

Дальнейшая часть его длинного монолога пополнила мой скудный запас ругательств на местном диалекте.

— Если я правильно понял, вы не слишком высокого мнения о способностях генерал-президента Сапилоте?

Маркиз снова разразился потоком ругательств. Воистину, бесценный для нас человек, и я, смакуя вино, одобрительно закивал в такт его словам.

— Все сказанное вами, — без сомнения, чистая правда, ибо рассказы о чудовищных злодеяниях генерал-президента Сапилоте достигли даже моей родной планеты во многих световых десятилетиях отсюда. И что, на мой взгляд, самое ужасное, все эти преступления совершены от имени и во имя демократии — системы, так высоко ценимой во всей Галактике. Знаю, замена почитаемого предками закона наследования урнами для голосования поначалу вызывает у людей нашего с вами класса определенного рода подозрения, но, поверьте, такая перемена в конечном счете к лучшему. — Я выждал секунду, глядя на маркиза. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы выразить свои сомнения вслух, и в знак удивления лишь слегка приподнял аристократические брови. — Это именно так, Гонсалес, и, немного подумав, вы со мной согласитесь. В самом деле, аристократия управляла государством многие века, и введение выборной системы вовсе не означает конец ее правления. На планетах с истинной демократией обычно все ключевые посты в правительстве занимают дворяне, и их, как ни странно,

выбирает народ. Почему? Дворяне от рождения наделены высоким интеллектом и куда образованнее крестьян. Так кому же, как не им, управлять государством? — Я вновь сделал паузу, дожидаясь кивка маркиза. — И вот еще что, не знаю, как здесь, но у нас дома, да и на многих других планетах, встречаются такие, с позволения сказать, дворяне, которым не то что государство, свинарник доверить боязно.

Маркиз усиленно закивал, видимо, тема задела его за живое.

— То же и на Параисо-Аки. Здесь есть дворяне, чьи имена я не рискну произнести, боясь осквернить воздух в комнате.

— Вот вам и важнейшее преимущество демократического государства: чтобы быть избранным, нужны не только голова на плечах и диплом университета в кармане, но и характер.

— Похоже, Джим, вы меня убедили.

— Рад, Гонсалес, что мы смотрим одинаково на одни и те же вещи. — Я поднял свой фужер, маркиз — свой, и мы залпом их осушили. Невесть откуда появившийся слуга, к моему удовольствию, наполнил их вновь. — На ближайших выборах будут по крайней мере два кандидата, и я, пользуясь всем запасом своих профессиональных знаний и опытом в политической жизни государства, прослежу, чтобы принципы истинной демократии были соблюдены и победил достойнейший.

— Вам это по силам?

— Вне всяких сомнений.

— В таком случае вы — спаситель Параисо-Аки.

— Вовсе нет, спасением планеты займется новый президент, я же лишь помогу избрать его.

— И кто же станет новым президентом?

— Ответ очевиден. Новым президентом станет ваша честь.

Маркиз был ошеломлен. Он низко склонил голову и надолго задумался. Когда же наконец взглянул на меня, его глаза были полны печали.

— Сожалею, но вам придется подыскать другого кандидата. Президентом я быть отказываюсь.

Глава 12

Слушая роковые слова де Торреса, я как раз пил вино и не удивительно, что поперхнулся. Прокашлявшись, я спросил:

— Вы не будете президентом? Но почему?

— Причины отказа просты. Прежде всего, у меня нет опыта в управлении планетой. Вторая причина, на ваш взгляд, может, и вздор, но я считаю иначе. Всю жизнь я посвятил обустройству своих владений и поместье в чужие руки не передам. Не скрою, предложение польстило моему самолюбию, но, уверен, чтобы покончить с ненавистным деспотом Сапилоте, на пост президента нужен более подготовленный человек, чем я.

— У вас есть на примете такой человек?

— Да. И этого человека знаем мы оба.

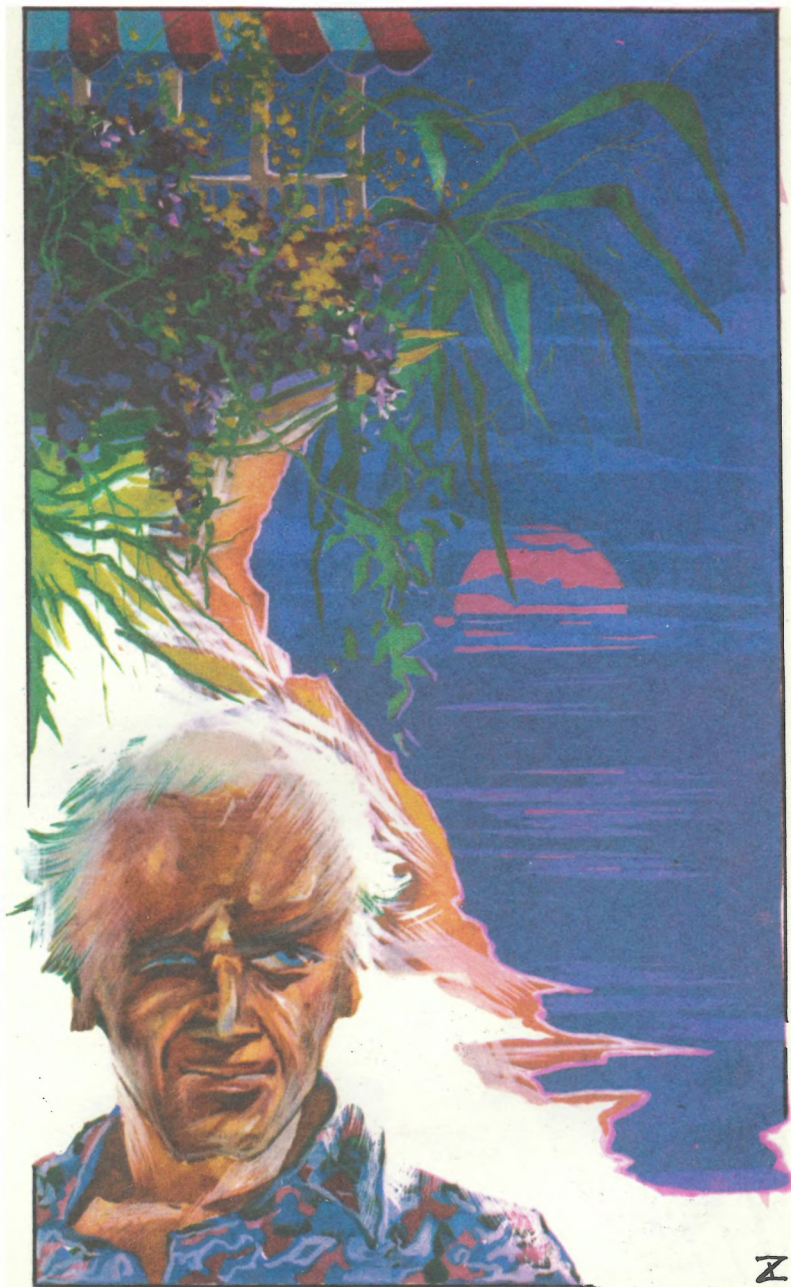
— Неужели? И кто же он?

— Вы.

Настал мой черед задуматься. Предложение де Торреса показалось мне заманчивым. Не то слово. Гениальным! Действительно, обстоятельства требовали на роль президента человека моего размаха. Но на пути к посту президента существовали некоторые преграды.

— Я — гражданин другой планеты.

— А это имеет значение?

— Обычно да, но... — Я вновь задумался и чем больше размышлял, тем радужнее казались перспективы. Нужно только уточнить незначительные детали. — Прежде чем я приму решение, не ответите ли вы на несколько вопросов?

— Я к вашим услугам.

— Нет ли у вас родственника-домоседа, предпочитающего одиночество общению с внешним миром?

— Поразительно! — Маркиз покачал головой и вновь наполнил фужеры. — Вы только что описали моего внучатого племянника, Гектора Харапо. Конечно, Гектор он только для нас, ближайших родственников, для остальных он — сэр Гектор, Рыцарь Алой Розы, Наследник Серебряного Кинжала. Его крошечное поместье граничит с моим, но мы с ним не виделись, пожалуй, уже лет десять. В свете он не показывается, целыми днями читает научные трактаты и выводит новый сорт ягоды бискохо. Сказать по правде, мудрым в житейских вопросах его никак не назовешь, и, если бы не моя финансовая помощь, он бы давным-давно разорился.

— Судя по описанию, сэр Харапо идеально подходит для наших целей. Сколько ему лет?

— Он приблизительно ваших лет, примерно так же сложен, но, что досадно, носит огромную черную бороду.

— Подделать бороду — дело нехитрое. Если не возражаете, еще один вопрос.

— Сколько угодно.

— Если мы победим и сэр Харапо станет президентом, согласитесь вы занять пост вице-президента? Вся работа ляжет на плечи главы государства, но ваш авторитет как кандидата в вице-президенты придаст избирательной кампании вес.

— Да, я согласен, но предупреждаю, Харапо — мягкий, добрый человек и в президенты точно не годится.

— Спорный вопрос. Я, например, сам неоднократно видел выборы, после которых президентами становились актеры, отпетые негодяи, сумасшедшие... Хотя это для нас неважно. Решим лучше вот что. Как вы

смотрите на некоторые незначительные отступления от закона и общепринятых норм морали?

— Нельзя ли поконкретней?

— В частности, я думаю ввести избирателей в некоторое заблуждение, выдав за сэра Харапо совсем другого человека. Уверяю, по сравнению с чудовищными преступлениями, которые Сапилоте творит каждый божий день, это — детская шалость, но ваш судья — вы сами.

— Скажите, а кого вы собираетесь выдать за Харапо?

— Человека благородного, умного, в меру честного, проникательного, с характером, имеющего опыт политической борьбы...

Я говорил медленно, с расстановкой, а глаза маркиза разгорались, улыбка становилась шире и шире. Наконец он не выдержал и закончил за меня:

— Вас!

— Меня, и никого другого!

— Отличная идея. По мне, лучшего кандидата в президенты не сыщешь!

— Есть еще некоторые трудности. Прежде чем мы с вами заключим окончательный союз, давайте обсудим нашу политическую платформу. Боюсь, некоторые реформы, которые я намерен провести, придется вам не по вкусу.

Маркиз отмел все возражения небрежным взмахом аристократической руки.

— Бросьте. Мы с вами — люди чести, в главном согласны. А все эти реформы, законопроекты... Они яйца выеденного не стоят.

— Думаю, не все так просто. Например, как бы вы отнеслись к человеку, предложившему разделить обширные владения на участки и раздать их крестьянам?

— Я бы пристрелил наглеца на месте, — ответил он просто.

— Какое счастье, что я этого не предлагаю. — Говоря так, я, конечно, кривил душой. Теперь ясно, что земельная реформа — основа всех реформ — пойдет на этой планете медленно и болезненно, но начинать надо, ведь, как говорят сапожники, даже самое длинное путешествие начинается с одного един-

ственного шага. — При мне — никаких разделов поместий. Земельную реформу я упомянул лишь как один из вопросов, которые, безусловно, появятся у избирателей во время предвыборной кампании. Мы же проведем только две-три малюсеньких, ничего не значащих реформы. Понимаю, слово «реформа» режет утонченный слух, но что поделаешь — политика... — Я красноречиво развел руками.

— Какие именно реформы? — При слове «реформа» маркиз поморщился, видимо, картина его земель, разделенных между крестьянами, стояла перед его мысленным взором.

— Например, введем всеобщее избирательное право — один человек — один голос, и распространим его на всех граждан Параисо-Аки, включая женщин.

— Женщин? Разве у них могут быть те же права, что у мужчин?

— Может, вы зададите этот вопрос моей жене?

— Что вы, никогда. — Маркиз задумчиво потер подбородок. — И своей, пожалуй, тоже. Мысль насчет равноправия мужчин и женщин опасная и, я бы сказал, революционная... Да, Бог с ними, с женщинами, с равноправием, считайте, что мы договорились. Что у вас еще?

— Ради победы на выборах мы поддержим *habeas corpus**, запретим пытки и тайные спецслужбы, сделаем медицину бесплатной и доступной, дадим молоко младенцам, легализуем разводы, признаем общепринятые в Галактике права человека и введем законы, гарантирующие их.

Он согласно кивнул.

— Похоже, вы правы. От таких новшеств все работники будут в восторге, да не только они, большинство жителей планеты поддержат их. И если вдуматься, люди давно все это заслужили. Оказывается, политика — непростое ремесло.

— Вот именно. Теперь давайте не торопясь, взвешенно подготовим платформу нашей политической партии.

— У нас будет партия на платформе?

* *Habeas corpus* (лат.) — начальные слова закона о неприкосновенности личности, принятого парламентом в 1679 году.

— Нет, это только так говорится. На самом деле платформа — положение вещей, которого мы намерены добиться после победы нашей партии на выборах.

— А как называется наша партия?

Он спросил, и меня тут же осенило.

— Дворянско-Крестьянско-Рабочая Партия, сокращенно — ДКРП.

— Звучное название. Быть посему!

Так начался тот памятный вечер. Долго мы сидели, склонив головы, наморщив лбы, как заговорщики, кем мы, собственно, и были, и разрабатывали в деталях план действий. Маркиз оказался парнем не промах, он отлично представлял жизнь на Параисо-Аки, знал всех сколько-нибудь значимых людей на планете. Ближе к полуночи мы проголодались, и маркиз послал за едой. Слуга вкатил сервированный столик, на котором среди бесчисленных тарелок с яствами оказался, к моей радости, большущий графин с роном. Мы плотно подзакусили и снова углубились в работу. К утру все детали были оговорены, и отдыхать мы отправились с чувством выполненного долга.

Завтракали мы с Анжелиной, как истинные аристократы, в постели. Я подробно пересказал ей наши с маркизом вчерашние переговоры, она почти без иронии поздравила меня с очередным успехом.

Де Торрес в отличие от меня не был лежебокой, и к часу, когда я соизволил выйти из спальни, дворецкий по его приказу уже привез на автомобиле из соседнего замка Рыцаря Алой Розы. Я и сэр Харапо были представлены друг другу. Рыцарь непрерывно поглаживал свою черную длинную бороду и невнятно бормотал под нос, похоже, плохо понимая, что происходит. Может, он хотя бы в будущем оценит по достоинству работу, которую я проделаю от его имени? А борода у него чудесная, изготовить такую по фотографии — пара пустяков.

Я пил предобеденный бокал рона для аппетита, когда в комнату вбежал де Торрес.

— Получена срочная депеша. Идемте со мной.

Я почти бегом проследовал за ним в лифт. Закрыв за нами бронзовые двери, лакей взялся за вентиль. Отделанная бронзой и полированным деревом кабина задрожала и двинулась вверх. Вентиль? В лифте?!

Должно быть, я произнес эти слова вслух, потому что де Торрес улыбнулся и гордо кивнул.

— Вижу, лифт произвел на вас впечатление. Неудивительно. В городах, кроме дешевой электроники и слабеньких электродвигателей, ничего не увидишь, а у нас... Леса с избытком снабжают нас топливом, парасиловые установки в изобилии вырабатывают энергию, пар качает воду. Гидросистемы — вот чудо современной техники. Чувствуете, как равномерно, без толчков поднимает поршень кабину?

— З-з-здорово!

Длиною поршень был не меньше ста метров, следовательно, гидроцилиндр глубоко зарыт в землю. Малейшая неточность в изготовлении крошечной детальки, ничтожный перекося при сборке системы, да что там перекося, микроскопическая трещинка в металле — и...

Глядя на капавшую из вентилia воду, я мысленно молился всем известным и неизвестным мне богам металлургии и облегченно вздохнул, лишь когда кабина наконец замерла.

Поднявшись по крутой винтовой лестнице, мы попали в комнату в верхней части самой высокой в замке башни. Я ожидал увидеть здесь радиопередатчик или, на худой конец, телефон, но у маркиза были еще припасены для меня механические диковинки. В комнате стояла огромная, извергавшая пар и вонявшая горячим металлом машина с бесчисленными колесами, колесиками, шестеренками, кожаными ремнями, рычагами, циферблатами... От нее во все стороны отходили трубы самых разных диаметров, из сочленений труб капала вода, и вокруг суетились с полдюжины служащих в серых халатах.

Внезапно механический рев смолк, и центром всеобщего внимания стал щуплый человечек у мощного телескопа. Махая в такт словам левой рукой, он выкрикивал:

— Семь... Девять... Два... Четыре... То ли семь, то ли восемь, не разобрал. Конец строки. Передайте, пусть повторяют последнюю фразу.

Оператор налег на рычаги. Машина застонала, зашвистела, заскрипела, длинные поршни пришли в движение. Я проследил за ними взглядом. Поршни пронзали окантованную сталью стеклянную крышу и шли дальше к острию шпиля, где дергалась огромная металлическая ручища.

— Ну, и как вам наш семафор? — гордо выпятив грудь, спросил де Торрес. — Впечатляет?

— Впечатляет — слабо сказано! — честно признался я. — На какое расстояние передается сообщение?

— Вдоль всего побережья, от станции к станции. Семафорная связь — привилегия владельцев крупных поместий, и мы с ее помощью постоянно общаемся друг с другом. Код известен только дворянам, так что секретность переговоров гарантирована. Это сообщение пришло с пометкой: «Особо срочно», и я сердцем чувствую, что оно имеет отношение к нашим планам избирательной кампании, потому пригласил вас с собой. А, вот и конец передачи.

Слуга с поклоном вручил де Торресу листок с колонкой цифр. Маркиз, нахмутив брови, махнул мне и проследовал в кабинку у стены.

Из высокого окна на резной стол падал солнечный свет. Маркиз сел за стол, положил листок перед собой, из кармана достал крошечный механизм — дешифратор, как догадался я вскоре, — повернул несколько рычажков, крутанул ручку.

— Мы управимся быстрее, если я буду расшифровывать и диктовать, а вы — записывать.

Я писал, буквы складывались в слова, а грудь мне будто сдавливал стальной обруч. Продиктовав последнюю букву, маркиз заглянул мне через плечо и молча прочитал получившееся:

В СТРОЖАЙШЕЙ ТАЙНЕ ИЗМЕНЕНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ ТЧК КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ ДОЛЖЕН ДО 6 ЧАСОВ ЗАВТРАШНЕГО УТРА ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ В ПРИМОРОСО ТЧК

ХОРХЕ

— Мы не сделали и первого шага, а уже начались трудности, — сказал я. — Видимо, Сапилоте пронюхал о наших планах и выступил первым. Приморосо, это где?

— Приморосо — столица планеты, цитадель Сапилоте. Негодяй перехитрил нас! Если мы сунемся туда, нас арестуют, если нет — тебя не признают кандидатом в президенты.

— Как учил меня отец: не кричи, что на лопатках, не начав бой. Если отправимся немедленно, доберемся в Приморосо до шести утра?

— Да. Мой вертолет доставит нас туда меньше чем за три часа.

— Сколько человек поднимает машина?

— Пятерых, включая пилота.

— Полетим вы, я, Боливар и Джеймс.

— Но ваши сыновья так молоды. Лучше возьмем мою вооруженную охрану...

— Молоды годами, но боевой опыт у них богатый. Увидите сами, на что они годятся. А сейчас, если не возражаете, прикажите готовить вертолет, а я пойду порадовать близнецов.

Я вытаскивал из нашего автомобиля вещи в дорогу, когда мне на плечо легла рука Анжелины.

— Хорош муженек, нечего сказать! Сам развлекаться отправляется, а меня оставляет здесь!

— Нет же, нет! — Положив на заднее сиденье увесистый контейнер, я повернулся. — У тебя, дорогая, самая ответственная задача: как только мы улетим, займешься обороной замка, установишь оружие, детекторы. Об обороне замка я ничего толком не знаю и рассчитываю лишь на наше оружие. И на тебя, любовь моя!

Я обнял жену, она покачала головой и лукаво взглянула мне в глаза.

— Поклянись, Джим, что ты не выдумал все это прямо на месте, чтобы я осталась в безопасности.

— Клянусь! — Мне кажется, такая клятва — не слишком тяжкий грех. — Мы ударим, а потом дай Бог ноги унести, нам просто необходим надежный тыл, который обеспечишь ты. К тому же выборы даже не начались, приключений и возможностей отличиться

будет еще предостаточно. А сейчас помоги мне отыскать чемодан с гримом и срочно изготовь большую черную бороду.

Подумав немного, она нехотя кивнула.

— Уговорил. Но если ты погибнешь в этой операции, берегись!

Вот вам классический образец женской логики, но свое мнение на сей счет я оставил при себе. Что я, сумасшедший?!

Через полчаса я, путаясь в бороде, поцеловал Анжелину и влез в кабину вертолета.

Первый раунд поединка с Сапилоте начался!

Глава 13

На близнецах были желто-серые ливреи, которые подчеркивали пышность нарядов маркиза и моего: шляпы с перьями, расшитые золотом жилеты, широкие плащи до колен, ботфорты. Именно так, по мнению крестьян, одеваются вельможи. Наши глупые наряды, без сомнения, произведут на столичных бюрократов впечатление, да и оружие скрывают великолепно.

Как ни гордился де Торрес старыми технологиями, вертолет у него был новый, современный и, что приятно, без гидравлических излишеств. Взвыли мощные двигатели, и мы, молниеносно набрав высоту, понеслись к восточному побережью.

— Если мы опустимся на пригородном аэродроме, проникнуть через городские стены и попасть в Пресидио, где регистрируют кандидатов, будет чрезвычайно сложно, — вслух рассуждал маркиз.

— А что собой представляет этот Пресидио?

— Старый форт, традиционное местопребывание правительства королей Параисо-Аки. Сейчас, увы, форт занят узурпатором.

— А может, приземлимся прямо в форте?

— Это запрещено... Хотя вертолет Сапилоте постоянно садится перед Пресидио на площади Свободы.

— То, что годится ему, годится и нам. В худшем случае нас оштрафуют за посадку в неподобающем месте.

— В худшем случае нас застрелят, — мрачно изрек де Торрес.

— Выше голову, маркиз! — Я указал на кейс на своих коленях. — Там кроме необходимых для регистрации документов еще и оружие. Да и мои сыновья неплохо экипированы.

— Именно. — Боливар приподнялся с сиденья и похлопал себя под мышками и по бедрам.

— Конечно. — Джеймс повторил действия брата. — А перекусим мы до или после операции?

— Если хотите, прямо сейчас. — Я передал им пакет с сэндвичами из кухни замка. — Обертки по кабине не разбрасывать.

— Да, — пробормотал де Торрес, думая о своем. — Приземлимся мы на площади, там нас меньше всего ждут.

— А нас ждут?

— Несомненно. Если их радары еще не засекали наш вертолет, то засекут в самое ближайшее время.

— Тогда усложним им жизнь. Как бы мы добрались до Пресидио, если бы приземлились, как обычно, на пригородном аэродроме?

— Я бы заранее сообщил о прибытии по радио, и у посадочной площадки нас встречала бы машина с шофером.

— Так дайте такое сообщение. Автомобиль отправится на аэродром, противник — за ним, а мы тем временем без помех сядем на площади. Как только мы выберемся из кабины, пилот поднимет машину и перелетит на аэродром. Войска уже оттуда отбудут, пилот спокойно приземлится и отошлет автомобиль за нами к Пресидио.

— Гениальный план! — де Торрес тут же схватил микрофон рации и отдал распоряжение.

Делать больше было нечего, и я задремал в кресле. Не то чтобы я демонстрировал крепость своих нервов, вовсе нет. Просто прошлой ночью я почти не спал и без помощи прогнозирующего компьютера знал, что нынешний день выдастся суетным.

— Отец, через минуту приземляемся.

— Спасибо, Джеймс.

Я открыл глаза, зевнул, потянулся. Под нами проплыл пригород большого города, справа виднелась размеченная белым посадочная полоса. Вдалеке я заметил городскую стену, пронзенную сейчас авто-страдой. На вид — все спокойно. Возможно, чересчур спокойно.

— Когда скажу «давай», разворачивай и жми на газ, — приказал пилоту де Торрес. — Давай!

Пилот заложил крутой вираж, и мы стрелой помчались над островерхими крышами. Несколько секунд безумной гонки — и вертолет плавно опустился на площади перед большущим мрачным фортom и, разок-другой подпрыгнув, замер; немногочисленные прохожие шарахнулись в стороны. Едва полозья коснулись брусчатки, близнецы выскочили с двух сторон и, дождавшись, пока вылезли мы с маркизом — старики в их понимании, — захлопнули дверцы. Вертолет взмыл в небо и через мгновение скрылся за зданиями. Зеваки еще стояли, открыв рты, а наша процессия с маркизом во главе промаршировала к входу в Пресидио.

У нижней ступеньки нас поджидала первая, весьма незначительная помеха — молоденький тщедушный офицер полиции в парадной форме.

— Посадка летательных аппаратов на площади за-прещена. Вы отдаете себе отчет, что ваши действия...

— С дороги, малявка. — В голосе де Торреса звучало наработанное десятками поколений предков презрение к простолюдину.

Офицер застыл, его лицо вытянулось, побледнело. Мы беспрепятственно проследовали мимо. Поднялись по истертым ступеням, вошли в просторный холл. При нашем появлении чиновник за столом у входа вскочил на ноги.

— Где регистрируют кандидатов в президенты? — спросил де Торрес.

— Не знаю, ваша честь.

— Срочно выясни.

Де Торрес придвинул стоявший на столе телефон к чиновнику. Выбора у того не было, и под грозным

взглядом маркиза он быстро добыл нужную информацию.

— Третий этаж, ваша честь. Лифт там...

— Лестница там, — перебил его я. — С лифтами случаются аварии, бывает, отключат энергию, и часами сидишь между этажами.

— Бывает, — подтвердил маркиз, и мы зашагали через две ступеньки.

Мы нашли нужный кабинет, получили бланки, и я уже заполнял их, когда прибыла оппозиция. Хлопнула дверь, и внутрь хлынула толпа негодяев в черной форме, черных фуражках и темных очках, — без сомнения, наводящие ужас ультимадо. Головорезы диктатора выстроились у двери, вперед вышел пузатый офицер — морщинистое лицо багрово от ярости, желтые пальцы на ручке пистолета в расстегнутой кобуре.

— Всем оставаться на местах! — рявкнул пузатый.

Маркиз нарочито медленно повернулся к нему, на губах — холодная улыбка.

— Кто вы такой? — спросил он с оскорбительной смесью превосходства и скуки в голосе.

— Вам прекрасно известно, де Торрес, кто я такой! — завопил Сапилоте, открывая лягушачий рот не в такт словам. — Чем занят бородатый недоумок, что рядом с вами?

— Этот джентльмен — мой внучатый племянник, сэр Гектор Харапо, Рыцарь Алой Розы, и он заполняет бланки как претендент на пост президента республики. У вас есть по этому поводу возражения?

Генерал-президент Сапилоте вовсе не случайно правил все эти годы целой планетой. Он открыл было рот, но тут же, овладев собой, закрыл. Краска сбежала с его лица, гнев в глазах уступил место более для нас опасной расчетливости.

— Я не возражаю. — Голос Сапилоте теперь звучал так же спокойно, как голос де Торреса. — Но регистрация начнется только завтра, пусть завтра и приходит.

— В самом деле? — В улыбке де Торреса не было и намека на теплоту. — Вам следовало бы внимательно знакомиться с решениями вашего собственного конгресса. Сегодня утром в действующее законода-

тельство внесена поправка, согласно которой регистрация не только открывается сегодня, но сегодня же и закрывается. Хотите взглянуть на копию отчета утреннего заседания?

Де Торрес демонстративно сунул руку в нагрудный карман. Он, конечно, блефовал, но делал это мастерски. Сапилоте покачал головой.

— Разве кто-нибудь сомневается в правдивости слов такого известного человека, как вы, маркиз? Нет, ни в коем случае, но для регистрации сэру Харапо необходимы копия свидетельства о рождении, справка о состоянии здоровья...

— Все здесь. — Я приподнял кейс и улыбнулся во весь рот.

Глядя в змеиные глазки Сапилоте, я почти видел, как в его голове лихорадочно бегает мысли. Отделаться от конкурентов хитростью не вышло, оставалось насилие. Если бы удалось устранить нас потихоньку, уверен, он бы глазом не моргнув прикончил нас, но прибыли мы с шумом, с помпой, свидетелей хоть отбавляй, а маркиз — слишком видная в здешнем обществе фигура, чтобы его смахнуть, как пылинку с лацкана. Зловещая тишина затянулась. Наконец, приняв решение, Сапилоте махнул рукой, мол, черт с вами.

— Заполняйте бумаги, — приказал он мне и повернулся к де Торресу. — А у вас, Гонсалес, в этом деле какой интерес? Неужели ваш внучатый племянник не обойдется без няньки?

Маркиз будто бы и не заметил, что диктатор обратился к нему по имени — явное оскорбление по здешним понятиям, и ответил совершенно спокойно:

— Нет, Джулито, он не нуждается в няньке. — Уменьшительное от имени диктатора прозвучало как пощечина. — Я — его партнер, баллотируюсь в вице-президенты. Когда нас изберут, я первым делом вышвырну вашу гнилую администрацию из столицы.

Показное спокойствие оставило Сапилоте, и он заорал:

— Никто не смеет разговаривать со мной в подобном тоне!

Диктатор дрожал от гнева, пальцы вцепились в ручку револьвера.

— Я разговариваю с вами так, потому что стану вице-президентом лишь ради того, чтобы раздавить вас, как букашку, ничтожный человечиска!

Внешне спокойный, маркиз был зол не меньше Сапилоте. Достойного пути к отступлению ни у одного из них не существовало.

— Не поможете ли вы мне с этой бестолковой анкетой? — я встал между ними, поднес лист бумаги к самому лицу Сапилоте. — Вы — президент, значит, все знаете...

— Прочь, дубина!

Сапилоте оттолкнул мою руку. Я покачнулся и, сохраняя равновесие, вцепился в его мундир. В воздух полетели бланки. В гневе диктатор ударил меня кулаком по лицу. Едва заметный поворот головы — и его кулак лишь скользнул по моей щеке. Я непонимающе взглянул на диктатора, пожал плечами и нагнулся, собирая с пола бумаги.

— Если даже вы не знаете... Что ж, спрошу у клерка. — И, волоча ноги, я побрел в угол комнаты и уселся за письменный стол.

Явный идиотизм моего поведения несколько разрядил обстановку. Сорвав на мне гнев, Сапилоте вроде бы слегка успокоился, пронизательный же де Торрес верно истолковал мои действия. Повернувшись спиной к диктатору, маркиз подошел ко мне.

— Спасибо, Джим, — проговорил он тихо. — Сегодня вы спасли меня от самого себя. — И громко, чтобы слышали все, добавил: — Давайте помогу вам, сэр Харапо, в этих анкетах сам черт ногу сломит.

Выстрела в спину я не опасался, полагаясь на сыновей. Но до схватки дело так и не дошло — последовали команды, и, повернувшись, я увидел, что Сапилоте уходит, его люди следуют за ним. Дверь за последним ультимато захлопнулась, и я перевел дыхание.

— Вы были правы — политика захватывает не хуже азартной игры, — признался де Торрес. — Давайте быстрее заполним эти чертовы анкеты и уберемся отсюда.

Нас больше не беспокоили. Покончив с бесчисленными анкетами, мы отдали их клеркам, те понаставили на них подписей и печатей, вручили нам копии. Маркиз и я не торопясь спустились по лестнице, близнецы прикрывали сзади.

— Начало положено, — сказал де Торрес. — Врагом, который продаст душу дьяволу, но с нами разделяется, мы обзавелись.

— Это точно. Думаю, без боя из города он нас не выпустит.

— Он не осмелится!

— Осмелится, маркиз, осмелится, мы сейчас на его территории, здесь устранить нас легче. В убийствах потом обвинят разъяренную толпу или предварительно застреленного фанатика. Гарантирую, басня прозвучит весьма правдоподобно, а Сапилоте, убрав нас навсегда со своего пути, принесет семьям и близким погибших соболезнования.

— Что же нам делать?

— Следовать во всем плану. На аэродром поедem на автомобиле, толпе нас из него не выковырнуть. Но давайте поторопимся, оставим неприятелю как можно меньше времени на подготовку.

У подъезда нас ожидал лимузин, но оснований для радости не было: не исключено, что Сапилоте опережает нас на шаг.

Шофер поклонился и распахнул перед нами заднюю дверь.

— Боливар, дай шоферу денег и отправь на все четыре стороны, — распорядился я. — Машину пове-
дешь ты.

Удивленного шофера оттеснили от машины, я достал из кейса маленькую черную коробочку с единственным индикатором и протянул Джеймсу.

— Прибор реагирует на все виды взрывчатки. Обследуй автомобиль.

Джеймс змеей заполз под передний бампер, через секунду вылез из-под заднего.

— Чисто. Проверь под капотом.

Он поднес прибор к замку и застыл. Нагнулся, присматриваясь, медленно поднял капот. По пояс залез внутрь, вскоре появился с контейнером в руке.

— Провода были подсоединены к педали тормоза. Как только шофер воспользовался бы тормозами — бух! — доложил Джеймс. — Но сработано топорно: ни о маркировке, ни о мине-ловушке не побеспокоились.

— Спешили, но ошибку вряд ли повторят. Поехали быстрее.

— Вот это да! Двигатель-то паровой! — воскликнул Боливар, резко трогаясь с места. — На аэродром? Дороги я не знаю, говорите, куда ехать.

— Из города только одна дорога? — спросил я де Торреса.

— Да, и ее наверняка перекрыли, а помощи нам ждать неоткуда.

— На аэродром, Боливар. Де Торрес, показывайте дорогу.

Маркиз давал указания, а Боливар гнал как сумасшедший. Автомобиль несли то посреди шоссе, то резко сворачивал, срезая углы; редкие прохожие боязливо жались к стенам. Крутой поворот, визг тормозов — и перед нами городская стена. В воротах — наспех сооруженная баррикада, справа и слева — солдаты с оружием на изготовку.

— Времени на переговоры нет, — бросил я. — Будем прорываться. Боливар, перед баррикадой притормози, будто останавливаешься. Джеймс и я забросаем солдат гранатами с усыпляющим газом. — Я достал из кейса с десятков гранат. — Воспользоваться фильтрами не успеем, так что просто задержите дыхание. Боливар, как только гранаты взорвутся, вперед!

Боливар сбавил перед баррикадой скорость, мы швырнули гранаты, и автомобиль понесся сквозь густые облака дыма. Удар, треск, во все стороны полетели куски дерева, ящики, обломки кирпичей. Мы прорвались, и автомобиль вновь набрал скорость. Если сзади по нам и стреляли, выстрелов не было слышно. Три минуты бешеной езды — и машина, встав на два колеса, свернула, впереди — аэродром.

...Наш вертолет был объят пламенем, из кабины свисало безжизненное тело пилота.

Глава 14

— Негодяи! — воскликнул де Торрес. — Убили невинного человека! Они за это поплатятся!

Я разделял чувства маркиза, но сейчас было не до разговоров.

Один вариант бегства отпал. Нужно найти другой. И немедленно.

На посадочной площадке — еще четыре или пять вертолетов. Воспользоваться одним из них? Пока вскроем запертую дверцу, пока запустим двигатель... Да и неизвестно, есть ли в баках горючее! Погоня за нами по пятам. Нет, этот вариант не подходит.

Из-за угла выскочил и помчался прямо на нас набитый солдатами грузовик.

— Двигай! — крикнул я Боливару.

Наш автомобиль понесся мимо горевшего вертолета.

— Что находится за аэродромом? — спросил я де Торреса.

— Дома, фабрики, пригород. Еще дальше — скоростная автострада на север, но ее уже наверняка перекрыли. Нам не прорваться.

— Поживем — увидим. Жми, шофер!

Моральный дух своего войска я вроде поддержал. А кто поддержит мой?

Мы чудом выскочили из одной западни и теперь на всех парах несемся к другой. Наша свобода — всего

лишь иллюзия. Ясно, что все дороги перекрыты, мы в кольце.

— Вы в кольце! — обрушился на нас голос. — Сдавайтесь!

Улица позади пуста, впереди — только дома и ни души. Откуда же голос?

Боливар крутанул руль, и мы помчались по перпендикулярной улице. Голос снова ударил по барабанным перепонкам:

— Вам не убежать! Остановитесь или мы откроем огонь!

С нами будто говорили боги с небес.

Я высунул голову в окошко, посмотрел вверх. Так и есть, над нами парит двухместный полицейский флаер на гравитационной подушке, с виду точь-в-точь тропическая бабочка; крупнокалиберный ствол нацелен на наш автомобиль. Я поспешно убрал голову и успел схватить де Торреса за руку.

— Отпустите меня! Я пристрелю эту свинью в воздухе!

— Не стоит. У меня мысль получше. Боливар, притормози. — Я вывернул запястье маркиза и подхватил выпавший пистолет на лету. Кроме того, что я не сторонник убийств, пусть даже жертвы — головорезы Сапилоте, мой план действительно не плох. — Машина останавливается, мы, подняв руки, выходим. Уверен, на уме у них что-то почище убийства, а то бы нас давным-давно расстреляли с воздуха.

— Сдаться этому отребью?.. Без боя? — Маркиз задохнулся от возмущения.

— Вовсе не сдаться, а перехитрить, — поправил я. — Мы только сделаем вид, что сдаемся, а сами завладеем флаером. Он — наш счастливый билет. А теперь, пока к ним не прибыла подмога, действуем.

Автомобиль остановился, флаер завис над нашими головами, ствол все так же нацелен на нас. Я отвел взгляд, надеясь, что моя теория верна. Иначе мы — покойники.

— Вылезайте! — приказал усиленный электронной голос. — Да пошевеливайтесь!

Мы вылезли.

— Руки за голову, ноги расставить! — не унимался тип в флаере.

Мы подчинились. Флаер бесшумно опустился на шоссе перед нами. Пилот был в зеленой форме полицейского, пассажир на сиденье рядом — во всем черном, глаза за темными стеклами очков. Черный навел на нас крупнокалиберный автомат.

— Убивать я вас не хочу, поверьте. — Черный противно заржал. — Уладим дельце без пулевых ран в телах. Вертолет потерпит аварию при взлете, вы все сгорите. Красивая смерть! Ха-ха! Предупреждаю: одно лишнее движение — и я стреляю.

— Я не вынесу этого кошмара! Мое сердце... — Джеймс, прижав руку к груди, упал и задергался на асфальте.

— У него сердечный приступ! — Боливар склонился над братом. — Скорей врача!

— Отойди в сторону... не прикасайся к нему! — заорал ултимадо, направляя на Боливара автомат.

Наш замечательный спектакль испортил де Торрес. Увидев, что ултимадо отвлекся, он с криком понесся к флаеру. До флаера было метров двадцать. Ултимадо дал очередь из автомата, де Торреса подбросило, развернуло в воздухе, и он рухнул замертво. В это мгновение Боливар отскочил от Джеймса. Тот, пока был прикрыт от взора ултимадо братом, достал игольчатый пистолет и теперь несколько раз выстрелил. Ултимадо выпал из кабины, пилот схватился за кобуру, но тут же откинулся на спинку сиденья и замер.

Схватка длилась меньше минуты. Я подскочил к маркизу, рывком разорвал плащ.

— Черт возьми! Боливар, аптечку из флаера! Быстро!

Плащ, жилет, сорочка залиты кровью. Кровь везде, где рана или раны, — не ясно. Кинжалом я разрезал на маркизе одежду. Пулевое отверстие в бедре. Не опасно. А вот рана в животе... Очень скверно. Аптечкой тут не обойтись. Из аэрозоля я опрыскал раны антибиотиком, наспех наложил повязки. Перевернув бесчувственное тело на бок, обработал выходное отверстие пули в спине. Напряг память, вспоминая анатомию. Пуля прошла кишечник, но жизненно важные органы как будто не задела. Я пощупал пульс

на руке маркиза. Сердце бьется без перебоев, дыхание хоть и слабое, но ровное.

— Боливар, сможешь вести флаер?

— Я вожу все, что движется, па.

— Вышвырни из кабины пилота и ултимадо, сам садись за штурвал. Джеймс, помоги. Бери маркиза за ноги, усадим его на пассажирское кресло.

— Доставим его в госпиталь? — спросил Боливар.

— Нет, там его непременно прикончат ултимадо. Единственный для него шанс — попасть в замок. Джеймс, сядешь рядом с маркизом. Трех двухместный флаер поднимет...

— А ты, па...

— Вчетвером не взлететь. Приспособь капельницу, введи маркизу антибиотики и следи за работой сердца. В случае чего знаешь что делать? — Я взглянул Джеймсу в глаза. Он неохотно кивнул. — О своем отце-старике не беспокойтесь — я выбирался из передрыг покруче. Удачи вам. Взлетайте!

Близнецы — послушные сыновья, да и времени на уговоры не было. Флаер свечой взмыл в воздух и скрылся за крышами домов. Я отволок пилота к лимузину, втащил внутрь, уложил на пол у заднего сиденья. Ту же операцию повторил с ултимадо, но с ним уже не церемонился, а швырнул довольно грубо. Останутся у него синячки, и поделом. В окне ближайшего дома шевельнулась занавеска, выглянуло бледное, перепуганное лицо и вновь исчезло. Невдалеке завывали сирены. Выбраться отсюда, и побыстрее — первый, самый важный шаг к спасению.

Усевшись за баранку, я вдруг вспомнил, что не спросил у Боливара, как управлять паровым чудовищем. Я оглядел кабину. Сотни начищенных до блеска ручек, вентилях, кнопок, циферблатов. Таращить глаза некогда! Я ухватился за самую большую рукоять и дернул на себя.

Раздался громогласный рык, и автомобиль окутался клубящимся черно-белым облаком. Я быстро вернул рукоять в исходное положение. В течение следующей минуты, орудуя ручками и рукоятями, я продул дымовую трубу паром, включил и выключил дворники, свет в салоне, радио, магнитофон. Наконец мне повезло,

после поворота очередной ручки завелся двигатель, и я покатил прочь.

На первом же перекрестке я свернул, на следующем — опять. Дорога шла через холмы, домов становилось все меньше. Сирены за спиной смолкли, и, чтобы не привлекать внимания, я сбавил скорость.

Но куда я еду? От преследователей с воздуха не скроешься, а они появятся надо мной с минуты на минуту.

Очередной поворот дороги — и передо мной загородная вилла. Из гаража выехала машина и свернула на шоссе.

Я ударил по тормозам, крутанул руль; автомобиль, перепрыгнув через бордюр, прокатился по лужайке, юзом вошел в распахнутые ворота гаража и с оглушительным металлическим грохотом врезался в дальнюю стену. Меня швырнуло вперед, баранка едва не сплющила мне грудную клетку.

Хватая ртом воздух, я выбрался из автомобиля и... не оказался подготовленным к беседе со стоявшим передо мной высоким мускулистым грубияном.

— Ты что, сумасшедший?! Чуть гараж мне не разворотил!

— Иззфеее... — пробормотал я.

— Так ты еще и издеваешься надо мной! — Дети-на побелел от гнева. — Получай!

Он ударил меня в челюсть. В форме я или нет, но к таким разговорам готов всегда. Я сделал вид, что оглушен его ударом, и, вытаращив глаза, застыл. Он хорошенько прицелился и нанес убийственный прямой в грудь. Я отпрянул в сторону, пропуская детину, и саданул его ребром ладони в основание шеи. Он охнул и без чувств растянулся на полу.

Сирены надрывались совсем рядом. Я перешагнул через грубияна, взялся за ворота гаража. По дороге к дому мчался полицейский автомобиль. Я поспешно затворил ворота и замер, прислушиваясь. Сейчас завижат тормоза, автомобиль развернется и...

Вой сирены стал удаляться и вскоре смолк вовсе.

Я расслабился, взглянул на часы. Время сыграло со мной злую шутку: по моим представлениям с тех пор,

как я переступил порог Пресидио, прошло лет сто, а на самом деле — меньше двух часов.

Водитель выехавшей отсюда машины и владелец гаража, что отдыхает на полу, — одно и то же лицо?

Я выглянул в крошечное окошко на воротах гаража. У дома стоял автомобиль. Пустой. Что ж, задача облегчилась.

Есть ли в доме кто-нибудь, кроме меня, и, если есть, видел ли он мое вторжение? Если видел, то он спустится в гараж, здесь и решим все щекотливые вопросы.

Следующий шаг к спасению — план.

Владелец машины и дома зашевелился. Из сострадания я всадил в его бычью шею иглу из пистолета, и больше он меня не беспокоил. В голове уже сами собой складывались первые пункты плана. Моя аристократическая внешность издалика бросается в глаза. Изменяю внешность. Стать полицейским? Стоит ли повторяться, если под рукой великолепный набор одежды лодыря курортника — белая рубашка и белые шорты? И даже широкополая шляпа с бантом из змеиной кожи — отряхни и носи!

К владельцу курортного набора симпатии я не питал — при режиме ненавистного Сапилоте преуспевали только законченные негодяи. Раздевая грубияна, я старательно не глядел на расшитое кружевами нижнее белье из золотистого ламе* с алыми сердечками.

Теперь — борода. Из кейса я достал флакон растворителя, смочил кожу, рывком отодрал бороду и вместе с растворителем сунул в кейс. Кто знает, вдруг понадобится в будущем?

Как раз впору мне пришлось не только одежда грубияна, но и, что меня особенно обрадовало, обувь. В его одеянии я — вылитый он, за исключением, естественно, белья.

Я сунул грубияна в лимузин ногами к лицу ультимато, подхватил кейс и вышел из гаража. Солнце клонилось к горизонту, но припекало еще вовсю. Я огляделся. Вокруг и в домах по соседству никого не заметил. Я направился к машине у обочины. На дороге показался

* Л а м е — парчовая ткань для вечерних туалетов.

возвращавшийся в город огромный черный автомобиль. Богатый лоботряс не вызвал у полицейских подозрений, и автомобиль промчался мимо. Я забрался в свою новую ярко-красную спортивную машину. К счастью, в движение она приводилась двигателем внутреннего сгорания на спирту. Управлять ею оказалось много проще, чем паровым монстром, и через минуту я уже несся по улице.

Вопрос: куда я направляюсь? Выезды из Приморосо блокированы, полиция проверяет документы и обыскивает машины у всех без разбору. С владельцем автомобиля сложены мы почти одинаково, но сомнительно, что его документы послужат мне пропуском. Нет, из города не выбраться. Следовательно — назад, в столицу, там подыщу убежище, продумаю дальнейшие шаги. Кроме того, крысе, даже если она Стальная, всегда уютней в городе.

Я повозился с кнопками и переключателями. Подняв и опустив верх, посигналив, включил плеер и к центру Приморосо подъезжал в относительном комфорте, насвистывая под легкую музыку.

Глава 15

Как долго я останусь на свободе? Ответ напрашивался сам собой: недолго. Жители домов видели нашу стычку с полицией, видели, как потом взлетел флаер, а я укатил на лимузине. Как только это станет известно, поиски от того места пойдут по спирали. Будут заданы вопросы, обысканы дома, открыты гаражи. Полицейские найдут лимузин со спящими у заднего сиденья красавцами, вмиг сообразят, что я отбыл на автомобиле хозяина виллы, выяснят номер и...

Я невольно сильнее надавил на педаль газа.

Впереди показалась городская стена. Через открытые ворота беспрепятственно двигался поток машин, меня здесь пока не ждали. Миновав ворота, я увидел впереди Пресидио и поспешно свернул направо. Вскоре я оказался в красивом районе с тщательно обрезанными деревьями, аккуратными особнячками, магазинчиками под полосатыми навесами и барами с выставленными прямо на тротуар столиками. Люди за столиками потягивали напитки из высоких стаканов и резных бокалов, здесь же, без сомнения, подавали удобоваримую пищу.

Мой рот наполнила слюна, жалобно заурчал желудок. Я вспомнил, что, кроме аристократического завтрака, у меня во рту целый день не было ни крошки. Необходимо срочно исправить несправедливость!

Деревья вдоль дороги мало-помалу исчезли, улица сузилась, уютные бары уступили место неряшливым забегаловкам, тут и там стены подпирали мрачные типы. Подходящий райончик!

Я повернул за угол, заглушил мотор и вылез из автомобиля, якобы по рассеянности не закрыв окошко, не заперев дверцу и даже оставив ключи в замке зажигания. Вряд ли машина простоит здесь больше минуты, преследователи на время потеряют мой след. Беззаботно насвистывая, я направился обратно к респектабельным кварталам. Когда я переступил порог заманившего меня неоновой рекламой ресторана, уже смеркалось и повсюду включили свет.

Кухню на Парайсо-Аки я уже оценил по достоинству, не был разочарован и теперь. На первое я съел суп с альбондигас — маленькими фрикадельками, за ним последовали эмпанады — пироги с мясной начинкой, салат «Гуакемол», еще что-то и еще. Каждое блюдо я запивал бокалом вина из запотевшей бутылки. Ресторан называется «Откормленный поросенок», и, пообедав, я понял почему. Погладив живот, я вздохнул и мысленно вернулся к своим проблемам.

Лимузин, наверно, уже найден, мое подробное описание передали или в ближайшее время передадут по радио и телевидению. По описанию я — темнородый мужчина в старинном костюме. То, что сейчас я бритый, а в курортном костюме вроде моего нынешнего в этой части города разгуливает каждый второй, замедлит преследование, но не остановит.

Я расплатился, не забыв о щедрых чаевых, и заботливый официант проводил меня к выходу и к суровой действительности.

Местные богатеи, набив животы отменными закусками и напитками, в дневные часы дремлют под теплыми лучами солнца и просыпаются только под вечер. Следовательно, магазины открыты допоздна, и там я куплю все, что нужно.

Я отправился за покупками. Купил новую шляпу в первом магазине, жакет — во втором, рубашку — в третьем. Награждая себя за труды, я зашел в бистро и опрокинул стаканчик рона. Осмотревшись, прошмыгнул в туалет, а вышел совсем другим человеком.

Выбросив старую одежду в ближайшей темной аллее, я почувствовал себя в относительной безопасности.

Дневная эйфория улетучилась, усталость взяла свое. Я прошагал два квартала и зашел в мягко освещенный бар поддержать моральный дух. Все, что было в моих силах, я сделал. А теперь? Один, небритый, всеми брошенный на произвол судьбы в незнакомом городе...

— Скучаешь, красавчик?

Брошенный всеми мужчинами, но не женщинами!

Она была привлекательна и стройна, ножки под мини-юбкой даже очень ничего. Пойти с ней, найти безопасность и утешение на ночь?

Я покачал головой, она нецензурно выругалась.

Если о моих похождениях узнает Анжелина, мне несдобровать. К тому же девицы легкого поведения обычно на учете полиции, а их сутенеры все как один — стукачи. Нет, придумаю что-нибудь получше.

Пока я размышлял, решение пришло ко мне само. Двое молодых людей рядом разговаривали довольно громко.

— ... Он так и не появился?

— Нет. Видно, дела задержали. Сам понимаешь, бизнесмен.

— Выходит, сегодняшний покер отменяется?

Широко улыбаясь, я повернулся и положил руку на плечо низенькому.

— Извините, что невольно подслушал ваш разговор. В этом городе я чужой, но дома очень люблю коротать вечер за игрой в карты с друзьями. Играю я так себе, но для дружеской игры вполне подойду.

Низенький обернулся, и хотя его улыбка напоминала оскал крокодила, то мне-то что.

— Хотите присоединиться к нам?

Я кивнул. Кто они такие, я понял сразу, как если бы на шее каждого висел плакат с надписью печатными буквами: «ШУЛЕР». Полиции они боятся как черт лаdana. Что меня, собственно, вполне устраивает.

— ... приезжие, как и вы, любим дружескую игру. Пойдемте.

Меня, как овцу на бойню, вывели из бара, посадили в такси, препроводили в номер гостиницы. На пороге нас встретила чертовски привлекательная женщина.

Чудный выдался вечерок!

— Проходи, присаживайся, чувствуй себя как дома, — вился вокруг меня низенький. — Я — Адолфо, тот здоровяк — Сантос, мою девушку зовут Рената. А как твоё имя?

— Джим.

— Очень приятно, Джим. Надеюсь, от стаканчика рона перед игрой не откажешься.

— Не откажусь.

Меня забавляла каждая минута в их обществе, каждая, наверно, давно набившая им оскомину фраза. Жулики обжуливали жулика. Вот хохма.

Рената смешала нам коктейли, а Адолфо разложил на столе несколько колод карт и фишки. Здоровяк Сантос двигался медленно, неуклюже, но я-то отлично понимал, что каким-каким, а неуклюжим он не был. Здесь он выполнял те же функции, что и вышибала в баре. Адолфо вскрыл первую колоду, перетасовывая карты, уронил одну под стол, с улыбкой поднял.

Ого, да руки у него почти такие же ловкие, как у меня.

— Раскидаем на старшего?

Мы согласились. Адолфо сдал каждому по карте рубашкой вверх. У меня оказался король, старшая карта. Я взял колоду, перетасовал, Сантос поднял — и пошла потеха.

Рената время от времени наполняла наши стаканы, снова садилась к окну и слушала тихую музыку из радиоприемника. «Раздевали» меня умно, не спеша. Когда колода попадала к Адолфо, он подмешивал крупные карты вниз и сдавал их мне. Настоящие профи следуют заповеди: «Пусть клиент испытает радость выигрыша, подержит в руках деньги, а потом он твой».

Я тоже исправно играл свою роль и сдавленно хихикал, сгребая фишки.

— Извините, ребята, деньги мои.

— Что поделаешь, в картах уж если повезет, так повезет, — философствовал Адолфо, сдавая.

— Что вы думаете по поводу предстоящих выборов?

Я разложил свои карты. Две пары: десятки и шестерки.

— Ты, наверно, шутишь? — удивился Адолфо. — Меняешь? Одну, две?

— Одну. Нет, не шучу. Говорят, независимые выставили против Сапилоте своего кандидата. — Я поменял карту, пришла еще одна десятка.

Мы прошлись по кругу, Адолфо удвоил, прошлись еще. Сантос сбросил, Рената принесла мне очередной коктейль.

— Дураки, — заявил Адолфо. — Против ветра плюют. Заполучат по сердечному приступу или автокатастрофу. Вскрываюсь. У тебя что?

— Три десятки и две шестерки.

— Не все тебе выигрывать, у меня — полный дом. Может, твоя полоса везения и кончилась.

Полоса везения действительно кончилась, и вскоре мой бумажник опустел.

— Все, ребята, я на нуле. — Я бросил карты. — Разве что достать неприкосновенный запас?

— Конечно, Джим, — поддержал меня Адолфо. — У нас же дружеская игра, шанс отыграться мы тебе дадим.

Я положил кейс на стол, открыл.

— Не шевелись. — Дружелюбия в голосе Сантоса как не бывало.

Я поднял глаза. Он целился в меня из большого пистолета. Адолфо — из такого же. И Рената. Я по возможности простодушно улыбнулся и поднял руки.

— Что происходит?

Сантос вместо ответа снял свой пистолет с предохранителя, щелчок прозвучал в тишине комнаты громовым раскатом.

Глава 16

— Что случилось с нашей дружеской игрой?

— А что случилось с нашим дружелюбным путешественником, который так любил играть в покер? — ответил вопросом на вопрос Адолфо.

— О чем ты? Не понимаю.

— Под столом спрятана рентгеновская установка. У тебя десять секунд, чтобы убедительно объяснить нам, почему в твоём кейсе три пистолета. Давай же, мистер полицейский шпик, лезь из кожи!

Я искренне рассмеялся над нелепым предположением, но Адолфо тоже щелкнул предохранителем, и мне стало не до смеха.

— Только полицейские ищейки заговаривают с посторонними о политике. — Адолфо криво усмехнулся. — Осталось семь секунд.

— Кончай считать, я признаюсь! Я — карточный шулер, собирался у вас пожить.

— Что? — Адолфо потряс головой: такого ответа он никак не ожидал.

— Не веришь? Я наблюдал за тобой весь вечер, видел, как ты метишь старшие карты ногтем большого пальца, а при своей сдаче замешиваешь их в низ колоды и сдаешь кому нужно. Я позволил потихоньку обыграть меня, достал НЗ. Вы бы удвоили ставки, потом еще. В конце концов все мои и ваши деньги

оказались бы на кону и я бы их взял при последней сдаче. А пистолеты у меня, чтобы выбраться отсюда с выигрышем.

— Ты лжешь, спасая шкуру. — Голос Адолфо звучал не слишком уверенно. — Со мной подобные фокусы не проходят.

— Не проходят? Сейчас продемонстрирую. Колоду, что на столе, тасовал ты? — Дождавшись его кивка, я продолжал: — Я медленно, без резких движений сяду, раздам карты. Вы уж не палите.

Я осторожно пододвинул стул, сел, собрал со стола колоду, перетасовал, раздал на троих. Они глядели не отрываясь. Я откинулся на спинку, переплел кисти рук за шеей — ни дать ни взять, безмятежно отдыхаю — и указал подбородком на пять карт перед собой.

— Полюбопытствуйте.

Слегка опустив пистолет, Адолфо вытянул руку, перевернул карты. На него глядели четыре туза и джокер.

— Пять тузов обычно берут банк, — заявил я.

Адолфо и Сантос не отрываясь смотрели на карты, Рената подошла ближе, тоже склонилась над столом.

Я выстрелил сначала в нее, потом в Сантоса. Из игольчатого пистолета, который предусмотрительно подшиваю к воротничку сзади. Увидев, что компаньоны упали, Адолфо подпрыгнул, пистолет в его руке дернулся, но мой уже смотрел ему между глаз.

— Не суетись, — спокойно велел я. — Будь панинкой, положи пушку. О партнерах не беспокойся, они всего лишь спят.

Адолфо подчинился. Я взял пистолеты его и Сантоса, кинул на кушетку. Третий пистолет валялся на полу рядом с вытянутой рукой Ренаты. Отшвырнув его ногой в угол комнаты, я расслабился, убрал оружие и глотнул из стакана.

— Вы всегда просвечиваете багаж клиентов?

Ошеломленный событиями последних секунд, Адолфо вяло кивнул.

— По возможности. Если у них с собой что-нибудь «горячее», Рената дает нам знак.

— Код у вас великолепный, даже я не заметил. Дай обещание, что не бросишься на меня, тогда я не только

оживлю твоих коллег, но и в знак особого расположения оставлю весь выигрыш вам.

— Что ты сказал? Кто ты? Полицейский?

Я решил сыграть в открытую.

— Как раз наоборот, каждый полицейский в этом городе сегодня ищет меня. Я и пошел с вами, рассчитывая, что сюда они не заглянут.

Он отшатнулся.

— Так ты тот парень, о котором передавали по радио. Маньяк, убивший сорок два человека...

— Ты прав лишь отчасти. Я — действительно тот парень, о котором передавали по радио, но убийства — легенда полиции. Я занимаюсь политикой, пытаюсь опрокинуть Сапилоте.

— А не врешь? — Адолфо так разволновался, что позабыл о своих страхах. — Если ты против Сапилоте, я на твоей стороне. Его полицейские вконец обнаглели, обкладывают ребят вроде меня таким налогом, что ни вздохнуть ни охнуть.

— Более веской причины, чтобы вышвырнуть зажавшееся правительство, я отродясь не слышал. — Я протянул ему руку. — Пожмем руки, Адолфо, ты только что присоединился к нашей партии. Даю слово, что, как только нашего человека изберут в президенты, он посадит самых гнусных копов за вымогательство.

Адолфо с энтузиазмом сжал мою ладонь. Мы уложили его компаньонов на кушетку, я, предусмотрительно сунув их пистолеты в свой кейс, достал шприц и ввел им по дозе противоядия.

— Минут через пять проснутся.

— Джим, мы оба знаем, как я подмешивал карты, но разрази меня гром, если я понимаю, как ты сдал себе четырех тузов и джокера!

— Не велика хитрость, — не без гордости заявил я. Обставить профессионала, что ни говори, приятно! — Просмотри колоду.

Он разложил карты рисунками вверх, откинул их взглядом.

— Постой, постой... Вот туз... Еще один... А вот и джокер. — Адолфо рассмеялся, как ребенок. — Так ты их вытащил из рукава!

— Именно. Пока мы играли предыдущей колодой, я изъял из нее нужные карты. Остальное — дело техники.

— Как же так, ведь за стол ты садился с пустыми руками... Ах да, ты же передвигал стул! Доли секунды, пока мы не видели твоих рук, тебе оказалось достаточно. Ты сунул карты под низ колоды и потом сдал их себе. Ну, ты и силен, Джим!

Отлично, по-моему, сказано!

Некоторое время мы обсуждали профессиональные темы. Я показал ему несколько уловок, неизвестных пока на его планете, он, в свою очередь, обучил меня двум-трем новым трюкам. Когда Сантос застонал и зашевелился, мы с Адолфо были уже закадычными приятелями. Облизав губы и открыв глаза, Сантос с ревом бросился на меня. Адолфо сделал ему подножку, и тот растянулся на полу.

— Не трогай Джима, — повелительно сказал Адолфо. — Он — наш друг. Сейчас объясню.

Адолфо был мозгом их небольшого предприятия, и компания по его рекомендации сразу приняла меня. Я открыл кейс и вручил каждому по солидной пачке денег.

— Эти скромные подарки скрепят наш договор, — сказал я. — Отныне вы на жаловании партии. Обещаю, что этот гонорар не последний и что, когда в президентское кресло сядет наш человек, все будет так, как я говорил. — Сказанное мною, как всегда, было правдой, так как этим человеком буду я сам. — Но и вы помогите мне, свяжите меня с моими людьми. С туристами в Пуэрто-Азуле вы работаете?

— Что ты, мы не самоубийцы. Инопланетные туристы — единственный источник конвертируемой галактической валюты на Параисо-Аки, и если ультимадо только увидят нас рядом с ними, то сотрут нас в порошок. Мы довольствуемся местными деньгами, занимаясь своим безобидным бизнесом здесь, в столице, исправно отстегиваем полицейским их долю, а уж они заботятся, чтобы о нашем существовании не пронюхали палачи ультимадо.

— А вы можете попасть в Пуэрто-Азул?

— Почему бы и нет? Паспорта у нас в порядке.

— Отлично. В Пуэрто-Азуле живет человек, через которого я передам весточку маркизу де Торресу, а тот уж позаботится обо мне.

— Ты знаком с маркизом? — хрипло спросила Рената. Выходит, титулы на этой планете в почете даже у карточных шулеров

— Знаком ли я с маркизом? Да не далее как этим утром мы с ним завтракали. Так, со связью ясно, сейчас составляю послание.

Но что я напишу? Неизвестно даже, жив ли Торрес. И Боливар, и Джеймс... Добрались ли они до замка?

Я заходил по комнате из угла в угол.

Прежде чем строить планы, не худо бы выяснить ситуацию. Вопрос: каким образом срочно связаться с замком?

Задай верный вопрос и получишь верный ответ.

— Адолфо, ты что-нибудь знаешь о семафорах, которыми пользуются аристократы?

— Кто же о них не знает? Вечно, как проходишь мимо замка, на крыше машет, сжимается, разжимается, загибает пальцы дурацкая ручища. Эти дворяне будто в каменном веке живут, на их месте я бы давно обзавелся телефонами.

— Ты ходишь мимо замка? А разве замки не за Стеной?

— Большинство, но не все. Например, один — ближе чем в двух километрах от нас.

— А внутрь попасть сложно?

— Да легче легкого. Показываешь полицейским у дверей паспорт и...

— Не подходит. — Я на минуту задумался. — А ваши документы, вроде, в порядке?

— Еще бы! Иначе за что, по-твоему, мы платим полицейским?

— Рената, отнесешь в замок письмо?

— Для тебя — что угодно.

— Вот держи. — Я дал Ренате еще пачку банкнотов. Сегодня я был сама щедрость, буквально сорил деньгами, тем более, что деньги-то не мои, а маркиза. — Это покроет накладные расходы. Опиши подступы к замку, а я придумаю, как туда проникнуть.

План получился простым, каким и должен быть хороший план. Детали я додумывал уже на рассвете. Сантос спал на кушетке, Рената — в соседней комнате, Адолфо раскладывал пасьянс. Для меня — вторая ночь подряд без сна. Бодрствовать по ночам уже входило в привычку.

— Адолфо, во сколько открываются магазины?

Он взглянул на часы.

— Через два часа.

— Времени позавтракать и проинструктировать вас хватит. Буди свою команду, а я по телефону закажу завтрак в номер.

Два кофейника крепкого черного кофе — и мои глаза не слипаются.

Помогая де Торресу расшифровывать послание, я прихватил несколько почтовых листов с родовым гербом маркиза. Чисто рефлекторно, естественно. Сейчас листы пришлись как нельзя кстати. Я написал на одном из них записку, в точности подделал подпись маркиза, чем вызвал у моих друзей вздох восхищения, запечатал послание в конверт и отдал Ренате.

— Что делать, знаешь?

— Да. Иду по магазинам, делаю покупки. На такси подъезжаю к замку. Полицейским у входа говорю, что доставила заказы из магазина. Они пропускают меня, я вручаю письмо герцогу.

— Молодчина! А вы, ребята, так же хорошо заучили свои роли?

— Да, — ответил за себя и компаньона Адолфо.

— Тогда сверим часы — и за дело.

Наступил «час-ноль». На душе у меня скребли кошки.

Можно ли доверять жуликам, даже озолотив их? Скоро узнаю. Если мои новые союзники верны мне, то они уже заняли исходные позиции.

Я, вновь став чернобородым, сидел в кафе напротив стены замка Пеносо. В двухстах метрах находилась окованная железом дверь в стене, к двери от тротуара вели четыре каменные ступени, у нижней стояли двое

полицейских — лица суровы, руки на кобурах. К крыльцу подкатило такси, из него вылезла Рената, подошла к полицейским, предъявила документы. Ее пропустили. Минут. через десять она вышла. Руки пустые — послание передано.

Я посмотрел на часы. Пора. Кинув монетку на стол, я подхватил кейс, покинул кафе, перешел дорогу и не спеша зашагал к входу в замок.

Мимо крыльца грациозно проплыла стройная молодая дама, полицейские проводили ее глазами, один из них в знак одобрения поднял большой палец. На улице больше ничего не происходило.

Где же мои помощники? Запоздывают или?..

Я нагнулся, завязывая шнурок. Невдалеке, перекрывая привычный городской гул, завыл мотор. Вой усиливался, приближался.

Я медленно двинулся к крыльцу.

На дороге, виляя из стороны в сторону, появился автомобиль. Взвизгнули тормоза, автомобиль врезался в бордюр, из окошка водителя высунулась безжизненная рука.

Полицейские переглянулись и кинулись к машине на другую сторону улицы. Я взбежал по четырем ступенькам и, повернув ручку, толкнул дверь.

Дверь не поддавалась.

Заперто!

Глава 17

Кровь мгновенно насытилась адреналином, усталость как рукой сняло.

Если мое послание получено, дверь должна быть открыта. Что-то случилось, план не сработал.

Я снова нажал на ручку. Тот же результат.

Я оглянулся через плечо. Полицейские подошли к автомобилю. Безжизненная рука исчезла внутри, взревел двигатель, и машина рванула с места. Полицейский помоложе погрозил удалявшейся машине кулаком, другой записал ее номер в блокнот. Проку от действий и того и другого одинаково мало: машину мои друзья сегодня утнали со стоянки.

Еще секунда-другая, полицейские повернутся и увидят меня. Что же предпринять?!

Я снова повернул ручку и что было сил толкнул дверь плечом. Дверь неожиданно распахнулась. Я влетел внутрь и растянулся на полу. Дверь за мной захлопнулась.

— Добро пожаловать в замок Пеносо, сэр Харапо, — раздался надтреснутый голос. — Добро пожаловать.

Я поднялся, отряхнулся. Передо мной стоял не то человек, не то призрак — кожа серая, одежда серая, седые волосы до плеч. Я поклонился, легонько сжал дрожащую костлявую руку.

Как обращаются к герцогу? Милорд? Ваша милость? Ваша честь? Ваше герцогство? Хоть убей, не помню, но выкручусь, не впервой.

— Как мне вас благодарить? Я был на волосок от гибели, вы меня спасли.

— Ерунда, сэр Харапо, я всего лишь открыл дверь. Да, открыл дверь. — Герцог махнул бесплотной рукой. — Садитесь же, умоляю. Выпейте капельку бренди и расскажите мне обо всем по порядку. Я получил записку от маркиза де Торреса, в которой он просит принять вас. Подробности, пишет он, вы изложите сами.

Прихлебывая восхитительный старый бренди, я рассказал герцогу всю историю, приукрасив и сократив разве что самую малость. Он замороженно слушал меня, ловя широко открытым ртом воздух, его глаза подслеповато моргали, руки тряслись. Я даже забеспокоился, не хватит ли его удар, прежде чем закончится рассказ, но старик выдержал, лишь плеснул себе в бокал изрядную порцию бренди.

— Ужасно! Ужасно! С Сапилоте пора кончать! А как здоровье моего дорогого пятиюродного брата в тринадцатом колене? Опасны ли его раны?

Я помотал головой, но вскоре сообразил, что он имел в виду маркиза.

Интересно, как дворяне запоминают свою родословную?

— Не знаю и прошу вас о помощи. Если я напишу, вы передадите послание по семафорной связи?

— Сию секунду, любезный, сию секунду!

Он позвонил в колокольчик, приказал позвать оператора. Я написал записку:

Я В ЗАМКЕ ПЕНОСО, ЖИВ И ЗДОРОВ.

КАК СЕБЯ ЧУВСТВУЮТ ДЕ ТОРРЕС, ДЖЕЙМС И БОЛИВАР?

СЭР ГЕКТОР ХАРАПО

Герцог прочитал, кивнул, достал уже знакомую мне машинку и, повозившись минут пять, вручил зашифрованный текст оператору. Тот умчался.

Последовавшее тягостное ожидание несколько скрасил графин бренди. Наконец прибыл ответ, я вырвал бумагу из рук оператора и, увидев ровные ряды цифр, заскрежетал зубами.

Опять герцог крутил ручку дешифратора, опять скрипело перо в его руке, а я мерил комнату шагами. Едва он выпрямился, я, затаив дыхание, заглянул ему через плечо.

МАРКИЗ ПОПРАВЛЯЕТСЯ ТЧК
БОЛИВАР И ДЖЕЙМС НЕВРЕДИМЫ ТЧК
ЖДЕМ ВАШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ ТЧК

ЛЕДИ ХАРАПО

Все замечательно! Сыновья доставили маркиза домой; медицинское оборудование и докторов в замке я видел, о нем заботятся; всеми делами распоряжается Анжелина. Мне можно расслабиться. Что я и сделал, налив полный бокал бренди.

— Отличные новости! — воскликнул герцог. — Что вы теперь предпримете?

— Мы счастливо отделались, выбравшись из логова льва живыми, впредь подобного не повторится. Избирательную кампанию нужно тщательно спланировать, шаг за шагом, как военную операцию. Отныне, где бы ни появились маркиз или я, нас будет сопровождать вооруженная охрана, будто мы королевская корона.

— Да, королевская корона... Ее потеря — настоящая трагедия. Помню так же ясно, как если бы это было вчера, день, когда Сапилоте впервые принимал присягу. — Взор герцога затуманился, оказывается, он такой же долгожитель, как генерал-президент. — Он обещал неукоснительно следовать законам, а мы, как деревенские дурачки, поверили. Он обещал беречь королевскую корону как зеницу ока, с тех пор ее никто не видел. Негодай, должно быть, присвоил ее...

Герцог погрузился в воспоминания, я задумался.

Пока я в безопасности. Но что же дальше? Попасть обратно в замок де ла Роса было бы неплохим началом. Вопрос: как?

Ответа не было. За исключением коньячных паров, моя голова пуста, тело требует отдыха. Но должно быть, о Стальной Крысе заботилось само провидение.

В дверь робко постучали — прибыло решение моих проблем.

Не дождавшись ответа, человек за дверью постучал вновь.

— А, что?.. — Герцог открыл глаза. — Входите, входите.

В зал, шаркая, прошел дворецкий, по виду — ровесник отца герцога.

— Мне крайне неприятно беспокоить вашу светлость, но сегодня — четверг. — Голос дворецкого дребезжал не меньше, чем у его господина.

— Ну и что? — Герцог, разгоня дремоту, потряс головой.

— Ваша светлость сами приказали мне напомнить об их прибытии не позже чем за полчаса.

— Черт! — прорычал его светлость, сверкая металлическими зубами. — Они скоро будут здесь!

— Они?

— Каждый четверг одно и то же! И ничего не поделаешь — приказ правительства! Экскурсия по дворянским домам, будь она неладна! И я с этого не имею ни гроша, весь доход в виде налога уходит в казну! Проклятые инопланетные туристы шлаются по священным залам замка Пеносо...

Он продолжал в том же духе, но я не слушал. Туристы! Здесь! Вот оно — решение проблемы! Усталости и опьянения как не бывало.

Схватив со стола серебряный колокольчик, я позвонил. Герцог умолк на полуслове и уставился на меня, в зал снова вошел дворецкий.

— Я правильно понял, что скоро сюда с экскурсией пожалуют придурковатые туристы?

— Именно, сэр Харапо. Ужасные нынче времена!

— Совершенно с вами согласен. А сколько их будет?

— Из Пуэрто-Азула прикатит битком набитый автобус, — разъяснил дворецкий. — В нем умещается от сорока до пятидесяти туристов.

— Вторжение пролетариев, — подытожил герцог.

— А какие предосторожности вы соблюдаете, чтобы туристы в качестве сувениров не прихватили с собой семейное серебро или картины?

— По замку их сопровождают мои лакеи.

— Подходит. — Я потерял руки. — А лакеи будут держать язык за зубами, если я, не привлекая внимания полиции, выберусь из вашего великолепного замка?

— Для будущего президента Парайсо-Аки — все, что угодно.

Герцог встал и положил руку на сердце. Увидев кивок своего господина, дворецкий сделал то же самое.

— Хвала славному президенту Парайсо-Аки! — с жаром воскликнули они.

Я скромно потупил взор.

— Еще один вопрос, если не возражаете. — Я вскинул на них глаза, седые головы с готовностью закивали. — В вашем замке есть потайной ход?

— В каждом замке есть потайной ход, — ответил несколько удивленный моим невежеством герцог. — Наш ведет в дом через дорогу. Некогда там располагался публичный дом, и ход прорыли по приказу третьего в роду герцога. — Нынешний герцог мечтательно закатил глаза, наверно, вспоминая одну из обительниц дома напротив.

— Слушайте мой план. Переодевшись лакеем, я сопровождаю туристов, выбираю среди них подходящего. Он остается здесь, а я вместо него покидаю замок и отправляюсь в Пуэрто-Азул.

— Но ваш костюм?.. — возразил было герцог.

— Я переодеюсь в одежду туриста.

— А ваша борода?

— Я сбрею ее.

Уяснив идею, герцог захихикал.

— Как вы умны, сэр Харапо! Не то что в детстве, когда вы без умолку несли околесицу. А туриста мы, конечно, живьем замуруем в стену потайного хода.

— Никаких трупов! — твердо сказал я. — Если турист будет убит, следствие непременно выяснит, что пропал он в замке. Объявим дельце иначе, не вызывая подозрений. Я введу туристу наркотик, и из его памяти начисто выпадут события этого дня. Вы же обольете

его роном, сунете в карман полупустую бутылку и пачку денег, выведете через подземный ход в город. Завтра полицейские найдут его бесцельно бродящим по улицам. Запах алкоголя, бутылка и деньги в кармане — все ясно, турист пустился в загул и опоздал на автобус, но на него не напали, не ограбили. Полицейские начальники посмеются над незадачливым туристом, вернут его в отель, и инцидент будет благополучно забыт.

— Жаль, так хотелось кого-нибудь убить, — недовольно произнес герцог.

— Позже, ваша светлость, может, после выборов. Пойду переоденусь.

Едва я отлепил порядком потрепавшуюся бороду и напялил бриджи и ливрею, как разнесшиеся по замку пронзительные неприятные голоса возвестили о прибытии туристов. Я выскользнул из боковой двери, вклинился в ряд слуг и вместе с вызывающе одетыми туристами зашагал по залам замка. Лакеи были вышколены безукоризненно, и в мою сторону не повернулась ни одна голова.

— ...великолепный образец живописи прошлого столетия... — вещал гид, тыкая указкой в довольно посредственные пейзажи на стенах и еще более посредственные портреты. Туристы разглядывали картины, а я разглядывал туристов. Большинство из них прибыли парами и мне не подходили. Были среди них и одинокие женщины, но менять пол я не собирался. Наконёц я выбрал жертву: скучавшего мужчину примерно моего роста в лиловых шортах и украшенной кружевами рубашке; шагает один, на шее — камера, в руке — сумка с надписью: «В ПУЭРТО-АЗУЛЕ ЛУЧШИЕ НА ПОБЕРЕЖЬЕ КРАСОТКИ. ЕСЛИ НЕ ВЕРИШЬ, УБЕДИСЬ САМ!» То, что мне надо.

Толпа повернула головы к очередной картине, я подошел к незнакомцу и коснулся плеча. Он обернулся — лицо мрачно, брови нахмурены. Я прошептал ему на ухо:

— Вас ждет подарок герцога — бутылка древнего рона из винных погребов замка. Бутылка вручается одному туристу из каждой экскурсии. Поздравляю,

сегодня выбор пал на вас. Пожалуйста, следуйте за мной и ни слова остальным.

Косясь на тоапу, он на цыпочках двинулся за мной.

О алчность, сколько преступлений совершено от твоего имени!

Я распахнул перед ним дверь зала.

— Сюда, сэр.

За дверью стоял дворецкий с подносом, на подносе — пыльная, запечатанная сургучом бутылка. Турист шагнул через порог, я уколол его смазанной наркотиком иглой, помог бесчувственному телу мягко опуститься на ковер и закрыл дверь. Герцог выглядел счастливым, в нашем маленьком триумфе он, без сомнения, разглядел предвестие новой, лучшей эпохи. Хотя, может, так оно и было.

Переодевшись и переложив содержимое кейса в сумку с дурацкой надписью, я незаметно смешался с толпой.

Мы вышли из замка. У дверей автобуса зевавший полицейский пересчитал нас по головам, сделал пометку в записной книжке и махнул шоферу, мол, езжай. Двери автобуса закрылись, включился кондиционер, заиграла ненавязчивая музыка, и мы покатали к побежде.

Меня подозрительно оглядела женщина на соседнем сиденье.

— Я вас прежде не видела.

Глава 18

Я разоблачен! Если я заставлю соседку молчать, бесчувственное тело привлечет внимание. Что же делать? Для начала тянуть время.

— Я вас тоже прежде не видел.

— Так смотрите же. — Она жеманно улыбнулась. О, да она не подозревает меня, а заигрывает. — Меня зовут Джойелла, я с Фиджеринадона два...

Она многозначительно замолчала, и я поддержал игру.

— Какое совпадение. Я — Варбл, с Блодгетта.

— В чем же здесь совпадение?

— Обе планеты находятся в одной и той же Галактике.

Мою не Бог весть какую остроту она восприняла с восторгом, и вскоре мы стали друзьями. Джойелла оказалось милой, общительной девушкой, но одна беда: она несколько засиделась в невестах. Жила она в заштатном городишке Лашфлаш, работала в бухгалтерии фабрики по производству роботов. За долгую дорогу я, изредка кивая и поддакивая, узнал все сплетни и слухи, циркулировавшие в тех краях.

В Пуэрто-Азул мы прибыли после полудня. Кроме двух-трех бокалов бренди из подвала герцога, у меня с утра во рту не было ни капли спиртного, поэтому мы с моей новой знакомой заскочили в бар и пропустили

по коктейлю. Мы хорошо провели время, но, пока наши отношения не зашли слишком далеко, я попросился с Джойеллой и, не замечая, как дрожит ее нижняя губа, исчез в сумерках.

У многоквартирного дома, в котором жил Хорхе, стояла большая черная машина. Оснований, что незваные гости пожаловали именно к нему, вроде бы нет. Почему тогда сосет под ложечкой? Интуиция не раз выручала меня в прошлом, прислушаюсь к ней и сейчас.

Достав из туристской сумки карту и шприц, я подошел к машине, заглянул в открытое окошко. За баранкой сидел верзила в темных очках.

— Извини, приятель, — обратился я к нему, — где здесь такой дом?.. Ну, там еще отменная выпивка и, по слухам, веселые девочки.

— Не разговаривайте со мной, — пробормотал он на эсперанто.

— Не понял ни слова, приятель. Взгляни-ка лучше на карту.

Я сунул ему под нос развернутую карту. Он в негодовании оттолкнул ее и вдруг обмяк — игла впилась в его руку. Я пристроил его голову на руль, со стороны казалось — дремлет человек.

Устранив угрозу с тыла, я направился к подъезду. Навстречу мне вышли два ултимадо, волоча за руки основательно избитого Хорхе. Я преградил им дорогу.

— Он что, болен?

— Пошел прочь, придурок! — Свободной рукой ултимадо толкнул меня в грудь.

— Какой стыд! Вы напали на беззащитного туриста!

Я ударил грубияна в 'кадык, отступил на шаг, с удовлетворением услышал удар тела об асфальт. Другой ултимадо вытащил из кобуры пистолет, но поднять не смог: на его руке повис Хорхе. Я ткнул в нервный узел на руке ултимадо. Пистолет выпал из его ослабевших пальцев, лицо перекосила гримаса боли, и из жалости я отключил его коротким апперкотом.

— Счастлив вновь тебя видеть, — сказал Хорхе, старательно удерживая равновесие.

Он вытащил изо рта обломок зуба, мрачно разглядел его и, отбросив прочь, пнул ближайшего ултимадо под ребра.

— Уезжаем, — сказал я. — На том черном лимузине.

— Куда?

— Это ты мне подскажешь. — Я открыл заднюю дверцу, втащил бесчувственных громил внутрь и швырнул на пол. — Залезай туда же, — велел я Хорхе. Он стоял и бессмысленно моргал. Я помог ему влезть, захлопнул дверцу, отпихнув водителя, сел на его место, и мы тронулись. — Итак, куда поедем?

Ответа не последовало. Я обернулся. Хорхе спал — досталось бедняге. Будь возможность, я бы тоже вздремнул, ведь, бегая от полиции вторые сутки, я устал как черт, но дело есть дело.

— Опять, Джим, тебе все расхлебывать. Да ничего, тебе не привыкать.

Везти ултимадо в город не имело смысла, и я покатию по скоростной трассе вдоль берега.

Пока окончательно не стемнело, я свернул к обочине, связал ултимадо их собственной одеждой, сунул во рты кляпы и оттащил бесчувственные тела в придорожные кусты. Мимо промчались несколько машин, но ни одна не притормозила. Зашевелился и застонал Хорхе. Покопавшись в сумке, я достал аптечку, вколол ему смесь стимулирующего и обезболивающего. Посмотрев на его розовеющие щеки, я вспрыснул себе такой же коктейль.

Хорхе сел и потянулся.

— Как самочувствие? — поинтересовался я.

— Неплохо. Спасибо тебе за все.

— У тебя есть идея, как нам отсюда добраться до замка де ла Роса?

Он растерянно огляделся.

— А где мы?

— В нескольких километрах к югу от Пуэрто-Азула, на дороге вдоль берега.

— Ты умеешь водить вертолет?

— Я вожу что угодно. А почему ты спрашиваешь, у тебя что, вертолет в кармане?

— Нет, но поблизости есть частный аэродром, там стоят машины любых конструкций и размеров. Правда, аэродром охраняется и оснащен сигнализацией...

Я фыркнул, но не от гнева, а от желания ринуться в бой.

Хорхе вызвался помочь, но он бы, скорее, путался под ногами, и я оставил его в машине. Закоротив провода немудреной сигнальной системы и перерезав колючую проволоку, я ужом прополз на территорию аэродрома, а минут через десять уже открыл ворота изнутри. Мы покатали к залитому огнями посадочному полю.

— Глядя на тебя, кажется, что с сигнализацией и ребенок бы справился, — сказал Хорхе.

— Каждый — мастер в своем деле, — пробурчал я. — Глядя на тебя, мне тоже кажется, что водить крикливых туристов по окрестностям — занятие для дебилов.

До темного ангара мы ехали молча. За ангаром прямо под открытым небом стояли вертолеты.

— Оставим машину тут, в тени. В замок полетим вон на том спортивном вертолете.

Пока Хорхе пристегивался ремнями, я перехитрил систему зажигания, завел двигатель, включил навигационные приборы.

— Сначала мы направимся к Приморосо. — Я ткнул пальцем в светившуюся на мониторе карту. — Здесь резко свернем, пересечем Стену и рванем напрямую к замку. Ты готов?

Хорхе кивнул, и мы взмыли в небо.

Полет прошел на удивление гладко, на экране радара не появилось ни единого пятнышка; не напали на нас и когда мы пересекали Стену. Впереди показался замок де ла Роса, я нарушил радиомолчание, назвал себя, сообщил, что мы прибываем через несколько минут.

Мы мягко сели на ярко освещенную посадочную площадку. Я выпрыгнул из кабины, ко мне подбежали самые дорогие люди во Вселенной. Я обнял жену, махнул рукой сыновьям, а те стали хлопать меня по плечам и спине.

— Мне тебя так не хватало, милый. — Анжелина шагнула назад и придирчиво оглядела меня. — Тебя не ранили? Если да, то скоро планета будет усеяна трупами врагов.

— Остынь, любовь моя! Все как раз наоборот: я скосил несметные полчища недругов, обзавелся множеством новых друзей и соратников, в пух и прах продулся в карты, в общем, был чертовски занят все это время. А как тут вы?

— Помаленьку. Маркиз быстро идет на поправку, мы с сыновьями воспользовались передышкой и составили детальный план.

Действие стимуляторов прекратилось, и на меня вновь навалилась усталость.

— План чего?

— План избирательной кампании, самой бесчестной со времени изобретения урн для голосования. Это будет триумф надувательства, монумент крючкотворству, гимн коррупции.

Мы с сыновьями восторженно заплодировали великолепной речи Анжелины, и только Хорхе стоял с отвисшей челюстью и вытаращенными глазами.

Глава 19

Балкон заливало яркое утреннее солнце. Остатки трапезы со стола быстро убрали бесшумные слуги, а мы допивали кофе. Анжелина — самая практичная из всех — промокнула уголки губ салфеткой и напомнила нам о предстоящей работе:

— Дорогой, пока ты развлекался, я познакомилась с библиотекой маркиза. Один из его предков, оказывается, коллекционировал универсы. В библиотеке их почти тысяча.

Неординарное хобби, я бы даже сказал, экстравагантное. Хотя, если у тебя денег куры не клюют, почему бы не собирать универсы? Сами универсы — цельные диски с ладонь размером с банком данных большого университетского компьютера: учебники, лекции по всем дисциплинам, методические указания, тексты рекомендованных книг, прикладные программы и прочее — стоят сущие гроши, но вот проездные расходы... Разыскивая редкие универсы, забираешься в самые отдаленные уголки Галактики, копаешься в магазинах подержанной машинной памяти на Богом забытых планетах, а дорога обходится в кучу денег.

— В поисках описаний незаконных выборов и грязных политических трюков я просмотрела все универсы в библиотеке. Оказывается, в древних университетах читалось множество курсов, так или иначе

связанных с политикой, но, к сожалению, во всех них сами трюки упоминаются только мельком и подробно описываются лишь меры по их предотвращению.

— Прокую нам от этого никакого.

— Именно. Но я наткнулась на невероятно древний универс. Диск посерел, потрескался от времени, название университета на наклейке не разберешь, не исключено, что он даже с Земли. Записанная на нем информация, на наше счастье, почти не повреждена, и среди прочего я наткнулась на книгу, которую мы будем использовать, как проповедники — святое писание. Вот ее распечатка.

Анжелина подняла с пола тяжелую пачку сброшюрованных листов и передала мне.

— «Как добиться победы на выборах», — прочитал я. — Подзаголовок: «Большинство голосов вам поставит кладбище». Автор — Симус О'Нилл. Что значит подзаголовок?

— Подробно читаешь сам, а вкратце, там описана методика, при использовании которой каждое имя на надгробном памятнике заносится в число проголосовавших за тебя. Эту методику мы сами в скором времени опробуем.

Прочитав тут же первую главу, я не удержался и воскликнул:

— Здорово придумано! Автор книги — гений. И ты, любовь моя, тоже гений, ведь ты обнаружила для нас это сокровище. С таким подходом, как говорится, при любом раскладе выборы наши.

— Еще бы. Мальчики уже начали подготовку, и через неделю мы развернем широкомасштабную избирательную кампанию. И нашей величайшей ценностью будет сам генерал-президент Сапилоте.

— Что-то я туго соображаю с утра. Может, объяснишь?

— Знаешь, как проводил Сапилоте выборы в прошлом?

— Поддelyвал их результаты.

— Не только. В его руках — все средства массовой информации. Перед очередными выборами избирателей массированно обрабатывали: по телевидению прокручивали записанные на пленку елейные речи, в

газетах печатали льстивые обещания, сообщали об ошеломляющем потоке голосов в его пользу при выборочных опросах. В этом году диктатор повторит отработанную тактику.

— И нам это поможет?

— Безусловно. — Анжелина снисходительно улыбнулась мне, как ребенку-идиоту. — С помощью современной электроники мы захватим телевидение, выпустим собственные газеты и подделаем результаты выборов в пользу поправленной справедливости.

С подобным заявлением не поспоришь. Я молча допил кофе, так же молча удалился в комнату, навел грим и приклеил черную бороду. Превращаясь в сэра Харapo, я бегло просматривал книгу О'Нилла.

Книга стала для меня настоящим откровением. Уверен, если бы автор дожил до наших дней, он бы стал президентом Галактики. И что с того, что такого поста нет, он бы изобрел его. Предыдущий справочник по политическим играм, прочитанный мною, был «Воспитание Принца» Мака О'Велли. Так эта книга по сравнению с шедевром О'Нилла казалась детским букварем.

Переодевшись и загримировавшись, я созвал военный совет. Вокруг меня, оживленно переговариваясь, собралась вся моя семья, последним вошел озабоченный будущим де Торрес.

— Совещание, посвященное подготовке избирательной кампании, объявляю открытым.

— Ого! — Анжелина приподняла брови. — Да ты говоришь точь-в-точь, как грязный политик.

— Именно, дорогая. Мне предстоит играть эту роль, так что вживаюсь помаленьку в образ. — Я помолчал, переводя взгляд с одного лица на другое. — Я созвал вас, чтобы как кандидат в президенты от Дворянско-Крестьянско-Рабочей Партии сделать текущие назначения. Боливар, отныне ты — секретарь партии. Пожалуйста, вовремя меняй в магнитофоне кассеты и веди протокол заседаний. Джеймс, ты — организатор избирательного ралли, твои функции я разъясню чуть позже. Анжелина диГриз, будешь менеджером избирательной кампании. Менеджер нам необходим, а твое назначение на этот пост, кроме

всего прочего, добавит нам голосов избирателей-женщин. Ты принимаешь должность? — Дождавшись ее кивка, я продолжал: — Хорошо. Назначения сделаны.

— Не совсем, — вмешался де Торрес. — Если не возражаете, еще одно, на мой взгляд, самое важное.

— Разумеется, маркиз, ведь вы — кандидат в вице-президенты. Если я что-то забуду, ваша обязанность напомнить.

Де Торрес громко хлопнул в ладоши. Дверь открылась, в зал вошел щуплый юноша и едва заметно поклонился нам.

— Это Эдвин Родригес, — представил юношу маркиз. — Он будет личным телохранителем кандидата в президенты. Допустить повторение кризиса в Приморосо нельзя. Отныне, следуя за вами тенью, Родригес будет выявлять и устранять убийц и по возможности заботиться о вашем здоровье.

Я, сдерживая улыбку, оглядел юношу.

— Благодарю вас, маркиз, но о себе я позабочусь сам. К тому же, боюсь, молодой человек подвергается неоправданному риску в...

— Родригес! — крикнул маркиз. — В окне убийца!

В мгновение ока я оказался на полу под столом, на мне лежал Родригес и палил в окно из огромного пистолета; грохотало так, что мои барабанные перепонки едва не лопнули.

— Нападение отбито, — воскликнул маркиз. Родригес встал и отпустил меня. Я тоже поднялся, отряхнул брюки и уселся в кресло на почтительном от него расстоянии. Маркиз одобрительно кивнул. — Это была только репетиция. После того как Родригес стал победителем всепланетных соревнований по рукопашному бою и стрельбе из огнестрельного оружия, я нанял его, сделал начальником охраны замка. О своем решении я ни разу не пожалел.

— Думаю, я тоже не пожалею. — Я окинул замершего рядом юношу уважительным взглядом. — Избирательная кампания начнется через несколько дней, думаю, работы у моего телохранителя будет предостаточно. Мы выйдем Сапилоте из привычной колеи и не дадим ему опомниться до конца выборов. Начнем с предвыборного ралли.

— Что такое предвыборное ралли? — поинтересовался де Торрес.

— Предвыборное ралли — серия встреч с избирателями, на которых произносятся громкие речи, целуются младенцы, пожимаются руки, раздаются бесплатные выпивка и закуска. В общем, предвыборное ралли нечто среднее между карнавалом, религиозным действием и бессовестным подкупом потенциальных избирателей. Мы наврем с три короба, заклеим позором существующий режим и создадим себе престижный имидж в средствах массовой информации.

Маркиз покачал головой.

— Выступать публично для вас смерти подобно. Я знаю Сапилоте, он ни перед чем не остановится. Не удивлюсь, если он сбросит на город тактическую ядерную бомбу, лишь бы с гарантией покончить с вами.

Я улыбнулся.

— Полностью с вами согласен, маркиз. Поэтому ралли начнем не в столице и даже не в крупном промышленном городе, а в ничем не примечательном курорте на берегу океана. Я говорю о Пуэрто-Азуле.

— Почему именно там? — удивился маркиз.

Анжелина мгновенно уловила мою мысль и хлопала в ладоши.

— Первая встреча с избирателями состоится именно в Пуэрто-Азуле, потому что там полным-полно инопланетных туристов. Они — гарантия безопасности Джима. Сапилоте не осмелится на акты насилия в их присутствии. Да и сам городок — прекрасное место для первого публичного выступления. Что бы там ни говорили, а котелок у моего мужа варит.

Я кивнул, благодаря как за комплимент, так и за то, что она не прибавила свое обычное «иногда».

— Как мы туда доберемся? — спросил Джеймс.

Действительно, дорога туда — проблема.

— Маркиз, подскажите, как безопаснее добираться: по воздуху или по земле?

— Конечно, по воздуху. Все дороги за Стеной — под контролем войск Сапилоте. Если мы поедем, то каждый метр достанется нам с боем.

— А войска диктатора могут напасть на нас в воздухе?

— Не исключено. Самолетов-истребителей у Сапите всего ничего. Прежде они ему не были нужны, ведь он контролирует все воздушные сообщения, ему принадлежат все вертолеты, за исключением нескольких частных спортивных моделей. Но с десятков истребителей у него, вроде, есть. Так, на всякий случай. А уж оснащенных крупнокалиберными пулеметами полицейских вертолетов — великое множество...

— К дороге подготовимся без спешки. — Я обратился к Боливару: — Сынок, запиши в протокол: используя МУВА, увеличить тяжелое вооружение и детекторы раннего обнаружения.

— Сделано, отец... Я хотел сказать, господин президент.

— Хорошо. Следующий вопрос: где мы проведем публичные выступления?

— В центре Пуэрто-Азула есть открытый стадион, — сообщил де Торрес. — Каждое воскресенье там устраивают бои быков.

Меня передернуло.

— Бои быков?

— Да. Весьма зрелищное состязание, советую посмотреть. Быки-мутанты в боксерских перчатках...

— Красиво звучит, будет время — заглянем. Сейчас стадион нам нужен для выступления перед избирателями, но наши замыслы необходимо держать в секрете до последней минуты. Есть предложения по этому поводу?

— Поручим Хорхе арендовать стадион на несколько дней, — предложила Анжелина. — Он работал в Пуэрто-Азуле туристским гидом, знаком с тамошними чиновниками. Пусть назовет мероприятие фестивалем фольклора для туристов или придумает легенду на свой вкус.

— Принято. Мы появимся там утром перед выступлением, остановимся в отеле для туристов, произнесем на каждом углу речи, раздадим желающим бесплатные билеты. И кампания начнется. У кого-нибудь есть дополнения? — Я выдержал паузу. — Нет? Тогда объяв-

ляю заседание закрытым, предлагаю пойти в сад и пропустить перед ленчем по коктейлю.

— Шампанского! — зычно приказал маркиз. — Поднимем бокалы за успех кампании и конец эры беззакония!

Глава 20

Наша маленькая эскадрилья — четыре вертолета и битком набитый старинный грузовой самолет с жесткими крыльями — взлетела на рассвете. Сияло солнце, на небе — ни облачка. Все прекрасно. Едва мы пересекли Стену, на экране радара дальнего обнаружения появились два пятнышка.

— Отец, компьютер утверждает, что их курсы и наш сходятся в одной точке, — доложил Боливар, читая данные на мониторе.

Боливар в полете отвечал за работу аппаратуры обнаружения, его брат — за вооружение.

Взглянув на экран радара, я включил радиопередатчик.

— Вертолет маркиза де ла Роса вызывает два неизвестных летательных аппарата. Назовите себя.

Ответа не последовало, пятнышки на экране приближались.

— Собьем их, пока они не открыли по нам огонь, — предложил маркиз, не отрываясь от экрана.

Я покачал головой.

— Нет, пусть нападут первыми. Камера зафиксирует их действия, и у нас будут убедительные доказательства, что мы только защищались.

— Отличная эпитафия. Может, ее выбьют на вашем надгробном камне. Они на расстоянии выстрела.

— Они выпустили ракеты! — сообщил Джеймс, нажимая кнопку. — Наши ракеты-перехватчики стартовали. Результат увидите в правой верхней четверти экрана.

Внезапно впереди и чуть выше за клубились белые облачка. Облачка увеличились и быстро остались позади.

— Противник удирает, — доложил Боливар. — Через тридцать секунд он окажется вне пределов досягаемости нашего оружия.

Все выжидающе смотрели на меня, а я молчал.

Тишину разорвал хриплый голос маркиза:

— Стреляйте же! Уйдут!

Палец Джеймса лежал на кнопке цели стрельбы, и, приняв выкрик маркиза за приказ, он ее нажал. Я повернулся и уставился на экран переднего обзора, стараясь не замечать две огненные вспышки, вскоре последовавшие на боковом. Анжелина положила мне на плечо руку, ее голос был едва слышен:

— Я понимаю, что ты чувствуешь, милый, и люблю тебя за это. Но пойми и нас. Они пытались нас убить и попытались бы вновь, не останови мы их раз и навсегда. Мы только защищались.

— Я понимаю, но... — В моем голосе почти не было горечи. — Мне это не нравится. Убийство ради чего угодно...

— Убийства кончатся, как только ты победишь на выборах. Ради этого ты и баллотируешься в президент. Ты заменишь человека, который отдал приказ убивать.

Обсуждать больше было нечего, и мы замолчали.

Полагаю, каждый из нас был прав по-своему. Убийства недопустимы ради любой цели, но управлявшие вертолетами наемники тоже впредь никого не убьют. В одном Анжелина права безоговорочно: с насилием на этой многострадальной планете будет покончено, если выборы выиграю я.

— Прогляжу еще разочек свою речь, — сказал я.

Анжелина поцеловала меня в щеку и отошла.

Дальше наш полет протекал без затруднений. Вскоре показали белоснежный песок и зелено-синий океан, затем белые здания Пуэрто-Азула. Мы покружили над посадочной площадкой, детекторы показыва-

ли «безопасно», и наша маленькая эскадрилья приземлилась. Я кивнул на ряд розовых туристских автомобилей на краю поля.

— Наша лучшая гарантия безопасности. Пока все спокойно. Разворачиваем кампанию!

И мы развернули. Из хвостовой части грузового самолета выкатился агитационный автомобиль — лучший седан маркиза. Сейчас он был слегка переделан: один белый борт украшала ярко-красная надпись: «Харапо в президенты» и «Как один голосуем за Харапо» — другой; на крыше располагались мощные динамики, а задние сиденья были заменены подъемной платформой.

Через несколько минут прибывшие с нами рабочие погрузили оборудование во взятые напрокат автомобили и под звуки марша наш маленький парад победы покати от аэродрома.

— Давайте начнем, — сказал я. — Пусть все знают, что наступают новые дни.

Я щелкнул переключателем, и гремющий из громкоговорителей марш сменился нашей бодрой президентской песней:

Слава, рабочим, слава!

Слава, крестьянам, слава!

Марширует с вами сэръ Харапо —

Могильщик прихвостней Сапилоте!

Согласен, слова поэтичными не назовешь, но зато избирателям наверняка нравятся ритм и задиристые слова.

Мы въехали в пригород Пуэрто-Азула. За нами наблюдали взрослые — молча, глаза расширены от страха. К машинам выбегали только дети. Получив прикрепленный к флажку с надписью: «Харапо — лучший в мире президент» пакетик леденцов, они совали леденцы в рот и махали флажками в надежде получить еще.

С первыми трудностями мы столкнулись, свернув на главную улицу города. Поперек дороги стояли большой черный грузовик — кузов полон здоровяков в полицейской форме с автоматами на изготовку — и броневик с офицерами. Наша маленькая кавалькада остановилась перед препятствием. Боливар вылез из

кабины и, улыбаясь, подошел к стоявшему перед грузовиком неулыбчивому офицеру.

— Харапо в президенты! — воскликнул Боливар и приколот значок с аналогичной надписью к груди офицера.

Тот сорвал значок, швырнул под ноги и растоптал.

— Убирайтесь откуда явились. Здесь прохода нет!

— Объясните, пожалуйста, почему? — попросил Боливар, протягивая горсть таких же значков полицейским, но те лишь скорчили недовольные рожи.

Анжелина тоже вышла из машины и принялась раздавать собравшимся детишкам сладости и флажки.

— У вас нет разрешения на проведение парада! — рявкнул офицер.

— А мы вовсе не парад. Мы — компания закадычных приятелей, которые...

— Если я сказал, что вы — парад, значит, вы — парад. Разговоры кончены, у вас десять секунд на то, чтобы развернуться и убраться прочь!

— А иначе?

— Иначе вас перестреляют, вот что!

Секунда — и улица опустела, лишь изодранные флажки на тротуаре указывали на то, что недавно здесь кто-то был. Оставшись без дела, Анжелина подошла к броневику и предложила флажки офицерам.

— Вы будете стрелять в нас? Но почему? — Зная, что происходящее записывается на пленку, Боливар повернул искаженное ужасом лицо к нам в профиль. — Вы будете стрелять в беззащитных граждан собственного государства?.. Вы, кто стоит на страже закона и порядка?.. — Словно подавившись собственными словами, он широко открыл рот.

— Время вышло. Оружие к бою! Це-е-ель-ся!

Автомат поднял лишь один полицейский, да и тот тут же свалился на своих потерявших сознание коллег, ведь кроме флажков Анжелина раздавала и капсулы с сонным газом.

— Огонь! — рявкнул офицер.

Тишина. Офицер повернулся, открыв рот, схватился за кобуру. Анжелина раздавила очередную капсулу — и офицер растянулся у ее ног.

Послышался гул одобрения, на улицу, размахивая флажками, высыпали дети. На этот раз среди них были и взрослые. Люди смеялись, прикалывая к мундирам полицейских значки и вкладывая в руку каждому флажки. Добровольные помощники откатали полицейские машины с дороги, а наша процессия последовала дальше. Теперь с флажками потенциальные избиратели получали не только сладости, но и зеленые хрустящие прямоугольники предвыборных денег. Придя вечером на стадион, каждый банкнот можно будет обменять на бутылку вина или сэндвич. Все складывалось, по моему мнению, очень удачно.

Но Сапилоте в покое нас не оставил.

На центральной площади толпа стала гуще, восторженные крики — громче. Под звуки нашего гимна мы с маркизом стояли на открытой платформе и приветливо махали руками. Между нами и толпой ничего, кроме невидимого силового поля, которое погасит луч любого лазера, замедлит и остановит нацеленные на нас пули. Мой верный страж — Родригес, стоял рядом, его суровое лицо выглядело утрюнее обычного, должно быть, оттого, что по моему приказу он оставил свой автоматический пистолет пятидесятого калибра дома. Моя предосторожность, как оказалось, не была излишней. Его рука вдруг дернулась под мышку, где обычно висела кобура, а перед моим лицом появились пули и, замедлив в защитном поле свой смертоносный полет, остановились.

— Стрелок в окне второго этажа.

Родригес указал рукой, где именно. Я поднял глаза, но наемник уже скрылся.

— Возьми его! — приказал я. — Живым!

Родригес бросился через толпу, как серфингист через волны, и исчез в здании. По моему знаку машина остановилась, я вытащил из защитного поля не остывшие еще пули и включил микрофон на подворотничке.

— Покушение засняли? — Я взглянул на Джеймса в соседней машине.

Он победно поднял над головой камеру, а в моем ухе прозвучало:

— В мельчайших подробностях, отец!

— Отлично. Включи запись звука.

— Есть.

— Только что на меня совершенно покушение, и верный мне телохранитель отправился за стрелявшим. А вот и он.

Из подъезда вышел Родригес — в одной руке он держал длинноствольную винтовку, другой тащил за шиворот обмякшего стрелка. По толпе прошел шепот. Я включил усилитель и привлек всеобщее внимание к себе:

— Леди и джентльмены! Избиратели Пуэрто-Азула! Несказанно рад вам и искренне надеюсь вновь вас увидеть вечером на стадионе. Приходите и не пожалеете. Там будут речи, развлечения, бесплатные выпивка и закуска, детям — мороженое. Вход свободный. Будут разыграны сто призов — дартов с набором стрел. Мишень необычная, господа! На каждой мишени изображено лицо. Чье, спросите вы? Выиграв, вы будете метать стрелы в рожу ненавистного диктатора Джулио Сапилоте!

Люди заохали и заахали, некоторые подняли глаза к небу, ожидая, что после кощунственных слов на мою голову обрушатся громы и молнии. Ничего подобного, естественно, не произошло, лишь едва слышно хлопнула дверца автомобиля. Родригес швырнул наемника и его оружие на пол, перевернул бесчувственное тело и показал на темные очки. Я понимающе кивнул. Над толпой вновь разнесся мой усиленный динамиками голос:

— Сейчас, господа, вы услышите действительно неприятные новости, но ничего не поделаешь, такова жизнь. Я рассержен! Я прибыл сюда на мирную встречу с избирателями — и что произошло? В меня стреляли, вот что! — Я выждал, пока шум в толпе улегся. — Я вне себя! В моей руке — пули, которыми меня пытались убить, у моих ног — убийца и его винтовка. И знаете, что самое, на мой взгляд, удивительное? Хотя стрелял он из здания, на нем темные очки...

Люди зароптали и двинулись вперед.

— Стойте! — закричал я, и толпа замерла. — Самосуда не будет! Я выдвину против этого человека

официальные обвинения, и посмотрим, как работают законы на этой благословенной земле.

Я махнул рукой, машина выехала из толпы, набрала скорость и не останавливалась до самого отеля.

Отель «Гран Парахеро» мы выбрали в основном потому, что гараж в нем подземный. Наша маленькая процессия въехала в гараж, мой седан окружили остальные машины. Пока детекторы выясняли обстановку, я просмотрел карманы нашего пленника. Он оказался настолько глуп, что прихватил на «дело» удостоверение личности. Я развернул документ.

— Здесь написано, что он — член Федерального комитета перестройки общественного сознания. Что это за комитет такой?

— Так официально называется организация убийц-ульимадо, — разъяснил маркиз.

— Славно.

Будто услышав мои слова, ульимадо пришел в себя и вытащил из-за пояса охотничий нож. Я ткнул его мыском ботинка в висок, и он снова потерял сознание.

— Приборы показали, что непосредственной опасности нет, — доложил Боливар.

— Я понесу стрелка, а вы, де Торрес, его оружие. Журналисты наверху, и мы не обманем их ожиданий, подкинем отличный материальчик.

Я вылез из седана, взвалил ульимадо на плечо и направился к лифту, маркиз последовал за мной.

В превращенном в конференц-зал банкетном зале собрались газетчики, телевизионщики, корреспонденты радио. При нашем эффектном появлении замигали фотовспышки, зажужжали кинокамеры, журналисты загомонили — настоящий пчелиный улей.

Я бросил ульимадо на пол, оглядел журналистов и, подняв над головой сжатый кулак, наклонился к микрофону.

— Знаете, что у меня в руке? Пули! Пули, которые всего несколько минут назад были выпущены в меня. — Из моей разжатой ладони на пол посыпались пули, а я указал на ульимадо у ног. — И их выпустил вот этот

человек из оружия, которое вы видите в руках маркиза де ла Роса. Маркиз раздосадован произошедшим не меньше моего. Мы начали мирную демократическую избирательную кампанию, а в меня стреляли. И стрелок — не просто убийца-одиночка, в его кармане я обнаружил удостоверение личности. Видите? — Я потряс бумагой. — Он — ультимато, наемник генерал-президента Сапилоте. Теперь вы знаете, почему следует голосовать за меня, а не за проклятого диктатора. Потому что со мной на Параисо-Аки придут мир и свобода. Голосуйте за меня, и название планеты обретет свое истинное значение! Голосуйте за меня! Голосуйте!!! Голосуйте!!!

Избирательная кампания шла вовсю. С выходом газет весь мир узнает, что случилось в небольшом курортном городке.

Глава 21

— Твое имя даже не упоминается! — раздраженно воскликнула Анжелина. — Ни строчки в вечерних газетах, ни слова в выпусках новостей по телевидению и радио. Гробовое молчание, будто тебя и нет.

— Ничего удивительного, дорогая, — сказал я, выскребая остатки обеда из бороды. — Иного мы и не ожидали, ведь всю прессу контролируют Сапилоте и его прихвостни. Но теперь на этот счет у нас есть не сомнения, а неопровержимые доказательства. Посмотрим, может, завтрашние новости будут более содержательными. А пока сосредоточимся на ралли. Как там дела?

— Стадион забит так, что яблоку негде упасть. Для тех, кто не попал внутрь, мы установили вокруг стадиона телеэкраны и громкоговорители, всем желающим раздаются бесплатные сэндвичи и вино.

— Туристы на стадионе есть?

— Полным-полно. Они считают, что предвыборное ралли затеяно исключительно для их забавы.

— Не будь их там, не было бы и забавы. Сапилоте, наверно, отгрыз себе все ногти до основания. Сомневаюсь, что он выкинет что-нибудь в присутствии толпы туристов, но после...

— Не лезь на рожон.

— Любовь моя, я только этим и занимаюсь. Поехали на стадион?

— Поехали.

Как только электронный наблюдатель в нашем номере отеля дал добро, седан выскочил из гаража и юркнул между двумя туристскими автобусами. Защитное поле вокруг нашего автомобиля включено, все другие предосторожности соблюдены, но туристы-инопланетчики все же нам лучшая защита.

Свернув со скоростной автотрассы, мы оказались среди взятых напрокат туристских легковушек и с этим почетным эскортом благополучно добрались до стадиона. У входа нас ожидало нечто новенькое: в прозрачном кубе сидело с десятков раздраженных людей; вокруг толпились жители Пуэрто-Азула, показывали на сидевших в кабинке пальцами, смеялись, швыряли в гибкое стекло пустые бутылки и обертки из-под сэндвичей.

— Что все это значит? — спросил я подбежавшего ко мне Джеймса.

— Когда мы приехали с обеда, у дверей стояли полицейские шпики и демонстративно фотографировали всех входящих. Как ты понимаешь, народу при столь неблагоприятных условиях собралось немного. Боливар и я убедили полицейских отдать нам камеры и проследовать в специально возведенную для них кабинку.

— Лучше не рассказывай, как именно вы их убедили. Еще какие-нибудь помехи были?

— Нет. А ты, отец, готов к выступлению? Я хотел сказать, сэр Харапо.

— Готов, как никогда. А вы, маркиз?

— Тоже. Эта встреча войдет в историю.

— Тогда пошли.

Мы пошли по проходу сквозь возбужденно шумевшую толпу, махая руками, улыбаясь в туристские камеры, целуя младенцев. Добравшись наконец до центра стадиона, мы влезли на платформу. Платформа с нами поднялась, зазвучали записанные на пленку

фанфары. Шум постепенно утих, и вперед выступил маркиз.

— Как знает всякий, я — маркиз де ла Роса. Я с удовольствием баллотируюсь на пост вице-президента. Избирательную кампанию возглавляет мой родственник, сэр Гектор Харапо, Рыцарь Алой Розы. В недавнем прошлом затворник и джентльмен-ботаник, он оставил лаборатории и сады, чтобы помочь своей многострадальной планете. Без дальнейших предисловий представляю вам следующего президента Параисо-Аки... Досточтимого сэра Харапо!

Крик, визг, свист, топот. Я махал, пока не устала рука, затем подал знак. Снова зазвучали фанфары. Мыском ботинка я нажал на кнопку. Пол стадиона завибрировал с инфразвуковой частотой. Звук не слышно, но каждый на стадионе испытал безотчетный приступ депрессии. Толпа мгновенно смолкла, в глазах многих я заметил слезы.

Не забыть бы ослабить уровень инфразвука.

В наступившей тишине я заговорил:

— Леди и джентльмены! Избиратели! Гости из других миров! Я сообщу вам великую радостную новость! — Я переместил носок ботинка с кнопки депрессии на кнопку энтузиазма, и слушатели, еще не услышав великую радостную новость, разулыбались до ушей. — Через несколько недель состоятся выборы в президенты Параисо-Аки, и у вас есть счастливая возможность избрать на этот пост меня. Вы спросите, почему вам следует голосовать именно за меня? На то есть весьма веская причина: я — не Джулио Сапило-те, вот почему!

Люди одобрительно зашумели, а я, воспользовавшись случаем, наполнил стакан сухим джином из графина и сделал несколько глотков.

— Голосуйте за меня — и с коррупцией в высших сферах будет покончено раз и навсегда! — продолжал я. — Голосуйте за меня — и все ултимадо отправятся на акульи фермы инструкторами по плаванию. Голосуйте за меня — и у вас будет лучшее в Галактике правительство. Я торжественно обещаю, что, когда приду к власти, у каждого жителя Параисо-Аки всегда будет кусок мяса в кастрюле и бутылка вина в буфете.

Я отменю все налоги, введу ежегодный шестинедельный оплачиваемый отпуск, тридцатичасовую рабочую неделю, а для членов Дворянско-Крестьянско-Рабочей Партии — анкеты ждут добровольцев при выходе — пенсию с пятидесяти лет. Также в Пуэрто-Азуле каждое воскресенье будут проводиться бои быков с легализированным мною тотализатором. Я издам еще множество полезных законов, каких именно, придумаю по ходу дела. Голосуйте за меня!

Мои последние слова заглушили восторженные крики толпы, так что даже не понадобилась стимуляция инфразвуком. Если бы выборы проводились сейчас, здесь, и машина для подсчета голосов была беспристрастна, меня бы избрали в президенты единогласно.

Я сел, махая правой рукой, левой поднес к губам кем-то вновь заботливо наполненный стакан.

— Дорогой, тебе не кажется, что ты наобещал уж слишком много? — прошептала мне на ухо Анжелина.

— Ерунда. Политикам все равно не верит ни один здравомыслящий, а их предвыборные обещания произносятся лишь для привлечения внимания масс.

— Чего-чего, а внимания к себе ты привлек предостаточно.

— Вот и славно. Еще немного поболтаем и опускаем занавес. Ночка предстоит хлопотная.

Выступление вскоре кончилось, мы прорвались сквозь восторженную толпу к своим машинам и вместе с автомобилями туристов без проблем добрались до отеля.

— Готовы, ребята? — спросил я, в порыве нетерпения выдирая из бороды клочок волос.

— Как всегда! — ответили сыновья хором.

— Тогда докладывайте.

Пока Боливар читал из записной книжки, я переодевался.

— Вся информация на Параисо-Аки в ведении Министерства пропаганды. Их штатные цензоры в Центре вещания просматривают макеты газет и все телевизионные программы на мониторах, прослушива-

ют радиосообщения. Если они дают добро, то информация транслируется на спутники, со спутников — в типографии или на телерадиовышки.

— Спутников много?

— Восемнадцать, все крутятся на геостатических орбитах, зона их трансляции — вся суша планеты. Личные антенны спутниковой связи их сигналы не принимают.

— Замечательно. — Я негромко рассмеялся, зашнуровывая ботинки из мягкой кожи. — Газеты нас до поры не интересуют, ведь саботировать работу каждой чертовски утомительно. Да и вообще, самое популярное средство массовой информации на планете — телевидение. И самое уязвимое. Нам нужны подробный план Центра вещания и схема расположения оборудования.

Боливар протянул мне план, Джеймс — схему.

Да, по части жульнических уловок мои сыновья перещеголяли меня. Я издал слабый стон, который они, надеюсь, приняли за сдавленный кашель и не заметили тоску в глазах стареющей Стальной Крысы.

— Мы сопоставили оба плана. — Боливар ткнул пальцем в свой лист.

— И обнаружили уязвимое место. — Джеймс ткнул в свой.

Я склонился над бумагами.

— Здесь расположены микроволновые радиопередатчики, которые посылают сигналы на висящий над Центром спутник, а он, в свою очередь, транслирует их на другие спутники в поле его зрения, те — по цепочке дальше...

— Красная и зеленая линия на схеме — волноводы радио- и телеканалов от передатчика к антеннам на крыше Центра...

— Здесь эти волноводы проходят по подвалу...

— Здесь! — Я ткнул на схему, и мы победно рассмеялись. — Для операции понадобятся два компактных электронных устройства, которые по сигналу извне не только отрежут в волноводе их сигналы, но и введут взамен наши. Сможем ли мы изготовить такие устройства?

Джеймс молча вытащил из кармана черную коробочку с ладонь размером, Боливар — из своего такую же.

— Ребята, я горжусь вами!

— Питание внутреннее, — сообщил Боливар. — От атомных батареек. На годы хватит.

— Неплохо, — похвалил я. — Жаль, что коробочки годятся лишь для одноразового использования. Узнав, что их информационная программа заменена нашей, сторонники Сапилоте организуют поиски и не успокоятся, пока не обнаружат наши устройства. В канун выборов без специального выпуска новостей не обойтись, а вновь установить аналогичную аппаратуру окажется гораздо обременительней.

Пока я говорил, Джеймс открыл ящик и вытащил два довольно массивных прибора с выключателями и болтавшимися во все стороны проводами.

— Мы примерно так и подумали, — воскликнул он. — И вот результат — полные электронной начинки обманки. Мы их установим на виду, при попытке вскрыть, они взорвутся.

— Отец, ты устал, Джеймс и я позаботимся обо всем...

— Устал? Устал быть грязным политиком. Вы уж не лишайте старика отца развлечения перед сном.

— Я бы силой оставила тебя здесь, но, к сожалению, слишком хорошо тебя знаю, — впервые заговорила Анжелина. — Езжай, развлекайся, но не надейся, что, вернувшись, застанешь меня бодрствующей.

Я поцеловал свою понятливую жену, мы с мальчиками спустились по пожарной лестнице во двор отеля, прошли два квартала до стоянки и залезли в неприметную легковушку.

Машину мы припарковали в полукилометре от Центра прессы, дальше отправились пешком. Конечно, парадным входом мы не воспользовались, а сократили путь и, не потревожив сигнализации, проникли в подвал через окно. Дальше — проще. Мы нашли нужную дверь. В помещении в это время суток, как и предполагалось, только гудевшие машины — и ни души. Был, правда, еще вооруженный охранник, но при нашем появлении он тут же мирно уснул. Мы прикрепили обманки к волноводному тракту за набитым

электроникой ящиком, затем, аккуратно разобрав пол, установили настоящие аппараты за жгутами проводов.

— Неплохо, — сказал я, любуясь делом наших рук. — Отправляемся обратно в отель, там нас ждут прохладительные напитки, да и программу нужно готовить.

Удалились мы тем же путем, каким прибыли, незамеченными дошли до оставленной в тени легковушки.

Я открыл дверцу, в автомобиле вспыхнул свет...

На месте водителя сидел мой старый знакомый, полковник Оливера и целился мне в голову из пистолета.

— Оказывается, ты уже не просто турист, а пособник врага, предателя Харапо. При нашей прощальной встрече я тебя предупреждал, чтобы ты не возвращался на эту планету.

Глава 22

Темную улицу вдруг залил ослепительный свет десятков прожекторов, из подъездов посыпались солдаты.

— Пожалуйста, не стреляйте! Мы сдаемся. Ребята, поднимите руки, это приказ. Доучан куоунбоула!

Мальчики подчинились, как и я, подняли руки над головой и, коснувшись запястьем запястья, привели в действие дымовые бомбы. Что я и приказал им сделать на редком инопланетном языке. Их тут же скрыли из глаз клубящиеся облака дыма.

Я отпрыгнул в сторону. Вовремя. Через долю секунды Оливера выстрелил, пуля просвистела у виска. Прежде чем Оливера нажал на курок второй раз, я швырнул в кабину дымовую бомбу, за ней — гранату с сонным газом.

Дверцу машины я открыл секунд десять назад, а все вокруг изменилось до неузнаваемости: улицу заполнили облака дыма и атакующие солдаты; слух резали отрывистые команды, свистки, крики, рев двигателей машин.

— Добавьте дыма! — приказал я на том же инопланетном языке. — Да про снотворный газ не забудьте! Я отвлеку их, а вы уносите ноги.

Давая мальчишкам шанс на бегство, я залез в машину, отпихнул тело Оливеры с водительского си-

дня, завел двигатель, включил сцепление и что было сил вдавил педаль газа. Автомобиль рванул с места, набрал скорость, дымовая завеса поредела, а вскоре и вовсе исчезла, в глаза ударил свет прожекторов. Я прищурился и увидел, что машина несется на солдат. Я резко крутанул руль, автомобиль промчался в двух-трех сантиметрах от крайнего и врезался в броневику.

Я ударился о лобовое стекло и осел в водительском кресле. Вскоре очнулся: мой нос был разбит, рубашку залила кровь, голова тоже пострадала, мир вокруг неся в бешеном хороводе. Мысли шевелились еле-еле, и я лишь надумал, что еще немного дыма и сонного газа не повредят. Едва я швырнул через открытое окошко дымовую гранату, как в борту броневика открылась дверь. Вторую гранату я чисто рефлекторно закинул туда.

Я задержал дыхание. Кровь вымыла из моего носа фильтры, если я хотя бы раз вдохну, то засну, как полицейские и солдаты вокруг, но вряд ли мое пробуждение будет столь же мирным, как у них.

Я на четвереньках выполз из машины, стукнулся носом во что-то твердое. Грудь горела огнем: не набрать в легкие наполненный газами воздух чертовски трудно. Я пошарил рукой перед собой. Оказывается, я уткнулся в дверцу броневика. Транспорт! Вслепую отпихнув бесчувственное тело от входа, я забрался внутрь, перелез еще через два тела.

Если я не вдохну, то умру. Но дышать пока нельзя. Я прополз еще немного и ударился головой о металлическую поверхность. Долго ощупывал, прежде чем понял, что это сиденье. Сиденье водителя на высокой платформе в передней части броневика. Пошарив по полу, я обнаружил педаль газа. Педаль вибрировала — двигатель работал!

Я привстал, вытянув ногу, надавил на акселератор. Броневику задрожало и, подмяв под себя мой автомобиль, двинулся вперед. Беззвучно выругавшись, я снял ногу с педали. Пошарил рукой. Ручка. Наверно, ручка переключения скоростей. Я рванул ее на себя, снова нажал на газ. Тусклый, наполненный дымом мир перед глазами запрыгал, и броневику пополз назад.

Воздуха!

Забрезжил свет. Надеюсь, что сонный газ вместе с дымом остались позади, я высунул голову из двери и вдохнул полной грудью.

Ничего не произошло. Ровном счетом ничего, если не считать, что воздух был восхитительно свеж. Я обернулся. Все великолепно: позади в дыму бессмысленно метались люди; оттуда кроме моего броневика выбрались и другие и теперь пятятся прочь.

Я захлопнул дверцу, снова втиснулся в кабину, толкнул плечом водителя, и тот со стуком шлепнулся на пол.

Мои сыновья там, в дымовой завесе, им отчаянно нужна помощь. Я уселся на водительское сиденье, осмотрел приборы. На одной ручке маркировка: «Управление стрельбой из переднего орудия». Подходит! Я поднял ствол до упора и нажал на гашетку.

Оглушительно загрохотало, броневик задергался, к ногам посыпались пустые гильзы. Солдаты на экране засуетились: кто спешил к стенам зданий; кто, закрыв голову руками, падал на мостовую.

Отлично, пора удирать и мне. Ручка передач все еще в положении «Назад». Я надавил на акселератор. Здания на экране заднего вида поползли навстречу. Вести броневик задним ходом оказалось непросто, его болтало из стороны в сторону. Надеюсь привлечь к своему отходу внимание, я надавил на клаксон и включил дальний свет. На экране появился взвод солдат, но при моем приближении brave вояки бросились врассыпную.

Перекресток. Я резко крутанул руль. Машину занесло, затем она рывком встала. Я переключил скорость на переднюю. Прежде чем успел нажать на газ, мимо моего броневика, направляясь к месту боевых действий, прогремели три его собрата-близнеца. На перекрестке броневики столкнулись с преследовавшей меня машиной. Я от души посмеялся над их неуклюжими попытками разъехаться и покатиł мимо устроенной кучи малы.

Прежде я был чертовски занят, но теперь на меня с невероятной силой навалились мысли о судьбе Боливара и Джеймса.

Они выбрались. Они непременно выбрались! Иначе и быть не может. Стрельбы оттуда я не слышал, близнецы в сознании, клубившиеся облака дыма скрыли их, да и враги, поди, давно как один спят. Я отвлек внимание на себя, создал панику. Ребята умны и проворны, возможностей спастись у них было сколько душе угодно.

Так почему я волнуюсь, почему по спине течет холодный пот?

Потому что рассуждаю я не как безжалостный агент межзвездной службы безопасности, а как отец. Они — мои дети, я втянул их в свою авантюру, и что бы ни случилось, в ответе я.

Я медленно ехал по темным пустым улицам. Мой мозг захлестывала черная волна вины и отчаяния.

— Поплакался, и будет. — Мой голос звучал почти бодро и на время даже заглушил настойчивый внутренний голос. Я выпрямился в кресле и крепче сжал баранку. — Так-то лучше. Причитаниями и стенаниями им ты, диГриз, не поможешь, а на себя беду накличешь. Твоя текущая задача — добраться до отеля живым, а там уж взяться за работу. Так двигайся же.

Я до предела вдавил акселератор в пол и покатила насколько возможно кратчайшим путем. Бросив броневик посреди скудно освещенной улицы, оставшиеся два квартала до отеля я пробежал. Служебный вход оказался закрыт, и я воспользовался булавкой. Никем не замеченный, я поднялся на грузовом лифте на двенадцатый этаж, подошел к своему номеру. Дверь передо мной распахнула Анжелина.

— Ну и видок у тебя. Серьезно ранен?

— Пустяки: синяки, ссадины. Только вот...

Я не знал, как продолжить, но, должно быть, выражение моего лица было куда красноречивей слов.

— Мальчики?.. Что с ними?

— Не знаю толком. Уверен, у них все в порядке. Мы расстались после операции и к отелю отправились разными дорогами. Впусти же меня, я расскажу подробнее.

Как только дверь за моей спиной захлопнулась, я ей все рассказал. Медленно, выбирая слова между глотками выдержанного рона. Пока я говорил, жена

сидела как изваяние. Печальное повествование подошло к концу, и она кивнула.

— Мучаешься?

— Мучаюсь. Я во всем виноват. Только я. Я взял их с собой...

— Помолчи. — Анжелина наклонилась ко мне и коснулась губами щеки. — Они — взрослые люди, на дело пошли с открытыми глазами. Ты не только не вел их к катастрофе, но и, дав им шанс на спасение, подставил себя под огонь врага. Ты сделал все, что в человеческих силах. А теперь успокойся, и, пока ждем новостей, я подлатаю твой безобразный нос.

Она промыла рану и наложила на мой нос пластырь; за всю операцию я лишь несколько раз сдавленно охнул. Потянулось ожидание. Анжелина, которая обычно пила лишь на официальных приемах, наполнила стакан ромом и потягивала из него маленькими глотками. Мы поминутно отводили глаза от часов, а каждый раз, заслышав на улице сирену, как по команде вздрагивали. Мой стакан опустел, я потянулся к бутылке.

— Милая, тебе плеснуть?

Пронзительно зазвонил телефон. Прежде чем я опустил бутылку на стол, Анжелина сняла трубку и включила внешний усилитель.

— Говорит Джеймс, — раздался знакомый голос, и я облегченно вздохнул. — Поменялся одеждой с солдатом и выбрался из заварушки без проблем, но появиться в отеле в таком виде не могу.

— Я подберу тебя, — сказала Анжелина.

— Как отец?

— Нормально, сидит рядом с расквашенным носом. А как Боливар?

Последовала секундная пауза, и напряжение во мне возросло десятикратно.

— А он не звонил?

— Нет. Я бы сказала.

— Выходит, его взяли. Я видел, как оттуда выскочили полицейские в противогазах. Они были единственными, кто покинул поле битвы. Я оставался на месте, пока не рассеялся дым и не начали строиться войска. Сожалею, что...

— Не вини себя, сынок, ты сделал что смог. Для начала доставим тебя сюда, затем подождем новостей. Уверена, вреда Боливару не причинят. Все будет хорошо.

Голос Анжелины звучал спокойно, но, глядя ей в глаза, я знал, что в душе она рыдает.

Глава 23

Анжелина отправилась за Джеймсом.

Решив, что сегодня как никогда нужна свежая голова, я закупорил и отставил в сторону бутылку рона. Передо мной на столе стояли сэндвичи и горох — лучшая пища для мозга. Весьма кстати. Я придвинул тарелку с горохом, открыл бутылку сухого вина — нужно чем-то запивать еду. В последовавшие полчаса мой невидящий взгляд был прикован к телефону, зажатая в руке вилка ковыряла горох, мозг же лихорадочно работал. Чем больше я размышлял, тем более логичным мне казалось одно из самых непривлекательных решений проблемы.

Хлопнула дверь, вошли жена и сын.

— Телефон не звонил, — сообщил я.

— Я бы поел, — сказал Джеймс, наливая в стакан немного вина.

Я рад, что по части алкоголя близнецы пошли в мать, а не в меня, забуддыгу.

— Я придумал план, — объявил я. — Возвращение Боливара гарантировано.

— Я тоже придумала план. Мы ворвемся в тюрьму, перестреляем всех, кто встанет на пути, и освободим его.

— Нет. Именно этого от нас ждут, мы же ударим в другом месте.

— И где?

— Мы возьмем пленного, которого они с радостью обменяют на Боливара.

— Кого?

— Самого Сапилоте!

Джеймс был столь удивлен, что на минуту даже перестал работать челюстями. Анжелина куда лучше контролировала себя.

— Может, разъяснишь, как додумался до этого?

— Охотно. До сегодняшнего вечера мы всюду опережали врагов на шаг и высокомерно полагали, что так будет и впредь. Но медовый месяц кончился — у кого-то в их стане есть голова на плечах. Весьма вероятно, что этот кто-то — полковник Оливера, ведь не случайно именно он поджидал нас в нашей машине. Пока не уверимся в обратном, считаем его врагом номер один. Он знал, что для успеха нашей избирательной кампании нам не обойтись без средств массовой информации. Из нашей сегодняшней пресс-конференции наружу не просочилось ни слова, и он резонно предположил, что мы попытаемся прорвать блокаду молчания. Что именно мы предпримем, неизвестно, но он верно угадал, где нас ожидать. У Центра вещания. Там он и устроил западню, а мы, беспечные простаки, в нее угодили — Боливар попался. Оливера был прав, расставив силки у Центра вещания, и теперь он, несомненно, ожидает, что мы бросимся освобождать пленного. Поэтому можно не сомневаться, что Боливара упрятали в место понадежней, чем муниципальная тюрьма, само же здание тюрьмы превратили в ловушку. Но мы перехитрим умника Оливеру: вместо того чтобы сунуться в тюрьму, мы возьмем Сапилоте в заложники. Боливара освободят, и счет снова станет ничейным.

— Все, что ты сказал — правильно, но ты не упомянул самого главного: как мы захватим Сапилоте, — заметила Анжелина.

— Сейчас я посплю несколько часиков, а утром отправлюсь в столицу и навещу достопочтенного генерал-президента в его резиденции.

— Удар пришелся тебе по носу, но, видно, пострадали и мозги. — Анжелина едва заметно шевельну-

лась в кресле, и в ее руке оказался нацеленный на меня пистолет. — Отправляйся спать, а мы с Джеймсом придумаем план, который не будет самоубийством.

— Ты застрелишь меня, спасая мне жизнь? Не перестаю удивляться тайнствам женского разума. Положи пистолет и расслабься. То, что я предлагаю, не самоубийство, а четко спланированная операция. Некоторые детали еще неясны, но, уверен, к утру все додумаю до конца.

Так и случилось. Проснувшись на рассвете, я обнаружил в фронтальных долях своего мозга план предстоящей операции в мельчайших подробностях. Успех гарантирован!

Уверенность в успехе не покидала меня, пока я принимал душ, завтракал, летел в Приморосо и пересекал площадь Свободы. Лишь когда перед железными дверьми в Пресидио меня остановил вооруженный охранник, в душу закрались сомнения.

— Пропуск! — рявкнул он.

Отступать поздно. Только вперед!

— Пропуск? Ты спрашиваешь пропуск у меня? Ты что, кретин, не знаешь, что я здесь по специальному вызову полковника Оливеры?!

— Сожалею, сэр, полковник только что проходил мимо, но насчет вас не распорядился.

— Оливера здесь?

— Да, сэр, но...

— Тем лучше. Позвони ему. И пошевеливайся, если дорожишь жизнью.

Дрожа всем телом, охранник набрал номер. На экране появился садист Оливера. Прежде чем охранник заговорил, я отпихнул его в сторону и приблизил лицо к экрану.

— Оливера! Я — у парадного входа. Спускайся, поговорим.

Оливера недоверчиво оглядел меня, узнал, его зрачки расширились. Он, несомненно, продумал множество вариантов моих дальнейших действий после бегства от

Центра вещания, но подобного оборота никак не ожидал. Он судорожно глотнул и заорал:

— Хватай его!

Я дал отбой и уселся в кресло охранника.

— Видел, в какой восторг пришел твой начальник?

Охранник, раскрыв рот, кивнул.

Я достал сигару и едва раскурил ее, как по лестнице сбежал Оливера. За ним по пятам следовал взвод солдат.

— Прошлой ночью вы взяли моего человека. — Я пустил в лицо Оливеры колечко дыма. — Немедленно освободите его.

Как я и предполагал, он не подчинился. Солдаты схватили меня и поволокли в подземную часть здания. Я не сопротивлялся. Меня раздели, осмотрели, ощупали, просветили рентгеновскими лучами, промыли кишечник и желудок. За всеми предварительными процедурами наблюдал лично Оливера. Он чувствовал в моей добровольной сдаче подвох, но в чем он заключался, не понимал. По его приказу все предварительные процедуры повторили в обратной последовательности. Вновь не найдя ничего подозрительного, мне выдали стоптанные шлепанцы и тюремную робу, затем сковали запястья и лодыжки тяжелыми цепями, затащили в следственную камеру и швырнули на жесткий железный стул. Оливера навис надо мной, постукивая тяжелой дубинкой по раскрытой ладони.

— Кто ты?

— Я — Джим диГриз, генерал Межгалактического комиссариата политических расследований. Называй меня просто — сэр.

Он ударил меня дубинкой по голени. Удар чертовски болезненный, но я и бровью не повел. К счастью, предварительная процедура не выявила, что я под завязку был накачан новокаином — мощнейшим болеутоляющим. Когда действие препарата прекратится, мне придется тяжело, но пока, бей меня чем угодно, мне начхать.

— Не лги или получишь еще. Кто ты? Говори правду!

— Я и сказал тебе свое настоящее имя и звание. Мы, члены МКПР, посвятили свою жизнь искорене-

нию несправедливости, развитию политически отсталых планет. Мы помогаем демократам, вроде Харапо, и низвергаем с постов в правительстве преступников, вроде Сапилоте.

Оливера ударил меня еще и еще раз, я же сидел и не мигая смотрел ему в глаза.

— Наслаждаешься? — спросил я. — Должно быть, ты серьезно болен.

Он вновь занес дубинку, но, подумав, отшвырнул. Что за удовольствие избивать человека, если тот не чувствует боли?

Я одобрительно кивнул.

— Теперь поговорим, как взрослые люди. Моя организация, как я уже сказал, поддерживает Харапо. Прошлой ночью вы схватили моего оперативного работника. Освободи его немедленно!

— Никогда! Считаю его покойником. Да и себя — тоже.

— Опять угрозы? Да ты глупей, чем кажешься. — Я медленно поднялся: чертовски мешали тяжелые кандалы. — Что ж, обращусь через твою голову. Вели отвести меня к Сапилоте.

— Я убью тебя! — взвыл Оливера, поднял дубинку и занес ее над моей головой.

— Моя организация продолжит работу без меня и непременно прокатит Сапилоте на выборах, а он уж спустит с тебя шкуру. Если ты этого добиваешься, что ж, бей.

Дубинка в его руке дрожала, в душе боролись желание вышибить из меня мозги и страх за собственную шкуру. Наконец последнее победило, и он медленно опустил дубинку.

— Так-то лучше, — подбодрил его я. — Теперь веди меня к Сапилоте, и мы заключим с ним соглашение, которое устроит обе стороны.

— Что за соглашение?

— Узнаешь, если твой шеф не выгонит тебя при переговорах. Пошли!

Я с наслаждением наблюдал, как Оливеру передернуло. У него был небогатый выбор, и он, слегка поколебавшись, тяжело вышел из камер.

Я упал на стул. На моем теле проступили синяки; грудь справа заметно опухла, видимо, сломано ребро или два. Отвлекая себя от тяжких дум о собственном бренном теле, я принялся мысленно перебирать варианты мести ненавистному Оливере после победы на выборах. Вариантов осталось предостаточно, когда вернулся сам полковник Оливера со взводом солдат.

Поставив меня на ноги, солдаты образовали вокруг сплошную стену. Получив прикладом в спину, я промаршировал с этим почетным эскортом по длинному мрачному коридору, поднялся по бесконечным лестницам, прошел пышные приемные покои и оказался перед огромными позолоченными дверьми. По сторонам застыли охранники — лица строги, руки на оружии. Двери распахнулись, и солдаты втокнули меня в центр здешнего ада — личные покои генерал-президента. Сам генерал-президент скорчился в кресле, кривые ручки — на массивном письменном столе. На вид жаба жабой, а уж внутри... Если он и распознал во мне Харапо, то виду не подал.

— Расскажи мне об этом человеке, — приказал он Оливере.

— Он представился Джимом диГризом, генералом МКПР...

— Если врешь, я пристрелю тебя!

— Нет, пожалуйста, я сказал все как есть, ваше превосходительство! — заскулил Оливера, покрываясь испариной и мелко дрожа. — Его слова похожи на правду. Межгалактический комиссариат политических расследований вроде бы существует, а он, без сомнения — межпланетный агент. Впервые он здесь появился несколько месяцев назад под видом туриста, вступил в контакт с организованной оппозицией и тут же был выдворен с планеты. Теперь он нелегально вернулся и причинил нам... э-э... некоторые хлопоты. Он, несомненно, занимает высокое положение при мятежнике Харапо...

— Я убью Харапо! Повешу! На его собственных кишках!

— Да! Повесим всех предателей! Каждого! На их кишках!

— Заткни глотку, Оливера, или тебя вздернут первым! — заорал Сапилоте. Оливера захлопнул рот, его зубы громко щелкнули, не удивлюсь, если один-два при этом сломались. — Так ты работаешь на Харапо! — Пороссячи глазки диктатора впились в меня. — Ты — причина всей смуты! Прежде чем я убью тебя, скажи, зачем ты хотел меня видеть.

— Я намерен заключить с тобой соглашение о...

— Я не веду переговоров с предателями. Расстреляйте его!

Ко мне, намереваясь немедленно привести приговор в исполнение, подскочили солдаты. Такой оборот дела меня вовсе не устраивал.

— Подождите! Выслушайте меня! Я пришел сюда один, без оружия. Думаете, по дурости? Нет. Я пришел, чтобы сообщить вам, что... — Я умолк. Сапилоте замер, слушая. Что же ему сказать? Что, на взгляд диктатора-параноика, достаточно важно? Паранойя? Вот ключевое слово, вот на что я сделаю ставку! — Я пришел, намереваясь сообщить, что рядом с тобой предатель! Он плетет заговор против тебя!

— Кто?!

Аудитория напряглась, ловя каждое мое слово. Сапилоте даже вскочил на ноги и перегнулся через стол.

— Мгртсссо... — буркнул я.

— Что?

— Произнести имя предателя вслух? Прямо здесь? При посторонних?

— Говори быстрее! — взвыл Сапилоте, обходя стол. — Кто он?

— Я скажу тебе. — Я напряг мышцы, согнул ноги в коленях. — Этот некто близок к тебе. Он желает твоей смерти...

Оттолкнув стоявшего передо мной охранника, я прыгнул. Шатаясь под весом цепей, поднял руки. Царапнул кончиками пальцев по лицу диктатора.

Меня ударили сзади по голове, наверно, прикладом. Мир закружился. Я упал на пол, солдаты принялись избивать меня ногами. Сквозь багровый туман я увидел, как Оливера остановил их, приказал поднять меня.

Меня поставили на ноги, сдавили грудь так, что я едва дышал. Оливера приставил ствол пистолета к моему лбу.

— Говори, прежде чем я размажу твои мозги по стене! Кто хочет убить генерал-президента?

— Я, — прохрипел я. — Я хотел его убить и только что это сделал. Видишь кровоточащие царапины на его лице? — При этих словах Сапилоте поднял руку, провел по лицу, тупо уставился на окровавленные пальцы. — Вы ощупали, осмотрели меня! — уже кричал я. — Оружия не нашли. А оружие, вот оно — ногти! На них — инопланетный четырехчасовой вирус. Сапилоте заражен и через четыре часа умрет. Ты мертв, старик! Мертв!

Глава 24

На лица приспешников Сапилоте стоило посмотреть, но на рожу их шефа — особенно: его пергаментная кожа побелела, поросячьи глазки под густыми бровями норовили вылезти из орбит, нижняя губа судорожно дергалась. Он прижал руку к лицу, шатаясь, пересек комнату и плюхнулся в кресло. Казалось бы, после двух столетий жизнь любому надоест. Любому, но не ему, видимо, он слишком привык жить. Я вновь заговорил и, помня о пистолете у моего лба, слова подбирал тщательно:

— Ты покойник, Сапилоте. Если, конечно, вовремя не получишь противоядие. Убери от меня своего пса!

Сапилоте поднялся, проковылял к Оливере, схватил его за ухо, и, повернув, дернул. Полковник взвыл и выронил пистолет, который, к счастью, не выстрелил.

— Поставьте пленного на колени! — приказал Сапилоте, и солдаты тут же выполнили его приказ. Сапилоте оттолкнул Оливеру и навис надо мной, дыша в лицо чесноком. — Говори, где противоядие!

— Где оно, знаю только я. Если в ближайшие три часа сделают укол, ты будешь жить. Неизвестный на вашей планете вирус сейчас разносится кровью по твоему организму. Твои доктора не поймут, и не надейся. Первые симптомы приближающейся смерти ты уже наверняка ощущаешь — тебя лихорадит. Тем-

пература будет подниматься, пока жар не разрушит мозг. Чувствуешь покалывание в кончиках пальцев? Скоро их парализует и паралич постепенно охватит все твоё тело, член за членом...

Завизжав, он поднес пальцы к лицу — они побелели. Не переставая визжать, он сделал шаг назад, пошатнулся и упал бы, но подоспели двое солдат, подхватили его под руки, отволокли к письменному столу и усадили в кресло.

— Вели своим людям снять с меня кандалы и убираться прочь, — распорядился я. — Оливера пусть останется, ещё пригодится. Отдавай приказы! Живо!

Дрожащим голосом Сапилоте отдал приказы. Как только с меня сбили кандалы, я добрался до кресла и упал в него. Оливера замер рядом, прижимая ладонь к уху, между его пальцами сочилась кровь.

— Оливера, слушай мои инструкции. Отдай по телефону приказ, чтобы захваченного прошлой ночью пленного освободили и доставили живым и невредимым в отель «Гран Парахеро» в Пуэрто-Азул. Сообщи ему номер здешнего телефона, и он, благополучно добравшись, позвонит сюда. Когда услышу его голос, поговорим о противоядии. Чего стоишь, время тянешь?

— Исполни! — прорычал Сапилоте и, убедившись, что Оливера опрометью бросился к телефону, повернул голову ко мне. — Противоядие... Где оно? Мне все хуже, я весь горю внутри!

— Ничего, в ближайшие три часа не умрешь, хотя и будешь чувствовать себя все хуже и хуже. Противоядие поблизости, тебе его доставят, едва получат мое распоряжение по телефону. А позвоню я не раньше чем выберусь отсюда живым.

— Кто ты?

— Твоя судьба, старик, твой черный ангел, сила, которая низвергнет тебя. Но не теряй понапрасну времени, пошли за моей одеждой. Видишь, Оливера уже освободился, пусть сбегает.

— Какие гарантии, что, отпустив тебя, я получу противоядие?

— Мое слово, старик, но выбора у тебя нет. Отдавай приказы!

Телефон зазвонил чуть меньше чем через два часа. Сапилоте к тому времени почти впал в коматозное состояние; вокруг него суетились доктора, сгоняли температуру жаропонижающими препаратами, но остановить прогрессирующий паралич конечностей они были не в силах. Диктатор уже не ощущал собственных ног и рук и при первом звонке телефона лишь слабо булькнул.

Я поднял трубку.

— ДиГриз на связи.

— Тебе сильно досталось, милый? — слышался из трубки голос дорогой Анжелины.

— Не слишком. Как Боливар?

— Сидит рядом. Ест. Выбирайся побыстрее оттуда.

— Уже в пути, милая.

Я швырнул трубку и, не оглядываясь, вышел. Мои инструкции выполнялись в точности: перед подъездом ожидал автомобиль с шофером — дверца нараспашку, двигатель тарахтел. Едва я сел, автомобиль сорвался с места и понесся к аэродрому. На взлетной площадке стоял мой вертолет, вычищенный и дозаправленный. Я немедленно взлетел и, сделав круг над аэродромом, на полной скорости направился на север. Минут через пять рядом появилась тяжеловооруженная машина, Джеймс в кабине помахал мне рукой, из динамика слышалось:

— Молодчина, па! В небе — никого. А если кто и появится, я вмиг его собью.

— Хорошо. Посылай Сапилоте имя и адрес доктора в Приморосо, и ждем прямиком домой. Денек выдался не из легких.

На пути в Пресидио я заглянул к доктору, заручившись его обещанием не выходить весь день из дома и сделать обратившемуся к нему пациенту инъекцию, вручил ему кошелек с деньгами и наполненный шприц. Доктору у Сапилоте обеспечен весьма теплый прием. У доктора я, казалось, побывал лет сто назад, а на самом деле — утром.

На полпути к замку де ла Роса мы с Джеймсом нагнали весь наш небольшой воздушный флот. Остальные покинули Пуэрто-Азул, как только вернулся Боливар. Быть в досягаемости диктатора, когда он, получив укол, оправится от болезни, никому не хотелось.

Приземлились мы все вместе. Бок болел все сильнее. Повернув ключ в замке зажигания, я вылез из вертолета. Первым ко мне подбежал Боливар: лицо в синяках, под рубашкой повязка. Перехватив мой взгляд, он улыбнулся.

— Довольно легко отделался. Так, ногами малость попинали, пока тащили. Ты выглядишь хуже.

— И чувствовать себя буду значительно хуже, если в ближайшее время не приму обезболивающее. Принеси аптечку.

— Она со мной. Мама мне все рассказала. — Сын делал мне укол, и его лица я не видел. — Спасибо, отец... Даже не знаю, как тебя благодарить...

— И не надо. Если бы я попал в подобную передрыгу, уверен, ты бы сделал для меня то же самое. А теперь води меня к мягкому креслу и крепким напиткам, а я расскажу... Осторожней, ребра! — закричал я, видя, что подбегает Анжелина и хочет обнять меня. — Поддерживайте меня лучше под руки. И пусть док осмотрит мои ребра.

Маркизу, должно быть, уже сообщили о моих подвигах, и, завидев меня, он распростер объятия. Но его знаком остановил Джеймс.

— Давайте устроим вечеринку, — предложил я.

— Шампанского! — закричал де Торрес. При таких темпах его винные подвалы скоро опустеют. — Лучшего! О геройстве этих часов будут сложены легенды!

Мы расселись по креслам и подняли бокалы. Вскоре по моему телу разлилось блаженное тепло; шампанское было действительно из лучших. После того как мой стакан наполнили трижды, я, оставляя мрачные подробности и преувеличивая, где надо, неспешно повел рассказ о своем визите к диктатору:

— ...Положив трубку, я спокойно вышел. Доехав на автомобиле до аэродрома, пересел в вертолет. И вот я здесь, с вами, пью шампанское.

— Потрясающе! — вскричал маркиз. — Нужно обладать невероятной отвагой, чтобы, как вы, пойти в логово смертельно опасного врага.

— Уверен, маркиз, для своего сына вы бы сделали то же самое.

— Конечно, но удачный случай выпал не мне, а вам. И какая поразительная храбрость — нести смертельно опасных микробов на кончиках пальцев...

Конец его фразы потонул во взрыве всеобщего хохота. Анжелина склонилась и похлопала его по плечу.

— Не обижайтесь, маркиз, мы смеемся не над вами, а над дурнем Сапилоте. Самое потешное во всей этой истории, что мой муж не способен убить кого-либо. Он не ввязался бы в операцию, будь хотя бы малейшая вероятность, что умрет человек. Даже такой гнусный, как Сапилоте.

Маркиз недоумевающе моргал.

— Это выше моего понимания.

— Никакого смертельного вируса не было. Ногти покрывали безвредные пиретоген и анестезирующее. От первого у Сапилоте поднялась температура, от второго занемели конечности. Оба препарата действуют не более четырех часов, поэтому такой срок и был назначен.

— Но доктор?.. Инъекция?..

— Инъекция — безобидный биораствор. Теперь вы понимаете, в чем хохма? Смертельная болезнь диктатора была пустым блефом! Мой муж — не только величайший из героев Галактики, но и величайший пройдоха и актер!

В показной скромности я опустил голову. То, что сказала жена, — чистая правда, и, по-моему, всем очевидная.

Глава 25

Дальнейшая часть вечера прошла для меня болезненно, так как действие новокаина прекратилось прежде, чем врач залечил мои синяки и ссадины. И ребра. Оказалось, что проклятый Оливера сломал мне целых три ребра. Пока врач вводил мне в ребра восстановитель костной ткани, а затем бинтовал грудную клетку, я сидел и клял Оливеру последними словами. Наконец врач закончил, и маленькая доза новокаина и большая рона погрузили меня в заслуженный сон.

Утром Анжелина не будила меня, и я выспался на славу. Выпив две чашки кофе из заботливо оставленного ею на ночном столике у изголовья кофейника, я встал и спустился вниз.

— Как мы себя чувствуем? — спросила Анжелина.

— Не знаю, как себя чувствуете вы, но у меня ощущение, что вчера по мне проехал дорожный каток.

— Бедненький! — Анжелина пригладила мои взъерошенные волосы и коснулась лба губами. — Мальчики подготовили тебе сюрприз. Уверена, ты позабудешь обо всех неприятностях.

Дверь распахнулась, в комнату вошел Джеймс, неся проекционный телевизор, за ним следовал Боливар со свернутым экраном. Я непроизвольно поморщился.

— Ненавижу чертов ящик. Особенно утреннюю жвачку для дебилов.

Анжелина легонько хлопнула меня по лбу.

— Утро ты уже проспал, а сейчас — полдень, традиционное на этой планете время обеда. После сытной трапезы местные жители плюхаются перед включенным телевизором и, поглаживая вздувшиеся животы, просматривают новости.

— Мой живот прилип к спине, — пожаловался я. — И я ненавижу телевизионные новости.

— Вот и горничная с завтраком из девяти блюд для героя, — сообщил Боливар, давая проход катившей перед собой сервированный столик горничной. — Попав в засаду возле Центра вещания, мы резонно предположили, что нашу аппаратуру обнаружат. И действительно обнаружили. Наши обманки. Джеймс вчера проверил цепи, настоящая аппаратура работает нормально. Мы чуть ли не всю ночь готовили пленку к эфиру. Уверен, наш выпуск новостей тебе придется по сердцу.

— Ну и балда же я! — воскликнул я с набитым ртом. — Позабыл обо всем на свете. Забираю свои опрометчивые замечания обратно. Анжелина, любовь моя, садись рядом, бери самую большую отбивную, посмотрим передачу вместе.

Я покончил с завтраком, а на экране закончилась предшествующая выпуску новостей программа. Это была романтическая опера с бесчисленными слащавыми любовными сценами, бездарными актерами и идиотской интригой, какие по вкусу лишь умственно отсталым. Прежде чем я дотянулся до чего-нибудь тяжелого, намереваясь запустить в телевизор, кончилась очередная серия и последовала реклама. Из нее мне понравилась лишь реклама рона, остальное — тоска зеленая... К счастью, все, даже реклама, имеет конец. Под звуки фанфар на экране пошла заставка выпуска новостей, затем появилась смышленная на вид девица в очках.

— Добрый день, леди и джентльмены. Как всегда в это время — новости. Из столицы получено радостное сообщение: состояние здоровья генерал-президента Сапилоте после вчерашнего отравления несвежей рыбой улучшилось. Наш дорогой генерал-президент, мы все желаем ему скорейшего выздоровления и...

Джеймс нажал кнопку на черном ящике перед собой. Экран мигнул, и вместо смышенной девицы появилась фотография — я, при бороде и с лучезарной улыбкой на лице, рядом маркиз. Голос за кадром женский, его я тут же узнал и сжал руку Анжелины.

— Но не будем забивать головы дурацкими болезнями ненормального диктатора. Лучше встретимся с человеком чести — будущим президентом Параисо-Аки. Я с удовольствием представляю вам сэра Гектора Харапо. Рядом с ним — будущий вице-президент, маркиз де ла Роса. Эти дворяне только что закончили свое предвыборное выступление в небольшом курортном городке Пуэрто-Азул. Их выступление, несмотря на неоднократные попытки коррумпированной полиции Сапилоте помешать, имело ошеломляющий успех. Первая попытка была совершена...

Пошли кадры документальной хроники. Фильм был смонтирован так, что показывал действие официальных органов в самом неприглядном свете, а нас делал чуть ли не богами. Фильм кончился, и я в восторге захлопал в ладоши.

— Классная работа! Мои поздравления всем! Я бы заплатил тысячу кредитов, чтобы полюбоваться физиономией диктатора, когда он увидит это. Итак, первый этап избирательной кампании закончен, до выборов — почти два месяца, и каждая секунда на счету. Пора подумать и о будущем.

— Будем действовать без выстрелов и взрывов, — твердо заявила Анжелина.

— Полностью согласен. Но нам непременно нужен информационный канал, иначе проиграем выборы. Наша аппаратура после этой передачи уничтожена, можно и не проверять, шансы установить новую на прежнем месте приблизительно равны нулю. Надо что-то придумать. У кого-нибудь есть соображения по этому поводу?

— Ответ очевиден, — сказала Анжелина. — Установим нашу перехватывающую аппаратуру в самом уязвимом и в то же время самом неожиданном месте. Надеюсь, догадались где?

— Хотѣубей, не знаю. — Я потер лоб. — Должно быть, вчера моей бедной головушке досталось.

— Ма права, — выпалил Джеймс. Его вчера по голове не били, оттого, наверно, он сообразил быстрее меня и Боливара, который тоже непонимающе моргал. — Мы установим аппаратуру на спутниках связи!

Да, ответ лежал на поверхности, и непонятно, как я не дошел до него сам. Теперь я сидел, надув губы, а Джеймс вещал дальше:

— В начале разузнаем побольше о спутниках...

— Уже сделано, — сообщила Анжелина. — На космодроме, что рядом с Пуэрто-Азулом, находится компания «Всепланеткосмоссвязь». Эта компания запускает спутники связи и спутники наблюдения за погодой. Подобной работы так мало, что эта компания — единственная на планете с таким профилем деятельности. В их распоряжении только один устаревший космический тягач, который и выводит спутники на орбиту.

Услышав эту информацию, мы заулыбались. У всех на уме была одна и та же идея, в слова ее облек я:

— А может, это единственный на всей планете космический корабль, пригодный для такой работы?

— Именно. Если этот корабль, «Популачо», выйдет из строя, замену ему подыщут не раньше чем через несколько месяцев.

Я в нетерпении потер руки.

— Следующий шаг очевиден. Разработаем и изготовим управляемые нашими кодированными сигналами блоки с автономным питанием. На орбиту нас с приборами доставит «Популачо». После того как мы установим блоки на спутники, космический корабль исчезнет по крайней мере до окончания выборов, а зрители и слушатели получают ежедневную беспристрастную информацию. Возражения есть?

— Конечно, нет, — заверила меня Анжелина. — У меня лишь незначительное дополнение. Мы участвуем в выборах под знаменем демократии и в своих

поступках должны руководствоваться законами демократии, в которую мы, без сомнения, верим. Сегодня мы заменили их программу новостей своей, но впредь такого не повторится. Демократия — это прежде всего свобода слова! Избиратели сами выберут программу и решат, кто чего стоит.

— А разве им можно верить? — удивился я.

— Да, мой дорогой муж, можно и нужно. А твои собственные политические убеждения лежат где-то между фашистскими и анархистскими доктринами. Анархистские мне больше по сердцу, но при полной свободе выбора я бы остановилась на демократии. Голосуем?

Близнецы подняли руки, я нахмурился.

— Большинство за, — подвела итог Анжелина. — Теперь, когда решение принято, скрупулезно спланируем преступление во имя великой демократии.

— Так кто теперь фашист-анархист? — вскричал я.

— Не мы. — Анжелина улыбнулась. — Мы — лишь практичные люди. Наши сердца горячи, наши помыслы чисты, а результат наших дел пойдет во благо всем.

— Скажи это владельцам «Популачо» после того, как они обнаружат свой корабль на дне дымящейся воронки.

Сбить Анжелину с толку не так-то просто.

— От страховой компании они получают компенсацию и на эти деньги купят себе новый, современный корабль. Что ты на это скажешь?

Сказать было нечего, и я впился зубами в тост. Но даже работая челюстями, я улыбался.

— Моя семья — замечательная команда, — изрек я, прожевав. — Спорить с вами не стану. Давайте, непогрешимые праведники, демократы-республиканцы, верные сторонники закона и порядка, спланируем похищение космического корабля.

Глава 26

Я высунул голову из окошка.

— Что-нибудь видишь? — обратился я к сидевшему на крыше автомобиля Джеймсу.

— Задраили грузовой люк, должно быть, готовятся к старту. Подожди... Да, именно, только что вышел один из экипажа, отстыковал от корпуса корабля разъем силового кабеля и вернулся внутрь. Теперь их корабль перешел на внутреннее питание. Рабочие и служащие обеспечения уезжают.

— Хорошо. Залезай в машину, мы начинаем.

Джеймс прыгнул на мостовую и через миг уже оказался на переднем сиденье. Боливар тут же тронул машину. Мы выехали из темного ангара на залитый солнцем космодром. Я повернул голову и невольно залюбовался сидевшей рядом Анжелиной.

— В одежде медсестры ты восхитительна! Жаль, что не прихватил белый хлыст.

— Тебе в самом деле нравятся подобные вещи? Вот не знала. — Она будто не заметила моего шутивого тона. — Как по-твоему, юбка не слишком коротка?

— Очень коротка и очень тебе идет. — Я погладил ее по гладкой бархатистой коже между коленкой и юбкой. — Идея отвлечь экипаж, на мой взгляд, замечательная. А ты, дорогая, самая отвлекающая штучка на всей этой планете.

— Да и ты при усах и в мундире вроде на человека стал похож.

Я подкрутил кончики усов, небрежным взмахом руки позвенел медалями, полюбовался чистым отглаженным мундиром и танцующими по салону бликами от кокарды на моей фуражке.

— Каждый уважает власть. Чем больше на тебе символов власти, тем больше почета и уважения. О, да мы прибыли. Начинаем операцию под кодовым названием «Виват, медицина».

Я вылез из машины и не спеша поднялся по трапу. За мной следовала Анжелина, шествие замыкали близнецы в белоснежных халатах и с огромными саквояжами в руках. Увидев нас, вахтенный у входа вытаращил глаза, но внутрь не пропустил.

— В корабль нельзя. Через три-четыре минуты старт.

Я осмотрел его с головы до пят с таким выражением, будто он только что вылез из-под тяжелых обломков. Дождавшись появления обеспокоенности на его лице, я достал из кармана свиток и развернул. Пластик был испещрен черными и красными печатными буквами, внизу красовалась огромная золотая печать. Я заговорил, мой голос — сама суровость:

— Видел? Распоряжение о карантине от Министерства здравоохранения. Ситуация не терпит отлагательств. Быстрее води меня к капитану.

Он скривился, но повел. Как только его спина скрылась за поворотом коридора, Боливар и Джеймс задраили люки шлюза.

Мы вошли в каюту капитана, хозяин ее одарил нас хмурым взглядом.

— Что происходит?

— Вы капитан Сего де Авила? — Дождавшись его утвердительного кивка, я продолжал: — У меня предписание о проведении инспекции Министерства здравоохранения. Прежде чем корабль взлетит, осмотрю ваших людей.

— Какого черта идиоты бюрократы в Приморосо суют свои носы в мои дела?! График!.. У меня жесткий график полетов! Если не взлетим в ближайшие полчаса, то...

— Вы взлетите вовремя, это я вам обещаю. Поймите, осмотр не прихоть, а необходимость, проводится ради вашего же блага. На планету проник редкий инопланетный вирус. Откуда, пока неизвестно, ведутся поиски. Болезнь заразна, называется перротонитус.

— Впервые слышу о такой.

— Это лишний раз говорит о том, насколько редка болезнь. У зараженных этим вирусом сначала поднимается температура, затем обильно выделяется слюна, временами они рычат, как собаки. Имеется веское подозрение, что один из членов вашего экипажа заражен.

— Кто?

— Вот он. — Я ткнул пальцем в приведенного нас сюда вахтенного. Тот попятился. — Сестра, осмотри его горло.

Вахтенный неохотно открыл рот. Анжелина повернула его голову к свету и, прижав язык деревянной палочкой, заглянула в глотку.

— Гортань воспалена, — сообщила «сестра».

— Я не болен! — взвыл вахтенный. Из уголков его губ потекла слюна, и он поспешно вытер рот горячей ладонью. — Я не... — Он зарычал, затем дважды гавкнул.

— Это он! — закричал я. — Скоро хвостом завиляет. Держите же его, я его вмиг вылечу!

Боливар схватил несчастного за левую руку, Джеймс — за правую. Они уложили подвывавшего вахтенного на палубу, и я сделал ему укол. Препарат из шприца не только усыпил его, но и нейтрализовал действие растворов, которые всосались в его кровь через слизистую оболочку рта, когда Анжелина прижимала язык деревянной палочкой.

Я оглядел бесчувственное тело у ног.

— Вовремя мы его выявили. Придя в себя, он будет здоров. Капитан, постройте экипаж для проверки. Если вы поторопитесь, то взлетите по расписанию.

Команда построилась быстро. Через пять минут у большинства были выявлены симптомы опасного заболевания, и они сопели на палубе. Бодрствовать остались лишь вахтенные машинного отделения и офицеры рубки управления. И вовсе не случайно.

Я одобрительно кивнул сыновьям, достал из саквояжа большой пистолет и нацелил его на капитана.

— Мы захватили ваш корабль. Да здравствует Революция!

— Что это значит? Вы — сумасшедшие?

— Мы не сумасшедшие, просто мы не совсем в своем уме. Мы — члены революционной партии «Черная Пятница» и не колеблясь убьем любого, чтобы освободить его. Мы ничего и никого не боимся. Выполняйте наши приказы, или мы начнем одного за другим убивать людей из вашей команды, пока вы добровольно не согласитесь сотрудничать с нами.

— Вы из дурдома сбежали. Я вызову полицию...

Он потянулся к радиопередатчику, но я двигался проворнее. Схватив его за руку, повернул к себе.

— Убейте первого! — завопил я.

— Свобода и братство! — взвыл Боливар, вытаскивая из-под халата огромный мясницкий нож и усаживаясь на грудь ближайшего лежавшего в беспмятстве «больного».

Изогнувшись, Боливар одним взмахом острого ножа перерезал человеку горло. Из чудовищной раны с бульканьем хлынула кровь. Все выглядело весьма реалистично.

— Уберите тело! — заорал я, поворачиваясь к капитану.

Если даже я, зная, что кровь лилась из укрепленной на горле астронавта пластиковой емкости телесного цвета, а пронзительный звук испускало специальное устройство в ручке ножа, был потрясен увиденным, то что уж говорить о капитане.

В общем, своего мы добились, проблем с командой больше не было, капитан и оставшиеся на ногах члены экипажа лезли из кожи вон, лишь бы угодить нам.

Проверив приборы, мы благополучно взлетели, вышли на орбиту планеты. Вскоре корабль сблизился с первым спутником. Боливар вытащил из саквояжа наш блок. Я в это время внимательно изучал чертеж спутника, запоминал, куда какие провода нашего блока крепить. Все провода с цветной маркировкой, перепутает разве что законченный тупица.

— Первый устанавливаю сам, — заявил я.

— Пусть выйдет один из мальчиков, — возразила Анжелина. — У тебя еще ребра толком не зажили.

— Для такой простецкой работенки, как установка блока, зажили достаточно. А отличиться в космосе еще каждый успеет, ведь спутников как-никак восемнадцать, но первый установлю своими руками — вдруг возникнут трудности.

— Да не трудностей ты опасешься, а лавров жаждешь. К тому же прогуляться в космосе ты всегда не прочь.

— Ты права, без развлечений жизнь пресна.

Выход в космос оказался действительно развлечением. Голубой шар Параисо-Аки умиротворяюще парил подо мной. Полюбовавшись им немного, я включил реактивный ранец, поднырнул под растопыренные солнечные батареи и прижал магнитные подошвы к металлическому корпусу спутника связи. Открыл кожух, извлек нужный блок и заменил его нашим. На все ушло чуть больше минуты.

— Блок к тестированию готов, — доложил я по радио.

— Начинаю тест, — донесся до меня голос Джеймса. Я ничего не увидел, ведь все процессы происходили внутри спутника, да и разглядеть движение электронов невооруженным глазом вообще непросто. — Блок функционирует нормально. Конец связи.

Несколькими касаниями плазменного сварочного аппарата я запечатал свою работу и направился обратно к кораблю.

Так и пошло. Блоки на спутники устанавливали мы быстро, но много времени уходило на маневрирование. Бортовой компьютер получал с датчиков данные о положении корабля, его скорости и направлении полета, в него также вводились желаемые координаты, он пережевывал всю эту информацию и выдавал команды на ракетные двигатели.

К четвертому дню полета мы порядком вымотались. Кроме выходов в открытый космос приходилось непрерывно следить за экипажем.

— У тебя под глазами синяки, — посетовала Анжелина, протягивая мне бутылку рона. — Надо бы тебе поберечь себя.

Питался я в последнее время в основном роном, а в зеркало смотреть старался пореже. Сыновья выглядели не менее изнуренными. Только Анжелина, вкалывая наравне с любым из нас, как всегда, казалась бодрой, полной жизненных сил. Ее как будто ничего не берет. Вечная юность!

— Дело почти сделано, вернемся назад и отдохнем.

Я плеснул в стакан рона, глотнул. Недурственно.

— Как-то там проходит избирательная кампания? — Анжелина тяжело вздохнула.

— Думаю, движется помаленьку. Маркиз удерживает форт, его люди выпускают новости, которые, увы, пока никто, кроме них самих, не видит и не слышит. Как только мы приземлимся и включим нашу систему спутниковой связи, положение в корне изменится.

— Дай-то Бог, чтобы так оно и было. — Анжелина налила в стакан рона и пригубила. — Плохо, что нет связи с маркизом.

— Дорогая, ты же знаешь, иначе нельзя. Пока с поверхностью идет только обычный обмен текущей информацией, никто ни о чем не подозревает, но если враги узнают, чем мы тут занимаемся, то сразу собьют наш корабль. — Я посмотрел на жену, ее взгляд блуждал по каюте. — О чем волноваться? До выборов — больше месяца, при голосовании мы получим девяносто девять процентов голосов и будем избраны.

— Ты, конечно, прав. Должно быть, вымоталась за последние дни, вот и полезли в голову всякие страхи. Уверена, немного отдохнув, снова буду в форме. Во всяком случае, надеюсь. — Анжелина нахмурилась и повернула голову ко мне. — Не смейся, Джим диГриз, или я тебе руки переломуаю. Я в самом деле что-то недоброе чувствую.

Она смотрела на меня так, что смеяться, хихикать или перечить ей вмиг расхотелось. Да в общем-то, такого желания у меня и не было, я тоже чувствовал неладное.

Я покачал головой и допил стакан до дна.

— Я и не собирался смеяться над тобой, дорогая. У меня тоже тяжело на душе, не пойму отчего. Наверно, оттого, что нет вестей от маркиза. Хотя, убей меня, не представляю, что может пойти не так.

— Через несколько часов узнаем. Иди в трюм, посторожи пленных, а Джеймса отправь обедать.

Вошел Боливар в скафандре, под мышкой шлем.

— Сделано! — отрапортовал он. — Последний блок установлен. Теперь, когда заговорит Харapo, его голос услышит весь мир. Напяливай, отец, свою изъеденную молью бороду. Ты — снова в фокусе камеры!

— Лучшая новость за последние дни. Мы направляемся домой!

Капитан, вычислив по моему приказу посадочную орбиту, увидел под своим носом раздавленную капсулу. Бедняга все еще считал нас бандой убийц и наверняка решил, что ему конец. Что ж, тем приятней будет пробуждение, ведь в капсуле был всего лишь безвредный усыпляющий газ.

Мы отправили маркизу зашифрованное послание, и я на случай, если посадка будет трудной, уселся в кресло пилота.

— Трудная посадка! — бубнил я, скармливая компьютеру данные. — Эка невидаль!

Из черной космической ночи мы попали в золотой рассвет и, пронзив облака, увидели под собой поверхность планеты. Голую поверхность и никакого космоса.

— Надеюсь, они последовали нашим наставлениям насчет дыры, — проговорила Анжелина, хмуро глядя на обзорный экран.

— Есть дыра, есть. На де Торреса можно положить.

Я оказался прав: посреди поля вблизи замка де ла Роса в земле открывалось черное отверстие. К цели корабль скользил по радиолучу, но в двустах метрах я взял управление на себя и, сконцентрировав все внимание на радаре и экране нижнего вида, точнехонько опустил корабль в темную дыру. Выдвижные опоры мягко коснулись выжженного грунта, и я выключил двигатели.

— Сели, — сообщил я. — После того как над кораблем возведут коровник, его сам черт не същет. Во всяком случае, до выборов. Хотя экипажу мы и не вернем свободу, уверен, гостеприимство замка они оценят.

Мы поднялись в носовую часть корабля. Открылся верхний люк, и на нас хлынули солнечные лучи. Специальный кран установил трап, и мы с достоинством выбрались наружу. У дальнего конца трапа стоял маркиз, выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Ужасные новости! — запричитал он, энергично жестикулируя. — Случилась трагедия! Всему конец!

Анжелина и я обменялись многозначительными взглядами. Не зря, оказывается, нам не давали покоя внутренние голоса.

— Что стряслось? — спросил я.

— Жаль, что я не мог вызвать вас раньше. Вся наша работа насмарку!

— Может, расскажете почему?

— Выборы!.. Сапилоте объявил на планете чрезвычайное положение и перенес дату выборов. Они начнутся завтра утром. За такой короткий срок мы ничего не успеем! Тиран будет переизбран!

Глава 27

У нас остался один день! Целый день, ой как долго, но для победы во всепланетных выборах один день слишком малый срок.

Признать поражение трудно. Особенно мне, не знавшему их горечь прежде.

Что-нибудь придумаю!

— Я переиграю гнилого политика!

Моя семья в недоумении уставилась на меня. После некоторого замешательства Боливар задал мучивший всех вопрос:

— Как ты его остановишь, па?

В самом деле, как? Я не имел ни малейшего представления.

— Завтра узнаете. Парни покруче, чем Сапилоте, тягались со Скольским Джимом диГризом. Все были биты!

Я повернулся и, прежде чем последовали провокационные вопросы, зашагал к замку.

«Что же делать?» — Эта мысль безостановочно билась в моем мозгу, не находя ответа.

Я скинул одежду, влез в ароматизированную ванну, натер себе мочалкой бока до зеркального блеска. Затем побрился, почистил зубы. Ответа все не было. Не одеваясь, я плотно позавтракал, выпил бесчисленное количество чашек кофе. За кофе последовал

выдержанный рон. Результат все тот же. Я уселся на балконе и уставился в пустоту.

— Смирись, Джим, — сказал я себе. — Выборы ты проиграл.

С этим признанием пришло облегчение.

Я дрался как тигр, но проиграл. Что ж, бывает. Залижу раны и вернусь. Через четыре года следующие выборы, и тогда посмотрим, кто кого!

Выиграть во всепланетных выборах за один день невозможно. И неважно, сколько людей проголосует за Харапо, жульнический компьютер признает победу ненавистного Сапилоте.

Как только я подумал о подделанных в пользу диктатора голосах избирателей, в моей голове зародилась идея.

Почему бы и нет? В конце концов, перенос выборов не такая уж и скверная новость.

Я послонялся из угла в угол, взлохматил волосы, налил в стакан рона, выпил, потер подбородок и совершил все остальные действия, которые обычно подстегивают деятельность серого вещества. Должно быть, один из этих приемов сработал, и в моей голове внезапно сформулировалось решение проблемы. Подпрыгнув, я ударил в воздухе пяткой о пятку. Схватил телефон и набрал личный номер де Торреса. Через секунду экран ожил.

— В чем дело? — поинтересовался маркиз.

Лицо на экране непрерывно дергалось, из динамика доносился цокот копыт. Маркиз скачет верхом, а аппарат, как я понял, прикреплен к передней луке седла.

— Один вопрос, если не возражаете.

— К вашим услугам.

— На планете теоретически правит демократическое правительство. Значит, есть конституция?

Голова маркиза подпрыгнула и вновь появилась на экране, он кивнул.

— Теоретически, верное слово. У нас есть конституция, по которой мы имеем все, что душа пожелает. На деле же на планете царит полное беззаконие, все, кому дают, берут взятки, все, что плохо лежит, крадется. А на бумаге, да, у нас демократия...

— Меня сейчас интересуют только бумаги. Где мне найти текст конституции?

— Конституция есть в банке данных компьютера замка. Распечатка лежит на окне в библиотеке. А почему вы спрашиваете?

— Очень скоро узнаете. Спасибо.

Я накинул халат и поспешил в библиотеку. Анжелана и сыновья завтракали на балконе. Время для разъяснений еще не пришло, и мимо высокой открытой двери я прокрался на цыпочках.

Копию конституции я нашел там, где и сказал маркиз. Открыв пухлый том, я застонал. Девять тысяч страниц мелкого печатного текста. Одному с такой работой не справиться.

Но вовсе не обязательно просматривать страницу за страницей самому. «Не делай работу, которую за тебя сделает другой» — вот мой девиз.

Я включил компьютер, отыскал в банке данных текст конституции, составил и запустил простенькую программу. Налил рона и, ожидая, пока умная машина отыщет крупицу золота в куче навоза, принялся листать том. Конституция была написана с использованием полудюжины различных стилей; текст, полный туманных, ничего не значащих фраз, изобилдовал сокращениями и аббревиатурами. Вскоре я понял почему. Сочинил конституцию Сапилоте не сам, а настриг статей из законов различных планет. Хорошая и плохая новость одновременно. Плохая, потому что компьютер потратит на анализ уйму времени. Хорошая, потому что среди этого бюрократического бреда непременно найдется то, что мне надо.

По полу библиотеки пролегли тени, прежде чем компьютер выдал результат — вторую сноску к пятому подпункту приложения сто семнадцатой статьи. Я быстро пробежал по строчкам глазами и почувствовал прилив сил. Перечитав сноску еще раз медленно, я станцевал перед мерцающим экраном джигу.

— Эврика! — не в силах сдержаться, закричал я. — Эврика!

Я ввел слово «эврика» в голосовой модулятор компьютера, и по библиотеке прокатилось:

— Эврика!

Я пощелкал кнопками, и по залу понеслось, отражаясь, накладываясь друг на друга, многоголосье:

— Эврика! Эврика! Эврика!

В дверях, прижимая ладони к ушам, появилась Анжелина.

— Что значит сей хор безумцев? Ты решил проблему?

— Да, моя дорогая, решил! — Я схватил ее за руку, и мы закружились по залу. — Не говори никому, но я решил неразрешимую задачу! Молчал до последней секунды, не хотел прослыть пустомелей. Я пришел к заключению, которое не осмеливаюсь даже произнести вслух, боясь, что подслушают враги. Если они узнают, то легко избегут моей ловушки. Но они не пронюхают, я расскажу только тебе, дорогая! Сегодняшними вечерними новостями я приведу Сапилоте в бешенство. Пошли в студию, смонтируем выпуск новостей.

Я не садист и тому, что наш выпуск новостей испортит вечернюю телепрограмму, не радовался. Но без этого не обойтись.

Программу, которую я решил заменить нашим выпуском новостей, можно с легкостью потом повторить, хотя не вижу особой причины зачем. Это был фильм из длиннющего сериала о жизни психов. Наследники помещали своих престарелых родителей в дом для умалишенных с ласковым названием «Уют», а делами там заправляло семейство садистов... Сюжет вы сами представляете. Добавлю лишь, что сериал назывался «Не возлюби отца своего» и его, как утверждала заставка, смотрели сто восемь процентов телезрителей. Видимо, некоторые смотрели его дважды, а то и трижды.

Как только мы закончили монтаж выпуска новостей, сыновья прогнали тест и подтвердили, что наши блоки на спутниках работают безукоризненно. Кодированные сигналы из гостиной замка передавались на антенну на крыше, оттуда — на спутник над нами, с этого спутника сигналы ретранслировались на остальные, с них — обратно на поверхность планеты на телерадиовышки, дальше — на телевизоры наших потенциальных избирателей. И все эти сложности ради

того, чтобы сегодня вечером они увидели великолепное зрелище.

— Осталось три минуты, — сообщил Джеймс, засовывая в плеер кассету. — Отец, ты уверен, что, увидев заставку политической передачи, зрители не повыключают телевизоры?

— Повыключают? Ну нет, они прилипнут к экранам. Сейчас убедишься.

Наша семья расселась перед телевизором. Наверно, подобную мирную картину в этот час можно было наблюдать по всей планете. Отцы семейств уселись в мягкие кресла перед светившимися экранами со стаканом пива или чашкой кофе в руке. Матери рядом делали какую-нибудь нехитрую домашнюю работу, например, вязали детские башмачки или просматривали налоговые декларации. Детишки вертелись тут же. Слуги жались в своих хижинах перед устаревшими и обшарпанными телевизорами. Весь мир замер, затаив дыхание, в ожидании любимой программы.

И вот она началась. И через минуту была грубо прервана простым нажатием кнопки. Экран мигнул, на нем появилась Анжелина, на ней такая же униформа, как на дикторах центрального телевидения, на столе перед ней — микрофон, фон в точности дублировал привычную студию.

— Дорогие зрители, у меня для вас неприятная новость. — Голос Анжелины дрожал. — Совершенно убийство. Нет, убили не ненавистного диктатора, это было бы слишком радостным событием. Кандидат в президенты сэр Гектор Харапо сейчас вам расскажет, что случилось. После краткого сообщения будет возобновлена обычная программа, так что не выключайте телевизоры.

На экране появилась моя бородатая физиономия, поднятый кулак, того и гляди, обрушится на стол.

— Убийство! — вскричал я на экране. — Хладнокровное, зверское убийство! Вы спросите, кто убит? Я скажу вам. Ваша гарантированная конституцией свободная воля, вот кто! Вы спросите кем? Червем Сапилоте, который вот уже годы подтачивает устои нашего свободного государства, вот кем! Видит Бог, я всегда был лоялен по отношению к сопернику по

выборам, но последняя его выходка переполнила чашу моего терпения. Он не раз пытался остановить меня, а теперь обнаглел вконец и передвинул дату проведения выборов, чтобы не позволить вам, честным гражданам Парайсо-Аки, выразить свое мнение. — Я остановился, слышались записанные на пленку рукоплескания. Я поднял руку, шум утих. — Завтра у вас есть шанс! Голосуйте за Харапо и де Торреса, и мыльный пузырь Сапилоте лопнет. Каждый ваш голос, отданный за землевладельца Харапо, приближает планету к свободе! Голосуйте за меня, и занимающее пост генерал-президента существо с интеллектом таракана будет сметено в мусорную корзину истории! Спасибо за внимание.

Мое изображение сменилось развевавшимся знаменем, заиграл наш марш.

— По-моему, отец, теперь всякому ясно, что ты недолюбливаешь генерал-президента, — заметил Боливар.

— Да уж, па, ты хватил через край, — добавил Джеймс. — Увидев этот выпуск, Сапилоте будет в ярости, и вряд ли ты получишь хотя бы один голос.

Я снял со своей докторской формы самую большую медаль и приколот ее Джеймсу на грудь.

— Вот тебе, сынок, награда за светлый ум. Как говорится, ты попал в самое яблочко.

Анжелина и Боливар вскочили и зааплодировали.

— Спасибо, па, буду носить награду с честью. Даже в темноте, даже в ванной. Но, может, разъяснишь, как ты выиграешь проигранные выборы?

— Это пока наш с матерью секрет, но обещаю, вы все узнаете первыми. А если ты, Джеймс, раскусишь мой замысел до утра, получишь еще медаль.

Глава 28

День выборов начался со взрыва.

Взрыв выбил в замке множество окон и мгновенно вывел меня из состояния глубокого сна. Я подскочил и замер на кровати в каратистской стойке.

— Не замерзнешь нагишом, милый? — поинтересовалась из-под одеяла Анжелина.

— Да, пожалуй, прохладно.

Я поежился и снова лег. Тут же затрезвонил телефон, и я схватил трубку.

— Защитное поле остановило самолет на расстоянии пяти километров от замка, — сообщил Боливар. — Самолет сбросил огромную, как дом, бомбу и лег на обратный курс. Компьютер вычислил траекторию его полета и выпустил вдогонку ракету. Самолет сбит далеко, второго взрыва слышно не было.

— Спасибо за информацию.

Я облизнул губы, встал и накинул халат.

— А ты, дорогой, надеялся, что после твоего вчерашнего выступления и всех нелестных эпитетов Са-пилоте пришлет тебе цветы?

— Нет. Но я не хотел, чтобы гибли люди.

Я посмотрел на серый рассвет за окном, на душе было так же серо.

— Новый президент навсегда покончит с убийствами. Вот как ты должен смотреть на случившееся. Прикажи принести завтрак, впереди трудный день.

Анжелина как в воду глядела. Перекусив на скорую руку, я приклеил бороду и отправился на луг за замком. Слути маркиза, выгнав оттуда всех коров, выгружали из грузовика свернутые полотняные палатки. За работой наблюдал сам хозяин замка.

— Доброе утро, Джим.

— Доброе утро.

— Все делается, как вы распорядились. Мои рабочие спрашивают, с чего это нам вздумалось именно сегодня устраивать карнавал. Уж не победу ли на выборах мы собираемся отмечать? Вы все-таки полагаете, что мы победим?

— Дорогой Гонсалес, потерпите несколько часов и все узнаете, но пока я опасаясь, что подслушивают враги, и не осмеливаюсь дать вслух ответы на ваши вопросы. Ведь, как известно, даже у стен есть уши. Скажите своим людям, пусть не возводят трибуны для зрителей, они нам не понадобятся.

— Пустые палатки и все?

— Именно.

На обычно невозмутимом лице маркиза появилось озабоченное выражение. С подобным выражением на меня в тот день смотрели многие. Люди в замке были слишком вежливы, чтобы высказать свои мысли, но думали они, наверно, примерно так: «Старина Харапо совсем рехнулся от обиды».

Что ж, впереди целый день, может, еще смогу их переубедить.

Прежде всего следовало проголосовать мне самому. Избирательный пункт округа, к которому был прикреплен замок де ла Роса, находился в маленьком городке Тортоса. Туда мы отправились на автомобилях, капот каждого украшал флажок нашей партии. На место мы прибыли, когда часы на городской башне показывали девять. Через центральную площадь городка выстроилась очередь.

— Наши избиратели! — воскликнул маркиз.

— Да, но и холуев Сапилоте тоже хватает. — Я кивнул в окно.

Перед входом в мэрию собрались последователи диктатора. Махая грязно-коричневыми знаменами с бледно-зеленым кругом в центре — эмблемой партии «Счастливый Канюк*» — они с наглым видом расхаживали среди избирателей и прикалывали на грудь каждого значок с аналогичной символикой.

— Наш выход на сцену.

Я выбрался из автомобиля и направился к избирательному участку. За мной следовал мой верный телохранитель Родригес, за ним — Джеймс и Боливар. Все трое хоть и безоружны, но крайне опасны. Анжелина вытаскивала из машины видеокамеру.

— Снимай все, — бросил я ей.

Мы промаршировали через площадь к избирательному участку — зданию мэрии. У дверей нас поджидали мэр и шеф местной полиции. Обоим явно не по себе, рука копа на кобуре, мэра — под пиджаком у подмышки.

— Здесь нарушается избирательный закон. — Я повернулся к камере в профиль и указал на раздававших в толпе значки прихвостней Сапилоте. — Агитировать за кандидата в день выборов согласно конституции разрешается не ближе чем в двухстах метрах от входа в избирательный участок. Прикажите тем людям удалиться на должное расстояние.

— Мэр здесь — я, и я издаю указы.

— Мэр прежде других обязан соблюдать законы.

— Капитан, арестуйте наглеца.

Шеф полиции был настолько глуп, что вытащил пистолет. Родригес шагнул вперед, его рука со свистом рассекла воздух, и шеф полиции мешком осел на асфальт. Члены партии «Счастливый Канюк» придвинулись друг к другу и глухо забормотали. Я пошел на них, Родригес и близнецы — по бокам. Горе-агитаторы переглянулись и бросились врассыпную.

— Уберите тело, портит праздничное настроение, — распорядился я, указывая на шефа полиции. — А вы, мэр, открывайте участок, я проголосую первым.

* К а н ю к — хищная птица из семейства ястребиных. Крик канюка напоминает плач ребенка.

Как только мэр скрылся за дверью, избиратели зааплодировали, сорвали с одежды значки партии Сапилоте и побросали их на мостовую. Мои помощники, соблюдая дистанцию в двести метров, начали раздавать значки с символом нашей партии — Разъяренным Терьером. Маленькая бело-коричневая собачка держала в зубах дохлую жабу. Сказать, что жаба походила на Сапилоте, значит ничего не сказать. Каждому хотелось проголосовать с красивым значком на груди, и даже те, кто уже подошел к входу в мэрию, поспешили обратно на площадь.

— А теперь, — обратился я к избирателям, — выборы начинаются.

Последовали аплодисменты и крики «Харапо в президенты» и «Разъяренный Терьер задаст жабе перцу». Мы с де Торресом прошли в мэрию, за нами проследовали охранники.

Я зашел в кабинку для голосования, задернул занавеску и включил машину для подсчета голосов. На лицевой панели только две кнопки, по одной на каждую партию. Я нажал на кнопку с надписью: «ДКРП». Машина довольно загудела, и на мониторе высветилось: «Ваш голос принят». Занавеска за моей спиной сама собой поднялась, я вышел, отступил на шаг, пропуская в кабинку маркиза.

— Как работает ваша аппаратура? — спросил я мрачного чиновника у входа.

Он недовольно поднял глаза от пола. Разговаривать со мной ему страшно не хотелось: вдруг заметят; но от ответа ему было не отвертеться.

— Аппаратура электронная. Ваш голос поступает в банк машинной памяти. Вечером, после окончания голосования, центральный компьютер в столице подсоединится к нашему и другим таким же по всей стране и считает информацию. Затем, просуммировав голоса, выдаст окончательный результат.

— Откуда известно, что центральный компьютер не врет? Может, он запрограммирован так, чтобы присудить победу одной из сторон?

От столь нелепого предположения чиновнику сделалось дурно.

— Такого просто не бывает! И законом это запрещено. Уверяю вас, выиграет партия, набравшая большее количество голосов.

— Что ж, поживем — увидим. — Я протянул ему руку. После секундного колебания он неохотно пожал ее. — Запомните этот день. Сегодня диктатор будет выметен поганой метлой из нашего свободного государства. Желаю успехов!

Под рукоплескание избирателей мы пересекли площадь, сели в машины и покатали к замку.

— Итак, — сказал я, — дело сделано, до шести вечера отдыхаем. Надеюсь, повар приготовил нам приличный обед.

— Мы что, не будем сегодня никого агитировать? — удивился Боливар.

— И не будем защищать лояльных избирателей? — добавил Джеймс. — В таком случае, если не произойдет чуда, Сапилоте победит.

— Как интересно. — Я продемонстрировал им свою таинственную улыбку. — Надеюсь, на обед будет рыба. С сухим белым вином очень вкусно.

Обед удался на славу, а после отменных ликеров, признаюсь, я удалился в спальню. Заниматься политической, знаете ли, весьма утомительно.

Вздremнув всласть, я открыл глаза. Анжелина стояла у западного окна. Солнце уже коснулось горизонта, и от ее точеного силуэта на светящемся оранжевом фоне было не отвести глаз.

— Дорогая, ты великолепна. Который час? — Я подавил зевок.

— Самое время лежебокам просыпаться. Избирательные участки только что закрылись. Я обо всем рассказала мальчикам. Твой замысел привел их в восторг, и они отбыли в назначенное время.

— Вот и славно. — Я встал, потянулся. — Пойду узнаю предварительные результаты.

Я спустился вниз и присоединился к маркизу. Тот, прослушав сообщение о ходе выборов, расхаживал по гостиной, как разъяренный тигр по клетке, и грозил телевизионному экрану кулаком.

— Ошеломляющая победа тирана, как и предсказывали. Сапилоте запугал избирателей, и те побоялись отдать свои голоса за правое дело.

— Думаю, маркиз, все гораздо проще. Главным компьютером для подсчета голосов управляют прислужники Сапилоте, и неудивительно, что он присудил победу своему господину. Именно поэтому мы и не стали терять время на дальнейшую предвыборную кампанию.

— В таком случае мы проиграли.

— Кто знает, кто знает? Все зависит от того, насколько зол на меня диктатор. А, вот и окончательные результаты.

Диктор — смазливый парень с жидкими усиками — махал перед камерой зажатými в руке компьютерными распечатками.

— Воистину ошеломляющие результаты, — подогревал он энтузиазм аудитории. — Впечатляющая победа нашего дорогого генерал-президента Сапилоте. Свободное волеизъявление избирателей в очередной раз доказало, насколько он горячо любим нашим народом. И это несмотря на активные попытки подрывных элементов подточить десятилетиями сложившиеся устои нашего замечательного государства. Подождите секундочку... Да, только что мне вручили распечатку с окончательными результатами, результатами, которых все мы с нетерпением ждем.

— Ближе к делу, — не выдержал я.

Будто услышав меня, диктор сально улыбнулся и развернул лист бумаги.

— Результаты из городка Тортоса, относящегося к центральному избирательному округу. Городок граничит с земельными владениями де Торреса, так называемого маркиза де ла Роса. Против него недавно выдвинуты официальные обвинения в государственной измене и клевете, но, несмотря на это, его имя осталось в избирательном бюллетене в качестве кандидата на пост вице-президента. Так же как и имя умалишенного Гектора Харапо, который столь серьезно болен, что вознамерился стать нашим президентом. Но, граждане Параисо-Аки, повторяю, их имена были оставлены в списках, что еще раз подтверждает де-

мократичность нашего общества. В нашем государстве, леди и джентльмены, каждый, абсолютно каждый, даже самый ничтожный человечешко может претендовать на высокий пост. А эти двое, скажу я вам, как раз из класса ничтожнейших. Доказательства тому передо мной. Цифры, как известно, не лгут.

Он опять замахал листом, а я пробурчал:

— Скорее, скорее, кретин.

Он будто вновь услышал меня.

— Поступившие из городка Тортоса результаты весьма забавны. Двое отъявленных негодяев, именующих себя дворянами, считали этот городок своей вотчиной и не стеснясь оказывали давление на избирателей, понуждая отдать свои голоса за них. Так вот, в Тортосе за генерал-президента проголосовало... пять тысяч триста двенадцать избирателей. За смутьянов Харапо и де Торреса... — выдержав секундную паузу, он заорал в микрофон: — Два голоса! Они сами за себя проголосовали!.. И больше — никто! Ни единый житель Тортосы! Вот что значит преданность своему вождю! Результаты выборов все еще поступают, но уже ясно, что наш дорогой великий генерал-президент будет переизбран на новый срок и никакие...

— Свинья! — заорал де Торрес, ударом ноги сбросив телевизор на пол. — Мы своими глазами видели, за кого голосовали жители Тортосы. Ложь! Бессовестная ложь!

— Иного я и не ожидал.

Я нажал на кнопку висевшей через плечо рации, послышался голос Боливара:

— Все готово.

— Начинайте. Итоги даже лучше, чем мы надеялись.

Маркиз, топчя останки телевизора, непонимающе смотрел на меня.

— Как только вернется колонна автомобилей, мы выйдем в эфир. Весь мир узнает, что...

— Колонна автомобилей?

— Сейчас объясню. Вы, маркиз, должны узнать новость раньше других. Сапипоте в своей дикой ярости угодил в наши силки!

Глава 29

Просветить маркиза было одним удовольствием.

— Решение всех наших проблем здесь, в тексте конституции. Прочитайте внимательно.

Де Торрес пнул напоследок телевизионные детали и взял из моих рук распечатку. По мере того как он читал, морщины на его лбу разглаживались, улыбка становилась шире и шире. Дочитав до конца, он разразился хохотом и, отшвырнув распечатку, прижал меня к груди.

— Вы — гений! Гений!

Я не возражал. Да даже если бы и захотел, в его медвежьих объятиях было не то что слово вымолвить, вздохнуть невозможно. Горячо расцеловав в обе щеки, он отпустил меня. Воистину обычаи некоторых культур непонятны. От философских мыслей меня отвлек голос Анжелины из рации:

— Колонна автомашин пересекала охраняемый периметр. Пленки доставят через несколько минут.

— Отлично. Мы с маркизом успеем переодеться.

Вся наша команда собралась в гостиной. На большущем телевизионном экране мелькали сцены народного ликования по поводу очередного избрания Сапилоте в президенты, звук был приглушен, но и смотреть на вакханалию было тяжело. Я стоял перед книжной полкой с полным изданием законов Парансо-Аки в

кожаных переплетах с золоченым тиснением, в правой руке — том конституции, указательный палец левой — на кнопке.

— Мы закончили, — сказала Анжелина. — Когда будешь готов, выходи в эфир.

— Я и сейчас готов, но пусть прежде заговорит сам Счастливым Канюк. А, вот и он. Эй, кто там ближе, включите звук!

Диктор, извиваясь от удовольствия, тыкал пальцем куда-то за камеру.

— Да, это случилось. Сквозь сущий ад к нам идет наш добрый ангел, не раз пожертвовавший собой ради нас в прошлом. Сегодня он вновь удостоил нас чести встать во главе государства. Он идет сюда, толпа ликует: слабые женщины падают в обморок, суровые мужчины смахивают слезы с глаз. Он поднимает руку, призывая к тишине, и тишина тотчас наступает, слышно только тяжелое дыхание его товарищей по партии и стук тел женщин, падающих в обморок. Леди и джентльмены, граждане благословенной Параисо-Аки, с неописуемым восторгом передаю микрофон генерал-президенту Джулио Сапилоте!

Довольная рожа Счастливого Канюка крупным планом. На большом экране он выглядел еще безобразней, чем в жизни, лягушачий рот был вытянут в подобие улыбки, маленькие глазки остекленели.

— Я рассчитывал на своих верных избирателей и не ошибся. Выборы закончены, и вы, жители Параисо-Аки, выполнили свой гражданский долг, проголосовали за достойного. Надеюсь, о преступнике Харапо мы сегодня слышим в последний раз...

Я нажал на кнопку, и его изображение сменилось моим.

— В последний раз? И не надейся, ничтожный лживый клоп! Бой еще впереди! Думаешь, подделал результаты выборов в своем лживом компьютере, обманул всех, и дело с концом? Не тут-то было! Приговор себе ты произнес собственными жабыми губищами. Правосудие восторжествует! Ты совершил тяжкое уголовное преступление и заплатишься. Сейчас мир увидит, что мы отсняли в маленьком городишке Тортоса. Леди и джентльмены, взгляните, пожалуйста,

на часы на городской башне. После закрытия избирательного участка прошло лишь несколько минут...

На экране появилась центральная площадь Тортосы, не переднем плане — Джеймс с микрофоном.

— Избирательный участок только что закрылся, и жители Тортосы собрались на площади, чтобы услышать результаты. По неустановленным причинам, вероятнее всего, из-за своей приверженности режиму лживого диктатора, мэр и шеф местной полиции несколько минут назад пытались незаметно покинуть город. Шеф полиции все еще в бессознательном состоянии, но мэр горит желанием поговорить с вами. — Камера отодвинулась, рядом с Джеймсом оказался мэр, его лицо было бледнее полотна. — Вы мэр города Тортоса?

Мэр покосился за спину, где маячил с виду щуплый Родригес, обеспечивая, видимо, добровольную помощь главе местной администрации.

— Да.

— Скажите, пожалуйста, господин мэр, проходили ли выборы в вашем городе в соответствии с законом и все ли голоса попали в избирательную машину?

— Да, конечно, все по закону.

— Скажите, а собравшиеся на площади люди — жители вашего города?

Побледнев еще больше, мэр оглядел толпу.

— Да... Большинство, я полагаю.

— Вы не знаете точно? Странно, ведь вы же мэр. Кстати, сколько лет?

— Двадцать два года.

— Тогда вы просто обязаны знать своих горожан в лицо.

— Я не уверен во всех из них.

— Да? Может, укажете хотя бы одного незнакомца?

— Ну... Вроде, таких нет... Но я не уверен.

— В таком случае мы уверены, что в толпе — ни одного чужака. А-а-а, вот к нам присоединился и шеф местной полиции. Уж он-то поможет. Скажите, пожалуйста, капитан, как давно вы живете в Тортосе?

— Ну... Всю жизнь.

— Отлично. Не укажете ли вы хотя бы одного чужака в толпе?

Глаза капитана под густыми низкими бровями бегали.

— Нет.

— Замечательно. Мы закончили как раз вовремя. Сейчас огласят результаты выборов.

На площади ожили громкоговорители, сообщая уже известные нам результаты. Мэру и шефу полиции, казалось, вдруг стали тесны их костюмы. Прозвучала информация из Тортосы, слышались возмущенные крики горожан, а отцы города собрались было бежать, но на их пути встал Родригес.

— Вы слышали? Только два голоса за сэра Гектора Харапо, все остальные за Сапилоте. Давайте разберемся. — Джеймс щелкнул переключателем, и над площадью разнесся его голос: — Жители города Тортоса, с вами говорит доверенное лицо сэра Харапо. Машинной для подсчета голосов управляют приспешники Сапилоте. Зная это, сэр Харапо предположил, что лживый диктатор попытается одурачить вас, подделав ваши голоса в свою пользу. Так давайте узнаем правду. Пожалуйста, каждый, кто голосовал за сэра Харапо поднимите руку. — Над площадью повисла тишина. Люди медленно подняли руки. Море рук. — Спасибо, опустите руки. А теперь поднимите руки те, кто голосовал за Сапилоте. — Все руки опустились и поднялись лишь две — мэр и шеф полиции, естественно, голосовали за своего босса. Джеймс продолжал: — Вот она, правда, граждане Параисо-Аки! Убедительнейшее доказательство нарушения закона о выборах. Все жители этого города, за исключением двоих, отдали свои голоса за сэра Харапо и были обмануты. Теперь ясно, что в Тортосе нарушены избирательные права граждан и победил не тот кандидат.

Я подал знак, и на экране вновь появилась моя физиономия. Я потряс перед камерой увесистым томом.

— Совершенно преступление. Преступление, о котором упоминается на восемь тысяч третьей странице конституции Параисо-Аки. Закон однозначно трактует возникшую ситуацию. Сейчас я вам прочитаю. — Я раскрыл том. — «В случае использования электронных машин для подсчета голосов избирателей местной администрации предписывается: а — обеспечить точную запись голосов избирателей в машинную память;

б — обеспечить тайну волеизъявления граждан. Подробнее о мерах по обеспечению данных требований смотри параграф девятнадцать статьи сорок закона о выборах.

В случае, если будет неопровержимо доказано, что распределение голосов хотя бы в одной машине одного округа не соответствует действительности, результаты всех выборов признаются недействительными, а через две недели проводятся повторные выборы с использованием старой системы подсчета голосов, в скобках: бумажных бюллетеней и ящиков для голосования. Победивший в этих выборах становится президентом. В обязанность ему вменяется организация инспекции всех электронных машин для голосования с целью использования в следующих выборах». — Я захлопнул том и поставил его на полку. Снова повернувшись к камере, насколько было в моих силах безразлично сказал: — Объявляю результаты сегодняшних выборов недействительными. Через две недели проводятся повторные выборы, и победит достойный!

Глава 30

— Сделано! — Анжелина пригладила мне бороду и звучно чмокнула в щеку. — Молодец! И об избирателях Тортосы ты также позаботился.

— Верно. Ради их и нашей безопасности они размещены в палатках возле замка. Они погостят у нас в недосыгаемости от гнева Сапилоте две недели до выборов и получают щедрое вознаграждение. Вынужденные каникулы их вполне устраивают.

— Сапилоте наплюет на нашу передачу, — предрек де Торрес. — Новые выборы ему ни к чему, а власти в его руках достаточно, чтобы оставить все как есть.

— Он не осмелится, — заверил я маркиза. — Запись нашей передачи разошлем на все планеты, которые посылают сюда туристов. Если не будет новых выборов, правительства этих планет отвернутся от диктатора, а без поступления твердой галактической валюты его коррумпированный режим рухнет за месяц.

— Тогда мы победили! — Маркиз гордо поднял подбородок.

— Еще нет. Предстоит борьба за избирательные урны. Трудностей впереди уйма, но на каждый гряз-

ный трюк Сапилоте у меня заготовлено три, и наши шансы на успех весьма внушительны.

Последующие две недели мы вкалывали как каторжные. Власти Параисо-Аки изготовили ящики для голосования и в надлежащей обстановке запечатали их. С некоторыми трудностями мы достали один такой ящик с правительственного склада. С бюллетенями для голосования повторили ту же операцию. Обзаведясь образцами, мы наладили производство своих ящиков для голосования и напечатали столько же бюллетеней, сколько правительство. Не зная, что именно выкинет Сапилоте, я готовился к любым неожиданностям.

Хорхе, возглавив нашу агитационную команду, носился по городам и весям. Под его руководством местные добровольцы создавали секретные комитеты по выборам, получали рации и непрерывно поддерживали контакт с нами. Мы отпечатали агитационные брошюры и раздавали их повсюду. Каждый вечер граждане Параисо-Аки узнавали сначала официальные новости, затем в прямой эфир выходили радио и телекомпания замка. Мы делали новости по возможности далекими от политики и максимально объективными. Правительственные техники старались вовсю, разыскивая нашу аппаратуру, но, как сами понимаете, безрезультатно. Вскоре они смекнули, что к чему, и пытались глушить сигналы из замка, но ничего из этой затеи у них не вышло. Жители Параисо-Аки впервые получили доступ к свободной информации, наши выпуски новостей стали для них глотком свежего воздуха в затхлой атмосфере, годами царившей здесь. К концу второй недели мы не сомневались, что если бы итог предстоящих выборов зависел только от мнения избирателей, то режим Сапилоте потерпел бы сокрушительный крах.

На одиннадцатый день, за три дня до выборов, мы получили убедительнейшее тому доказательство.

Со мной связался руководивший охраной замка наемник.

— Извините, сэр Харапо, но вынужден побеспокоить вас.

— В чем дело?

— У границы периметра задержан правительственный автомобиль, и люди в нем не желают разговаривать ни с кем, кроме вас.

— Они представляют опасность?

— Вряд ли. Детекторы показали, что с собой у них только личное огнестрельное оружие. Взрывчатые, радиоактивные и ядовитые вещества не выявлены. В автомобиле один пассажир на заднем сиденье, на переднем двое — охранник и шофер.

— Кто пассажир?

— Неизвестно, окна в автомобиле прозрачны лишь в одном направлении.

— Пропустите их. Думаю, что, если за ними присматривать, хлопот они не доставят.

Так оно и вышло. Автомобиль остановился в полукилометре от замка среди деревьев. Боливар и Родригес позаботились о гостях — в секунду двое на переднем сиденье были разоружены и вышвырнуты вон. Я подошел и взглянул в темное окно. Чувствовал я себя в безопасности, возможно, благодаря своим бойцовским навыкам, возможно — переносному генератору защитного поля на поясе.

— Выходите, — велел я пассажиру.

Дверца машины медленно раскрылась, высунулась голова. Сапилоте.

— Вот так сюрприз! — воскликнул я.

Диктатор, кряхтя, вылез.

— Оставьте, Харапо, я здесь по делу. — Он достал с сиденья металлический контейнер. Повернулся. Мой пистолет смотрел ему между глаз. — Убери пистолет, глупец. Твоя жизнь мне не нужна. — Он щелкнул переключателем на ящике, послышалось равномерное гудение, нас окружила стена густого, как кисель, тумана. — Это генератор белого шума. Теперь нашу беседу невозможно ни подслушать, ни прочитать по губам. Не хочу, чтобы появилась запись наших переговоров.

— Меня это тоже устраивает. — Я сунул пистолет в кобуру. — Что тебе здесь надо?

— Безмятежное правление давно наскучило мне, а ты — первый человек, давший мне бой за последние

сто семьдесят лет. Я высоко ценю тебя и готов договориться по-хорошему.

— Тебе наскучило безмятежное правление? А что ты думаешь о людях, которых замучил до смерти за эти годы?

— Нас здесь только двое, так что побереги пышные словеса для журналистов. Мне прекрасно известно, что о толпе баранов — народе — ты заботишься не больше, чем я...

— С чего ты взял?

— Ты, как и я, политик, а всех настоящих политиков интересуют только выборы, перевыборы. Выступив против меня, ты доказал твердость характера. Время схваток прошло, сейчас для нас наступил час сплотиться и прийти к взаимовыгодному соглашению. Ты знаешь, я не бессмертен...

— Лучшая новость из всех, какие я когда-либо слышал!

Мою реплику он пропустил мимо ушей.

— Мои гериатрические уколы уже не дают того эффекта, что прежде. Моя отставка — не за горами. Я присматриваю достойного преемника, ты меня устраиваешь. Ну, как предложение?

Демонстрируя, насколько подорвано его здоровье, он закашлялся и полез в карман за пилюлями.

Да, отличное предложение. Во всяком случае, в его понятии. Он создал безотказную политическую машину и предлагает рычаги управления мне... В обозримом будущем, конечно! Царское предложение!

— А от меня что требуется?

— Ты проиграешь выборы и возглавишь официальную оппозицию. Каждый крестьянин будет считать тебя величайшей исторической личностью со времени изобретения секса. К тебе примкнут все изменники либералы. Ты их организуешь, позаботишься, чтобы не путались у меня под ногами. И конечно, сообщишь о настоящих революционерах, а дальше уж мы ими займемся. Ну как, по рукам?

— Нет.

Лицо диктатора вытянулось, он так и сунул пузырек с пилюлями обратно в карман, не открыв.

— Почему?

— Видишь ли, я верю в закон: один человек — один голос...

— Ха, ха! Рассмешил!

— В равенство личности перед законом...

— Да брось ты!

— В свободу слова, в *habeas corpus*, в презумпцию невиновности...

— Да у тебя жар, Харапо!

— Так я и думал, что ты не поймешь. Хорошо, объясню доступно. Я хочу всю власть, и хочу прямо сейчас. Я хочу все богатство, все привилегии и почести, всех женщин и убью любого, кто встанет на моем пути. Теперь ясно?

Сапилоте кивнул.

— Как ты однажды заметил, я — старик, а от таких речей у меня поднимается давление. Ты напоминаешь мне меня в молодости. Становись моим другом, Харапо!

— Прежде я убью тебя!

— Отлично сказано! Но только я это сделаю первым. — Он повернулся, влез в автомобиль и, тяжело вздохнув, покачал головой. — Я не желаю тебе удачи, Харапо, но признаюсь, что, поговорив с тобой с глазу на глаз, испытал сильнейший эмоциональный подъем. Теперь я уверен, что после моей отставки работу продолжит достойный человек, человек, который понимает меня, думает, как я!

Хлопнула дверца. Я дал знак вернуть шофера и охранника на место. Они с довольным видом уселись на переднее сиденье, автомобиль развернулся и покатил прочь.

— Отец, что значит этот визит? — спросил Боливар.

— Сапилоте предложил мне весь мир. Партнерство сейчас и президентское кресло после его смерти.

— И ты согласился?

— Дорогой мой сын! Я — жулик, но в отличие от Сапилоте, честный жулик. Я люблю людей, он же презирает все человечество в целом и каждого в отдельности. Бывает, я украду несправедно нажитое, но я не лишаю человека жизни или свободы. Да и вообще, у людей я не ворую, а изымаю богатства у

корпораций, компаний, этих зажавшихся бездушных монстров нашей эпохи, которые...

— Извини, отец, но эту лекцию я уже слышал.

— Тогда пошли в замок. Не терпится после такой компании вымыть руки. Да и выпить не грех.

Глава 31

В день выборов я проснулся с первыми лучами солнца. Спрыгнув с постели, вдохнул полной грудью наполненный прохладой воздух.

Анжелина открыла правый глаз, взглянула на часы на туалетном столике. Увиденное ее явно не вдохновило.

— Откуда силы вскакивать в такую рань?

— Нынешний день не для лежебок! Сегодня вершится история, а я в этом деле — главное действующее лицо!

— Твои словоизлияния особенно раздражают по утрам. — Анжелина с головой укрылась простышкой. — Уходи, философствуй в другой комнате!

Насвистывая веселенький мотивчик, я спустился в столовую. Там застал раннюю пташку — маркиза. Он как раз завтракал, и я составил ему компанию.

— Сегодня вершится история! — воскликнул маркиз.

— Именно это я и сказал жене, но она не поняла. — Я вздохнул. — Что с нее взять, женщина.

Я произнес тост за победу, мы подняли чашки с кофе, чокнулись и выпили. Вскоре к нам присоединились Боливар и Джеймс.

В девять утра открылись избирательные участки, и мы вышли на связь с нашими сторонниками по всей стране. В течение минуты наши наблюдатели в дюжине

мест подверглись нападению, в двоих стреляли, было вызвано четыре случая злостного нарушения закона о выборах. На меньшее я и не рассчитывал. Мы делали что могли, но наши силы были незначительны по сравнению с мощью государственного аппарата Сапилоте, да и к тому же разрозненны. Было принято решение сконцентрировать наши усилия на крупных городах. Нашим самым действенным оружием были журналисты-инопланетчики. После того как по Галактике прокатилось известие об аннулировании результатов мошеннических выборов, многие соседние планеты заинтересовались политической обстановкой на Парайсо-Аки. Некоторые крутые газеты прислали сюда своих репортеров, но, к сожалению, не у всех нашлись средства и время. Поэтому большинство писательской братии на Парайсо-Аки имели в кармане свободную лицензию.

— Сработало! — воскликнул Боливар, снимая наушники рации. — Сообщение из десятого участка в Приморосо. Там холуи Сапилоте устанавливали свой ящик для избирательных бюллетеней и их застукали прямо на месте преступления. Подоспевший репортер заснял весь скандал на видео. Их ящик под шумок был заменен нашим. Нам повезло, что сюда прибыло так много журналистов.

— Везение, сынок, не всегда дело случая. На выборы прибыли сорок три журналиста со свободной лицензией, так как их нанял я. Журналисты наслаждаются оплачиваемыми каникулами и, если подвернется подходящий материалчик, не прочь на нем подзаработать.

— Мне следовало бы догадаться, па. Если существует какой-нибудь жульнический трюк для достижения своей цели, мой отец обязательно им воспользуется!

Я похлопал сына по плечу. Похвала, подобная этой, да еще от знатока в таких вещах, для меня дороже жемчуга.

К полудню нам пришлось туго. Наши люди были выдворены из многих избирательных участков в провинциях, где было сильно влияние Сапилоте. Да и свои собственные мы уже удерживали с трудом. В некоторых маленьких городках прислужники Сапилоте, угрожая пистолетами и даже винтовками, вламывались в

избирательные участки и заменяли ящики для голосования. В вооруженные столкновения мы не вступали, ведь значение имели только крупные центры с большим количеством избирателей. Там уж мы позиций не сдавали.

По мере поступления рапортов маркиз мрачнел. Наконец он не выдержал и, ударив кулаком по раскрытой ладони, разразился речью:

— Наши люди сидят и наблюдают за устроенными Сапилоте бесчинствами! Мы проиграем, если будем только обороняться и не нанесем ответный удар. Почему бы нам не перестрелять прихвостней диктатора?

Я покачал головой. Гонсалес де Торрес — неплохой человек, но мыслил весьма прямолинейно. Переделать его невозможно, и в обращении с ним я опирался на его врожденную доброту да на собственную хитрость.

— Дорогой маркиз, уверяю вас, что, если и дальше все пойдет как сейчас, мы выиграем выборы с разгромным для Сапилоте отрывом. Но если мы откроем стрельбу и затеем гражданскую войну, то ни о каких демократических выборах не может быть и речи.

— Плевать на демократию, главное — победа!

— Успокойтесь, маркиз. Пока, как вы говорите, мы оборонялись, к телефонным номерам каждого уличенного в жульничестве избирательного участка были прикреплены наши стафферы.

— Прикреплены... что?

— Стафферы — Я вытащил из кейса небольшую металлическую коробку со множеством проводов. — Эти машинки соединены с нашим большим компьютером. После подсчета голосов чиновник зачитает результаты по телефону. Как только он наберет номер, наш компьютер смодулирует его изображение и голос и передаст их по телефонному кабелю; лжечиновник на приемном экране скажет то, что мы вложим в его уста.

— Вы совсем заморочили мне голову. — Маркиз разлил по стаканам рон. — Алкоголь стимулирует мою умственную деятельность.

— Благодарю. Мою тоже.

— Скажите, а насколько совершенен компьютерный чиновник? Если враги заподозрят подмену...

— Чиновник на экране будет выглядеть не хуже живого. Правда, процесс модуляции занимает время...

— Как много?

— Не беспокойтесь, никто ничего не заметит. Задержка не превышает четырех микросекунд. Компьютер у нас самый современный. Привезли с собой в миниатюре и увеличили с помощью МУВА.

— Объясните, пожалуйста, зачем мы тратим столько усилий на избирательных участках, если у нас есть столь хитроумные машины.

— Выборы, хотя бы внешне, должны выглядеть честными. Если новый мир начнется с явного мошенничества, то честным, справедливым ему уже не быть. Конечно, мы пользуемся жульническими уловками, иначе будем биты, но избирателям об этом знать ни к чему. Пусть остаются в беспечном неведении, считают, что демократия работает сама по себе... А она и будет работать, после выборов!

— Значит, мы изменим распределение голосов в избирательных участках... Вы, наверно, и общий счет голосов знаете?

— Что вы, маркиз, конечно, нет. Компьютерные чиновники появятся только в тех участках, где мы точно знаем, что приспешники Сапилоте подменили ящики для бюллетеней избирателей.

— Но почему? Можно же подделать все голоса в нашу пользу и избежать излишних волнений.

— Нет, пусть народ сам выберет своего президента.

— Какая разница, кто выберет, главное результат.

— Нет, все голоса мы подделывать не будем, это аморально. То, что мы совершаем, незаконно, но вполне соответствует нормам любой, пусть даже самой строгой морали. По поводу необходимости соблюдения моральных норм я вас просвещу как-нибудь в другой раз, а сейчас плесните, пожалуйста, еще по капельке рона — и за работу.

Мы работали не покладая рук, пока Анжелина и маркиза не вытащили нас из-за стола и не сопроводили в поджидающий вертолет.

— Зачем тебе эти побрякушки, дорогой? — спросила Анжелина, указывая на золотые ордена и орденские планки на моей груди.

— Избиратели хотят, чтобы их президент выглядел как президент. Так стоит ли их разочаровывать?

Результаты выборов огласят в оперном театре Приморосо. Традиционно каждые четыре года там собирались сторонники Сапилоте, горячо приветствовали его очередное переизбрание. В этом году в выборах участвовало два кандидата, и результат, как я надеялся, будет иным.

Не исключено, что Сапилоте попытается нас устранить по дороге, поэтому до Приморосо мы долетели в сопровождении тяжеловооруженных вертолетов. На аэродроме нас поджидали автомобили, и до оперного театра мы добрались благополучно. В здании опасаться было уже некого, так как Сапилоте тоже дорожил своей жизнью и по взаимному молчаливому соглашению вооруженные люди внутрь не допускались.

Мы поднялись на сцену. Сапилоте прибыл раньше. Я приветливо помахал ему рукой, он в ответ высморкался и демонстративно харкнул на пол.

— Похоже, генерал-президент сегодня не в лучшем расположении духа, — заметила Анжелина. — Надеюсь, у него на то веские причины.

Празднество было организовано с шиком, шампанское лилось рекой, толпа, поглядывая на огромное табло над нашими головами, неистовствовала. На табло высвечивалось распределение голосов. Сейчас на нем, как перед футбольным матчем, был счет 0:0.

Звякнул колокольчик, люди притихли. На трибуну поднялся председатель комитета по выборам.

— Все избирательные участки закрыты, начался подсчет голосов, — сказал он в микрофон. Зал разразился бурей оваций. — Только что поступили первые результаты из города Кукарача. Кукарача, вы нас слышите?

Экран под табло со счетом засветился, на нем появилось огромное лицо.

— Кукарача на связи. — Чиновник на экране опустил глаза на бумаги в руках. — За Сапилоте прогосо-

вало шестнадцать избирателей, за Харапо... девятьсот восемьдесят. Желаем сэру Харапо крепкого здоровья!

Человек на экране обеспокоенно огляделся и исчез. Ко мне ~~придвинулся~~ маркиз и прошептал на ухо:

— Отлично сделано. Никогда бы не догадался, что говорил не живой человек, а смодулированное компьютером изображение.

— Дела, маркиз, обстоят даже лучше, чем вы думаете. Говорил настоящий человек. И распределение голосов тоже настоящее. Будем надеяться, что и дальше все пойдет так.

Но получилось иначе. Приспешники Сапилоте не дремали, и после следующего сообщения счет оказался не в мою пользу. Так и пошло, из избирательных участков поступали результаты, и после каждого то я вырывался вперед, то — Сапилоте. Так мы с ним и шли голова к голове. Счет на табло постепенно увеличился, напряжение в зале тоже.

— Весьма острые ощущения, — поделился со мной маркиз. — Выборы возбуждают не меньше, чем бои быков. У меня даже в горле пересохло. Я случайно прихватил с собой фляжку с роном девятидесятилетней выдержки. Чертовски хочется глотнуть. Не подскажите, долго ли еще до конца?

— Осталось четыре округа.

— Какие из них наши?

— Не знаю, — признался я. — Давно сбился со счета.

На первом участке победила Сапилоте. На следующем — я, но общий счет все равно остался не в мою пользу. Поступило сообщение из третьего участка. После него я отставал на семьдесят пять голосов.

— Лучше бы мы подделали все сообщения! — воскликнул маркиз.

— А еще лучше — пристрелили бы старого канюка, — недовольно заявила Анжелина.

— Мы — демократы, — сказал я. — Разве забыли? Один гражданин — один голос, и результат неизвестен до самого конца...

— Внимание, леди и джентльмены. Поступил еще один результат. Последний!

На экране над нашими головами появилось очередное лицо, и мы вывернули шеи, сиюсь разглядеть его получше.

— Несказанно рад, что финальный результат принадлежит именно нашему Салисомбре — городу-саду на южном берегу океана... — Чиновник запнулся, слушатели недовольно забормотали, я заскрипел зубами. — В нашем городе по результатам голосования следующие итоги... Минуточку, сейчас сверюсь с записями...

— После выборов первым делом казнь этого шута горохового! — донеслась до нас реплика Сапилоте.

Маркиз кивнул, первый и последний раз соглашаясь с диктатором.

— А, вот и бумаги. Рад сообщить, что жители великолепного города Салисомбра отдали 819 голосов за нашего дорогого генерал-президента Сапилоте...

— Итак, старый негодяй опережает нас на 894 голоса, — прошептала Анжелина. — Придется все-таки его отравить.

— ...А за другого кандидата... Забыл, как его зовут... А, вот мне подсказывают — Харапо... За него отдано... постойте... О господи! — Глаза чиновника округлились, на лбу выступил пот. — Я вынужден сказать, что за него отдано... 896 голосов!

Люди в зале точно с цепи сорвались. Сапилоте покраснел до корней волос и погрозил мне кулаком.

— Вы победили с отрывом в два голоса! — воскликнула Анжелина. — Ты, мой дорогой, и замечательный маркиз де Торрес!

— Правда восторжествовала! — неистовствовал маркиз.

Я встал, поклонился залу, нагнулся, поцеловал Анжелину, обменялся рукопожатием с де Торресом и, показав Сапилоте нос, подошел к микрофону. На меня были нацелены десятки камер, от шума закладывало уши. Я поднял руки, призывая зал успокоиться. Гвалт стих лишь минуты через три-четыре, и я заговорил:

— Спасибо, друзья, спасибо. Я скромный человек... — Анжелина захлопала в ладоши, и зал поддерживал ее. Ожидая тишины, я стоял и улыбался. Наконец смог продолжить: — Как я уже сказал, я скромный

человек и от волнения едва говорю. Но публика меня просит выступить, и я выступаю. В эту историческую минуту я торжественно обещаю...

Выстрела я не услышал. Меня отбросило на несколько метров и швырнуло на спину. Моя голова безвольно упала на грудь. Последнее, что я увидел — расплывшееся по сорочке кровавое пятно...

Послесловие

Не исключаю, что где-то на задворках планеты есть люди, не знающие меня. Для них представляюсь. Мое имя — Рикард Гонсалес де Торрес, маркиз де ла Роса. Выполняя просьбу историков Параисо-Аки, я записываю события того черного дня нашей планеты дня. Я — не профессиональный писатель, но мужчины из рода Торрес как бы ни были обременены заботами, никогда не уклонялись от ответственности. Не уклонюсь и я, ведь мне больше других известно об обстоятельствах дела.

Начну, как и должно начинать рассказ, с начала.

Я сидел позади благородного сэра Гектора Харапо, этого джентльмена, ученого, любящего и любимого отца. Любой самый возвышенный эпитет слишком беден для него. Но я отвлекся... Я сидел позади него, а он обращался к залу, к миру, ко всей Галактике. Это был час нашей величайшей победы, час, когда ненавистный Сапилоте потерпел сокрушительное поражение в ходе честных демократических выборов; сэр Харапо стал президентом Параисо-Аки, а ваш покорный слуга — вице-президентом. Мир в ту историческую минуту стал чище, лучше.

Прогремел выстрел. Стреляли из крошечного окошка под потолком, которым, как я полагаю, пользуются осветители или техники в ходе спектакля. Я видел, как

от удара пули дрогнуло тело дорогого мне человека и он упал. Через мгновение я был рядом. В его глазах еще светилась жизнь, но взор его с каждой секундой тускнел. Я встал перед ним на колени, взял его ладонь в свою. Из последних сил он слабо сжал мою ладонь.

— Друг мой... — Он вдруг закашлялся, его губы посинели. — Дорогой мой друг... Я покидаю этот мир. Продолжи нашу работу... Борись за идеалы справедливости. Будь тверд. Обещай мне... Обещай, что построишь новый мир, мир, о котором мы мечтали вместе...

— Обещаю, я обещаю. — Клянусь, мой голос в ту минуту сорвался от переполнявших меня чувств.

Его глаза закрылись, но, должно быть, он услышал мое обещание, ибо еще крепче стиснул руку. Через секунду он был мертв.

Тут подоспела его верная жена, оттолкнула меня и с необычайной для ее хрупкого тела силой сжала его в объятиях.

— Этого не может быть! — кричала она, и мое сердце обливало кровью. — Этого не может быть! Он жив!.. Врача, скорую помощь! Его спасут...

Его вынесли, но ему уже нельзя было помочь. Я упал на стул и опустил глаза. Впервые я увидел на своей руке его благородную кровь. С трепетом я вытащил из нагрудного кармана носовой платок и прижал его к ладони. Капли крови впитались в тонкий шелк, и тогда я поклялся хранить окровавленный платок как величайшую реликвию.

Своей клятве я верен. Вскоре священный платок был помещен под стеклянный колпак и будет храниться в нейтральных газах вечно. Сейчас, когда я пишу эти строки, реликвия стоит на столе рядом с драгоценной королевской короной, которую нашли в личных покоях негодяя Сапилоте. Похоже, диктатор намеревался короноваться.

Дальнейшее всем хорошо известно. Похороны собрали многотысячные толпы, его скромную могилу до сей поры ежедневно посещают сотни людей.

О судьбе его врагов вы тоже знаете, ведь об этом написано в десятках книг и газет. Вы знаете, как люди в зале оперного театра в едином порыве вскочили на ноги и с криком «Смерть деспоту!» бросились на

Сапилоте, намереваясь разодрать его в клочья. Знаете, как одержимый страхом диктатор скулил перед праведным гневом народа.

В эту минуту вернулась жена благородного сэра Харапо, загородила собой скулящее создание и, подняв над головой руки, обратилась к толпе:

— Слушайте меня, люди Параисо-Аки, слушайте меня! Мой дорогой муж мертв. Его не воскресить, но не предавайте его, не нарушайте мир, ради которого погиб мой муж! В своих деяниях опирайтесь на силу закона, а не на закон кулака и не изменяйте этой заповеди, даже имея дело с такой нечистью, как Сапилоте. Прокляните его за преступления, но не оскверняйте его кровью своих рук. Мой муж всей душой ненавидел убийства, так не совершайте убийство от его имени. Спасибо.

Я закаленный человек, но признаю, в ту минуту в моих глазах стояли слезы. Да и не было тогда в зале человека с сухими глазами. Даже ненавистный Сапилоте расплакался от облегчения.

Вдова благородного сэра Харапо покинула Параисо-Аки на следующее утро. Я провожал ее на космодроме. На трапе она обернулась и помахала мне рукой. За ней в космический корабль прошли двое храбрых юношей, Джеймс и Боливар. Все имущество сэра Харапо осталось в родовом имении, стюарт внес за вдовой лишь два больших чемодана. Люк за их спинами захлопнулся, и с тех пор я их не видел.

Дальнейшие события тоже принадлежат истории. Хотя я и не хотел принимать ответственный пост президента Параисо-Аки, но отказать не смог, ведь такова была последняя воля умирающего. Этот пост я занимаю и поныне, и большинство граждан Параисо-Аки считают, что я не подвел благородного сэра Харапо.

Негодяи, которые терроризировали людей многие годы, предстали перед судом, и их вина была доказана. Мы обратились в Межзвездную лигу правосудия, там наш приговор подтвердили и отправили негодяев на планету-тюрьму Калабосо. Отправили всех, каждого коррумпированного судью и полицейского, каждого гнусного ултимадо. Подобной нечисти не место на

нашей цветущей планете. Калабосо — довольно дикая планета с суровым климатом. Людей-охранников там нет, порядок поддерживают лишь несколько мощных роботов. Чтобы выжить, все заключенные там сами добывают себе хлеб насущный. Негодяи заслужили свою участь, отныне их судьба в их руках, но с планеты-тюрьмы им не выбраться.

Мой рассказ подошел к концу. Как ваш президент я делаю все, что в моих силах, и мир с моим вступлением на пост изменился к лучшему. И все благодаря ЕМУ. ОН будет жив в нашей памяти вечно. Спасибо тебе, дорогой друг. Прощай!

Еще одно послесловие

Как уже говорилось, убить Стальную Крысу много сложнее, чем утомить. Не знаю, какие уж сувениры прихватила с собой Анжелина, возможно, бруски платины или мешочки с золотыми монетами, но чемоданы едва не вырвали мне руки из суставов. Пошатываясь, я поднялся за женой и сыновьями на борт космического корабля. Люк за нами захлопнулся, я с облегчением разжал ладони, и чемоданы грохнулись на палубу.

— Джеймс, Боливар! Не соблаговолит ли кто-нибудь из вас донести эти тяжеленные чемоданы до каюты вместо вашего стареющего отца?

Я прижал кулак к ноющей спине, и мой позвоночник громко хрустнул. Что за благодать! Два пассажира повернулись и удивленно воззрились на нас. Я тут же выхватил проклятые чемоданы из рук Боливара.

— Нет-нет, сэр. Таскать тяжести на корабле — моя работа. Старик Джим донесет их до вашей каюты. Сюда, пожалуйста, мадам и джентльмены, ваши апартаменты там.

Я засеменил по коридору. Моя семья последовала за мной. Лишь только за спиной захлопнулась дверь, я уронил чемоданы и застонал.

— Бедненький мой. — Анжелина подхватила меня под руки и отвела к креслу. — Сядь отдохни, а твоя верная женушка облегчит твои страдания.

Опустившись в кресло, я отлепил от лица седые усы и брови, снял порядком надоевший парик и зашвырнул их в угол. Анжелина открыла ближайший чемодан. Внутри оказались проложенные мягким пластиком темные бутылки. Анжелина достала одну, стерла носовым платком вековую пыль.

— Рон стотридцатилетней выдержки. И довольно изрядное количество. На память о славной планете Парайсо-Аки. Если не возражаешь, налью тебе стаканчик.

— О, свет моей жизни! — воскликнул я. — Ты так добра ко мне!

Выпив рона, я будто заново на свет родился.

— После твоего «убийства» раздобыть для тебя сувенир посущественней я просто не успела.

— Убийство было вроде разыграно неплохо? — впервые после своей «кончины» я говорил с семьей без посторонних. — Ты отличный стрелок, Джеймс. Попал точнехонько в пакет с кровью, но в следующий раз используй калибр помельче. Пуля ударила с такой силой, что меня зашвырнуло на противоположный конец сцены.

— Извини, па, но двести девять метров — приличное расстояние. Для точного попадания мне нужна была прямолинейная траектория, оттого и такой калибр. А твой большой золотой орден, скажу я тебе, прекрасная мишень.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — философски заметил я, отпил еще глоток рона и причмокнул от удовольствия. — Проблем с отходом, надеюсь, у тебя не возникло?

— Все прошло гладко. Боливар поднялся по лестнице через секунду после моего выстрела. Я бросил винтовку на месте, и мы возглавили «погоню за убийцей». Получилось даже лучше, чем мы планировали. Твой старый знакомый, полковник Оливера, тоже включился в преследование, и мы без труда выманили его в пустую темную аллею.

— Глупый, глупый полковник! — не удержался я. — Надеюсь, вы его наградили по заслугам?

— Еще бы. Мы отправили его спецрейсом на планету-тюрьму, роботов запрограммировали посадить его на необитаемом острове и продержат там в полной изоляции три года. Думаю, размышления в одиночестве улучшат его характер.

— Правильно сделали. Пока я в отеле прикидывался туристом, просмотрел несколько выпусков теленовостей. Все вроде выглядело достоверно. Даже мои «похороны». Я сам чуть не поверил, что в гробу настоящее тело.

— Так оно и было. — Анжелина внезапно стала серьезной. — У меня две новости: плохая и хорошая. Начну с плохой. Один из наших был убит ултимато. Ты, может, его помнишь — Адолфо, карточный шулер. Тот самый, что так ловко подменил в Приморосо фальшивые урны для голосования нашими. Его, смертельно раненного, доставили в тот же госпиталь, что и тебя. Умер он через несколько минут. Друзей у него не нашлось, вот мы и воспользовались случаем...

— Жаль Адолфо. Он был неплохим карточным шулером и отличным человеком. Да упокоится тело его в мире. — Я вздохнул и молча выпил в его память. — Ну, а хорошая новость?

— Хорхе и Флавия поженились. Оказывается, они вот уже несколько лет были обручены и поклялись не венчаться, пока их планета не обретет свободу.

— Как романтично. — Я взглянул на помрачневших близнецов. — Не грустите, ребята, в Галактике на вашу долю незамужних дам хватит. Ну, а как дела у настоящего сэра Харапо?

— С ним — полный порядок, — сообщил Боливар. — Мы снабдили его безумно дорогими гериатрическими препаратами Сапилоте и сбрили бороду. В одночасье он помолодел лет на тридцать и теперь вполне сойдет за собственного сына. Он продолжает исследования своего «отца» по выведению нового сорта какой-то там ягоды. Что произошло, он толком не понимает, но верные семье слуги его не оставят.

— По-моему, приключение закончилось как нельзя лучше. Плохие парни наказаны, маркиз возглавляет

спектакль, на Параисо-Аки наконец — мир и спокойствие. А некоторыми эпизодами нашей героической борьбы с несправедливостью и собственной скукой мы можем вполне гордиться.

— Выпьем за это! — Анжелина откупорила бутылку. — Последний бокал шампанского — и я вступаю в Межгалактическое общество трезвенников.

— Вот и отлично, мои запасы рона дольше протянут.

Мы подняли бокалы, чокнулись и выпили. Что за счастье жить в нашей благословенной Вселенной, особенно с такой замечательной семьей, как моя!

Шампанское и древний рон смешались в моем желудке, и живот недовольно заурчал. Через секунду последовал острый приступ гастрита.

Анжелина права, пора в общество трезвенников.

Прикончив напоследок, конечно, бутылки в чемоданах.

Последнее послесловие, авторское

Меня часто спрашивают читатели из разных стран, существует ли такой язык — эсперанто. Для Джима диГриза он родной и для большинства людей, с которыми он встречается по ходу действия книг, тоже. На эсперанто говорят в будущем, но, может, не только в будущем?

Да, эсперанто существует сейчас. Это красивый, живой язык, им владеют миллионы людей во всем мире. На эсперанто издаются сотни полезных книг, журналов и газет. Изучить язык очень легко.

Если вы хотите побольше узнать об этом удивительном языке, вот вам наш со Стальной Крысой совет — отправьте открытку по адресу:

ESPERANTO
P.O. Box 1129
EL Cerrito CA 94530

Пишите! Эсперанто изменит вашу жизнь!

Гарри Гаррисон

Содержание

Ты нужен стальной крысе, роман <i>перевод с английского</i> <i>С. Коноплева, И. Коноплевой</i>	7
Стальную крысу — в президенты, роман <i>перевод с английского А. Соловьева</i>	181

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга четвертая

Ответственный за выпуск *А. Московкин*
Оператор компьютерной верстки *Т. Крукле*

Главный редактор *А. Захаренков*

Редактор *М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Т. Крукле, Е. Ошуркова*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление шмуцтитлов: *А. Сергуниш*

Цветные иллюстрации: *И. Захаревич*

Подписано в печать 20.12.92. Лицензия № 2-0477 Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. листов 21,00. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1726 С—010.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1038, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия
СССР Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Миры Гарри Гаррисона кн. 4 / Пер. с англ.—Рига:
Полярис, 1992.—399 с.

ISBN 5-88132-021-2

**ТЫ НУЖЕН
СТАЛЬНОЙ КРЫСЕ
СТАЛЬНУЮ КРЫСУ—
В ПРЕЗИДЕНТЫ !**